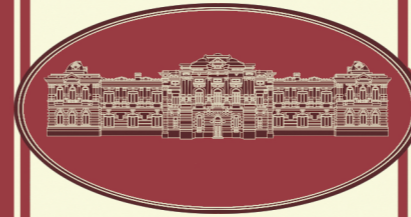

ISSN 2307-1842

Гуманитарный вектор

2014/3 (39)

Серия «История. Политология»

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Серия «История. Политология»

№ 3(39)
2014

ISSN 2307-1842

Гуманитарный ВЕКТОР

Серия
«История. Политология»

Humanitarian Vector
History, Political Science

Gumanitarnyi Vektor
Seriya Istoriya, Politologiya

Издаётся с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Забайкальский
государственный университет»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов,
содержащихся в статьях; высказываемые
взгляды могут не отражать
точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию,
не возвращаются

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией

Адрес редакции

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35–24–79
факс: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.zabvektor.com>

Подписной индекс журнала в каталоге
«Пресса России» **42407**

Электронная версия журнала
размещена на платформе Российской
универсальной научной электронной библиотеки
www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2014

Founded in 1997
Quarterly

Founder

FSBEI HPE “Transbaikal State University”

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals
and editions which publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection
and presentation of the facts contained in their
articles; the views expressed by them do not neces-
sarily reflect the views of the editorial board

The manuscripts submitted to the journal are not
returned

Reproduction of any materials from the journal
is allowed only in coordination
with the editorial board

Address

672007, Chita, 129 Babushkina St.
Phone: 8 (3022) 35–24–79;
Fax: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site

<http://www.zabvektor.com>

Subscription index of the journal
in “Press of Russia” **42407**

The electronic version of the journal is placed
on the platform of the Russian Universal
Scientific Electronic Library:
www.elibrary.ru

© Transbaikal State University, 2014

Гуманитарный Вектор

Серия
«История. Политология»

Humanitarian Vector
History, Political Science

Gumanitarnyi Vektor
Seriya Istoriya, Politologiya

Редакционный совет:

Борис Ванданович Базаров, доктор исторических наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Андре Буржо, доктор социологических наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);

Дэн Цзюнь, профессор, Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР);

Кейдзи Идэ, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония);

Чжен Шупу, доктор филологических наук, профессор (Харбин, КНР);

Михаил Иванович Эпов, доктор технических наук, профессор, академик РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия:

Выпускающий редактор

А. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия)

Члены редколлегии:

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия);

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Масами Изухо, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Editors:

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, corresponding member of the RAS, The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (Ulan-Ude, Russia);

Andre Bourget, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);

Den Tszun, professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China);

Keidzy Ide, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan);

Zhen Chupu, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China);

Mikhail Ivanovich Epov, Doctor of Engineering Science, professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the RAS

Editorial Board:

Main Handling Editors

A. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia)

Editorial board members:

M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);

D. L. Strovsky, Doctor of Political Studies, Associate Professor (Yekaterinburg, Russia);

S. A. Mikhailov, Doctor of Political Studies, Professor (St. Petersburg, Russia);

Masami Izukho, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan)

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей, освещающих события отечественной и всемирной истории, представлены материалы по археологии, источниковедению и историографии российских и зарубежных авторов, мемуары, рецензии, дискуссионные материалы.

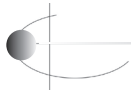
В журнале публикуются результаты научных исследований специалистов по теории, методологии и истории различных отраслей политической науки; результаты прикладных исследований российского и мирового политического процесса, внешнеполитической деятельности, политического, экономического и социального развития государств.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

The journal is a collection of original and review scientific papers on the national and world history, archeology, source studies and historiography of Russian and foreign authors, memoirs, critical reviews, polemical material.

The journal publishes the results of experts' research in the theory, methodology and history of the various branches of political science; the results of applied research of Russian and world politics, foreign policy activities, political, economic and social development of states.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Иванов А. А.</i> «...Слышен звон кандалный»	6
<i>Кушнарева М. Д., Дамешек Л. М.</i> Вовлечение русских крестьян в пушную торговлю в результате переселения на Аянский тракт в 1851 – 1852 гг.	15
<i>Мамкина И. Н.</i> Уездные училища Восточной Сибири в XIX в.	22
<i>Пахомова Е. А.</i> К вопросу о корнях современной российской либеральной идеологии	28
<i>Полянская О. Н.</i> Изучение монгольских народов в Читинском отделении Русского географического общества (рубеж XIX–XX вв.)	34
<i>Савельев А. А.</i> Христианские неорелигиозные движения в современной Бурятии (по материалам сети Интернет).....	44
<i>Савосина Н. Г.</i> Территориальная организация таможенного дела XIX века	51
<i>Фоменков А. А.</i> Зарубежная историография деятельности русских национально-патриотических сил в 1950-е – первой половине 1990-х гг.	58

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

<i>Ванчикова Ц. П., Цэдэндамба С.</i> Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг.	67
<i>Кадиев Д. К.</i> Развитие виноградарства в Дагестане и переселение горцев на равнину в годы Советской власти	73
<i>Курас Л. В.</i> Монголия после Цэдэнбала: от марксизма к социал-демократии	80
<i>Мажитова Ж. С.</i> Полемика вокруг суда биев среди представителей казахской интеллигенции начала XX в. (сравнительно-исторический анализ).....	89
<i>Цыремпилов Н. В.</i> Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями	96

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Блохин И. Н.</i> Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретации толерантности.....	110
<i>Голоусова Е. С.</i> Факт и его интерпретация в СМИ: кризис на Украине глазами зарубежных журналистов (на примере Washington Post, New York Times и др.)	116
<i>Даренский В. Ю.</i> Тоталитаризм как экзистенциальный феномен.....	122
<i>Мельник Г. С.</i> Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий.....	130
<i>Олейников С. В.</i> Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков	136
<i>Троегубов Ю. Н.</i> Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет	143
<i>Чакмак М. С.</i> Позиция СМИ Турции в отношении вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации	148

УГОЛ ЗРЕНИЯ

<i>Мерцалов В. И.</i> История совнархозовской реформы 1957–1965 годов в исследованиях Е. В. Демичева.....	152
<i>Розов Н. С.</i> Механизмы конфликтной динамики и революция в Украине	161

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

HISTORY

Ivanov A. A. "... The Fetter's Ring" is Audible	7
Kushnareva M. D., Dameshek L. M. The Involvement of the Russian Peasants into the Fur Trade as a Result of Relocation to Ayan Tract in 1851–1852	15
Mamkina I. N. District Schools of Eastern Siberia in the XIX th century	22
Pakhomova E. A. To the Question of Modern Russian Liberal Ideology Roots	28
Polyanskaya O. N. Study of the Mongolian Peoples at Chita Department of the Russian Geographic Union (at the turn of XIX–XX)	34
Savelyev A. A. The Christian Neo-Religious Movements in Modern Buryatia (based on the Internet)	44
Savosina N. G. Territorial Organization of Customs Affairs in the 19 th Century.....	51
Fomenkov A. A. Foreign Historiography of the Russian National and Patriotic Forces Activity in the 1950 th – the First Half of the 1990 th	58

ORIENTAL STUDIES

Vanchikova T. P., Tsedendamba S. Religious Situation in Mongolia: 1990–2009	68
Kadiyev D. K. The Development of Viticulture in Dagestan and Mountaineers' Relocation into the Plain in the Period of Soviet Power	73
Kuras L. V. Mongolia after Tsendenbal: from Marxism to Social Democracy	80
Mazhitova Zh. S. Discussions upon the Court of Biys among Kazakh National Intellectuals at the Beginning of the 20 th Century (Comparative-Historical Analysis)	89
Tsyrempilov N. V. When Did Russia Recognize Buddhism? In Pursuit of 1741 Decree by the Empress Elizaveta Petrovna Officially Recognizing of Buddhism by the Russian Authorities	96

POLITICAL SCIENCE

Blokhin I. N. Journalism in Ethno-Political Communications: Tolerance Interpretation	110
Golousova E. S. Fact and its Interpretation in Mass-Media: the Crisis in Ukraine through the Foreign Journalists' View (on the Example of Washington Post, New York Times etc.).....	116
Darenskiy V. Ju. Totalitarianism as Existential Phenomenon	122
Melnik G. S. New (Tactical) Media as a Structural Component of Mobilization Techniques.....	130
Oleynikov S. V. States with the Postponed Political Status: Resonant Space of Information Streams	136
Troyegubov Yu. N. The Combating Problems to Extremism in the Internet	143
Chakmak M. C. Turkish Media Position towards the Crimea and Sevastopol Entering into the Russian Federation.....	148

PERSPECTIVE

Mertsalov V. I. The History of Sovnarkhoz Reform During 1957–1965 in E. V. Demichev's Research	152
Rozov N. S. Mechanisms of Conflict Dynamics and the Revolution in Ukraine.....	161

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 343.255.6(571.54/55)
ББК 63.3(2)253(361)

*Александр Александрович Иванов,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1)
e-mail: ottisk@irmail.ru*

«...Слышен звон кандалный»

Настоящая статья посвящена изучению становления и развития системы этапирования (препровождения) уголовных ссыльных в Сибирь, в том числе и в Забайкалье, в XVII–XIX веках. Несмотря на стойкий научный интерес специалистов к развитию пенитенциарной науки и практики России вообще, этапирование осуждённых как научная проблема самостоятельно не изучалась. Исходя из этого, автор на основе опубликованных разрозненных исторических сюжетов и обнаруженных в архивах материалов поставил цель создать логически законченную историю организации этапирования ссыльных по Московскому тракту из центра страны через Тобольский приказ, Томск, Енисейск, Иркутск, Нерчинск. В статье показано, что система этапирования ссыльных в Сибирь складывалась постепенно, по мере увеличения масштабов наказания ссылкой.

Первоначально арестантов отправляли в сибирский регион нерегулярно, по мере необходимости. В качестве охраны ссыльных выступали стрельцы Разбойного и Сибирского приказов, при этом снабжения продовольствием и одеждой этаплируемых не было. В начале XIX в. в связи с глубоким реформированием системы управления краем принимаются указы о ссыльных и этапах, которые означали начало осуществления комплекса мер по созданию законченной системы сопровождения арестантов. В сибирских губерниях создавались экспедиции о ссыльных, строились этапные тюрьмы, решался вопрос с централизованным снабжением продовольствием и одеждой. Ссыльные следовали к месту назначения в составе этапных партий, их сопровождение поручалось специальным конвойным командам. Система этапирования требовала своего постоянного совершенства и видоизменения. Вместе с тем государственная власть и администрация на местах не предпринимали реальных мер к постепенному реформированию практики применения уголовной ссылки и этапирования в том числе, что свидетельствовало о кризисе самодержавного государства, неспособности к модернизации производственных и общественных отношений.

Ключевые слова: Устав о ссыльных и этапах, уголовные ссыльные, этапные и полу-этапные тюрьмы, конвойные команды, Сибирь, Забайкальская область.

Alexander Aleksandrovich Ivanov,
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: ottisk@irmail.ru

“... The Fetter’s Ring” is Audible

The present article is devoted to studying of formation and development of system of criminals transferring, exiled to Siberia, including Transbaikalia, in the XVII-XIX centuries. Despite the strong scientific interest of experts to the development of penitentiary science and practice of Russia in general, prisoners’ transfer as the scientific problem was not independently studied.

Proceeding from it the author, on the basis of the published separate historical plots and the materials found in archives, set the purpose to create logically finished history of the organization of prisoners’ transfer through the Moscow path from the country center through the Tobolsk Order, Tomsk, Yeniseisk, Irkutsk, Nerchinsk. In the article it is shown that the system of prisoners’ transfer was formed gradually, in process of increase in scales of punishment by the link. Originally prisoners were not regularly sent to the Siberian region, as required. Sagitariuses of the Siberian order acted as protection of exiled, thus there was no practice of provisioning and clothes transported under guard. At the beginning of the XIX century in connection with deep reforming of a control system by region, decrees about exiled and stages, which meant the beginning of implementation of a package of measures on creation of the finished system of prisoners’ escort, are accepted. In the Siberian provinces expeditions on exiled were created, landmark prisons were under construction, the issue with the centralized provisioning and clothes was resolved. Exiled followed to the destination as a part of landmark parties, their maintenance was entrusted to special convoy teams.

The system of prisoners’ transfer demanded the constant perfection and modification. At the same time the government and administration on places did not undertake real measures to reforming of practice of application of the criminal link and prisoners’ transfer including that testified the crisis of the autocratic state, inability to modernization of the production and public relations.

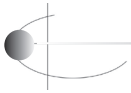
Keywords: charter on exiled and stages, criminal exiled, landmark/semi-landmark prisons, convoy teams, Siberia, Transbaikalia area.

История этапирования арестантов к месту отбывания наказания в Сибирь, несмотря на стойкий интерес исследователей к проблемам функционирования царской и советской пенитенциарной системы, изучена фрагментарно. Эта тема рассматривалась или в контексте исследования уголовной и политической ссылки в целом [19], или истории становления конвойной службы Российской империи [1], а также в качестве неизменного сюжета строительства Московского (Сибирского) тракта [13], как главного сухопутного пути в сибирскую ссылку. Специальных работ, посвящённых организации системы доставки арестантов в Сибирь в историографии нет. Отсюда задача настоящей статьи – дополнить сформированные в науке знания имеющимися в нашем распоряжении источниками и материалами историографического характера.

Российское государство на протяжении XVII–XX вв. целенаправленно использовало территорию Сибири для наказания уголов-

ных и политических преступников. Первые партии ссыльных потянулись из центра страны за Уральский камень уже в 1620–1630-х гг. Их путь повторял основные колонизационные потоки, а местом концентрации стал Тобольск. Отсюда ссыльных отправляли в города региона, а также через Енисейск на Лену. Несколько позже, в 1670–1680-х гг., ссыльные появились и в Прибайкалье.

Ссылка этого периода ещё не носила массового характера: в Сибирь, в том числе и в Забайкалье, отправлялись некоторые, наиболее опасные политические противники государства, участники заговоров и дворцовых интриг, а также «радители за истинную веру». По всей видимости, первым известным политическим ссыльным был здесь протопоп Аввакум. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в Тобольске, в конце 1655 г. – в Енисейске, в октябре 1656 г. – в Братском остроге. С большим трудом Аввакум под присмотром

казаков отряда А. Ф. Пашкова переправился через Байкал и всё лето двигался против течения Селенги и Хилка, достигнув осенью 1657 года Иргень-озера, а затем реки Нерчи [11, с. 33–34].

Из южной части Сибири и Приангарья ссылка достаточно быстро перемещалась за Байкал. Уже в 1681 г. в Баргузинский острог были сосланы с жёнами и детьми в пеший казацкий строй сыны боярские Юрий Крыженковский и Пётр Ярыжкин, провинившиеся в Охотском и Зашиверском острожках. В 1701 г. в Забайкалье были высланы единомышленники «типографщика Григория Галицкаго», напечатавшего «воровские письма», в которых Пётр I назывался антихристом; всего их сослано «семь человек, а с ними пять вдов» казнённых преступников. В 1703 г. могло попасть в Забайкалье небольшое количество астраханских казаков, отправленных за выступления, поднятые «за русскую старину» [17, с. 183].

Несмотря на возрастающее внимание государства к колонизации Сибири ссылкой людям, порядка в их доставке не было. Об этом можно судить, например, из царского указа от 1 февраля 1701 года нерчинскому воеводе стольнику Бибикову. В статье 10-й указа предписывалось расследовать дело о притеснениях и злоупотреблениях боярского сына Петра Мелешкина, который в 1697 г. повел из Тобольска в Нерчинск семейства беглых верхотурских крестьян в числе 624 душ – из этого числа в 1700 г. пришло за Байкал только 403 человека, остальные или умерли от голода, или разбежались [17, с. 135].

Ссылки в пути страдали не только от голода. Огромные расстояния между центром страны и её сибирской окраиной настоятельно требовали обустройства здесь мест для ночлега и отдыха, приготовления и приёма пищи. Между тем колодники отправлялись за Камень не регулярно и системно, а с оказией или специальными партиями под присмотром стрельцов из Разбойного или Сибирского приказов. Только при Петре Великом была построена, по всей видимости, первая пересыльная тюрьма. О её строительстве известно из наказа верхотурским воеводам от 1 сентября 1697 года: «А для присланных вновь в сибирские города всяких сосланных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных сосланных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим береженьем, за сторожью верхотурских служилых людей, а как приспееет время отпуску их

в низовые сибирские города, и их отпускать в те города по московским росписям, кого куда сослать будет указано... по тому же за караулом. А на Верхотурье и в слободах новоприсланных сосланных людей, без указу великого государя и грамот из Сибирского приказа, не оставливать и на всякие чины и пашню не верстать» [13, с. 349].

Массовое движение сосланных по Сибирскому тракту началось с 1760-х гг. 13 декабря 1760 года был принят указ «О приёме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачётом их за рекрут». Помещику предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь. При этом указ определял и основные принципы организации отправки и передвижения таких сосланных: «...А понеже те принимаемые люди, из каждого места отправляемы быть должны по наступлении лета, водяным путем до Самары; того ради всем тем отдатчикам... людей стараться приводить до наступления летнего времени за месяц или менее, дабы в содержании их при тех городах затруднения быть не могло...» [5, с. 496–498].

Как видим, государство стремилось организовать движение так, чтобы высылаемые из разных губерний собирались в одном месте, а именно в Самаре, здесь дожидались летнего времени и затем отправлялись в далёкий край. Как следует из нормативных документов, местом для сосланных по указу 1760 г. был определён Нерчинский уезд Иркутской губернии. Ссылки должны были следовать через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камою до Нового Усолья, далее 310 вёрст пешком до Верхотурья, затем по сибирским рекам до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска.

Отправка в Нерчинск первых же партий выявила «узкие места» этапирования, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. На трудности пути в Нерчинск указывал прежде всего сибирский губернатор Ф. И. Соимонов, сам бывший сосланный, прошедший всю Сибирь до Охотска и обратно. Как известно, после помилования он возглавлял Нерчинскую экспедицию, одной из задач которой было определение в Забайкалье земли «к хлебопашеству годной».

Именно Ф. И. Соимонов предложил не отправлять крестьян в Нерчинский уезд пока там «хлебопашество еще не размножено»,

а основное их количество селить по Иртышской линии. В конце 1760 г. он писал в Петербург, что при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2 151 чел., при переходе незаселёнными болотистыми местами по Кети за семь недель умерло от голода и болезней 517 чел. [15, с. 354–355]. В конечном итоге, сенат по предложению Соймонова решил заселять Забайкалье из ближайших к нему мест, а посылаемых в зачет рекрут крестьян селить «по дороге от Тобольска к Иркутску и до Нерчинска и около него».

С 1761 по 1782 гг. в Сибирь согласно «рекрутским указам» было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола [15, с. 354–355]. Часть этих ссыльных использовались как для строительства, так и для заселения Московского тракта. По данным Г. Ф. Быкони, в 1763 г. здесь уже насчитывалось более 2 700 ссыльных, занятых на отсыпке пути. К 1782 г. их численность значительно выросла и составила около 6 000 душ обоёго пола. Только на Нижнеудинском участке тракта числилось 1 552 поселщика (888 – мужчин и 664 – женщины), что составляло 54,3 % местных крестьян, мещан и купцов. Первые восемь семей ссыльных, приведенных из Казанской губернии, были приняты в Нижнеудинске 1 июля 1769 г. (29 мужчин и 19 женщин). В это же время в Бирюсинский станец в ведение сына боярского Семёна Кузьмина поступило 17 семей ссыльных, в которых было «26 мужских и 19 женских душ». Далее по дороге к Тулуну в 1770-е гг. населили ещё девять зимовий и станций: Хингунскую, Головоключинскую, Шебантурскую, Уковскую, Замзорскую, Ключинскую, Яловскую, Боровскую и Алзаймайскую [10, с. 139].

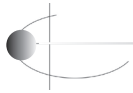
Прибывавшие на место ссыльные за счёт казенных средств строили дома и хозяйственные помещения. Поселенцев освобождали на три года от подушных платежей и повинностей, они получали натуральную ссуду. Ещё в 1766 г. на трёх участках тракта Средней Сибири – Красноярском, Канском и Нижнеудинском – были сооружены хлебные «мангазейны», скупавшие муку у крестьян и затем снабжавшие ею ссыльных. В таких складах-магазинах надлежало иметь от 1000 до 1 500 тыс. четвертей муки. Несмотря на помощь государства, разница в экономическом положении поселщиков, водворённых по Сибирскому тракту и старожилов, была огромной, большая часть ссыльных испытывала постоянную нужду, терпела всяческие лишения [10, с. 150].

В XVII – первой половине XVIII в. Московский тракт проходил так называемым северным путем – через Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень Тобольск, Чаусский острог, Томск, Красноярск, Иркутск. В 1763 г. началось строительство тракта южнее: по линии Казань – Пермь – Екатеринбург – Тюмень – Ялуторовск – Ишим – Тюкалинск – Омск. К 1780-м гг. тракт в основном был заселен и устроен, хотя отдельные участки продолжали заселяться и обустраиваться до 1830-х гг. Длина тракта от границ Пермской губернии до Иркутска составляла 3 188 вёрст, от Иркутска до Кяхты – ещё 522,5 версты [14, с. 86].

Каким порядком производилось следование колодников на такие дальние расстояния? В сохранившихся до наших времен указах, грамотах и челобитных определённого ответа на этот вопрос нет. Имеются лишь разрозненные сведения, из которых можно заключить, что ссыльные шли пешком, закованные в ножные тяжёлые кандалы и ручные железы, причём, нередко несколько человек соединялись вместе на железный прут; самые же важные преступники следовали в колодах или железных ошейниках и на цепи, а менее важные – «просто» в кандалах. Со временем у этапиремого ссыльного были уничтожены колоды и ошейники, затем тяжёлые кандалы заменены облегчёнными, причём женщины совсем избавлены от ножных оков [18, с. 72].

Шёл XIX в., а сибирская ссылка по-прежнему по существу не знала организации: общего «счёта» колодникам не велось, ссыльные, отправленные в места водворения, довольствовались в пути милостыней, на ночлег просились к крестьянам притрактных сёл, а местное начальство нередко задерживало их в своих корыстных целях, используя даровую рабочую силу, где и сколько угодно. Отсутствие порядка в ссыльном деле вело к массовым побегам и как следствие – к появлению огромного количества бродяг. Бродяжничество, преступность беглых – вот что становилось главным результатом ссылки, что хорошо иллюстрируют подсчеты Е. Н. Анучина: из 159 755 ссыльных, проследовавших через Тобольский приказ по Сибирскому тракту за 1827–1846 гг., 48 566 были бродягами и 18 326 – беглыми ссыльными, пойманными и вторично отправленными в Сибирь, что в сумме составляло 42 % всех сибирских ссыльных [9, с. 17–23].

Упорядочение Сибирской ссылки было предпринято в 1820-х гг. и связано с именем М. М. Сперанского. Получив назначение на пост генерал-губернатора Сибири,

Сперанский совместно с будущим декабристом Г. С. Батеньковым разработал «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях», в которых постарался учесть и разрешить большинство накопившихся в «ссылном деле» проблем. Прежде всего, были определены общие принципы, полномочия и порядок работы органов управления ссылкой. Согласно законодательным актам для приема, распределения и учёта ссыльных создавался Тобольский приказ, а на местах – ряд экспедиций о ссыльных: казанская, томская, енисейская и иркутская. С Уставом впервые у ссыльного появились документы – статейный список с указанием имени и фамилии, места рождения и наименованием преступления, за которое он осуждён. К месту наказания такой ссыльный следовал теперь в составе этапной партии в сопровождении конвойной команды под руководством офицера, имевшего также учётные документы на арестантов.

Устав об этапах детальнейшим образом расписывал действия конвойных команд, а также обязанности самих ссыльных. Цитируем, например, два параграфа главы третьей «Движение партий»: «§ 41. Движение каждой партии, принимая начало в назначенный по расписанию недельный день на границе Тобольской губернии с Пермскою и в городах Тобольске, Томске и Красноярске по всему пути продолжается с точностью по назначению, так что на каждую станцию вступает партия один раз в неделю и в известный притом день.

§ 42. Каждая команда препровождает по одной станции с обеих сторон этапа, таким образом:

В тот самый день, когда партия должна по расписанию вступить на лежащую впереди станцию, выступает на онаю этапная команда, и, приняв ввечеру ссыльных, ночует.

На другой день препровождает принятую партию до этапа.

В 3-й день имеет тут растах.

В 4-й препровождает партию далее на следующую станцию и сдает там онаю команду, с соседственного этапа пришедшей.

На 5-й возвращается на этап» [7, с. 234].

Этапы – это несколько деревянных построек, непременно окружённых высокими заборами – палями. В них имелись отдельные помещения для конвойного офицера, конвоя, большие камеры для арестантов-мужчин и поменьше – для женщин и семей. Камеры разделялись коридором, в конце которого была кухня, имелась печь с котлом для кипятка. На окнах крепкие решетки, ка-

меры на ночь запирались, и выставлялся караул. На первый взгляд, эти «придорожные тюрьмы» были сделаны добротнo, на самом деле, в них было всегда холодно и сыро. Картину усиливало огромное количество паразитов, от которых не было спасения, а также полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях, проходя с этапом от центральных губерний страны до Нерчинска, ссыльным и их семьям приходилось существовать по несколько месяцев и даже лет.

Во второй половине XIX в. в деле этапирования установился относительный порядок. Партии арестантов отправлялись из Москвы в конце апреля по Московско-Нижегородской железной дороге специальным поездом. От Нижнего Новгорода до Перми три раза в две недели ссыльных сплавляли на баржах. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю. При отправке из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились числом не более 100–150 чел. Из Томска в Ачинск и далее по Восточной Сибири арестанты следовали пешеэтапным ходом круглый год, выступая из Томска еженедельно.

При таком порядке кормовые деньги на довольствие партий в пути от Москвы до Перми выдавались московским губернским правлением конвойному офицеру московской конвойной команды по числу арестантов при особой кормовой тетради с указанием, кому именно предназначались суммы в размере 10 или 15 к. (для привилегированных) в сутки. Во время весенней распутицы движение по тракту приостанавливалось, но не более как на 2 недели, если это признавалось необходимым.

Движение партий расписывалось заранее и утверждалось на самом высоком уровне. Например, в 1882 г. планировалось отправить из Москвы 11 933 пересыльных арестанта. Отсюда они отправлялись по три раза в две недели, а именно: первая партия – 23 апреля экстренным поездом в составе 140 чел., пересылаемых до Казани; вторая – 27 апреля в составе 217 чел.; третья – 4 мая в составе 250 чел. В таком же порядке продолжалось движение следующих 29 партий. Как правило, в первые партии назначались зимовавшие в Москве, а затем отправлялись прибывшие в город в течение летнего периода и в таком количестве, какое каждый раз признавалось нужным инспектором Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта,

как полным распорядителем движения арестантских партий между Москвой и Тюменью¹.

Между Нижним Новгородом и Пермью также совершалось 32 рейса. Порядок устанавливался следующий: первый рейс – большая баржа «Томск», второй рейс – средняя баржа «Тобольск», третий – малая «Тюмень» и т. д., продолжаясь во всю навигацию. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю по вторникам и пятницам. При следовании из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились не более 100–150 чел., здесь отправка была ежедневной, а именно – с 6 мая по 26 июня на 19 подводах по 114 чел.; с 27 июня по 4 сентября на 18 подводах по 108 чел.; с 5 по 29 сентября по 60 чел. Таким образом, планировалось, что в 1882 году через Екатеринбург проследует 15 408 арестантов, через Тюмень – 17 800, через Томск – около 11 300, Ачинск – 9 300.

На территории Иркутской губернии в 1877 г., например, действовало 28 этапов и полуэтапов. Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, имелись унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые – всего 686 служащих, в том числе 3 фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении. В 1881 г. этапных зданий в губернии было уже 29, из которых на Московском тракте – 26, Амурском – 2 и Кругоангарском – 1².

Подобным же образом устраивался этапный путь и по территории Забайкальской области. Путь арестантов здесь от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из 8 этапов и полуэтапов: Мишихинского, Мысовского, Боярского, Большереченского, Кабанского, Таракановского, Ильинского, Уточкинское. От Верхнеудинска путь тянулся дальше до Нерчинского. Это ещё 25 этапов и полуэтапов. После Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский до Усть-Карийского – 8 этапов; и южная – через Кавыкучи-Ундинский – Больше-Зерентуйский – ещё девять [5, с. 52].

При такой системе Иркутск становился своеобразной перевалочной базой этапного пути по Восточной Сибири. Здесь имела экспедиция о ссыльных, а сам «ссылный путь» раздваивался – часть арестантов отправлялась за Байкал, на Нерчинские казенные заводы и рудники, другие готовились

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. О. Д. 353. Л. 43.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. О. Д. 353. Л. 46–48, 62 об. 63.

к переходу на север губернии и в Якутскую область.

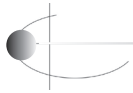
Прибывших с Московского тракта, как правило, размещали под Иркутском – в Александровской центральной каторжной тюрьме, имевшей и свой постоянный контингент заключённых, или в центральной пересыльной, расположенной рядом, в этом же селе. Здесь формировались партии в несколько десятков, а то и сотен человек, которые в сопровождении конвоя отправлялись к месту отбывания наказания. Если арестанты попадали в централ поздней зимой, то обычно ждали до лета и только в июне, после весенней распутицы, двигались дальше. До 1886 г. партии на Якутск отправлялись пешим порядком, причем телеги для ссыльных предоставлялись крестьянами притрактных сел, выполнявшими подводную повинность. Позже было открыто движение по Лене – этап добирался своим ходом до Качуга, оттуда вниз по реке на своеобразных арестантских баржах – «паузках».

Нешуточной проблемой для местных властей всегда было содержание этапных зданий. На их ремонт и поддержание рабочего состояния не было денежных средств, а тех, что выделяло Министерство внутренних дел, катастрофически не хватало. Так, в справке Главного Управления Восточной Сибири за 1872 год отмечалось, что «... между Верхнеудинском и Читой ... этапные и полуэтапные здания построены около 35–40 лет назад ... В Посольске, Кабанске и Ильинске помещения совершенно ветхие и к исправлению негодны. При этом на постройку этапов и полуэтапов составлены были строительные сметы в 37 003 р. 77 к. Однако Высочайше утверждённым мнением, эти суммы были исключены и признано необходимым довольствоваться «ремонтными починами».

Здесь же отмечалось, что в 1872 г. «... из Посольска до Верхнеудинска вообще не существовало казенных этапов и полуэтапов, а только общественные избы, ветхие и тесные», так, что в них помещалось с трудом человек 60 арестантов. Некоторые из них не отапливались «по негодности печей, почему арестанты в зимнее время размещаются по обывательским квартирам, а летом – на дворе»³.

Устав о ссыльных в редакции 1845 г. строго регламентировал продвижение ссыльных по территории Сибири – от Перми до Иркутска. По Забайкалью же до Нерчинских заводов, согласно ст. 341 прим. 1, ссыльные

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 442 б. Л. 237–239.

следовали на основании особого «Высочайше утвержденного расписания об этапах по сему пути». Расписание предусматривало, что: «1) Партия отправляется в сей путь одна после другой, не ранее как через двадцать пять дней, причём должно стараться препровождать с мая до последних чисел сентября шесть партий, а зимой с января до апреля четыре или пять. 2) Из Верхнеудинска не отправлять более шестидесяти человек в партии. 3) Для перевоза ссыльных через Байкал предоставляется генерал-губернатору Восточной Сибири нанимать суда у частных людей и утверждать заключаемые с ними контракты от одного до трёх лет, на счёт государственного казначейства» [6, с. 52].

Ссыльные, прибывшие в Иркутскую губернию после навигации, содержались до весны также и в Иркутском тюремном замке. Зачастую пересылаемые арестанты составляли большую часть заключённых этой тюрьмы. Хроническая переполненность, скученность арестантов, недостаток в одежде и обуви – всё это, безусловно, отрицательно сказывалось на здоровье людей. К месту поселения в Забайкальской области многие из них приходили ослабленными, нуждающимися в лечении.

Через Байкал ссыльных и каторжан переправляли в летнее время на баржах, зимой – по льду. На середине озера был выстроен специальный этап, где устраивался короткий «роздых».

Этапирование арестантов по Сибирскому тракту было весьма затратным. Так, по данным В. Ф. Юферова, в 1869 г. доставка каждого из 14 469 ссыльных в Сибирь обошлась государству в 142 р., или стоила в сумме 2 054 598 р. [8, с. 13]. С годами затраты только увеличивались. По подсчетам Г. Фельдштейна, в конце XIX в. пересылка одного ссыльного до места поселения стоила правительству 125 р. Но если сюда приплюсовать затраты на содержание пересыльных тюрем и стражи, а также учесть повинности сибирского крестьянина (подводную и по препровождению ссыльных внутри волости), то получалось уже 300 р. [21, с. 180]. Если принять во внимание, что весь бюджет ГТУ страны составлял в 1898 г. 13,5 млн р. [20, с. 37], а в Сибирь было отправлено как минимум 10 000 чел., то получается, что затраты только на этапирование забирали не менее 22 % бюджета всего управления.

Этап был тяжёлым испытанием для любого ссыльного. Но вот арестант прибывал в составе этапной партии в областной или

губернский город, затем его в сопровождении конвойной стражи отправляли в уезд в ведение уездных или окружных полицейских управлений, далее в окружении полицейских стражников на крестьянской подводе его доставляли в волостной центр, а оттуда, получив назначение в конкретную деревню, ссыльный следовал так называемым «сельским движением», к месту своего причисления. На этой, конечной, стадии своего этапного похода, ссыльного конвоировали лишь десятские или выборные от крестьянского мира. Дальнейшая судьба такого ссыльного практически полностью зависела от его настроения: он мог дойти до деревни и попытаться приписаться к «обществу», а мог просто свернуть с дороги в тайгу, нисколько не страшась сопровождавших его безоружных крестьян, которые и сами не хотели доставлять своему «миру» такую тяжёлую обузу.

Несмотря на общее, весьма значительное количество ссыльных, ежегодно поступавших в Сибирские губернии, на территории Забайкальской области их оседало сравнительно немного. Из отчёта Забайкальского статистического комитета следует, что в 1877 г., например, здесь было 3 452 каторжника и 10 135 поселенцев, а всего 13 587 чел., что к населению области в 470 700 чел. обоёго пола составляло лишь 2,9 %¹. В 1897 г. ссыльных стало чуть больше – 14 395, в 1911 г. ещё больше – 14 669² чел., однако, в сравнении, например, с Иркутской губернией (14 % от всего населения), надо признать, что число уголовных ссыльных в Забайкалье всегда было (вопреки расхожим представлениям) в целом незначительным.

Из объяснительной записки к проекту министра юстиции о преобразовании каторги следует, что при распределении каторжных на поселение в Забайкалье областное правление руководствовалось следующими соображениями: способных к земледельческому труду причисляли к селениям старожилов Верхнеудинского, Селенгинского и Читинского уездов, неспособных к сельскому хозяйству селили вблизи городских поселений, а дряхлых ссыльных, за недостатком богаделен, размещали в селениях зажиточных старожилов [2, ст. 1980]. Дальнейшая судьба ссыльных на территории Забайкалья – тема другого исследования.

Открытие в Сибири сквозного железнодорожного движения существенно изменило условия этапирования ссыльных. 12 февраля

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 735. Л. 153.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 1912. Д. 24. Л. 21.

1897 г. последовало высочайшее повеление, в силу которого перевозка арестантов от Тюмени до Томска пароходами с 1898 г. должна была прекратиться, а отправление из России в Сибирь партий ссыльных и каторжан следовало совершать исключительно по Сибирской железной дороге [18, с. 73]. Пешее движение арестантских партий по главному Сибирскому тракту отменялось, все этапы и полуэтапы были закрыты, за исключением Тельминского полуэтапа, служившего для пересылки арестантов от железнодорожной станции Тельма до села Александровского к централу и обратно [3, с. 25].

Арестантские этапы передвигались по железной дороге в строго отведённые дни, по преимуществу, один раз в неделю. В течение 1910–1911 гг. в практику пересылки арестантов был введён новый тип специального вагона на 72 и 48 мест. Внутри вагон делился на несколько помещений. Одно – для арестантов, другое – для конвойной команды. Кроме этого, в конце вагона имелось отделение для котла самостоятельного парового отопления и котла-кипяtilьника для чая. Отделение для арестантов было забрано мелкой решёткой, позволявшей конвою постоянно наблюдать за перевозимыми. Здесь располагались ввинченные в пол скамьи, для освещения всего помещения имелись небольшие оконца на высоте двух метров размером 20 x 30 см,

армированные железным прутом. Арестанты довольствовались в пути кормовыми деньгами в размере 10 к. в сутки. Кроме того, на станциях в Челябинске, Красноярске, Иркутске они получали горячую пищу. Сопровождение арестантов осуществлялось чинами конвойной стражи. В 1910 г. функционировало 537 таких команд, в том числе 19 – в Сибири [4, с. 69–73].

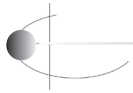
Как видим, система этапирования ссыльных через Сибирь складывалась постепенно. С 1720-х гг. в Сибирь отправляли участников дворцовых интриг и переворотов, стрельцов, казаков-бунтовщиков, крестьян, уголовных преступников, бродяг. В XVIII в. Московский тракт был разбит на этапы и полуэтапы, партии арестантов передвигались в сопровождении конвойной стражи. «Невольное путешествие» могло продолжаться более года и являлось тяжёлым испытанием для ссыльного. В начале XX в., с установлением сквозного движения по Сибирской магистрали, условия этапирования значительно изменились, однако, большая часть проблем этого института: недостаток финансирования, неэффективность использования каторжного труда, несовершенство законодательной базы, – так и остались вплоть до марта 1917 года, что свидетельствовало о кризисе государственной власти и неспособности существовавшего строя к модернизации.

Источники

1. Давыдов Б. Б., Некрасов В. Ф., Сысоев Н. Г. Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы. М.: Экзамен, 2002. 576 с.
2. Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции о преобразовании каторги // Тюремный вестник. 1913. № 12.
3. Обзор Иркутской губернии за 1899 год. Иркутск: Губернская типография, 1900.
4. Отчёт по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1913.
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 5. М., 1987.
6. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Свод учреждений и уставов о ссыльных. СПб., 1857.
7. Устав об этапах в сибирских губерниях. 22 июля 1822 г. // История Сибири XVI – начала XX вв.: сб. док. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2010.
8. Юферов В. Н. Материалы для тюремной статистики России. СПб., 1873. 262 с.

Список литературы

9. Анучин Е. Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь за 1827–1846 гг. СПб., 1873. 246 с.
10. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981.
11. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. Иркутск, 1979.
12. Забайкалье: краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891.
13. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 568 с.

14. Катионов О. Н. Сибирский тракт. Историческая энциклопедия Сибири. М., 2009. Т. III.
15. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973.
16. Константинов А. В. Каторга и ссылка в XVII – начале XX вв. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. I. Общий очерк. 2-е изд. Новосибирск: Наука, 2002.
17. Краткий очерк истории Забайкалья от древних времён до 1762 года / сост. В. К. Андриевич. СПб.: Военная типография, 1887.
18. Кузовников. К истории ссылки в Сибирь // Тюремный вестник. 1898. № 2.
19. Ссылка в Сибирь: очерк её истории и современного положения. Для Высочайше учреждённой комиссии по отмене ссылки. СПб., 1900. 389 с.
20. Тюремное дело в России: Лекция, прочитанная 18 февраля 1898 года лицеистом XXXIII курса А.П. Саломоном воспитанникам императорского Александровского лицея перед посещением ими Санкт-Петербургских мест заключения. СПб., 1898.
21. Фельдштейн Григорий. Ссылка. Очерки её генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893.

Istochniki

1. Davydov B. B., Nekrasov V. F., Sysoev N. G. Vnutrennyaya i konvoynaya strazha Rossii 1811–1917. Dokumenty i materialy. M.: Ekzamen, 2002. 576 s.
2. Kratkaya ob»yasnitel'naya zapiska k projektu ministra yustitsii o preobrazovanii katorgi // Tyuremnyi vestnik. 1913. № 12.
3. Obzor Irkutskoi gubernii za 1899 god. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya, 1900.
4. Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1911 god. Ch. 1. Ob»yasneniya. SPb., 1913.
5. Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh–KhKh vekov: v 9 t. T. 5. M., 1987.
6. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. XIV. Svod uchrezhdenii i ustavov o ssyl'nykh. SPb., 1857.
7. Ustav ob etapakh v sibirskikh guberniyakh. 22 iyulya 1822 g. // Istoriya Sibiri XVI – nachala KhKh vv.: sb. dok. Kemerovo: Kemerovskii gosuniversitet, 2010.
8. Yuferov V. N. Materialy dlya tyuremnoi statistiki Rossii. SPb., 1873. 262 s.

References

9. Anuchin E. N. Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' za 1827–1846 gg. SPb., 1873. 246 s.
10. Bykonya G. F. Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraya v XVIII v. Novosibirsk: Nauka, 1981.
11. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i dr. ego soch. Irkutsk, 1979.
12. Zabaikal'e: kratkii istoricheskii, geograficheskii i statisticheskii ocherk Zabaikal'skoi oblasti. Irkutsk, 1891.
13. Kationov O. N. Moskovsko-Sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv. Novosibirsk, 2004. 568 s.
14. Kationov O. N. Sibirskii trakt. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. M., 2009. Т. III.
15. Kolesnikov A. D. Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX vv. Omsk, 1973.
16. Konstantinov A. V. Katorga i ssylka v XVII – nachale KhKh vv. // Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast'. Т. I. Obshchii ocherk. 2-е изд. Novosibirsk: Nauka, 2002.
17. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya ot drevnikh vremen do 1762 goda / sost. V. K. Andrievich. SPb.: Voennaya tipografiya, 1887.
18. Kuzovnikov. K istorii ssylki v Sibir' // Tyuremnyi vestnik. 1898. № 2.
19. Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya. Dlya Vysochaishe uchrezhdennoi komissii po otmene ssylki. SPb., 1900. 389 s.
20. Tyuremnoe delo v Rossii: Lektsiya, pročitannaya 18 fevralya 1898 goda litseistom XXXIII kursa A.P. Salomonom vospitannikam imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya pered poseshcheniem imi Sankt-Peterburgskikh mest zaklyucheniya. SPb., 1898.
21. Fel'dshtein Grigorii. Ssylka. Ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya. M., 1893.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014

УДК 339.166 (571.5)
ББК 65.9 (2Р54)

Маргарита Дмитриевна Кушнарера¹,
кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1)
e-mail: rita270880@mail.ru
Лев Михайлович Дамешек,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1)
e-mail: levdameshek@gmail.com

**Вовлечение русских крестьян в пушную торговлю
в результате переселения на Аянский тракт в 1851–1852 гг.**

В статье проанализированы основные причины и предпосылки переселения русских крестьян на Аянский тракт из Тарбагатайской волости. Авторы статьи пришли к выводу, что основными причинами переселения русских крестьян из Забайкалья на Аянский тракт Якутской области стало стремление развивать свой хозяйственный потенциал на новых территориях. В статье отмечается, что в результате переселения на Аян ушли семьи крестьян с высоким экономическим потенциалом. Авторы статьи отмечают, что в период действия Русско-Американской компании на территории северо-восточной Сибири русские крестьяне-переселенцы установили деловые связи с крупными предпринимателями Сибири, осуществлявшими свои торговые операции через порты Охотского моря. Кроме того, знание экономических особенностей края позволило крестьянам-переселенцам после закрытия Русско-Американской компании продолжить своё экономическое развитие и начать поставки продуктов питания на золотые прииски Ленско-Олекминской системы. В заключительной части исследования авторы указывают важную роль устройства складов в Нелькане А. М. Кушнаревым, одним из крестьян-переселенцев на Аянский тракт. Подобные склады имели стратегическое значение, поскольку Нелькан в конце XIX в. приобретает статус товарно-распределительного пункта, где разгружались товары, привезённые морским путем, и формировались партии пушны для отправки на заграничные рынки. Таким образом, в результате переселения русских крестьян на Аянский тракт в конце XIX в. формируется первоначальный капитал А. М. Кушнарера. В начале XX в. основной сферой экономической деятельности торгового дома «Наследники А. М. Кушнарера» становится пушная торговля.

Ключевые слова: северо-восточная Сибирь, русские крестьяне, переселение, Аянский тракт, пушная торговля, Олекминские золотые прииски, купечество, Русско-Американская компания.

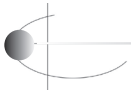
Margarita Dmitrievna Kushnareva²,
Candidate of History, Associate Professor, Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: rita270880@mail.ru
Lev Mikhaylovich Dameshek,
Doctor of History, Professor, Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: levdameshek@gmail.com

**The Involvement of the Russian Peasants into the Fur Trade
as a Result of Relocation to Ayan Tract in 1851–1852**

The article analyzes the underlying causes and preconditions for the Russian peasants' resettlement to Ayan tract of Tarbagatay region. The authors concluded that the main reasons for the Russian peasants' relocation from Zabaikalye to Ayan tract at Yakutsk region were the intention to develop its economic potential in the new territories. The article notes that as a re-

¹ М. Д. Кушнарера – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² M. D. Kushnareva – is the main author, research organizer, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project.

sult of relocation to Ayan, the peasant families with high economic potential left it. The authors note that in the period of the Russian-American company in northeastern Siberia the Russian peasant settlers have established partnerships with major employers Siberia, exercising their trade through the ports of the Sea of Okhotsk. Moreover, knowing the economic features of the region enabled peasant settlers after the close Russian-American Company to continue its economic development and begin the deliveries of food to the gold mines at Lena-Olekma system.

In the final part of the study authors point out the important role of the warehouses arrangement by A. M. Kushnaryov – one of the peasant settlers on Ayan tract. These warehouses were of strategic importance because Nelkan in the late of the XIXth century acquires the status of commodity-distribution point, where goods were unloaded, brought by sea, and the furs party for shipment was formed for foreign markets. Thus, as a result of the resettlement of the Russian peasants to Ayan tract, at the end of the XIXth century A. M. Kushnarev's initial capital was formed. At the beginning of the XXth century the fur trade becomes the main area of economic activity of the firm «A. M. Kushnarev's Heirs ».

Keywords: North-Eastern Siberia, Russian peasants, relocation, Ayan tract, fur trade, gold mining, merchants, Russian-American Company.

Процесс вовлечения русских крестьян в пушную торговлю на территории северо-восточной Сибири в современной отечественной историографии еще не достаточно изучен. Между тем речь идет о русских крестьянах, сыгравших заметную роль не только в земледельческом освоении новых территорий, но и в организации торговых отношений на северо-востоке Сибири и создании торговых предприятий. Во второй половине XIX в. Сибирь испытывала экономический подъём, связанный с открытием золотых россыпей по рекам Ленско-Витимского и Олекминского бассейнов, а также в связи с деятельностью на территории Якутии Русско-Американской компании. Для обеспечения функционирования Русско-Американской компании на Аянский тракт Якутской области в 1851–1852 гг. были переселены русские крестьяне из Тарбагатайской волости Забайкальской области Иркутской губернии. Данное переселение для некоторых русских крестьян стало толчком к формированию капитала и вовлечению в сферу пушной торговли. Проблема, заявленная в статье, уже имеет некоторую научную разработку.

В большей степени внимание учёных привлекали вопросы хозяйственной деятельности крестьян в Якутии и Забайкалье, развитие ими на новых территориях земледелия. Одним из первых учёных, исследовавших организацию социально-экономических отношений русских переселенцев на территории Якутской области, был И. И. Майнов [8]. В 50-х гг. XX в. появилась книга Г. П. Башарина, в которой автор утверждает, что процесс развития землепользования и аграрных отношений в Якутии под влиянием русских крестьян-переселенцев детерминировал фор-

мирование единого рынка в Якутии в конце XVII – середине XIX вв. [1]. В 70-х гг. XX в. вклад русских крестьян-переселенцев в земледельческое освоение территории северо-восточной Сибири в своих работах описал Ф. Г. Сафронов [12, с. 104]. В 80-х гг. XX в. Шмулевич М. М. указывал в качестве основных причин переселения русских крестьян на Аянский тракт-перенаселение территорий и нехватку свободных земель в Забайкалье [15, с. 26]. На современном этапе отечественной историографии Ф. Ф. Болонев уделил определённое внимание вопросам переселения русских крестьян на Амур и Якутскую область [2, с. 136–138].

Проблемы развития торговых отношений на северо-востоке Сибири «выходцами» из среды русских крестьян во II пол. XIX – нач. XX в. получили некоторое освещение в трудах как дореволюционных, так и современных отечественных историков. Отметим некоторые из них. В 80-х гг. XIX в. в работе Н. М. Ядринцева было выявлено, что экономика Сибири развивается особым способом, при этом во II половине XIX в. в Сибири капитализм ещё не сложился [16]. Начало XX в. в историографии вопроса развития сибирской торговли характеризуется появлением работы В. М. Зензинова, посвящённой рассмотрению особенностей организации пушной торговли русскими купцами с коренным населением северо-восточной Сибири [5]. В 20-х гг. XX в. М. М. Константинов в своей работе одним из первых затронул вопрос формирования крупного капитала в пушной торговле [6]. Г. Х. Рабинович отмечал, что вопрос о происхождении сибирского купечества изучен очень слабо [9]. В 90-е гг. XX в. барнаульские учёные А. В. Старцев и

Ю. М. Гончаров выявили, что на территории северо-восточной Сибири «сложилась группа крупных предпринимателей-пушноторговцев, являвшихся лидерами этой отрасли» [14, с. 94]. К числу крупных фирм, по мнению В. П. Захарова, относились такие торговые дома, как «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарева», «Коковин и Басов» [4].

Анализ историографии проблемы вовлечения русских крестьян в пушную торговлю на территории северо-восточной Сибири позволяет сделать вывод о том, что учёными был рассмотрен широкий круг вопросов по данной тематике. Остаётся слабо исследованными причины переселения русских крестьян из Забайкалья на Аянский тракт Якутской области, их хозяйственная деятельность в период существования Русско-Американской компании. В связи с этим исследование вопросов влияния переселения русских крестьян в Якутскую область на процесс формирования торгового капитала является актуальным и научно значимым, поскольку позволяет по-новому взглянуть на исторические процессы, предшествовавшие появлению на территории северо-восточной Сибири фирм с крупным капиталом.

Таким образом, главной целью настоящего исследования является анализ процесса вовлечения русских крестьян в пушную торговлю в результате переселения на Аянский тракт из Тарбагатайской волости в 1851–1852 гг.

Далее следует обратить внимание на исследование основных проблем, поставленных в данной статье.

В первой части нашего исследования следует отметить причины и предпосылки переселения русских крестьян на Аянский тракт Якутской области во II половине XIX в.

В качестве основной предпосылки переселения выступает необходимость обеспечения продуктами питания рабочих золотых и горных приисков, а также строительство нового Аянского тракта Русско-Американской компанией. «С 1840-х гг. вместо Охотского тракта возник новый, так называемый Аянский тракт. Его появление явилось результатом долгих поисков более удобного пути от Якутска к Охотскому побережью. Тракт этот был проложен Российско-Американской компанией, заинтересованной в подыскании более безопасной гавани для морских судов и менее трудной дороги в Якутск для переброски грузов» [11, с. 24]. В 1851 г. правительство принимает решение о необходимости добро-

вольного заселения станций Аянского тракта крестьянами Забайкалья¹. Особое внимание привлекали семьи крестьян-старообрядцев, которым правительство указало на льготы при переселении, то есть сложение недоимок, освобождение от платежа податей и повинностей на 20 лет, наделение участками в 15 десятин на Аяском тракте, сенокосами, выдача пособий, орудий звериного лова².

Далее рассмотрим основные причины переселения русских крестьян на Аянский тракт. По мнению ряда учёных, основными причинами переселения крестьян-старообрядцев из сел Тарбагатайской волости являлись перенаселение территории, нехватка земель и получение пособий на новом месте жительства [2, с. 131–132]. «Переселяется много семей, в которых много девочек, то есть малоземельные, так как на девушек земельный надел не давался» [2, с. 139]. Высокий прирост населения старообрядческих сел отмечал в своей работе М. М. Шмулевич [15, с. 26]. Однако мы считаем, что основной причиной переселения большинства семей крестьян на Аян являлось стремление к освоению новых сфер хозяйственной деятельности, желание развиваться и применять свой экономический потенциал на новых территориях. На Аян ушли самые трудоспособные и экономически сильные семьи русских крестьян. Сделанные нами выводы подтверждают архивные данные о выплате недоимок. В среднем на одну семью крестьянина-переселенца приходилось 12 р. 10 к. недоимок³. Сумма недоимок из расчёта на одну податную душу составляла по ведомости Тарбагатайского Волостного Правления 4 р. 83 к.⁴ Всего на 156 семей приходилось 1 872 р. недоимок⁵. При этом, по данным Тарбагатайского Волостного Правления, все недоимки крестьянами-переселенцами на Аянский тракт были уплачены в полном объёме. Если быть более точными, то эти недоимки были взысканы с крестьян в счёт формирования переселенческого капитала, на выдачу денежных пособий и орудий труда на Аяне⁶. Единственное, что они получили на новом месте жительства – это земельные наделы в условиях вечной мерзлоты и освобождение от рекрутской повинности. Ещё одно подтверждение вывода о том, что на Аян ушли семьи экономически сильных крестьян в поисках применения

¹ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 3.

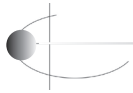
² НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 7.

³ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 359–361.

⁴ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 359–361.

⁵ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 259–361.

⁶ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 337.

своего хозяйственного потенциала, было найдено в Положении Комитета Министров «О переселении» 1851 г. В документе есть пункт о том, что переселявшиеся не должны спрашивать на это разрешения общины. «Освобождаются от обязанности испрашивать от прежних их общественников согласия на переселение, постановленного в XII Т. Свода Законов издательства 1843 г. «Устав о городском и сельском хозяйстве»¹. Данная норма была введена в Положение «О переселении» для того, чтобы создать условия беспрепятственного выхода из общины экономически сильных семей.

Торговая деятельность Русско-Американской компании на территории северо-восточной Сибири открывала для крестьян-переселенцев на Аянский тракт новые экономические перспективы, которых не было в Забайкалье, удалённом от торговых путей. Таким образом, 9 марта 1952 года из сёл Тарбагатайской волости на Аян Якутской области ушло 156 семей, 425 мужчин и 387 женщин². В списки переселенцев вошли семьи, обладавшие способностями и стремившиеся развивать свой экономический потенциал в новых условиях.

Во второй части нашего исследования следует определить основные направления деятельности русских крестьян-переселенцев на Аянском тракте в период существования там Русско-Американской компании.

Итак, основным местом расселения крестьян из Забайкалья стала р. Мая, куда приамгинскими якутами был доставлен крупный рогатый и конный скот. От Якутска до реки Май вдоль тракта было основано 12 станций, отстоявших друг от друга на 20–30 верст, все переселенцы были распределены по станциям равномерно [11, с. 29]. Вскоре население станций было приписано к обществу «Крестьян Аянского тракта», которое строилось на основе взаимовыручки в тяжёлых северных условиях, строгой трудовой и бытовой дисциплины, а также религиозной замкнутости. «Основной обязанностью майских крестьян являлось содержание почтовых станций. Они должны были иметь на каждой станции достаточно транспортных животных для почтовой обывательской гоньбы» [11, с. 30]. Почтовая гоньба и обывательская перевозка на Аянском тракте, по мнению И. И. Майнова, могла приносить русским крестьянам от 320 до 400 р. дохода на один двор, при этом общество выполняло функции организатора процесса [8, с. 7]. Такая хозяйственная деятель-

ность русских крестьян на Аянском тракте позволила им подробнейшим образом вникнуть в условия местной жизни, исследовать все удобные места края для ведения хозяйственной деятельности, изучить специфику товарного оборота Якутской области и приобрести важные для ведения торговли навыки и связи. Кроме того, Аян в конце XIX в. становится привлекательным местом для развития торговли, поскольку по распоряжению Министерства финансов, Иркутская таможня в июне 1871 года на границе Якутской области и Иркутской губернии в с. Нохтуйске Олекминского округа учредила таможенный пункт. С этого времени территория всей Якутской области стала зоной бестаможненного ввоза товаров через Аянский порт, для чего подакцизные товары, в том числе спирт и спиртные напитки растамаживались в Николаевской таможне³.

В заключительной части исследования предпринята попытка выявить источники первоначального накопления капитала и вхождение крестьян-переселенцев в сферу пушной торговли.

После закрытия Русско-Американской компании в 1868 г. права на эксплуатацию портового имущества Аяна у правительства приобрел петропавловский купец I гильдии А. Ф. Филиппеус, который активно начинает развивать доставку грузов в Якутию, сначала по морю через Николаевскую таможню в порт Аян, затем из Аяна зимним путем до Нелькана, а летом на карбасах сплавом по рекам Мае, Алдану, Лене до Якутска⁴. Постепенно развитие торговли Филиппеусом в Якутии через Аян привлекло других купцов. В Аяне появляются такие предприниматели, как И. И. Силин, И. Г. Громов, Н. Д. Эверстов, имевшие в данный период значительные торговые обороты. Они стали доставлять грузы в Якутск через Аян и Нелькан, «но главным товаром, завозившимся в Якутскую область через Аян, являлся чай, закупувавшийся в Шанхае в большом количестве» [11, с. 33]. Развитие частной торговли через Аян и Нелькан оказало влияние на дальнейшее экономическое развитие крестьян-переселенцев из общины «Крестьян Аянского тракта». Между ними и крупными предпринимателями Сибири установились определённые деловые контакты. Аянский порт в 70-х гг. XIX в. являлся стратегическим морским пунктом Российской империи, в который ввозились товары первой необходимости, а вывозилась пушнина, собранная у коренного населения северо-восточной Сибири [11, с. 43].

¹ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 3.

² НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. № 159. Л. 105–130.

³ ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. № 335. Л. 35–37.

⁴ ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. № 145. Л. 16.

В период деятельности Русско-Американской компании некоторые крестьяне с Аянского тракта начали заниматься подрядами по поставке продуктов питания на золотые прииски Ленско-Олекминской системы. Иркутский купец I гильдии И. Г. Громов в 1870–х гг. приобретает в единоличное владение и совместно с другими купцами золотые прииски в Олекминском и Акшинском округах [7, с. 98]. В 1885 г. из верховьев реки Лены на Олекминские золотые прииски приходило 3 парохода. Из Якутска они увозили на золотые прииски Олекминской и Витимской системы рогатый скот, лошадей, мясо, рыбу, скотский жир и масло в большом количестве¹.

Постепенно Олекминские и другие прииски Ленской системы становятся крупными рынками сбыта продуктов сельского хозяйства и товаров первой необходимости [3, с. 5]. Через Аян и Нелькан на Олекминские прииски поставлялись товары повседневного спроса, средства производства, спирт и чай. Из среды «аянских крестьян», переселившихся после закрытия Русско-Американской компании в с. Павловск Якутского округа Якутской области, выделяется крестьянин Акепсим Кушнарев. Получив купеческое свидетельство II гильдии, и наладив деловые связи с Г. В. Никифоровым, уроженцем смежного с Павловском наслега, А. М. Кушнарев начинает заниматься поставками мяса в «живом скоте» на Олекминские золотые прииски [10, с. 252]. В 1871 г. на золотые прииски Олекминска, принадлежавших И. Г. Громову, крестьянином Павловского селения А. М. Кушнаревым было поставлено 250 пудов мяса в «живом рогатом скоте» на пароходе с пристани Якутска. В 1875 г. на прииски тем же пароходом было доставлено 200 пудов мяса из села Павловск². В среднем за поставку одной партии мяса «в живом скоте» на золотые прииски А. Кушнарев получал не менее 3 000 р. прибыли³.

Кроме того, через Аян и Нелькан в промышленные районы северо-восточной Сибири поставлялся спирт, где он обменивался на пушнину. Спирт в пушной торговле играл важную роль, ни одна крупная сделка с пушиной в отдалённых кочевьях промысловиков не заключалась без угощения вином. В среднем бутылка спирта в Булуна стоила 3–10 р., в Верхоянске – 5 р., цена 1 ведра спирта около 300 р. [5, с. 79]. В октябре 1887 г. А. М. Кушнарев поставил из собственного склада в Якутске 18 фляг спирта, в ноя-

бре 1887 ещё две партии в 13 и 40 фляг спирта⁴. Отметим, что интересы А. М. Кушнарева в Верхоянске были направлены, прежде всего, на вхождение в пушную торговлю. Верхоянский округ являлся основным промысловым районом северо-восточной Сибири, где добывались наиболее ценные сорта пушнины⁵. Таким образом, можно предположить, что за вторую половину 1887 г. прибыль от торговли спиртом А. М. Кушнарева в Верхоянске, только по имеющимся скромным данным, могла составить 82 200 р.

Организация меновой пушной торговли с коренным населением северо-восточной Сибири требовала создания складов и торговых пунктов для разгрузки и транспортировки грузов. Нелькан являлся наиболее удобным местом устройства складов для грузов, завозившихся в Якутскую область морским путём через Охотские порты. В 1887 г. А. М. Кушнареву под оброчное содержание из казны была сдана 1 десятина земли в урочище Нелькан для постройки дома и амбара, сроком на 20 лет за плату по 2 р. в год⁶. Постепенно Нелькан превратился в отделение торговых предприятий купцов Громовых, Эверстова, фирмы «Коковин и Басов» и имел значение не только порта со складами товаров, но и пункта распределения пушнины, собранной на северо-востоке Сибири. В Нелькане сосредотачивались значительные партии чая, который шёл из Китая на северо-восток Сибири морским путем. Ни один пароход не мог войти в устье р. Майи и миновать склады Кушнарева, где чай разгружался и хранился для дальнейшей его отправки в промышленные районы для участия в меновой пушной торговле [13, с. 76]. Торговые дома и фирмы, не имевшие возможности разгружать товары в собственные склады в Нелькане, вынуждены были арендовать амбары А. М. Кушнарева по установленным им ценам. Например, в 1887 г. казна арендовала амбар Кушнарева для хранения чая за 30 р. в год⁷. Якутский областной землемер указывал на тот факт, что Нельканская оброчная статья имела «исключительное значение» для развития торговли А. М. Кушнарева, так как в Нелькан с 1898 г. ежегодно стали заходить за чаем пароходы и «следовало ожидать развития пароходства по р. Мае. Берег в том месте представляет удобную пристань для пароходов, так как Мая в этом месте достаточно глубока»⁸.

¹ НАРС (Я). Ф. 343. Оп. 1. № 340. Л. 51 об.

² НАРС (Я). Ф. 12. Оп. 12. № 71. Л. 14, 18.

³ НАРС (Я). Ф. 12. Оп. 12. № 962. Л. 4–4 об.

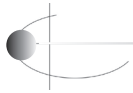
⁴ НАРС (Я). Ф. 25. Оп. 1. № 1375. Л. 1, 7, 8, 10, 13.

⁵ НАРС (Я). Ф. 343. Оп. 1. № 211. Л. 117.

⁶ НАРС (Я). Ф. 12–21. Оп. 12–6. № 2069. Л. 17.

⁷ НАРС (Я). Ф. 12–21. Оп. 12–6. № 2069. Л. 36.

⁸ НАРС (Я). Ф. 12–21. Оп. 12–6. № 2069. Л. 36–37.

В 1916 г. бухгалтер Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников» И. Я. Первалов отмечал, что отсутствие собственных складов фирмы в Нелькане вело к потере американских рынков сбыта пушнины и увеличению стоимости ввозимых обществом в северо-восточную Сибирь товаров¹.

В 1881 г. А. М. Кушнарев получает свидетельство купца I гильдии и начинает интенсивное освоение сферы торговли пушниной². В 1897 г. состояние фирмы А. М. Кушнарера оценивалось в 1 млн р.³ Торговый дом «Наследники А. М. Кушнарера» был зарегистрирован в г. Якутске 9 марта 1903 г.⁴ Распорядителями фирмы стали дети А. М. Кушнарера – П. А. Кушнарев и А. А. Бушуева, а так же вдова Е. М. Кушнарера⁵. Фирма имела право производить скупку пушнины, сырья и мамонтовой кости на территории северо-восточной Сибири⁶. В 1916 г. торговые дома «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарера» вошли в число самых крупных фирм северо-восточной Сибири, капитал товарищества

«Наследники А. М. Кушнарера», вложенный в операции с пушниной составлял 1,5–2 млн р.⁷

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка исследовать некоторые исторические аспекты вовлечения русских крестьян-переселенцев на Аянский тракт в пушную торговлю и истоки создания одного из крупных предприятий в сфере торговли пушниной на территории северо-восточной Сибири. Переселение крестьян из Забайкалья на Аян 1851–1852 гг. и поиск новых источников существования в отдаленных северных условиях стали толчком к вовлечению крестьян-переселенцев в торговую деятельность на территории северо-восточной Сибири. Формированию капитала в среде русских крестьян-переселенцев способствовало установление деловых контактов с предпринимателями, ввозивших свои товары в Якутскую область через порты Аян и Нелькан, поставки спирта и продуктов питания в промышленные районы и на золотые прииски, а так же строительство и размещение складов вблизи портов Охотского моря.

Список литературы

1. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е гг. XVIII – середине XIX вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 428 с.
2. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ.: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 224 с.
3. Гузенков С. В. Золотодобывающая промышленность и аграрный рынок Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. (Экономико-статистическое исследование). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2003. 38 с.
4. Захаров В. П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1995. 137 с.
5. Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области. М.: Наука, 1916. 95 с.
6. Константинов М. М. Пушной промысел и торговля в Якутском крае. Иркутск: Иркутское отд. Гос. изд-ва», 1921. 81 с.
7. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1. Кн. 1 / Д. Я. Резун. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории СО РАН, 1994. 184 с.
8. Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб.: Тип. В. Ш. Киршбаума, 1912. 409 с.
9. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. 327 с.
10. Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт, 1906–1913: фот., док. / Калашников А. А. Якутск: Якутия, 2011. 376 с.
11. Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край. (Пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции). Якутск: Якуткнигоиздат, 1958. 136 с.
12. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVIII – начало XX в.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1961. 495 с.

¹ НАРС (Я). Ф. 420. Оп. 1. № 32. Л. 1–8.

² РГИА. Ф. 630. Оп. 1. № 582. Л. 70.

³ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. № 1081. Л. 13.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. № 1081. Л. 18.

⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. № 1081. Л. 25–27.

⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. № 1081. Л. 27–30.

⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. № 1081. Л. 19.

13. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингового морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Кн. изд-во, 1988. 192 с.

14. Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX вв.): учеб. пособие. Барнаул: Аз Бука, 2007. 214 с.

15. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1985. 284 с.

16. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

References

1. Basharin G. P. Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii (60-e gg. XVIII-seredine XIX vv.). M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 428 s.

2. Bolonev F. F. Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII-XX vv. Ulan-Ude.: Izd-vo BNTs SO RAN, 2009. 224 s.

3. Guzenkov S. V. Zolotodobyvayushchaya promyshlennost' i agrarnyi rynek Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX vv. (Ekonomiko-statisticheskoe issledovanie). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 2003. 38 s.

4. Zakharov V. P. Pushnoi promysel i trgovlya v Yakutii (konets XIX – nachalo XX vv.). Novosibirsk: Nauka, 1995. 137 s.

5. Zenzinov V. M. Ocherki trgovli na severe Yakutskoi oblasti. M.: Nauka, 1916. 95 s.

6. Konstantinov M. M. Pushnoi promysel i trgovlya v Yakutskom krae. Irkutsk: Irkutskoe otdelenie Gos. izd-va, 1921. 81 s.

7. Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri. T. 1. Kn. 1 / D. Ya. Rezun. Novosibirsk: Izd-vo In-ta istorii SO RAN, 1994. 184 s.

8. Mainov I. I. Russkie krest'yane i osedlye inorodtsy Yakutskoi oblasti. SPb.: Tip. V. Sh. Kirshbauma, 1912. 409 s.

9. Rabinovich G. Kh. Krupnaya burzhuzii i monopolisticheskii kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1975. 327 s.

10. Reformatör zemli Yakutskoi gubernator Ivan Ivanovich Kraft, 1906–1913: fot., dok. / Kalashnikov A. A. Yakutsk: Yakutiya, 2011. 376 s.

11. Safronov F. G. Okhotsko-Kamchatskii kraj. (Puti soobshcheniya, naselenie, snabzhenie i zemledelie do revolyutsii). Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1958. 136 s.

12. Safronov F. G. Russkie krest'yane v Yakutii (XVIII – nachalo XX vv.). Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1961. 495 s.

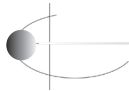
13. Safronov F. G. Tikhookeanskie okna Rossii: iz istorii osvoeniya russkimi lyud'mi poberezhii Okhotskogo i Beringovogo morei, Sakhalina i Kuril. Khabarovsk: Kn. Izd-vo, 1988. 192 s.

14. Startsev A. V., Goncharov Yu. M. Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nachalo XX vv.): ucheb. posobie. Barnaul: Az Buka, 2007. 214 s.

15. Shmulevich M. M. Ocherki istorii Zapadnogo Zabaikal'ya (XVII – seredina XIX vv.). Novosibirsk: Nauka, 1985. 284 s.

16. Yadrinцев N. M. Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhstoletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee. SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1882. 471 s.

Статья поступила в редакцию 25.05.2014

УДК 94(470)16/18
ББК ТЗ(2)5

Инна Николаевна Мамкина,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Уездные училища Восточной Сибири в XIX в.

В статье на основе архивных документов и законодательства Российской империи представлен процесс организации и деятельности уездных училищ Восточной Сибири в XIX в. На основе нормативных актов определён правовой статус училищ, принципы их организации и деятельности, место в системе образования Российской империи. Автор, определяя степень влияния политических событий 1825 г. на деятельность учебных заведений, исследует изменение принципов организации и деятельности уездных училищ. В работе представлен фактический материал по Иркутскому, Киренскому, Красноярскому, Ачинскому, Енисейскому, Верхнеудинскому, Нижнеудинскому, Нерчинскому, Троицкосавскому и Якутскому училищам. Представлены сведения о системе управления учебными заведениями. Изучены виды финансирования уездных училищ, уделено внимание роли общественности в развитии народного образования. Представлены сведения о материальной базе, условиях открытия и деятельности училищ. Приведены статистические данные об изменении численности учащихся, доказывающие положительную динамику и востребованность училищ в период их существования. Приведены сведения о педагогических коллективах, уровне их профессиональной подготовки, биографические сведения ряда преподавателей. Рассмотрены условия поступления и обучения в училищах, организация учебного процесса, представлены сведения об учебных программах и качестве образования. Выявлены факторы, влияющие на развитие системы образования, определена роль уездных училищ в развитии образования Восточной Сибири.

Ключевые слова: история, народное образование, учебные заведения, система образования, тип учебного заведения, управление, уездное училище, учащиеся, преподаватели.

Inna Nikolayevna Mamkina,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

District Schools of Eastern Siberia in the XIXth century

Process of the organization and activity of district schools of Eastern Siberia is presented in the article on the basis of archival documents and the legislation of the Russian Empire in the XIX century. Legal status of schools, the principles of their organization and activity, their place in the educational system of the Russian Empire are defined on the basis of legislation. By identifying the impact of political events of 1825 on activity of educational institutions, the author investigates changes of the principles of district schools organization and activity. The article presents the actual material on Irkutsk, Kirensky, Krasnoyarsk, Achinsk, Yenisei, Verkhneudinsk, Nizhneudinsk, Nerchinsk, Troitskosavsk and Yakut district schools. Information about the management system of higher education is provided. Types of financing of district schools are studied; attention to the role of the public in development of national education is paid. Information about the facilities, the terms of schools activity are provided. Statistical data on changes of number of the pupils proving positive dynamics and a demand for the schools in the period of their existence are given. Information about pedagogical collectives, level of their vocational training, biographic data of a number of teachers are presented. Matriculation and training terms in schools are considered, the organization of educational process, information about training programs and quality of education are submitted. Factors that influence the development of education, are revealed, the role of district schools in the development of education of Eastern Siberia is defined.

Keywords: history, national education, educational institutions, educational system, type of educational institution, management, district school, students, teachers.

Важным компонентом социокультурной среды является образование, формирующее общекультурный и профессиональный уровень развития общества, отвечающий потребностям государства. С начала XIX в. в сфере российского образования начинается процесс формирования нового образовательного пространства, что было вызвано полномасштабными реформами государственно-политической системы, связанными с социально-экономическими и политическими изменениями в стране. Одним из направлений образовательной реформы становится создание новой системы учебных заведений, одним из элементов которой являлись уездные училища.

Уездные училища существовали на протяжении XIX столетия, однако в историографии не получили должной оценки. Среди значительного количества работ по истории образования отсутствует комплексное исследование дореволюционных типов учебных заведений в целом и уездных училищ в частности. Все имеющиеся сведения носят фрагментарный, описательный характер, затрагивая отдельные элементы системы образования. Учитывая указанную проблему, целью данного исследования является обобщение, систематизация, анализ деятельности уездных училищ Восточной Сибири. В ходе работы предполагается дать комплексную характеристику данного типа учебных заведений, оценить организацию учебно-воспитательного процесса, материальную базу, эффективность деятельности училищ.

В 1803 г. Указом Александра I «Об устройстве училищ» в России учреждалось шесть учебных округов, определивших основы новой образовательной системы. Вводилось три ступени школьного образования: приходские училища в сельской местности, уездные училища в уездных городах и гимназии в губернских городах. Все учебные заведения подчинялись университету округа. В 1804 г. указанные положения закрепили в «Уставе учебных заведений подведомственных университету». Там же закреплялись новые принципы образования – бессловное и бесплатное обучение на первой ступени (в приходских училищах), преемственность всех учебных программ.

Базой для создания уездных училищ стали народные училища, образованные по указу Екатерины II. В случае отсутствия в губернии народного училища власти выделяли средства на организацию уездного училища в губернском или уездном городах. В период с

1804 по 1825 гг. по разным источникам в России было открыто более 410 уездных училищ.

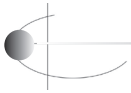
К вступительным экзаменам допускались дети всех сословий, окончивших курс приходского училища или получившие домашнее образование соответствующего уровня. Учебная программа училища в соответствии с 95 статьей Устава рассчитывалась на 28 часов в неделю, а именно: «... каждый день от 9 до 12 часов, до полудни, пополудни же по понедельникам и четвергам от 2 до 5, а по вторникам и пятницам от 2 до 4 часов; сверх того, по средам и субботам от 2 до 4 пополудни обучаются рисованию оба класса вместе»¹. Полный курс обучения составлял два года. Учащиеся изучали: Закон Божий, священную историю, русский язык, чистописание, арифметику, начальные сведения по геометрии, физике и естественной истории, рисование, правописание, правила слога, всеобщую географию и географию Российского государства, отечественную и всеобщую историю, обязательное чтение книги «О должностях человека и гражданина» и «начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности»². Кроме указанных предметов те учащиеся, которые планировали продолжить обучение в гимназии, дополнительно изучали латинский и немецкий языки. Таким образом, учебная программа уездных училищ предполагала получение полного начального образования с возможностью дальнейшего обучения в гимназии.

Политические события 1825 г. послужили отправной точкой реформирования системы образования. В царском манифесте от 13 июля 1826 года причиной декабрьского восстания указывался «...недостаток твердых знаний...» и как следствие вся учебная система признавалась ложной³. Комитет по устройству учебных заведений и Комитет для рассмотрения учебных пособий разработали новый Устав, вступивший в силу в 1828 г. При сохранении организации управления и типов учебных заведений изменились принципы образования – «каждому сословию свой уровень образования»: приходские училища для детей крестьян, уездные – для городских сословий, гимназии – для дворян и чиновников;

¹ Устав учебных заведений, подведомственных университетам. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. 560 с.

² Там же.

³ Высочайший манифест 13 июля 1826 г. URL: <http://www.claw.ru> (дата обращения: 19.03.2014).

изменениям подлежали учебные программы и сроки обучения [14].

С 1828 г. срок обучения в уездных училищах увеличился до трёх лет, из программы обучения исключили изучение книги «О должностях человека и гражданина», физику и естественную историю, правописание, правила слога. Существенно сократились программы по геометрии, географии и истории, увеличилось количество учебных часов по Закону Божьему, дополнительно в программу была включена церковная история. Изучение латинского и немецкого языков запрещалось, что упразднило преемственность между училищем и гимназией. С разрешения МНП в училищах открывались дополнительные курсы для обучения «тем наукам и искусствам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности»¹. Курсы вводились в рамках таких практических направлений как изучение правоведения и судопроизводства в области торговли, экономика и бухгалтерия, технология строительства и архитектура, сельское хозяйство и садоводство.

Таким образом, Устав 1828 г. упразднил связь училища с гимназией, закрепил уездные училища как самостоятельный, закрытый тип учебного заведения для детей мещан. Новые принципы обучения свидетельствовали о стремлении правительства сформировать учебную программу, направленную на сокращение общеобразовательных предметов в пользу получения практических навыков.

Процесс реформирования образования на окраинах страны хронологически не отставал от её центральной части. В Восточной Сибири, входившей в состав Казанского учебного округа, первое уездное училище открылось в Иркутске (1805), затем в Верхнеудинске (1806), Якутске (1808), Троицкосавске (1812), Нижнеудинске (1817), Енисейске (1818), Красноярске (1819), Киренске (1827), Нерчинске (1828), Ачинске (1832) [4]. Однако количественные и качественные показатели развития образования в Восточной Сибири значительно уступали показателям европейской России. Из 22 уездных и 4 губернских городов уездные училища открылись лишь в 10, хотя Устав предписывал организацию училищ в каждом губернском, уездном городах и по мере надобности в иных местах. Одной из причин малого числа училищ является недо-

статочное государственное финансирование системы образования.

В соответствии с Уставом от 1828 г. управление уездными училищами возлагалось на директоров училищ губернии. Примечательно, что функции директора училищ губернии возлагались на директора мужской гимназии, либо в случае отсутствия таковой на директоров прогимназий. Исходя из созданной системы управления Иркутское, Киренское и Нижнеудинское училища находились под контролем директора Иркутской мужской гимназии, Красноярское и Ачинское – директора Красноярской гимназии, Енисейское училище контролировал директор Енисейской прогимназии. Относительно уездных училищ Забайкалья и Якутии главный инспектор Восточной Сибири отмечал, что они «совсем не подчинены директорскому надзору, и обязанности директора по необходимости принимает на себя главный инспектор»². Должность главного инспектора училищ введена в систему управления в 1867 г. [11, с. 13–22].

Содержание уездных училищ осуществлялось из нескольких источников – государственной казны, местных средств и частных пожертвований. Из казны выплачивалось содержание педагогическому коллективу, местные власти изыскивали средства на содержание помещения для занятий и учительских квартир (отопление, освещение). Частные пожертвования не являлись постоянной статьей дохода и были нерегулярны. Как правило, наиболее крупные суммы пожертвований вносились купцами.

Наиболее успешно частное финансирование развивалось в Киренске. На открытие Киренского училища в 1827 г., благодаря деятельности земского исправника Петра Шевелева, местные жители собрали около полутора тысяч рублей, потратив собранные средства на приобретение помещения для занятий. В 1837 г. почетный гражданин Прокопий Медведников подарил училищу два дома и 2 800 р.; в 1870-х г. киренский купец Нератов пожертвовал училищу более 8 000 р.; купец Марков завещал банковский вклад на 3 950 р. для оказания материальной помощи беднейшим ученикам. В 1880-х гг. собрано пожертвований на сумму более 3 000 рублей, потраченных на строительство нового помещения для училища [3].

Ачинское уездное училище долгое время содержалось купцами П. Д. и В. П. Озеровыми [5]. В Верхнеудинске купец А. Д. Шевелев пожертвовал для училища дом, в Троицко-

¹ Устав учебных заведений, подведомственных университетам. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. 560 с.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3173 «Отчёт о состоянии уездных училищ Восточной Сибири 1880 г.». Л. 4.

савске для строительства нового каменного здания купцы собрали 25 000 р., Нерчинское училище получало пожертвования от купцов Бутиных. Якутское училище было открыто по инициативе и на средства якутского князца С. Васильева, позднее пожертвования вносила семья купца Я. Попова. Что касается пожертвований городских обществ, то они были более регулярными, но незначительными. Частные пожертвования в Енисейском и Красноярском уездных училищах не превышали 200 р., и составляли около 6 % от общей суммы выделяемой казной на содержание [1, с. 91–97]. Таким образом, очевидно, что наиболее заинтересованным в образовании сословием было сибирское купечество, которое в ряде случаев само выступало инициатором открытия учебного заведения. Но, как показывают источники, степень участия купечества в организации учебного дела была различной и зависела от субъективных факторов.

Как уже говорилось ранее, на государство возлагалась обязанность комплектования и содержания кадрового состава уездного училища. Штатное расписание в 1804 г. подразумевало наличие двух, а с 1828 г. пяти преподавателей наук и дополнительных дисциплин с гимназическим образованием. В связи с отсутствием в Восточной Сибири учебного заведения для подготовки учителей большинство преподавателей являлись казеннокоштными выпускниками гимназий, учительских семинарий и институтов из центральной России. Они приезжали в Сибирь по распределению, учителей в училищах зачастую было недостаточно.

В статье редактора журнала «Сибирский архив» А. Линькова приводятся сведения о том, что в Киренском уездном училище в течение 80 лет существовала вакансия учителя рисования [8, с. 505–543]. В 1880-х гг. в Восточной Сибири существовало 8 вакансий учителей уездных училищ, из них пять – чистописания и рисования, три – преподавателя наук; из 22 преподавателей соответствующее образование имели только девять человек¹. Через десять лет ситуация не изменилась, несмотря на сокращение числа уездных училищ, в 1890 г. сохранялось семь вакансий учителей чистописания и рисования².

Многие исследователи истории народного образования отмечают низкий образовательный ценз и формальное отношение к работе преподавательского состава уездных

училищ, это замечание справедливо лишь отчасти. Среди кадрового состава уездных училищ встречались талантливые преподаватели с прогрессивными педагогическими взглядами, творчески одаренные личности. В Троицкосавском уездном училище началась педагогическая деятельность известного сибирского поэта, этнографа Дмитрия Павловича Давыдова, в конце XIX в. в училище работали краеведы, археологи Петр Саввич Михно, Александр Павлович Мостиц [10]. В 1835–38 гг. в Нерчинском училище преподавал рисование, черчение, историю и географию будущий сибирский писатель Василий Петрович Паршин, а в 1880-х гг. – один из организаторов Нерчинского краеведческого музея Анатолий Николаевич Малевич [9, с. 224]. В Киренском училище с 1819 по 1828 г. преподавал сибирский краевед, известный натуралист Василий Иванович Седаков [6, с. 70].

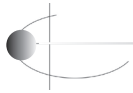
После введения Устава от 1828 г., ориентированного на развитие практических навыков, местная власть по мере сил содействовала введению новых учебных курсов. Помимо общеобразовательной программы, в Иркутском уездном училище ввели изучение бухгалтерии, в Киренском и Верхнеудинском – уроки латинского и немецкого языков, оспопрививание, в Нерчинском – монгольский язык [12, с. 184]. Примечательно, что дополнительные дисциплины Иркутского и Нерчинского уездных училищ ориентированы на нужды купеческого сословия в практическом отношении. Изучение дополнительных языков в Киренском и Верхнеудинском училищах, несмотря на запрет центральных властей, свидетельствует о попытке создания условий для продолжения обучения в гимназии. Позднее и местные власти запретили изучение языков в уездных училищах, прикладные дисциплины могли изучаться только при наличии преподавателя, в которых училища всегда испытывали нужду, и как следствие – дополнительные дисциплины в уездных училищах Восточной Сибири преподавались редко.

Ещё одной проблемой кадрового обеспечения являлась ротация. Как правило, отработав установленный срок, учителя увольнялись и уезжали в центральную Россию, либо переходили в другое ведомство. Жалование уездного учителя составляло 343 р. в год с ежемесячными выплатами в размере 28 р.³ Нищенское содержание являлось одной из причин острого дефицита педагогических

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3173 «Отчёт о состоянии уездных училищ Восточной Сибири 1880 г.». Л. 7.

² Там же. Л. 9.

³ Там же. Л. 7.

кадров в училищах. В то же время ротация на короткий промежуток времени позволяла обеспечивать училища и талантливыми педагогами. В послужном списке уже упомянутых преподавателей не отмечено ни одно уездное училище Восточной Сибири как место работы.

К обучению в уездных училищах допускались дети городских сословий. Общая численность учеников варьировалась от 20 до 150. В Троицкосавском училище в 1813–14 учебном году числилось 66, в 1815–16 гг. – 61, в 1831–32 гг. – 77 чел.; в Верхнеудинском – в 1822 г. обучалось 32, с 1823 г. по 97 г. ежегодно около 100 учащихся; в Иркутском – в 1805 г. на обучение было принято 52 чел., а к 1863 г. количество учеников увеличилось до 138; в Киренском – с 1845 по 1855 гг. обучалось 25 чел., с 1855 по 1865 гг. – 28, с 1865 по 1875 гг. – 38, с 1875 по 1885 гг. – 42, с 1885 по 1895 гг. – 64; в 1853 г. в Якутском уездном училище обучалось 56 учеников; в Енисейском в 1824 г. – 41, в Красноярском в 1821 г. – 47, в 1824 г. – 32 чел. [11].

Статистические данные указывают на положительную динамику, количество учащихся ежегодно возрастало. Наполняемость класса, в среднем составляющая 15–20 чел., сохранялась и в конце XIX в., что свидетельствует о востребованности уездных училищ.

Средний процент успеваемости в уездных училищах не превышал 60%. Учащиеся уходили из училищ, не окончив курс, значительная часть оставалась на повторное обучение и только 12–15 % успешно его заканчивало. Выпускники, как правило, становились мелкими чиновниками и лишь 20 % из них продолжали образование¹.

Несмотря на незначительный процент окончивших уездные училища, известность

получили выпускники Нерчинского уездного училища – просветитель, переводчик, педагог У.-Ц. Онгодов, этнограф, переводчик Б. Р. Рабданов, меценат, золотопромышленник М. Д. Бутин, художник П. Н. Рязанцев; выпускники Верхнеудинского уездного училища – полковник медицинской службы, участник I Мировой войны Базар-Сада Ямпиллов, организатор и первый ректор Восточно-Сибирского университета М. М. Рубинштейн; выпускник Красноярского уездного училища – великий русский художник В. И. Суриков.

В контексте развития образовательного пространства Восточной Сибири уездные училища играют важную роль. В начале своего существования они являлись одним из связующих элементов системы общего образования, осуществляющих начальную подготовку. Изменения 1828 г., вызванные политической реакцией, упразднили преемственность системы, но сохранили уездные училища как самостоятельный, закрытый тип учебного заведения с программой ориентированной на формирование практических навыков у учащихся. Уездные училища долгое время являлись единственным доступным образовательным учреждением для получения образования городских непривилегированных сословий и, несмотря на узость учебной программы, способствовали увеличению числа грамотного населения. На протяжении существования восточносибирских училищ недостаток финансирования и отсутствие квалифицированных педагогических кадров являлись характерной чертой, но, несмотря на все недостатки, они способствовали формированию местной интеллигенции. В конце XIX – начале XX в. уездные училища были преобразованы в городские начальные училища.

Список литературы

1. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В. Народное образование на красноярской земле: первые шаги (Енисейское и Красноярское уездные училища в первой четверти XIX в.) // История науки и образования в Сибири: сб. материалов Всероссийской научн. конф. с междунар. участием. г. Красноярск, 15–16 ноября 2005 г. / отв. ред. Я. М. Кофман. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. С. 91–97.
2. Гаращенко Л. Иркутское уездное училище. Иркпедия. URL: <http://irkipedia.ru> (дата обращения: 10.03.2014).
3. Гаращенко Л. Киренское уездное училище. Иркпедия. URL: <http://irkipedia.ru> (дата обращения: 10.03.2014).
4. Делеско Ю. Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1-му января 1881 г. Иркутск: Типография Восточно-сибирского военного округа, 1881 г. 347 с.
5. История почетного гражданства в Ачинске. URL: <http://adm-achinsk.ru> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Кокоулин К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Памятная книжка. Иркутск, 1895. С. 70.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3182 «Отчёт о состоянии уездных училищ Восточной Сибири 1880 г.». Л. 14.

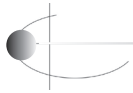

7. Константинова Т. А. Нерчинское уездное училище // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. III: И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 337.
8. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. 1912 г. С. 505–543.
9. Литвинцев А. Ю. Малевич Анатолий Николаевич // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. III: И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 224.
10. Максимов Л. А. Учебные заведения Кяхты–Троицкосавска в дореволюционный период. URL: <http://www.profistar.ru> (дата обращения: 12.03.2014).
11. Мамкина И. Н. Управление учебными заведениями Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) // Вестник ЗабГУ. 2013. № 9 (100). С.13–22.
12. Константинова Т. А. Верхнеудинское уездное училище. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. II: А – З / Гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. С. 184.
13. Оглезнева Т. «Жителям тамошнего края представить способ к обучению». URL: <http://www.sakhaopenworld.org/ilin/2000–2/33.htm> (дата обращения: 12.03.2014).
14. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России до первой половины XIX века // Концепт. 2012. № 12 (декабрь). URL: www.covenok.ru/koncept/2012/12175.htm (дата обращения: 12.03.2014).

References

1. Bykonya G. F, Komleva E. V. Narodnoe obrazovanie na krasnoyarskoi zemle: pervye shagi (Eniseiskoe i Krasnoyarskoe uezdnye uchilishcha v pervoi chetverti XIX v.) // Istoriya nauki i obrazovaniya v Sibiri: sb. materialov Vserossiiskoi nauchn. konf. s mezhdunar. uchastiem. g. Krasnoyarsk, 15–16 noyabrya 2005 g. / otv. red. Ya. M. Kofman. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk.gos.ped.un-t im. V. P. Astaf'eva, 2006. S. 91–97.
2. Garashchenko L. Irkutskoe uezdnoe uchilishche. Irkpediya. URL: <http://irkpedia.ru> (data obrashcheniya: 10.03.2014).
3. Garashchenko L. Kirenskoe uezdnoe uchilishche. Irkpediya. URL: <http://irkpedia.ru> (data obrashcheniya: 10.03.2014).
4. Delesko Yu. Pamyatnaya knizhka (vtoraya) Vostochno-Sibirskogo uchebnogo okruga, sostavlenaya po svedeniyam k 1-mu yanvarya 1881 g. Irkutsk: Tipografiya Vostochno-sibirskogo voennogo okruga, 1881 g. 347 s.
5. Istoriya pochetnogo grazhdanstva v Achinske. URL: <http://adm-achinsk.ru> (data obrashcheniya: 10.03.2014).
6. Kokoulin K. Shkoly i gramotnost' v Kirenskom okruge Irkutskoi gubernii. Pamyatnaya knizhka. Irkutsk, 1895. S. 70.
7. Konstantinova T. A. Nerchinskoe uezdnoe uchilishche // Entsiklopediya Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t. Т. III: I – R / gl. red. R. F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2006. S. 337.
8. Lin'kov A. Rost uchebnogo dela v Vostochnoi Sibiri // Sibirskii arkhiv. 1912 g. S. 505–543.
9. Litvintsev A. Yu. Malevich Anatolii Nikolaevich // Entsiklopediya Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t. Т. III: I – R / gl. red. R. F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2006. S. 224.
10. Maksimov L. A. Uchebnye zavedeniya Kyakhty–Troitskosavska v dorevolyutsionnyi period. URL: <http://www.profistar.ru> (data obrashcheniya: 12.03.2014).
11. Mamkina I. N. Upravlenie uchebnymi zavedeniyami Vostochnoi Sibiri (XIX – nachalo KhKh vv.) // Vestnik ZabGU. 2013. № 9 (100). S. 13–22.
12. Konstantinova T. A. Verkhneudinskoe uezdnoe uchilishche. Entsiklopediya Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t. Т. II: А – Z / Gl. red. R. F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2004. S. 184.
13. Oglezneva T. «Zhitelyam tamoshnego kraya predstavit' sposob k obucheniyu». URL: <http://www.sakhaopenworld.org/ilin/2000–2/33.htm> (data obrashcheniya: 12.03.2014).
14. Pertsev V. V. Gimnazicheskoe obrazovanie v dorevolyutsionnoi Rossii do pervoi poloviny XIX veka // Kontsept. 2012. № 12 (dekabr'). URL: www.covenok.ru/koncept/2012/12175.htm (data obrashcheniya: 12.03.2014).

Статья поступила в редакцию 22.04.2014

УДК 329
ББК 66.1

Елизавета Александровна Пахомова,
кандидат исторических наук, доцент,
Волжская государственная академия водного транспорта
(603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5а)
e-mail: pahomova-e@inbox.ru

К вопросу о корнях современной российской либеральной идеологии

Настоящая статья посвящена анализу источников идей российских либералов конца XX – начала XXI в. Последние, как известно, оказывали до недавнего времени большое влияние на принятие значимых политических решений в стране, что, вне всяких сомнений, свидетельствует об актуальности нашей работы. Выявлены основные корни взглядов представителей российского либерализма рубежа XX–XXI вв. (в первую очередь таких видных его адептов, как Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс, Г. А. Явлинский и некоторых других). Нами проанализировано влияние на современных российских либералов идей неолиберализма, либерального марксизма (здесь российские либералы во многом следует Й. Шумпетеру), а также теории постоянного экономического роста. Кроме того, нами были опровергнуты господствующие в российском обществе идеи об отсутствии у отечественных либералов патриотизма и наличии у них устойчивых русофобских убеждений. В контексте этой проблематики нами были выявлены основные особенности внешнеполитической доктрины российских либералов рубежа XX–XXI вв. (в первую очередь это касается отказа от традиционной имперской внешней политики и необходимости перехода к либерально-имперской политике, особенно в рамках постсоветского пространства).

Ключевые слова: российский либерализм, источники воззрений, неолибералы, монетаризм, патриотизм, русофобия.

Elizaveta Aleksandrovna Pakhomova,
Candidate of History, Associate Professor,
Volga State Academy of Water Transport
(5A Nesterov St., Nizhny Novgorod, Russia, 603000)
e-mail: pahomova-e@inbox.ru

To the Question of Modern Russian Liberal Ideology Roots

This article analyzes the sources of Russian liberals' ideas of the late XXth – the early XXIst centuries. The latest, as we know, had great influence on the adoption of important political decisions in the country. The basic roots of the views of the Russian liberalism representatives of the XX-XXI centuries (especially such prominent adherents as Y. Gaidar, A. Chubays, G. Yavlinsky) are revealed. We analyzed the influence of neo-liberalism, liberal, Marxist theory of continuous economic growth. In addition, we refuted prevailing in Russian society the idea of lack of patriotism and national liberals supposedly their professed Russo-Phobia. In the context of this problem we have identified the main features of the Russian foreign policy doctrine of the Liberals of the XX-XXI centuries.

Keywords: Russian liberalism, sources of views, neo-liberals, monetarism, patriotism, Russo-phobia.

В последние два с небольшим десятилетия представители либерального лагеря играют большую роль в принятии в стране наиболее значимых государственных решений, особенно в области экономики. Как следствие, крайне значимым является вопрос об источниках идейных воззрений современных российских либералов. Разумеется, в рамках одной статьи полностью раскрыть эту тему невозможно. Тем не менее, задача, связанная с выявлением ряда наиболее важных

корней отечественного либерализма рубежа XX–XXI вв., вполне решаема.

Нельзя не отметить, что современный либерализм весьма неоднороден, причём данный тезис касается не только отечественного его варианта. О расколе либерализма и соответственно его неоднородности писал ряд исследователей [17, с. 9–10]. Упомянем также, что в рамках данной статьи будут анализироваться истоки воззрений преимущественно тех представителей российского

либерального лагеря, которые являются наиболее видными идеологами данного направления и были тесно связаны с такими политическими структурами, как «Демократический выбор России», СПС и «ЯБЛоко».

Сразу же отметим, что оппоненты часто обвиняли их в игнорировании отечественного опыта, в том числе и идейных воззрений российских либералов XIX – нач. XX в. [8, с. 438–439; 16, с. 2] По нашему мнению, такая критика отнюдь не бесспорна. Так, например, идея парламентаризма, к которой русские либералы XIX – нач. XX в. относились благосклонно, современными либералами отнюдь не отрицается. Самое же главное заключается в том, что отечественная либеральная идеология, хотя и соответствовала мировым стандартам на рубеже XIX–XX вв. [19, с. 293–294], но по понятным причинам не развивалась более 70 лет, в связи с чем говорить о её преимуществах крайне затруднительно. Никак нельзя игнорировать и того обстоятельства, что за семь десятилетий советской власти за рубежом либеральная идеология претерпела существенную трансформацию под влиянием ряда факторов, и в первую очередь экономических. Как следствие, слепое копирование наработок досоветских отечественных либералов в постсоветских условиях уже было невозможным. Российским адептам либерализма кон. XX века даже поневоле пришлось бы не строить свои планы преобразований, основываясь на трудах западников и кадетов, но обращаться к куда как более современным теоретикам либерализма, являющихся или же являвшихся гражданами совсем других государств.

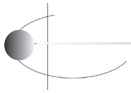
В этой связи нельзя не упомянуть, что едва ли не наиболее значимым источником воззрения российских либералов конца XX в. являются идеи так называемых неолибералов, самые яркие из которых – представители лондонской экономической школы (Ф. А. фон Хайек) и чикагской экономической школы (М. Фридман). По мнению некоторых исследователей, крайне значимым является тот факт, что отличие неолиберализма от либерализма состоит в строгом разграничении неолибералами экономики и «неэкономики». Всё, что относится к политике, религии, идейным течениям, вне сферы их изучения. Для них существует только экономика – и больше ничего. Причем экономика, основанная на эгоистическом поведении индивидов, частной собственности, конкуренции всех со всеми, рыночных законах, свободном спросе и

предложении, равновесных ценах, не зависящих от чьей-то воли [2, с. 11]. При этом нельзя не отметить, что «...неолибералы опять вспомнили А. Смита и забыли Кейнса. ... Их риторика в большей степени направлена в сторону «свободного предпринимательства», «свободного рынка» и «открытой конкуренции» [12, с. 98–99]. В основе её лежала убежденность в способности свободного рынка к саморегулированию, в благотворном влиянии рыночных отношений на все сферы жизни общества. Они отвергали всякое государственное регулирование экономической жизни, считая главным регулятором и двигателем экономического развития свободную конкуренцию [6, с. 166]. Социальные гарантии и т. п. ими по большей части игнорируются.

Часто относительно именно такой разновидности либерализма используется термин «либертариизм». Как пишет политолог А. Панарин: «Либертариизм берёт у классического либерализма одну составляющую – постулат об ограничении вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь; другие составляющие либерализма, относящиеся к плюрализму, терпимости, консенсусу, отставлены в сторону» [15, с. 73]. Именно либертариями часто именовали многих отечественных либералов рубежа XX–XXI вв., в том числе Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса, которые действительно были сторонниками либерального варианта монетаристской теории и придерживались идеи об огромных возможностях рыночной экономики [10, с. 14; 13, с. 74].

В чём-то можно согласиться с критиками российских либералов, отмечавших, что «реформаторы-либералы предложили, а, по существу, навязали России политику догоняющего развития. Эта политика изначально заключала в себе внутреннее противоречие: если процесс глобализации, при всей его неоднозначности, создает определенные новые возможности развития, то политика неолиберального глобализма ограничивает их, поддерживая (и даже увеличивая) дистанцию между лидерами технологического прогресса и «догоняющими» странами. Избрав имитационный путь модернизации (с ориентацией на американскую модель), реформаторы приступили к форсированному внедрению рыночных отношений» [3, с. 383].

Сами либералы (прежде всего А. Б. Чубайс) отвечали оппонентам, что выбор американской модели рыночной экономики (имеется в виду минимальное государственное регулирование) был обусловлен не любовью

к США и не игнорированием опыта Швеции и ФРГ, а тем обстоятельством, что для претворения в жизнь европейских экономических моделей требовалось государство как система институтов, а его по сути в начале 1990-х гг. в России и не было. Иначе говоря, деморализованное и коррумпированное чиновничество по определению не могло качественно регулировать экономику подобно тому, как это было в Швеции и ФРГ [21, с. 314]. Как следствие, американская модель, основанная на идеях М. Фридмана и Ф. А. фон Хайека, стала «путеводной звездой» российских либералов не столько из-за любви последних к чикагской и лондонской экономическим школам, а скорее от отсутствия альтернатив экономического развития страны.

Последнее обстоятельство радикальные реформаторы аргументировали тем, что, во-первых, до прихода правительства реформаторов, начавшего свою деятельность с либерализации цен, никаких реформ в стране не проводилось, было топтание на месте. Во-вторых, развал потребительского рынка, проявившийся в конце 1991 г. в пустых прилавках, не мог быть устранён другим путем. В-третьих, в распоряжении государства не оставалось реальных рычагов власти, поэтому единственной надеждой оставалась саморегулирующая роль рынка [11, с. 37].

Ещё одним важным источником воззрения российских либералов конца XX – начала XXI в. является, как ни странно, марксизм. Данное обстоятельство проявлялось уже, например, в том, что Е. Т. Гайдар видел своей главной целью превращение России в нормальную страну, в органичную часть западной цивилизации, то есть в основе его экономической методологии было вполне марксистское понимание развития, когда более развитые страны показывают менее развитым образ их далекого или не столь далёкого будущего [14, с. 5]. Исследователи считают, что эта парадоксальная, на первый взгляд, традиция заигрывания с Марксом идёт от Йозефа Шумпетера, на которого часто ссылаются Е. Гайдар и В. Мау [22, с. 4].

Представляется, что, если уж говорить в целом о либеральном марксизме, то Маркс может быть интересен не как предсказатель или творец вечных философских истин, а совсем иным: он последний крупный представитель классического направления экономической науки, в значительной мере завершивший процесс её формирования. Той самой, между прочим, классической экономической науки, которая дала наилучшие и наиболее

последовательные образцы действительного либерализма [22, с. 20–21]. Именно этим он и повлиял на либералов, в то числе и российских.

Нельзя также не отметить, что современные левые фактически отказались от марксизма как методологии, базы своего учения. Это неудивительно, поскольку фундаментальный марксистский тезис о соответствии экономических и политических отношений уровню развития производительных сил не внушает оптимизма левым партиям — сторонникам активного перераспределения, централизации и государственного вмешательства в экономику [4, с. 54].

Представления же части оппонентов российских либералов о том, что К. Маркс и ряд его последователей, особенно Л. Д. Троцкий, повлияли на Е. Т. Гайдара и других своей революционностью и неприятием российских традиций, вряд ли следует признавать соответствующими действительности.

Кроме того, из сугубо экономических положений, повлиявших на развитие нынешнего российского либерализма, следует упомянуть идею о современном экономическом росте, предъявляющую специфические требования к развитию экономики (как известно, идеи о возможности «нулевого» роста и спада, предрекавшие, в частности, Римским клубом, пока своего подтверждения на практике не нашли) и идею о проблемах преимущества отсталости (анализ, начатый в своё время А. Гершенкроном) [14, с. 6].

Анализируя источники современной российской либеральной доктрины, нельзя не упомянуть о том, что идеологически неолиберальное течение опирается на социал-дарвинизм и протестантскую мораль [18, с. 43]. Впрочем, указанное обстоятельство касается не всех либералов. Так, например, Г. А. Явлинский и ряд других не являются социал-дарвинистами и высказываются в пользу социально ориентированной рыночной экономики, а партия «ЯБЛоко» выражала интересы не только крупного бизнеса, но и средних слоев населения России, веривших в либеральную идею [1, с. 134].

Нельзя также не отметить, что российские либералы являются западниками. Некоторые их оппоненты даже обвиняли их в том, что они жертвовали российским суверенитетом в пользу стран-членов НАТО [1, с. 133]. Впрочем, такой взгляд представляется нам слишком поверхностным и однобоким. По нашему мнению, российские либералы лишь отчасти являются последователями

западных неолибералов-шестидесятников (последние протестовали против войны во Вьетнаме, а в середине 1990-х гг. их лозунги были подхвачены многими российскими либералами применительно к первой военной кампании в Чечне). Прежде всего современных российских либералов следует охарактеризовать как граждан, обладающих менталитетом налогоплательщика. Как следствие, имперские амбиции, сохранившиеся в обществе с советского периода, радикальными демократами отрицаются по причине их большой затратности и низкой эффективности. Наиболее ярко этот тезис был выражен Е. Т. Гайдаром в статье «Россия XXI века: Не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии». «Если цель – «назло надменному соседу» расширять территории и укреплять личную (или олигархическую) диктатуру внутри страны, то война в принципе вполне осмысленна, надо лишь считать, по силам ли она режиму. Если же цель политики – сохранять демократические свободы и повышать уровень жизни населения, то любая война (в том числе и победоносная) есть война против этой политики. Словом, в классическое определение надо внести дополнение. Война есть продолжение, логическое развитие ИМПЕРСКОЙ политики иными средствами, и война есть гарантированное разрушение, уничтожение ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ политики неадекватными для неё средствами» [5, с. 2].

Впрочем, умеренный империализм, основанный в том числе и на западничестве, по мнению ряда либералов, возможен. Так, идеологией России на всю обозримую перспективу должен стать либеральный империализм, а миссией России – построение либеральной империи. Эта задача была сформулирована явно в подражание американским неоконсерваторам. Россия видится А. Чубайсу как страна, которая замкнет кольцо «великих демократий» Северного полушария, чтобы «на равных» и сообща с США, Европейским союзом и Японией «отстаивать порядок и свободу на земле» [3, с. 391].

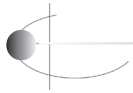
Таким образом, антипатриотизм, в котором часто обвиняли и обвиняют до сих пор российских либералов, в целом им не присущ. Следует вести речь о другом – в условиях перехода от империи к принципиально иному состоянию, а также при трансформации социально-экономической системы у населения отсутствует чёткая система координат. Указанный тезис, например, наглядно иллюстрируется информационной политикой газеты «День». В 1991–1993 гг. это издание

предоставляло возможность высказать свою точку зрения крайне разномастным политикам и мыслителям – от православных клерикалов до исламских фундаменталистов; от ультракоммунистов до умеренных критиков Б. Н. Ельцина, успевших к тому же поработать в исполнительной ветви власти в 1992–1993 гг.; от сторонников возрождения СССР до тех, кто категорически выступал против коренных народов Закавказья и Средней Азии; от ярых антизападников до европейских «новых правых»; от певших осанну генералу А. А. Власову до разоблачающих «власовца» М. С. Горбачёва [7, с. 122].

Разумеется, газета «День» прямого отношения к либералам (в отличие от патриотов!) не имела, но она наглядно демонстрировала, что само понятие «патриотизм» применительно к переходным российским реалиям до крайности размыто. Как следствие, обвинение либералов в антипатриотизме по сути означало, что граждане, любящие свою страну и видящие её евразийской империей, дружащей с исламским миром и КНДР и готовой воевать с США и НАТО, крайне отрицательно относятся к тем, кто тоже любит свою страну, но видит её миролюбивым демократическим государством западного типа. То есть, любовь к Отечеству, она же патриотизм в данном случае, не причём. Кто любит страну сильнее и в чём эта сила измеряется – большой вопрос. Суть в фундаментальной разнице подходов к будущему своей страны.

Нельзя также игнорировать и такой часто приписываемый либералам источник их взглядов, как русофобия (часто применяется также такое определение, как «смердяковщина»). Автором этого термина является бывший диссидент И. Р. Шафаревич. Именно так называлась одна из самых известных его работ. Исходя из представления о русском характере российского государства, И. Р. Шафаревич понимал под русофобией ненависть к России и русскому народу [20, с. 172]. По нашему мнению, само понятие «русофобия» применительно к российским либералам применяется по большей части несправедливо. В самом деле, практически любая критика ситуации в стране, не говоря уже о критике русского этноса, сразу же квалифицируется именно этим термином. При этом обвинители, как правило, даже не пытаются аргументировано опровергнуть критику, исходящую от либералов, но, по сути, просто приклеивают «ярлык» русофоба.

Нельзя, разумеется, не учесть и такого значимого обстоятельства, что масштаб за-

дач, стоявших в 1990-е гг. перед представителями либерального лагеря, был огромен, а количество трудностей на пути их разрешения – тем более. Как следствие, приходилось не полностью копировать иностранный опыт, но постоянно учитывать постсоветскую российскую специфику. Признавалось, что «ни фон Хайек, ни лорд Кейнс,.... не создавали

свои теории применительно к номенклатурно-«азиатскому», находящемуся под мощным криминальным воздействием государству» [9]. Впрочем, в большей степени оригинальную концепцию отечественного либерализма создал социально ориентированный Г. А. Явлинский [23, с. 23–24], а не более правые представители либерального лагеря.

Список литературы

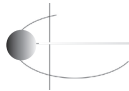
1. Барис Е. В. Особенности эволюции российской партийно-политической системы в постсоветский период и её современное состояние // Труд и социальные отношения. 2009. № 10. С. 132–137.
2. Бокарев Ю. П. Теория модернизации и экономические реформы в России // Вестник Российского гуманитарного университета. 2009. № 3. С. 7–32.
3. Вебер А. Б. Проблемы стратегии российского развития: социально-экономические аспекты // Россия реформирующаяся. 2004. № 4. С. 383–403.
4. Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 28–56.
5. Гайдар Е. Россия XXI века: Не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Известия. 1995. 15 мая. С. 2.
6. Голотик С. И., Елисеева Н. В., Карпенко С. В. Россия в 1992 – 2000 гг.: власть, общество, экономика // Новый исторический вестник. 2002. № 8. С. 221–271.
7. Казинцев А. На пороге дискуссии // Наш современник. 1993. № 3. С. 121–122.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 830 с.
9. Колесников А. Гайдар и Манежная площадь. URL: <http://www.ukrrudprom.ua> (дата обращения: 10.10.2013)
10. Колмыков А. Г. О факторах, препятствующих модернизации российской экономики // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 12–15.
11. Кононкова Н. П. Реформы 90-х годов в оценках экономистов-сторонников постепенного реформирования (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2001. №2. С. 29–49.
12. Кротков В. О. Генезис либеральной идеологии // Вестник ВЭГУ (Уфа). 2005. № 1. С. 95–101.
13. Лившиц В. Н. Какое государство нужно российской экономике: «сильное» или «слабое»? // Экономическая наука современной России. 2004. № 4. С. 68–82.
14. Мау В. Долгосрочные вызовы России и научное наследие Е. Т. Гайдара // Экономическая политика. 2010. № 6. С. 5–11.
15. Мерзляков Р. В. Критика либеральной в публицистике М. Ю. Соколова (газета «Известия») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. Исследования молодых ученых. 2005. № 1–4. С. 73–74.
16. «Остановить либеральную революцию». (Беседа Александра Проханова и Глеба Павловского) // Завтра. 2001. 7 мая. С. 1–2.
17. Петренко А. А. Идея социальных прав человека в либеральных государственно-правовых учениях XX века: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2012. 28 с.
18. Самарин А. Н. Неолиберальный фундаментализм против социальной солидарности // Международные научные исследования. 2010. № 3–4. С. 40–45.
19. Селезнева Л. В. Российский либерализм на рубеже 19–20 веков и европейская политическая традиция: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1996. 313 с.
20. Фоменков А. А. История русского национально-патриотического движения в 1955–1993 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2012. 486 с.
21. Чубайс А. Б. В поисках собственного пути // Приватизация по-российски / под ред. А. Б. Чубайса. М.: Вагриус, 2000. 366 с.
22. Эрперт М. Мифы и реальность либерального марксизма. URL: modules/economics...files/LibrMarx.pdf (дата обращения: 10.10.2013).
23. Явлинский Г. А. Периферийный капитализм: Лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI вв. М.: Интеграл-Информ, 2003. 159 с.

References

1. Baris E. V. Osobennosti evolyutsii rossiiskoi partiino-politicheskoi sistemy v postsovetskii period i ee sovremennoe sostoyanie // Trud i sotsial'nye otnosheniya. 2009. № 10. S. 132–137.
2. Bokarev Yu. P. Teoriya modernizatsii i ekonomicheskie reformy v Rossii // Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo universiteta. 2009. № 3. S. 7–32.
3. Veber A. B. Problemy strategii rossiiskogo razvitiya: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty // Rossiya reformiruyushchayasya. 2004. № 4. S. 383–403.
4. Gaidar E., Mau V. Marksizm: mezhdru nauchnoi teoriei i «svetskoi religiei» (liberal'naya apologiya) // Voprosy ekonomiki. 2004. № 6. S. 28–56.
5. Gaidar E. Rossiya KhKh vek: Ne mirovoi zhandarm, a forpost demokratii v Evrazii // Izvestiya. 1995. 15 maya. S. 2.
6. Golotik S. I., Eliseeva N. V., Karpenko S. V. Rossiya v 1992–2000 gg.: vlast', obshchestvo, ekonomika // Novyi istoricheskii vestnik. 2002. № 8. S. 221–271.
7. Kazintsev A. Na poroge diskussii // Nash sovremennik. 1993. № 3. S. 121–122.
8. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. M.: EKSMO-Press, 2001. 830 s.
9. Kolesnikov A. Gaidar i Manezhnaya ploshchad'. URL: <http://www.ukrudprom.ua> (data obrashcheniya: 10.10.2013)
10. Kolmykov A. G. O faktorakh, prep'yatstvuyushchikh modernizatsii rossiiskoi ekonomiki // Problemy sovremennoi ekonomiki. 2010. № 3. S. 12–15.
11. Kononkova N. P. Reformy 90-kh godov v otsenkakh ekonomistov-storonnikov postepenno reformirovaniya (Obzor) // Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii. 2001. № 2. S. 29–49.
12. Krotkov V. O. Genezis liberal'noi ideologii // Vestnik VEGU (Ufa). 2005. № 1. S. 95–101.
13. Livshits V. N. Kakoe gosudarstvo nuzhno rossiiskoi ekonomike: «sil'noe» ili «slaboe»? // Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii. 2004. № 4. S. 68–82.
14. Mau V. Dolgosrochnye vyzovy Rossii i nauchnoe nasledie E. T. Gaidara // Ekonomicheskaya politika. 2010. № 6. S. 5–11.
15. Merzlyakov R. V. Kritika liberal'noi v publitsistike M. Yu. Sokolova (gazeta «Izvestiya») // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh. 2005. № 1–4. S. 73–74.
16. «Ostanovit' liberal'nuyu revolyutsiyu». (Beseda Aleksandra Prokhanova i Gleba Pavlovskogo) // Zavtra. 2001. 7 maya. S. 1–2.
17. Petrenko A. A. Ideya sotsial'nykh prav cheloveka v liberal'nykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh KhKh veka: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Krasnodar, 2012. 28 s.
18. Samarin A. N. Neoliberal'nyi fundamentalizm protiv sotsial'noi solidarnosti // Mezhdunarodnye nauchnye issledovaniya. 2010. № 3–4. S. 40–45.
19. Selezneva L. V. Rossiiskii liberalizm na rubezhe 19–20 vekov i evropeiskaya politicheskaya traditsiya: dis. ... d-ra ist. nauk. Rostov-na-Donu, 1996. 313 s.
20. Fomenkov A. A. Istoriya russkogo natsional'no-patrioticheskogo dvizheniya v 1955–1993 gg: dis. ... d-ra ist. nauk. Yaroslavl', 2012. 486 s.
21. Chubais A. B. V poiskakh sobstvennogo puti // Privatizatsiya po-rossiiski / pod red. A. B. Chubaisa. M.: Vagrius, 2000. 366 s.
22. Erpert M. Mify i real'nost' liberal'nogo marksizma. URL: <modules/economics...files/LibrMarx.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2013).
23. Yavlinskii G. A. Periferiinyi kapitalizm: Lektsii ob ekonomicheskoi sisteme Rossii na rubezhe XX–XXI vv. M.: Integral-Info, 2003. 159 s.

Статья поступила в редакцию 9.12.2013

УДК 94 (=512.36)
ББК 63.3 (=64)

Оксана Николаевна Полянская,
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а)
e-mail: PolGrab@mail.ru

Изучение монгольских народов в Читинском отделении¹ Русского географического общества (рубеж XIX–XX вв.)

Данная статья – одна из наших публикаций о роли научных обществ России XIX – нач. XX в. в развитии научной школы монголоведения. Большой вклад в изучение монгольских народов внесли такие научные объединения как Императорское русское археологическое общество (1846), Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения средней и Восточной Азии (1903) – два первых объединения специального востоковедного профиля. Особое место в изучении монгольских народов занимает Императорское Русское географическое общество со своими отделами, организовавшее многие научные экспедиции на территории этнического проживания бурят и монголов.

Статья посвящена исследованиям Читинского (Забайкальского) отдела РГО (ЧОПОРГО) в области монголоведения, которое организовало Агинскую экспедицию (1908) с целью изучения хозяйства, культуры, природных условий жизни агинских бурят. Здесь приведены материалы членов экспедиции Д. М. Головачева и В. В. Солдатова, собравших подробные сведения о бурятах Агинской степи и сделавших анализ изменений, произошедших в их хозяйстве с 1897 г. по 1908 г. Фактически их труды стали первыми работами, специально посвящённые агинским бурятам. Имена Д. М. Головачева и В. В. Солдатова можно включить в список российских монголоведов. Кроме того, отмечена роль бурятской интеллигенции в успешном проведении экспедиционных работ: учителей – Бато-Далай Очирова, (Ш)Чойжил-Лхама Базарова (Базарон), буддийского духовенства во главе с Чойнзин Доржи Ирелтуевым – бандито-хамбо-ламой Восточной Сибири и др. Сотрудничество в области монголоведных исследований членов Читинского отделения РГО и представителей бурятской интеллигенции сыграло важную роль в развитии научной школы монголоведения в России. В 2014 г. исполняется 120 лет со дня основания Отделения (1894–2014) – солидная дата в истории этого научного учреждения.

Ключевые слова: научная школа монголоведения в России, научные общества России, Императорское Русское географическое общество, Читинское отделение ПО РГО, монгольские народы, Д. М. Головачев, В. В. Солдатов, Б. Д. Очиров, Ш. Базаров (Базарон).

Oksana Nikolayevna Polyanskaya,
Candidate of History, Associate Professor,
Buryat State University
(24 a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000)
e-mail: PolGrab@mail.ru

Study of the Mongolian Peoples at Chita Department² of the Russian Geographic Union (at the turn of XIX–XX)

This article is one of our publications about the role of the scientific societies of Russia (in the XIX – beginning of the XX cc.) in the development of the Russian scientific school of the Mongolian studies. The great contribution in studying of Mongolian people was carry by the scientific societies of Russia such as: The Imperial Russian archaeological society (1846); The Oriental society (1900) and The Russian committee for research the Middle and Eastern Asia (1903) – the first two unions had the special oriental profile. The Imperial Russian geographic union (RGU) with its departments engages the special place in the Russian scientific school of

¹ Читинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества (ЧОПОРГО), или Забайкальский отдел РГО (ЗОРГО).

² Chita Branch of the Amur Region River Department of the Russian Geographical Society (ChBARRD) / Transbaikal Department of the Russian Geographical Society (TDRGS)

Mongolian studies. It organized many scientific expeditions on the territory of ethnic setting of buryats and Mongols.

This article is devoted to scientific researching of The Chita department (Zabaikalsky) of RGU in Mongolian studying. The Chita department organized the Aginsky expedition (1908) in order to study the economy of cattle-breeding, culture and the steppe's nature. The article shows the materials of D. M. Golovachev, V. V. Soldatov – members of the expedition. They collected materials about the Buryats of the Aginsky steppe and annualized changes in the Buryat's cattle-breeding, things 1897 year to 1908 year. In fact, their papers had become the first special works, devoted to the Buryats of the Aginskaya steppe. Therefore, we can include the Golovachev's and Soldatov's names on the list of Mongolian studying scientists. Besides that this article the notes the rule of the Buryat's intelligentsia in the successful expedition's work; it concerns the great activity the Buryat's teachers: B.-D. Ochirov, Ch. Bazarov, the Buddhist clergy headed by Ch.-D. I. Ireltyev – the heard of the Buddhist church in the Eastern Siberia and same others.

The cooperation of The Chita department's members with the Buryat's intelligentsia has made the important rule in the development of the Russian scientific school of the Mongolian studies. In 2014 year The Chita department of RGU celebrates the remarkable date of its history, 120 years from date of its foundation.

Keywords: Russian scientific school of the Mongolian studies, scientific societies of Russia, The Imperial Russian geographic union (RGU), The Chita department of RGU, Mongolian peoples, D. M. Golovachev, V. V. Soldatov, Ochirov, Ch. Bazarov.

Научные общества России внесли весомый вклад в изучение народов Востока, большинство из них было открыто во II половине XIX – начале XX в. Изначально эти общества не являлись востоковедными, однако с течением времени востоковедная тематика в них стала приоритетной. Особое место в изучении стран Востока занимает Императорское Русское географическое общество (ИРГО) (основано в 1845 г.) со своими Отделами, основанными в разных регионах России, которые занимались изучением восточных народов, проживающих на ее окраинах. Первым в 1851 г. при содействии генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского в Иркутске был открыт Сибирский отдел (СО ИРГО), который в 1877 г. разделился на два – Восточно-Сибирский отдел (ВСОИРГО) в Иркутске и Западно-Сибирский отдел в Омске. В 1894 г. в Хабаровске открылся Приамурский отдел (ПО ИРГО), тогда же начали работу его подотделы (отделения) в Троицкосавске (ТКОПОРГО) и Чите (Забайкальский).

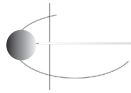
Читинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества проводило и научно-исследовательскую, и просветительскую работу, что определялось общим уставом РГО. С точки зрения просветительской работы Отдел создал музей и научную библиотеку в Чите, астрономическую обсерваторию, дом-базу для летних исследовательских и экскурсионных работ в с. Атамановка близ Читы, Атамановский ботанический сад. Члены Отделения выступали с лекциями и докладами на различные темы для местно-

го населения, а также осуществляли выставочную деятельность. Сельскохозяйственная и промышленная выставки, организованные в 1899 г. в Чите, имели цель дать полную картину хозяйства Забайкалья в момент проведения в крае железной дороги. Для более успешной и динамичной работы в некоторых населённых пунктах Забайкалья (Акше, Бырке, Малете, Нерчинском Заводе и др.) были созданы сельские ячейки Отделения.

Научно-исследовательская деятельность Отделов РГО заключалась в первую очередь в организации научных экспедиций и отдельных поездок с целью изучения определённых территорий. В поле исследовательской деятельности Читинского отделения ПОИРГО входило Забайкалье, где повсеместно проживали буряты. Необходимо отметить неоднократные поездки по местам расселения бурят, в долины рек Онона, Ингоды, Аргуни А. К. Кузнецова¹, К. Д. Логиновского²,

¹ Кузнецов Алексей Кириллович (1845–1928) – краевед, музеевед, фотограф, общественный деятель, революционер. Один из организаторов и председателей Читинского отделения Приамурского отдела РГО (1894), при котором в 1895 г. был создан музей, А. К. Кузнецов был избран его директором. За революционную деятельность неоднократно арестовывался, был приговорен к смертной казне, которую заменили на каторгу. В 1908 г. отправлен на поселение в Якутию, в 1913 г. получил разрешение вернуться в Читу, где восстановил сгоревший музей и стал его директором (до 1927 г.). Занимался археологией, открыл десятки археологических памятников, изучал Кондуйский городок монгольского времени. Награжден большой золотой медалью РГО.

² Логиновский Карп Дмитриевич (1867 – ок. 1924) – этнограф и фольклорист, сотрудник Приамурского отдела РГО, работал в Забайкалье, на Дальнем Востоке и Томске. Занимался изучением истории и этнографии

И. К. Вислоуха¹ и др. Тесный контакт членов и местных жителей, особенно представителей бурятской интеллигенции, обогащал результаты деятельности Отделения и решал социальные проблемы местного населения. Поэтому буряты были заинтересованы во многих предприятиях Отделения, так как это напрямую касалось их жизни. В этом отношении, следует выделить Агинскую экспедицию 1908 г., как наиболее крупную в исследовании Агинской степи. Экспедиция была снаряжена по просьбе и на средства агинских бурят и имела не только научный интерес, но и чисто практическое значение, при проведении землеустройства бурятского населения².

7 октября 1907 года Бато-Далай Очирович Очиров³ и Цугольский волостной⁴ старшина Намдан Дылокович Дылыков вынесли

народов Забайкалья, в том числе бурят, отмечал их влияние на быт и жизнь русского старожильского населения края. Участвовал в экспедициях 1895–1898 гг., организованных военным ведомством, по изучению Маньчжурии. Его работа, посвященная бурятам: Игры бурят Восточного Забайкалья // Читинское отделение Русского географического общества, 1897, а так же есть сведения о бурятах в его публикации «Путевые наброски из поездки по караулам южных степей Забайкалья» // Приамурские Ведомости. 1895. №№ 65, 66, где в № 65 описывает занятие и промысел бурят («о выделке араки»). Награжден малой серебряной медалью РГО.

¹ Вислоух Иван Карлович (1872–1926) – географ. Участвовал в экспедициях 1895–1898 гг., организованных военным ведомством, по изучению Маньчжурии. Автор трудов «Вулканическая область Уюнь-Холдонги в Северной Маньчжурии...» (1911), «Лёс: его значение и происхождение» (1915), опубликованных в «Известиях Императорского Русского географического общества».

² Труды Агинской экспедиции частично были опубликованы: «Записки Забайкальского Отдела» (11 выпусков), «Труды Агинской экспедиции» (5 выпусков) и др.

³ Очиров Бато-Далай (1875–1913) – общественный, политический деятель. Окончил Агинское одноклассное училище и Читинское горное училище. Работал учителем в Агинской школе и в канцелярии Агинской Степной Думы. В декабре 1905 г. в составе бурятской делегации в Петербурге добивался права избрания от бурятского населения депутата в государственную Думу. В 1907 г. избран депутатом II-й Государственной Думы России от забайкальских инородцев. Помогал работе Агинской экспедиции, особенно важно его содействие в производстве переписи бурятского населения как в агинских степях, так и в Монголии. Внес значительный вклад в собирание и сохранение бурятского фольклора [6, с. 232].

⁴ В 1901 г. царским правительством было издано Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», которое упраздняло прежнее, основанное на принципе родового деления административное устройство бурят и эвенков. Буряты жили либо смешанно с другими народами или большими булуками (группами), на основе которых создавались булучные общества. Вместо Степных Дум и инородческих управ вводились волостные правления и т. д.

на обсуждение Совета заявление от агинских бурят о необходимости проведения исследований Агинской степи «в почвенном, ботаническом и оросительном, а также и хозяйственном отношениях». Они, в ожидании проведения землеустроительной политики⁵, согласно закону от 5 июня 1900 года, были обеспокоены, что их лишат возможности свободно передвигаться со скотоводческими стадами, которые являлись основой их кочевой жизни и, мало того, выделяют небольшие участки земли, которые не смогут прокормить скотоводческое хозяйство⁶. В надежде на увеличение наделов им нужны были научные обоснования «исключительной невыгодности положения наделов, а равно в виду особенностей условий быта населения»⁷. Буряты просили начать «беспристрастное и всестороннее изучение» края, результаты которого могли бы стать интересными и для науки, и иметь «жизненно практическое значение» для бурят⁸. Тем более, что это не противоречило уставным задачам Русского географического общества, которые призывали изучать «как естественно-исторические условия страны, так и народности, их быт, нравы, гражданский строй и экономическое благосостояние»⁹. Буряты же обещали «посильную поддержку Отделению в материальном отношении». Тем более что примеры совместной работы Отделения и представителей бурятской интеллигенции по решению различных вопросов уже были. В частности, совместно проводился ремонт здания, построенного по типу дацана – буддийского храма¹⁰, для хранения коллекции

⁵ Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» 1901 г. не только изменяло административное управление бурят, но и вводило существенное урезание занимаемых бурятами земель. Это стало результатом работы Комиссии под руководством действительного статского советника А. Н. Куломзина. В результате изучения землевладения и землепользования в Забайкалье предполагалось, кроме всего, оставить во владении бурят по 15–30 десятин степи на одну мужскую душу (вместо 116,1 десятины). В связи с этим Агинская Степная Дума неоднократно обращалась к влиятельным чиновникам и в правительство с письмами об отмене урезок земель. При этом подчеркивалось, что согласно высочайшей грамоте императора Петра I за 1703 г. земли в агинских степях были закреплены за бурятами на правах собственности.

⁶ Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 14.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Дацан – модель буддийского храма, построен в

буддийского культа ЧОПОРГО. Ремонт дача-музея был сделан в 1908 г. при материальной поддержке почётного члена Отделения Ч.-Д. И. Ирелтуева – бандито-хамба-ламы – главы буддийского духовенства Восточной Сибири¹. Работали над отделкой здания «специально выписанные для того бурятские мастера».

На заявление от бурятской интеллигенции о необходимости проведения исследований в агинских степях Совет ЧОПОРГО ответил «принципиальным согласием» взять на себя естественно-историческое изучение Агинской степи летом 1908 г. Ботанические работы были поручены Г. А. Стукову², исследование водоёмов и рельефа взял на себя А. И. Попов³, зоологическое изучение – П. С. Михно⁴, экономические исследования бурят и руководство статистико-экономическими исследованиями – Д. М. Головачев⁵, который так же выработал формы статистических карточек для подворной переписи,

1899 г. на деньги бурят-буддистов. Строительство было приурочено к открытию сельско-хозяйственной и промышленной выставок. Культовые обряды в нем не исполнялись, здание находилось в ведении ЧОПОРГО для хранения в нем предметов буддийского культа. В 1914 г. здание сгорело при невыясненных обстоятельствах [4, с. 194–195].

¹ В течение 1907 и 1908 гг. было избрано два почётных члена ЧОПОРГО: Ирелтуев Чойнзин -Доржи Ирелтуевич и Стуков Георгий Андреевич

² Стуков Георгий Андреевич – (1845–1912) – краевед, ботаник. Один из учредителей ЧОПОРГО. В результате работы в составе Агинской экспедиции собрал обширный гербарий растений (более 500 видов), который считается одним из самых полных. Автор ряда статей о растительном мире Забайкалья [3, с. 273].

³ Попов Алексей Иванович – межевой инженер, действительный статский советник, общественный деятель. Гласный Городской (г. Чита) Думы (1906–1909), член Совета ЧОПОРГО. Сделал ряд публикаций, в том числе путеводитель по Чите (1907) [4, с. 464].

⁴ Михно Петр Саввич (1867–1938) – учёный, краевед. Член Троицкосавского отделения Приамурского отдела ИРГО. Участник Агинской экспедиции, после в 1910 г. переехал в Акшу, затем Троицкосавск. С 1922 г. директор Кяхтинского музея. Собрал в Забайкалье и пограничных районах Монголии материалы по археологии, ботанике, зоологии, палеонтологии. Совершил ряд экспедиций по долине реки Чикой (Забайкалье), озеро Косогол (Монголия) и др. В 1930 г. награжден малой серебряной медалью РГО [4, с. 267].

⁵ Головачев Дмитрий Михайлович (1866–1914) – литератор, статистик, общественный деятель. В Забайкалье работал с 1887 г., в 1904–1914 г. руководил работой Забайкальского отдела РГО. Участник и организатор работы Агинской экспедиции, в результате переписи населения агинских степей им был сделан подробный анализ о численности, занятиях, вероисповедании, грамотности и т.п. агинских бурят, проследил эволюцию жизни кочевников за период 1897 г. по 1908 г., сравнивая данные Комиссии А. Н. Куломзина и материалы Агинской экспедиции.

формы бюджетных бланков, инструкции к их заполнению и пр.⁶ Учитель Базаров⁷ выразил согласие сделать исторический очерк об Агинской Степной Думе [2, с. 19]. Наибольшие затруднения представляли почвенные исследования, ввиду отсутствия специалиста-почвовед. Читинское Отделение РГО обратилось в разные учреждения России и для работы в Агинской экспедиции был приглашён из Москвы почвовед М. П. Григорьев.

Принимая предложение инородцев, Совет ЧОПОРГО хорошо понимал, какие обязанности он берёт на себя и с какими трудностями может встретиться при выполнении широко поставленного научного предприятия – вдали от центра научной жизни, не располагая к тому ни достаточными силами, ни средствами⁸. Эти сомнения Совета были не без оснований. Экспедиционная работа требует больших денежных средств, которых у Отделения не было. На помощь пришли буряты, заинтересованные в успехе этого мероприятия. Б. Д. Очирову, Н. Дылыкову, А. Санжиеву, А. Цыденову были выданы подписные листы «для записи пожертвований от любителей наук на предмет предприняемого естественно-исторического исследования Агинской степи». По этим подписным листам за №№ 144, 145, 146, 147 собрано 4 200 р. от 192 лиц. Кроме того, от Б. Д. Очирова получено еще 567 р. Итого было собрано пожертвований 4 767 р.⁹

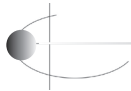
Агинская экспедиция собрала интересные сведения не только естественно-при-

⁶ Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 15

⁷ Учитель Базаров – Базарон (Ш) Чойжил-Лхама (1878 – 1937), просветитель, общественный деятель, драматург, преподаватель Агинского приходского училища, выпускником которого был и сам. В 1899 г. принял участие в экспедиции известного путешественника и этнографа Г. Н. Потанина в Монголию и Китай, где собрал этнографический материал, пословицы и загадки. Принял активное участие в работе Агинской экспедиции, в качестве статиста был направлен в Монголию, чтобы произвести перепись агинских бурят, там кочующих. С 1909 по 1933 г. работал в разных учебных заведениях Агинской волости, где преподавал бурятский и монгольский языки, а также арифметику. Является автором более 30 учебников и учебных пособий по бурятскому языку, в том числе и словарей. В 1906 г. составил свой первый букварь на бурятском языке с текстами для чтения, положивший начало новой методике преподавания старомонгольской письменности [3, с. 56].

⁸ Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 16.

⁹ Там же.

родного характера, показывающие скудность ресурсов степи для скотоводческого хозяйства, но и статистические сведения о населении, о степени развития хозяйств региона. Буряты Агинской степи – скотоводы, поэтому предпринятое изучение кочевого быта представляло значительный научный интерес, как «одной из интереснейших форм хозяйственного быта». В соответствии с этим была проведена в 1908 г. сплошная подворная перепись инородцев, проживающих в Агинской и Цугольской волостях, и сделан сравнительный анализ этих данных с материалами комиссии действительного статского советника А. Н. Куломзина 1897 г. Это сопоставление было наиболее ценным для выявления изменений, которые произошли за период с 1897 г. по 1908 г. [3, с. 3].

Кроме сплошной подворной переписи, статистики составляли бюджетные карточки с регистрацией производительных и потребительных процессов в хозяйстве без учёта имущества и инвентаря. Непосредственное руководство статистиками было поручено бывшему учителю Агинского училища П. Д. Мурзину. Работать статистиками были приглашены Ц. Гармаев, Д. Базаржапов, Ш. Базаров (Ч. Базарон)¹. Знание бурятского языка и знакомство статистиков с бытом инородцев в значительной мере способствовали успешному производству переписи. Вследствие чего полученные данные обладают точностью, а отсюда и высокой ценностью. Большую помощь, как непосредственным участием, так и содействием, оказал производству переписи Бато-Далай Очиров. Перепись бурятского населения, проводимая Читинским отделением ПО РГО, имела весьма значимую особенность, были подвергнуты переписи и буряты, кочующие в Монголии, чего не делала комиссия Куломзина. В Монголию при содействии Б. Очирова был направлен статистик – учитель Базаров (Базарон), который произвел подворную перепись бурятских хозяйств, проживающих на монгольской территории². Столь ответственное задание было дано Чойжилу Базарону потому, что он уже был знаком с экспедиционной работой, так как принимал участие в научной поездке известного российского путешественника Г. Н. Потанина в Монголию, Средний Хинган,

летом 1899 г. и справился со своими обязанностями «на отлично», за что получил от всех членов экспедиции благодарность³. Ч. Базарон помогал собирать предания и сказки. Составленное им собрание баргутских загадок было передано Г. Н. Потаниным в Восточное отделение Археологического общества⁴. Григорий Николаевич познакомил Базарона и с А. К. Кузнецовым, секретарем ЧОПОРГО, после чего Чойжил работал совместно с Отделением, собирал гербарий, чему научился в экспедиции Г. Потанина⁵.

В сентябре 1908 г. все члены экспедиции вернулись в Читку, было принято решение о немедленной разработке полученных материалов. Осенью 1908 г. весь статистический материал был привезен в Читку. П. Д. Мурзин составил сводные ведомости, которые затем тщательно анализировались по двум направлениям: изучение демографических данных переписи агинских инородцев и хозяйственного быта бурят. Первое было сделано Д. М. Головачевым, а второе – действительным членом ЧОПОРГО В. В. Солдатовым.

Буряты Агинской и Цугольской волостей проживали на территории так называемой Центральной агинской дачи, а также на северо-западе от нее по реке Оленгуй, на юго-западе от дачи, в районе Алханайского горного кряжа, и наконец, на юго-востоке – за рекой Онон, вдоль линии Забайкальской железной дороги по рекам Тург, Борз и Барун-Кондуй⁶. Кроме этого, и на землях, отведённых им в собственность, а также на землях крестьян, казаков, тунгусов и в Монголии, и на территориях, граничащих с Россией. На бурятские кочевья приходилось 31 748 душ обоего пола, плотность населения на одну квадратную версту – 1,76⁷. Каждая волость разделена на отдельные булучные общества, состоящие в свою очередь из целого ряда булучных общин или булуков. Экспедиция провела кропотливую работу, посчитав население по отдельным булукам, и сделала вывод, что численность населения за указанный период выросла, однако анализ прироста населения не исключал и того факта, что «наметилось

³ Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло [и др.]. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 8.

⁷ Там же. С. 9.

¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 4.

² Там же. С. 5.

вымирание агинских инородцев»¹. Так же было отмечено, что в виду кочевого образа жизни наблюдалось значительное число отсутствующих постоянно на месте приписки, что заметно понижало сделанные расчёты в действительности. Этот факт так же затруднял работу переписчиков. На огромной территории, занятой Агинской и Цугальской волостями, было только три пункта с «прочной оседлостью», это – селение Агинское и два дацана Агинский и Цугольский. Всё же остальное население, «как кочевое, передвигалось по этой территории с определённых мест летников на зимники, весенники и осенники»². Оно ничем не отличалось от обычного типа крестьянского селения и одновременно было центром административной жизни, если не всей Агинской степи, то, по крайней мере, её западной части, так как здесь находилось волостное правление, играющее весьма важную роль в жизни этой степи. Здесь же была сосредоточена вся торговля, которая находилась в руках «посторонних», то есть мещан, купцов, а так же китайцев. Увеличение числа китайцев, проживающих в с. Агинском, наблюдалось только в начале XX века³. Кроме этого, главным занятием большинства жителей является печение хлеба, за покупкой которого съезжались сюда буряты с самых отдалённых улусов⁴. В целом волости были изолированными от других бурят, основная масса которых проживала в Западном Забайкалье, поэтому наблюдалось полное отсутствие в Агинской степи на постоянном жительстве бурят из других волостей, что являлось характерной особенностью региона. Однако одна пятая часть всего числа агинских бурят проживала в чужих землях, что показывало высокий процент «отсутствующих» также характерный только для этой местности. В основном отсутствующие проживали на землях тунгусов, всего 48 семей. Они пользовались зимними и летними выгонами тунгусов и другими угодьями, находясь в споре с соседями. Несколько (13) семей проживало на землях железной дороги, ещё меньшее число вблизи городов и станций. Не было ни одной бурятской семьи, проживающей постоянно в городах Забайкалья⁵. В итоге группа «отсутствующих»

», но проживающих не на чужих землях, а на территориях своих волостей, насчитывала 227 семей⁶, или 895 чел.⁷. Особый интерес представляла та часть «отсутствующих», которая кочевала на территории Монголии. В переписи 1897 г. агинские буряты, кочующие круглый год или часть года в Монголии не были отмечены. В 1908 г. было выяснено, что в Монголии кочевало 270 семей агинских бурят, или 1559 «душ обоёго пола», по этим же данным было определено, что за последние 10 лет туда переселилось 69 хозяйств, что составило приблизительно 25 % от всех отсутствующих⁸. Какими бы приблизительно не были цифры, для исследователей экспедиции было очевидно одно, что за десятилетний период выселение из Агинской степи возросло в значительной мере.

Рассматривала экспедиция и религиозную принадлежность населения Агинской степи. Перепись 1908 г. в Агинской степи зарегистрировала буддистов 38 784 чел. «обоёго пола. Крещёные (оседлые) буряты (296 чел.), православные русские (86 чел.), а так же незначительное число магометан (3 чел.), евреев (6 чел.) и буддистов-китайцев (25 чел.) проживали в с. Агинском⁹. На территории Агинской степи существовало два дацана¹⁰ – Агинский и Цугольский, и было начато строительство третьего – Зугалуевского. На всей территории степи существовала только одна православная церковь в с. Агинское, там же жил миссионер-священник. В своем очерке Д. М. Головачев рассуждает о влиянии буддизма на жизнь населения: «... вряд ли нужно доказывать огромное влияние ламаизма, проникающего и охватывающего весь быт и экономический строй жизни инородцев», о влиянии православия и не приходилось говорить»¹¹.

⁶ Агинской экспедицией при переписи населения за единицу была принята семья или отдельное хозяйство, так как почти без всяких исключений эти два понятия совпадали [3, с. 35].

⁷ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 22. С. 23.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же С. 54.

¹⁰ Дацаны специальной переписи не подвергались [Цит. По: Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 22. С. 54].

¹¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Импе-

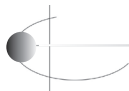
¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 32.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 22.

Изучая вопрос грамотности бурят, перепись регистрировала грамотных по-русски, по-монгольски, по-тибетски, исследователи пришли к выводу, что среди бурят была распространена грамотность по-монгольски. Тибетская грамота, главным образом, среди лам, а русская – среди зажиточного населения. Число грамотных (умеющих и читать, и писать) и полуграмотных (только читать) по-русски составляло 416 чел., среди которых 170 человек приходилось на Цугольскую волость, как наиболее благополучную в материальном отношении¹, 147 – на Агинскую волость. Далее Д. М. Головачев анализирует: если «всего инородцев насчитывается почти 39 тыс. (38 784 буддистов) и из этой массы только 416 чел. знают русскую грамоту, т. е. на каждые сто человек только один грамотный по-русски. Это ли не яркий признак ничтожного влияния русских на бурятскую народность? Если при этом принять во внимание, что в подсчёт вошло с. Агинское с оседлым, почти обрусевшим населением, то русская грамотность среди кочевого населения примет еще более мизерные размеры... Женщин, знающих русский язык (хотя бы только умеющих читать), самое ничтожное число. Из среды кочевых инородцев таковых нашлось только 7 женщин»². Характерен тот факт, что среди бурят, знающих русскую грамоту, преобладающее число приходится на грамотных, умеющих и писать, и читать (90,2 %), тогда как среди русских доминирует процент полуграмотных, умеющих только читать. Д. М. Головачев объясняет этот факт тем, что знание русского языка – привилегия богатых, среди которых были и окончившие не только среднюю русскую школу, но и высшую³. Хотя грамотных по-монгольски также высокий процент – 80 %, а полуграмотных – 20 %⁴. «Народная», т. е. монгольская грамота более всего была распространена в Агинской волости и в целом среди кочующих на своих землях, чем проживающих на стороне или в чужих булуках. Из 2 863 человек, владеющих монгольской грамотой, женщин нашлось 93 чел., что составило 3,3 %⁵. Знание тибет-

¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 22. С. 55.

² Там же. С. 22. С. 56.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же.

ского языка было распространено среди духовенства и лиц, изучающих буддийское вероучение. Всего перепись зарегистрировала 2 194 чел., знающего тибетский язык. «Если предположить, – писал Д. М. Головачев, – что все проживающие в дацанах (их было насчитано переписью 1 441 чел.) обладают знаниями тибетского языка, то остается ещё 741 чел., в том числе и 12 женщин, не охваченных принадлежностью к дацанам». Возможно, в число знающих по-тибетски также вошли люди, которые только начали изучать язык, как правило, это дети – старшие сыновья в бурятской семье, которых определяли в хувараки – ученики при дацане. Эта традиция – значимый социальный факт среди монгольских народов. Подводя итоги о грамотности бурятского населения Агинской степи, Д. М. Головачев отмечал, что сложно было учесть общее число «вообще грамотных – безотносительно к языку». Однако с уверенностью можно было сказать о том, что лица, знающие по-русски, обязательно знали по-монгольски и по-тибетски; точно так же можно предположить, что знающий по-тибетски, знает и по-монгольски. Таким образом, «монгольская грамотность, так сказать, охватывала и русскую, и тибетскую грамотность»⁶ [3, с. 59].

За одиннадцать лет, прошедших со времени переписи, произведённой комиссией А. Н. Куломзина, до переписи 1908 г., проведённой Читинским отделением РГО, хозяйство агинских бурят понесло значительные потери и пришло к большому упадку, отмечал в очерке «Хозяйственный быт инородцев Агинской степи» по итогам переписи В. В. Солдатов. «Общее количество скота, приходящееся на одно наличное хозяйство, на одного работника и на одну наличную душу по всем видам скота и по всем его возрастным и хозяйственным группам уменьшилось». При этом уменьшение происходило более ценных видов и групп скота – крупного, взрослого и рабочего, чем менее ценных для хозяйства. Исключение из общего правила относительно уменьшения составляют козы, число которых по расчёту на одно хозяйство не только не уменьшилось, но даже несколько увеличилось. Однако это обстоятельство лишнее раз подтверждает упадок бурятского хозяйства: дешёвые и малопродуктивные козы вытесняют более дорогой и продуктивный крупный рогатый скот. Если смотреть по волостям, то наиболее обеспеченным лошадьми, верблюдами и овцами является сред-

⁶ Там же. С. 22, С. 59.

нее хозяйство Цугольской волости; наиболее богатым крупным рогатым скотом и козами – хозяйство Агинской волости. В общем же, хозяйства Агинской волости гораздо беднее скотом хозяйств Цугольской¹. «По размерам хозяйства, как и по обеспеченности населения скотом, первое место занимают почти во всех случаях приписные, живущие на собственных землях»². Исключение лишь составляло обеспечение хозяйств верблюдами, по числу которых на одно хозяйство первое место занимали кочующие на стороне, то есть в Монголии.

«В общем, при рассмотрении современного состояния хозяйства бурят и обеспеченности скотом населения и при сравнении с соответственными данными переписи, произведенной экспедицией Куломзина, получаем крайне безотрадную картину общего упадка хозяйства, – делал выводы В. В. Солдатов, – так основа его и почти единственный промысел населения – скотоводство, между тем за 11 лет, прошедших со времени переписи Куломзина, хозяйство значительно измельчало, количество скота в нем сильно уменьшилось, обеспеченность населения скотом тоже стала меньше, а, следовательно, общее благосостояние населения сильно подорвалось»³. Этот вывод В. В. Солдатова ещё с большей убедительностью доказывает о необходимости сохранения и увеличения скотоводческих хозяйств, для которых необходимы территории. «Хотя у широкой публики распространено мнение о чрезмерном богатстве скотом наших бурят... Необходимо отметить, что количество хозяйств, действительно богатых скотом, у агинских бурят крайне невелико. Так, хозяйств, имеющих более 10 рабочих лошадей, зарегистрировано переписью всего 9,3 %, ... имеющих крупного рогатого скота свыше 100 голов – 1,31 %. Таким образом, хозяйств действительно богатых скотом у бурят – от 1,3 % до 4 %». О богатстве бурят можно было говорить только относительно отдельных немногих хозяйств, но не о массовом материальном благополучии населения, в значительной мере стоящего на грани нищеты.

«Говорить о земледелии у бурят Агинского ведомства, как о промысле не приходится, оно, можно сказать, – отмечал В. В. Солда-

тов, – во всей Агинской степи не существует, за исключением только одного села Агинское. Есть попытки заниматься земледелием, часто неудачные, но земледелия в настоящем смысле этого слова еще нет»⁴. Буряты Цугольской волости, наиболее обеспеченные скотом, меньше стремятся заниматься земледелием, чем в Агинской волости, где видимо уже наметился переход от чисто скотоводческого хозяйства к скотоводческо-земледельческому⁵. К сокращению скота в хозяйствах приводила и политика по урезанию территорий, необходимых для выпаса скота. Земли, строго определённые для скотоводческих хозяйств, далеко не все были богаты растительностью, что подтверждает отчёт Г. А. Стукова «Ботанико-географический очерк Агинских степей». Г. А. Стуков отмечал, что «не малую часть поверхности Агинских степей занимают кустарники, совершенно негодные для корма, как деревянистые растения; имея в виду, что на большей части поверхности степей растения сидят очень редко, покрывая только наполовину, если еще не меньше, данную площадь и оставляя другую половину совершенно голой, нельзя не прийти к заключению, что кормовая ёмкость Агинских степей далеко не так огромна, как они сами, не соответствует их пространству и не только не безгранична, но даже недостаточна, о чём свидетельствует факт проживания до 100 бурятских семей со своим скотом вне пределов своих родных степей – за границей, на степях монгольских»⁶.

Таким образом, Агинская экспедиция 1908 г., организованная Читинским отделением РГО, собрала богатейшие историко-статистические материалы об агинских бурятах, восполнив, тем самым, имеющиеся пробелы в сведениях о них. Выводы, сделанные по результатам проведенных исследований, показали насколько важно для бурятского скотоводческого хозяйства не сокращать наделы пастбищ, так как не всякий отведенный для нужд скотовода участок мог удовлетворять потребности его хозяйства должным образом в силу природных особенностей. В поисках средств для окончания разработки материалов и публикации трудов Агинской экспедиции Совет Отделения вновь обратил-

¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским Отделением Императорского Русского географического общества. Чита, 1911. Вып. VII. С. 220.

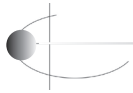
² Там же. С. 22. С. 220.

³ Там же. С. 220–221.

⁴ Там же. С. 22. С. 304

⁵ Там же. С. 305.

⁶ Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 20.

ся к бурятам¹. В результате, за 1908–1909 гг. были изданы: программа «Экономического исследования бурят», «VIII выпуск трудов Отделения» и «Отчет за 1907–1908 гг.», которые были разосланы членам Отделения, учёным и просветительским обществам, сибирским библиотекам и некоторым периодическим изданиям².

В целом нужно отметить, что монголоведческая тематика занимала одно из главных мест в исследовательской работе Читинского отделения, в силу своего географического расположения: Агинская степь – место проживания агинских бурят и сопредельные с ней области Монголии, где также кочевали буряты из Забайкалья. В музее Отделения в отделе «этнография» значительное внимание так же уделено монгольским народам, здесь были представлены и «принадлежности буддийского культа» – 681 ед., «манекены шаманки и 2 бурят» – 3 ед., «принадлежности шаманского культа» – 188 ед., «мелкие предметы из быта бурят» – 110 ед., «коллекции по тибетской медицине» – 1 625 ед., а также «старинное оружие русских и монголов» –

50 ед.³ Все эти предметы были собраны в результате экспедиционной работы, либо подарены местными жителями. В дар приносили не только предметы утвари из бурятского хозяйства, но и литературу. Отделение получило от надворного советника, действительного члена ЧОПОРГО И. В. Ореловича «Краткое объяснение значения масок разных богов при богослужении «Цама»⁴.

Читинское отделение ПО РГО за небольшой период работы⁵ осуществило достаточно большой объём исследований по изучению не только естественно-географических условий Забайкалья, но и населения края в историческом, статистическом, культурном аспектах. Бурятское население занимало приоритетное место в научной деятельности Отделения; Агинская экспедиция 1908 г. по изучению бурятского хозяйства – самое крупномасштабное мероприятие ЧОПОРГО, давшее наиболее полные, проверенные сведения об агинских бурятах. Необходимо отметить тот факт, что изучение и быта, и хозяйства, и религии учеными РГО осуществлялось совместно с интеллигенцией бурятского народа, благодаря поддержке которых стало возможно осуществление многих задуманных научных планов. Вклад бурятской интеллигенции в развитие российского монголоведения бесценен, о чём мы неоднократно говорили в своих работах⁶ и во многом благодаря сотрудничеству учёных с местным населением стал возможен успех научной школы монголоведения в России.

¹ Совет ЧОПОРГО обращался за материальной поддержкой в центральное Географическое общество и Приамурский отдел, но получил отказ. Общение с частными лицами по этому вопросу так же оказалось безуспешным [Цит по: Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 19].

² Общества и учреждения, куда Читинское отделение отправляло свои работы и получало их издания: в Барнауле – Отделение Западно-Сибирского Отдела РГО; во Владивостоке – Восточный институт и Общество изучения Амурского края, ставшее позже подотделом ПО РГО; в Иркутске – ВСОРГО, Обсерватория и канцелярия Иркутского генерал-губернатора; в Москве – Археологическое общество и естественнонаучные организации; в Петербурге – Академия наук и музе при ней, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии [там же, с. 21] – одно из ведущих научных объединений учёных международного масштаба, где работали ведущие монголоеды России, что способствовало тому, что здесь монголоведение имело приоритетное значение [2, с. 123–130]; Археологическое общество, Министерство иностранных дел, сюда Отделы РГО, как и другие научные объединения должны были в обязательном порядке отправлять Отчеты о деятельности так, как согласно их Уставам, они могли организовывать научные экспедиции в зарубежные страны, что находится в ведении этого министерства [2, с. 123–130]; редакция журналов Министерства Народного Просвещения; в Троицкосавске – ТКПОИРГО и городской библиотеке, в Томске – университет и многие другие. А так же за рубежом: в Лондон, Париж, Берлин, Вена, Вашингтон, Ригу [Цит по: Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 28–29].

³ Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907–1908 гг. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын. Чита-Харбин. Читинское отделение, 1909. С. 21–22.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ С целью координации деятельности отделов РГО и других краеведческих организаций в середине 1920-х гг. прошли съезды в Иркутске, Омске, Красноярске и др. городах. В декабре 1926 г. на первом краевом научно-исследовательском съезде было принято решение о создании сибирской ассоциации краеведения, в состав которой вошли отделы РГО [1, с. 802].

⁶ Полянская О. Н. Экспедиция О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Забайкалье. О вкладе бурятской интеллигенции в становление научной школы монголоведения в России в XIX веке // Чингисхан и судьбы народов Евразии – 2»: матер. междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2007; Полянская О. Н. Вклад бурятской интеллигенции в становление научного монголоведения. Галсан Никитуев: матер. науч. конф. «Егуновские чтения – III». Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2007; Полянская О. Н. Об участии Селенгинской Думы в становлении монголоведения в России: матер. науч. конф., посвящ. 200-летию образования Степных Дум. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2008.

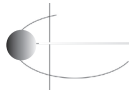
Список литературы

1. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. 807 с.
2. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского ун-та. Вып. История. 2013. № 7. С. 123–130.
3. Энциклопедия Забайкалья. Агинский бурятский округ. Новосибирск, 2009. 352 с.
4. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2006. Т. III. 541 с.

References

1. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Novosibirsk, 2009. T. 2. 807 s.
2. Polyanskaya O. N. Mongolovednye napravleniya v issledovaniyakh Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii // Vestnik Buryatskogo un-ta. Vyp. Istoriya. 2013. # 7. S. 123–130.
3. Entsiklopediya Zabaikal'ya. Aginskii buryatskii okrug. Novosibirsk, 2009. 352 s.
4. Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast'. Novosibirsk, 2006. T. III. 541 s.

Статья поступила в редакцию 03.03. 2014

УДК 908 (283/289)
ББК 284**Александр Андреевич Савельев,**
аспирант,*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)
e-mail: amenhotep@mail.ru***Христианские неорелигиозные движения в современной Бурятии
(по материалам сети Интернет)**

Тема новых религиозных движений по мере их распространения на территории России приобретает всё большую актуальность для исследователей. Оценка данного явления в обществе на сегодняшний день неоднозначна. В статье сделан обзор новых религиозных движений христианской направленности, действующих на территории Бурятии в период с начала 1990-х гг. по настоящее время. В качестве основного источника по данной проблематике выступают ресурсы сети Интернет. Автором обозначен ряд проблемных вопросов, связанных с использованием сетевых ресурсов в исторических исследованиях. Дана краткая характеристика изучаемых религиозных течений на основе информации, содержащейся о них в интернет-пространстве. Проведён сравнительный анализ сетевых ресурсов (сайтов, сообществ в социальных сетях), действующих от имени рассматриваемых в статье общин. По итогам проведённого анализа отмечено, что практика внедрения современных информационных технологий в качестве инструмента для расширения целевой аудитории характерна далеко не для всех новых религий, на основе чего делается ряд выводов, в числе которых вывод о степени их интегрированности в конфессиональное и информационное пространство исследуемого региона, перспективах их дальнейшего распространения на территории Бурятии.

Ключевые слова: новые религиозные движения, Бурятия, Интернет, мормоны, баптисты, пятидесятники, Свидетели Иеговы.

Alexander Andreyevich Savelyev,
Postgraduate Student,*The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670031)
e-mail: amenhotep@mail.ru***The Christian Neo-Religious Movements in Modern Buryatia (based on the Internet)**

The topic of neo-religious movements is becoming more and more important. This phenomenon estimation is ambiguous. The article contains the overview of the new Christian religious movements of Buryatia from the beginning of the 1990-s up to the present time. The main sources on the article are the resources of the Internet. Author dwells upon some of problematic issues of the network resources using in historical researches. The characteristic of main neo-religious movements based on information on them, available in the Internet, is given in the article. A comparative analysis of network resources (websites, communities, social networks) belonging to different religious communities has been done. It is found out that the use of modern information technologies as a tool for expanding the target audience is not usual to all new religions, several conclusions about their integration into the confessional and information space of the study region and the prospects for their propagation in Buryatia have been done.

Keywords: neo-religious movements, Buryatia, Internet, mormons, baptists, pentecostals, Jehovah's Witnesses.

Новые религиозные (неорелигиозные) движения (НРД), ставшие неотъемлемой частью конфессиональной палитры нового российского государства с начала 1990-х гг., с каждым годом привлекают всё большее внимание исследователей.

Несмотря на немногочисленность адептов указанных движений по сравнению с количеством последователей исторически доминирующих в России религий, вокруг НРД развернулась широкая дискуссия об их роли и месте в современном российской обще-

стве. О дискуссионности вопроса свидетельствует уже многообразие определений, применяющихся сегодня к данному явлению: от нейтральных «альтернативные религии», «религиозные новообразования», «нетрадиционные религии», до скептических «маргинальные религии», «деструктивные культы», «тоталитарные секты» [10, с. 13–14].

В полной мере актуальность данного вопроса распространяется на территорию Западного Забайкалья, в частности, Бурятию, регион, отличающийся своим культурным, в т. ч. конфессиональным многообразием. Помимо православия и буддизма, появившихся здесь почти одновременно в XVII в., в Бурятии сильны позиции шаманизма. Также Западное Забайкалье принадлежало к числу основных мест куда, начиная с середины XVIII в., в массовом порядке переселялись и ссылались представители старообрядчества и так называемых «русских сект» – молокан, духоборов, субботников. В результате достаточно долго сосуществования и взаимопроникновения различных культур для современной Бурятии свойственны толерантность, открытость как восточным, так и западным традициям, что во многом облегчило проникновение в регион новых религий. Как и в большинстве субъектов РФ, в Бурятии наибольшее распространение получили движения, использующие христианскую и около христианскую догматику, или христианские НРД (пятидесятники и неопятидесятники различных деноминаций, евангельские христиане, адвентисты, Свидетели Иеговы, мормоны и др.). В пользу данного утверждения свидетельствует и статистика: на третьем месте после православных и буддийских религиозных объединений по количеству зарегистрированных в РБ общин стоят протестантские церкви различных деноминаций (порядка 50 общин) [9].

В складывающейся ситуации возникла потребность во всестороннем изучении религиозных новообразований, предлагаемого ими духовного «продукта», позиций по целому ряду основополагающих ценностей любого общества (отношение к семье, браку, национальной культуре, государству, закону). Ряд отечественных исследователей, в т. ч. и на региональном уровне, высказывает определённые опасения в связи с ростом в обществе инокультурного влияния, которое, по их мнению, несёт угрозу национальной идентичности, служит почвой для социальных конфликтов [10, с. 4]. Свою обеспокоенность проявляют и представители традиционных конфессий. Так, в статье научного секрета-

ря Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской епархии Русской Православной Церкви Олега Бычкова «К вопросу о деятельности зарубежных миссионеров и местных сект на территории республики Бурятия и в Байкальском регионе» автор, говоря о масштабном притоке в Россию НРД, указывает на тот факт, что большинство из них подконтрольно зарубежным религиозным структурам, враждебно настроено по отношению к традиционным конфессиям, а ряд из них может сотрудничать со специальными службами иностранных государств [4, с. 16].

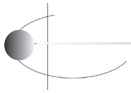
Несмотря на то, что НРД в основном используют активные методы распространения в обществе своих религиозных доктрин (прозелитизм), составить объективное мнение о них на основе получаемой таким образом информации как обывателю, так и исследователю зачастую не представляется возможным. Наряду с активной проповеднической деятельностью, отличительной особенностью указанных структур является их закрытость от посторонних лиц, тщательный отбор информации о себе, выдаваемой за пределы религиозной общины [7, с. 43].

Однако распространение современных коммуникационных и информационных технологий дало дополнительный импульс к рассмотрению данной проблематики с новых позиций.

В качестве наиболее информативного исследовательского инструмента и мобильного источника разносторонней информации по той или иной проблематике, а также средства научного общения, сегодня выступают информационно-телекоммуникационные сети и, в первую очередь, интернет-пространство.

Проблемы использования сети Интернет историками с середины 1990-х гг. рассматривали В. Н. Владимиров [6], М. И. Петров [11]. На современном этапе развития Интернета основные направления его использования в науке и образовании определены Л. П. Афанасьевой: как «средство научной коммуникации»; как «справочник» (поиск информации посредством поисковых систем); как «библиотека» (публикация научных трудов по истории); как «архив и музей» (удалённый доступ к историческим источникам); как «лаборатория историка» (работа с электронными версиями исторических источников); как образовательная система историка [1].

Конфессиональная тематика на сегодняшний день широко представлена в глобальной сети. В настоящее время все основные религиозные конфессии и их региональ-

ные представительства имеют собственные интернет-сайты. Даже относительно консервативные учения сталкиваются с необходимостью укрепления своих позиций посредством сетевых ресурсов. Об отношении крупнейших мировых религий к внедрению новых информационных технологий сегодня известно достаточно много. Вместе с тем не совсем ясным остается вопрос о позиции по данному вопросу представителей неорелигиозных течений.

В настоящей работе проведён анализ материалов о деятельности НРД на территории современной Бурятии, размещённых в открытом доступе в общероссийском и региональном сегменте сети Интернет в период с конца 1990-х гг. по настоящее время. Небезынтересной будет и оценка интереса жителей республики к данному явлению, выраженного в посещаемости интернет-порталов интересующих нас объединений, комментировании материалов СМИ по соответствующей проблематике.

Сравнительный анализ использования новыми религиозными движениями, действующими на территории РБ сетевых ресурсов в своей деятельности, позволяет исследователю сформировать представление не только об отношении тех или иных религиозных общин к новым информационным технологиям, но и о готовности НРД как явления к дальнейшей интеграции в социокультурное пространство государства (региона) с иной религиозной традицией, что неизбежно требует их большей открытости, доступности для общества, в том числе опосредованно.

Рассматриваемые нами интернет-источники целесообразно разделить на две основные категории:

– информационные материалы, размещённые в глобальной сети от имени самих новых религиозных движений (интернет-сайты, сообщества в социальных сетях, комментарии верующих в ходе дискуссий, затрагивающих тематику НРД на интернет-форумах);

– информационные материалы, размещённые от имени лиц и организаций, не относящихся напрямую к НРД (интернет-сайты государственных учреждений, иных конфессиональных групп, статьи и публикации в электронных версиях региональных СМИ).

Всего в ходе работы нами изучено порядка 40 интернет-сайтов местных религиозных объединений, СМИ, а также тематических сообществ в социальных сетях.

Наиболее активными интернет-пользователями по результатам анализа региональ-

ного сегмента сети оказались последователи Христианской Пресвитерианской церкви, Церкви христиан веры евангельской (пятидесятников) и церкви «Слово жизни».

Христианская Пресвитерианская церковь г. Улан-Удэ согласно информации, размещённой на её интернет-сайте (<http://uuchurch.ru>), действует в РБ с 1995 года. С 2009 г. действует её сайт в Интернете. Данный интернет-ресурс постоянно обновляется, содержит подробные материалы по истории церкви, последние новости церковной жизни, информацию о руководителях общины, расписание и даже видеозаписи богослужений¹. Церковь представлена и в социальных сетях, в её сообществе на сайте «ВКонтакте» (<http://vk.com/uuchurch>) состоит 190 подписчиков. Новостная лента сообщества так же регулярно обновляется. В целом деятельность Пресвитерианской церкви в сети Интернет свидетельствует о её сравнительной открытости и даже стремлении дать как можно более полное представление об истории, вероучении церкви, её позиции по многим вопросам общественной и религиозной жизни, способом привлечь таким образом в свои ряды новых последователей.

На сайте Пресвитерианской церкви г. Улан-Удэ также представлен обширный исторический и краеведческий материал по конфессиональной тематике. В разделе «рефераты» собраны статьи об истории английской духовной миссии в Бурятии, современной религиозной ситуации в регионе. Ценным источником по истории и современному положению протестантских деноминаций в Бурятии может служить статья ведущего научного сотрудника Института Европы РАН, сотрудника Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Романа Лункина «Религиозная ситуация в Бурятии: традиции веротерпимости и христианская миссия», написанная им в качестве доклада на научно-практическую конференцию «Религиозная миссия в России: история и современность. Духовные миссии Забайкалья» (г. Улан-Удэ, май 2013 года), и размещённая на сайте церкви [9].

Пресвитерианская церковь г. Улан-Удэ и её руководитель Виктор Колмынин, который сам является активным пользователем социальных сетей и имеет аккаунт в Твиттере, неоднократно становились ньюсмейкерами в региональных СМИ, в т. ч. в сетевых изданиях.

¹ Христианская Пресвитерианская церковь г. Улан-Удэ. URL: <http://uuchurch.ru> (дата обращения: 13.06.2014).

В 2010 г. заработал интернет-сайт Центральной религиозной организации «Церковь Христиан веры евангельской» в Бурятии (www.hve-bur.ru), сама церковь действует с середины 1990-х гг. и объединяет порядка 600 последователей [13]. Церковь христиан веры евангельской имеет свои общины как в г. Улан-Удэ, так и практически во всех районах Бурятии. Сайт церкви отражает информацию об истории церкви, каждой общине входящей в её состав, её руководителе, контактных данных. Однако новостная лента сайта обновляется нерегулярно. Так, по состоянию на 01.06.2014 г. сайт содержит новости только за апрель 2014 г. На сайте присутствует обширная фотогалерея, наглядно показывающая отдельные моменты как церковной истории, так и её современной жизни, однако в отличие от сайта Пресвитерианской церкви здесь не практикуется размещение видеозаписей богослужений, могущих служить незаменимым источником сведений о религиозных практиках общины.

Улан-Удэнская церковь «Слово Жизни» на своём интернет-портале (<http://www.wolu.uu.ru>) размещает аудиозаписи проповедей пастора Александра Кушикова и его супруги Арины Кушиковой, которые доступны для скачивания. Пасторы, судя по размещённой на сайте информации, приехали в Бурятию из Украины еще в конце 1980-х гг., а в 1994 г. зарегистрировали в г. Улан-Удэ свою религиозную общину. В настоящее время церковь входит в Российский объединенный союз Христиан веры евангельской (РОСХВЕ), возглавляемый епископом Сергеем Ряховским. На общероссийском сайте РОСХВЕ указано, что пастор А. Кушиков является полномочным представителем епископа С. Ряховского в Бурятии. Однако сайт «Слова Жизни» в Бурятии редко обновляется. Его последнее обновление сделано в январе 2014 года [14].

Местная община «Слова Жизни» представлена и в социальных сетях. В группе «Церковь «Слово Жизни» г. Улан-Удэ» на сайте «ВКонтакте» состоит 141 подписчик. В основном это молодежь, проживающая в г. Улан-Удэ, что даёт некоторые представления о численности и возрастном составе общины. Из размещённых в группе фотографий можно составить некоторое представление о богослужебных мероприятиях церкви.

Последователи Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (ЦИХСПД) или мормоны, появившиеся в Бурятии в начале 1990-х гг., никак не представлены в региональном сегменте Интернета. Общероссий-

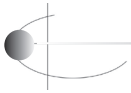
ский сайт мормонов (<http://latter-daysaints.ru>) содержит крайне мало информации о региональных представительствах церкви. На нем упоминается о том, что представительство организации мормонов в г. Новосибирске объединяет общины Ангарска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Томска и Улан-Удэ. При этом название города Улан-Удэ пишется с ошибкой – Улан-Уде. Это может свидетельствовать как о слабом знании лидерами мормонов (а в основном это граждане США) страны, в которой они служат, так и о том, что мормоны, живущие в г. Улан-Удэ, крайне редко посещают интернет-сайт собственной церкви.

О мормонах можно встретить публикации на сайтах других религиозных конфессий. Так, в марте 2010 года на сайте Улан-Удэнской и Бурятской епархии (u-ude.eparh.ru) было опубликовано обращение епископа (ныне-архиепископа) Улан-Удэнского и Бурятского Савватия об активизации мормонов в Бурятии. Обращение было продублировано в личном блоге священнослужителя, являющегося активным интернет-пользователем, на сайте «Живой Журнал». В своём обращении епископ Савватий высказал обеспокоенность строительством молитвенного дома мормонов в г. Улан-Удэ и обозначил позицию РПЦ по отношению к ним как к деструктивной секте. Ответной реакции мормонов на публикацию не последовало.

Таким образом, местная община ЦИХСПД практически не проявляет активности в сети Интернет, что говорит об определённой консервативности мормонов, их приверженности иным способам распространения своего учения в обществе.

Местные религиозные общины Свидетелей Иеговы (г. Улан-Удэ и г. Гусиноозерск) также не имеют своих интернет-страниц и тематических сообществ в социальных сетях. Более того, на официальном сайте Свидетелей Иеговы в России (<http://www.jw-russia.org>) не содержится никакой информации о филиалах данной организации в регионах РФ.

В сообществе «JW NEWS» (http://vk.com/jw_ru), являющимся официальной группой русскоязычных «Свидетелей Иеговы» в социальной сети «ВКонтакте», из 17 008 подписчиков данной группы на 01.06.2014 г. только 14 пользователей проживают в Бурятии (12 – в г. Улан-Удэ, 2 в г. Северобайкальске). Это очень немного по сравнению, к примеру, с Иркутской областью, от которой в сообществе «JW NEWS» состоит 63 подписчика (33 участ-

ника из г. Иркутска, 21 участник из г. Братска и 9 участников из г. Ангарска)¹.

Низкая активность Свидетелей Иеговы в сетевых ресурсах как в общероссийском, так и в региональном масштабе связана, на наш взгляд, с чрезмерной закрытостью данной общины, консервативностью её вероучения, а также большим количеством в её рядах пожилых людей, не использующих Интернет в повседневной жизни.

Свою роль в сложившейся ситуации играют и факты нарушения «Свидетелями Иеговы» российского законодательства. Так, в июне 2012 года решением Советского районного суда г. Улан-Удэ на территории Бурятии был ограничен доступ к сайту «Свидетелей Иеговы» – <http://www.jw.org>. Как оказалось, данный сайт содержал электронную версию книги: «Чему на самом деле учит Библия?», которая включена в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ под № 510. Ранее, в декабре 2011 года в соответствии с решением того же суда был прекращен доступ к другому сайту «Свидетелей Иеговы» – <http://www.watchtower.org>. На данном сайте также имелись материалы, признанные экстремистскими и запрещённые к распространению на территории Российской Федерации [3].

В электронных версиях республиканских СМИ были опубликованы и другие резонансные материалы, связанные со «Свидетелями Иеговы». Так, материал «Пенсионерка отдала квартиру «Свидетелям Иеговы»» от 23.10.2013 г. на сайте республиканской газеты «Номер Один» (<http://gazeta-n1.ru>) находится в разделе самых комментируемых материалов. Это обусловлено тем, что сами верующие активно комментировали данный материал, стремясь поддержать позицию религиозной общины. Всего статья собрала более 100 комментариев [12].

Внимание к «Свидетелям Иеговы» в местном интернет-сообществе вновь было привлечено после смерти в апреле 2014 года одной из прихожанок улан-удэнской общины в связи с её отказом от процедуры переливания крови, на которую у «Свидетелей» существует строгий запрет. В данном случае ситуация повторилась – в ответ на критику пользователей в комментариях к материалам об инциденте, размещённым в сети, последователи общины пытались оправдать действия умершей и сам запрет, однако их точка зрения ожидаемо не нашла понимания у остальных пользователей [5].

¹ JW NEWS // ВКонтакте. URL: http://vk.com/jw_ru (дата обращения 13.06.2014).

В целом при изучении публикаций регионального сегмента сети Интернет, связанных со «Свидетелями Иеговы», прослеживается в основном негативная направленность этих материалов. По указанным ранее причинам, данная религиозная организация не стремится к активному продвижению своего учения посредством сетевых ресурсов, по-прежнему отдавая предпочтение поквартирному обходу граждан и распространению печатной литературы.

Сравнительно немного информации содержат сетевые ресурсы о местных общинах евангельских христиан баптистов (ЕХБ) и адвентистов седьмого дня. О существовании баптистов в Забайкалье известно еще с досоветского периода. В советское время баптисты существовали в Бурятии на полулегальном положении, однако получили разрешение государства на официальную регистрацию своей общины еще в 1978 г.² Сегодня баптисты не особенно активно используют в духовных целях сеть Интернет. Информацию сугубо справочного характера о них можно найти, помимо официального сайта ЕХБ в России (<http://baptist.org.ru>), на христианском портале «Забкрай.инфо» (<http://www.zabkrai.info>). Там же содержится справочная информация об улан-удэнской общине адвентистов седьмого дня [8]. Результаты анализа публикаций в региональных электронных СМИ также свидетельствует о незначительном внимании последних к последователям баптизма и адвентизма. Заслуживает внимания только одна публикация, размещённая 22 апреля 2013 года на интернет-портале «Байкал-Дейли» (<http://baikal-daily.ru>) и посвящённая предстоящей вакцинации населения Бурятии [2]. В ней сообщалось, что, по словам руководителя Управления Роспотребнадзора по РБ Сергея Ханхареева, последователи баптизма и Свидетели Иеговы лидируют по числу отказов от вакцинации по религиозным мотивам. В местной общине Свидетелей Иеговы тогда поспешили заявить через прессу, что прошли вакцинацию в полном составе, реакции же баптистов на данную публикацию не последовало вовсе. Таким образом, предварительно можно констатировать, что последователи баптизма и адвентизма, живущие в Бурятии, практически не проявляют себя на просторах глобальной сети, отдавая предпочтение «традиционным» методам религиозной проповеди.

² Постановление Совета по делам религий при СМ СССР от 23 марта 1978 г. о регистрации общины баптистов в Улан-Удэ, ГАПБ. Ф. Р-1857. Оп. 1, Д.. 220. Л. 22.

Схожая ситуация относительно представленности в сетевых ресурсах наблюдается у Новоапостольской церкви г. Улан-Удэ. Община согласно данным управления Министерства юстиции РФ по РБ действует в Бурятии с 1999 г. Все данные о местном отделении церкви и некоторые новости церковной жизни, например, о визитах в Бурятию церковных «апостолов» (высших руководителей), можно почерпнуть только на общероссийском интернет-сайте церкви (<http://www.nak.org.ru>).

Информация справочного характера о местной религиозной организации «Евангелическо-лютеранский приход Благодати Христовой Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России» г. Улан-Удэ представлена только на сайте лютеранской Церкви Ингрии в России (<http://www.elci.ru>).

В социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» зарегистрированы сообщества и других НРД, действующих в Бурятии¹. Это протестантские религиозные общины «Новое поколение», «Надежда», «Добрая весть», «Свет мира» и др. Указанные группы объединяют от 3 до 120 чел., в основном молодых людей в возрасте до 30 лет. За исключением данных о количестве подписчиков, данные сообщества не представляют какого-либо серьезного интереса для исследователя.

Таким образом, исследование ресурсов регионального сегмента сети Интернет как источника по истории и современному состоянию новых религиозных движений в Бурятии показало, что сетевые ресурсы в большей или меньшей степени содержат достаточно обширную информацию по интересующему нас вопросу. Однако далеко не все религиозные группы из данной категории стремят-

ся быть представленными в Интернете. Если последователи местных общин Пресвитерианской церкви, Церкви христиан веры евангельской (пятидесятников), «Слова Жизни» активно используют сетевые ресурсы для продвижения информации о себе в обществе, Свидетели Иеговы, мормоны и Евангельские христиане баптисты, по крайней мере, на локальном уровне практически не рассматривают Интернет в качестве инструмента для осуществления религиозной деятельности. Их присутствие в интернет-пространстве, как в случае со Свидетелями Иеговы, носит скорее вынужденный характер, когда верующие делают попытки оправдать свою позицию в той или иной резонансной ситуации.

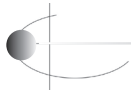
Такое положение вещей в целом соответствует активности рассматриваемых здесь религиозных течений и вне рамок интернет-пространства и в определенной мере свидетельствует о том, что не все новые религии, массово проникшие на территорию России два десятилетия назад, готовы сегодня к открытому и равному диалогу с обществом, одним из удобных средств для которого являются современные информационные и коммуникационные технологии.

Роль современных информационных технологий в исторических исследованиях по-прежнему является предметом научной дискуссии. Отдельного рассмотрения требуют вопросы верификации, анонимности, изменчивости электронной информации. Тем не менее, проделанная работа показывает, что ресурсы сети Интернет как источника, по крайней мере, по истории современности имеют значительный потенциал, и данная тематика будет приобретать всё большую актуальность для исследователей в будущем.

Список литературы

1. Афанасьева Л. П. Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Новый исторический вестник. 2003. №1. URL: <http://www.nivestnik.ru> (дата обращения: 13.06.2014).
2. Баптисты и Иеговисты Бурятии массово отказывают врачам // Байкал Daily. 2013. URL: <http://www.baikal-daily.ru> (дата обращения: 13.06.2014).
3. Бурятия заблокировала доступ к сайту «Свидетелей Иеговы» // Новая Бурятия 2012. URL: <http://www.newbur.ru/news> (дата обращения: 13.06.2014).
4. Бычков О. В. К вопросу о деятельности зарубежных миссионеров и местных сект на территории республики Бурятия и в Байкальском регионе // Миссионерское обозрение. 1996. № 6. 59 с.
5. В Улан-Удэ Свидетельница Иеговы умерла, отказавшись от переливания крови // Информ Полис online. 2014. URL: <http://www.infpol.ru> (дата обращения: 13.06.2014).
6. Владимиров В. Н. Internet для историка: глобальная информационная игрушка или новая парадигма? // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1996. №17. 151 с.

¹ JW NEWS // ВКонтакте. URL: http://vk.com/jw_ru (дата обращения: 13.06.2014).

7. Дворкин А. Л. Сектоведение: Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, 2007. 813 с.
8. Забкрай.инфо. URL: <http://www.zabkrai.info> (дата обращения: 13.06.2014).
9. Лункин Р. Н. Религиозная ситуация в Бурятии: традиции веротерпимости и христианская миссия // Христианская Пресвитерианская церковь г. Улан-Удэ. URL: <http://uuchurch.ru/main> (дата обращения: 13.06.2014).
10. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990–2000-е гг.) / Е. Б. Баторова [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. 191 с.
11. Петров М. И. Интернет для исследователя или исследователь для Интернет? Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1999. № 24. URL: <http://www.aik-sng.ru> (дата обращения: 13.06.2014).
12. Ульянова Л. Пенсионерка отдала квартиру «Свидетелям Иеговы» // Номер Один. 2013. URL: <http://gazeta-n1.ru> (дата обращения: 13.06.2014).
13. Центральная религиозная организация «Церковь Христиан веры евангельской» в Бурятии. URL: www.hve-bur.ru (дата обращения: 13.06.2014).
14. Церковь «Слово Жизни» г. Улан-Удэ. URL: <http://www.woluu.ru> (дата обращения: 13.06.2014).

References

1. Afanas'eva L. P. Internet dlya istorika: musornaya korzina ili kladez' mudrosti? // Novyi istoricheskii vestnik. 2003. №1. URL: <http://www.nivestnik.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
2. Baptisty i legovisty Buryatii massovo otkazyvayut vracham // Baikal Daily. 2013. URL: <http://www.baikal-daily.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
3. Buryatiya zablokirovala dostup k сайту «Svidetelei legovy» // Novaya Buryatiya 2012. URL: <http://www.newbur.ru/news> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
4. Bychkov O. V. K voprosu o deyatelnosti zarubezhnykh missionerov i mestnykh sekt na territorii respubliky Buryatiya i v Baikal'skom regione // Missionerskoe obozrenie. 1996. № 6. 59 s.
5. V Ulan-Ude Svidetel'nitsa legovy umerla, otkazavshis' ot perelivaniya krovi. // Inform Polis online. 2014. URL: <http://www.infpol.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
6. Vladimirov V. N. Internet dlya istorika: global'naya informatsionnaya igrushka ili novaya paradigma? // Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». 1996. №17. 151 s.
7. Dvorkin A. L. Sektovedenie: Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya. N. Novgorod, 2007. 813 s.
8. Zabkrai.info [sait]. URL: <http://www.zabkrai.info> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
9. Lunkin R. N. Religioznaya situatsiya v Buryatii: traditsii veroterpimosti i khristianskaya missiya // Khristianskaya Presviterianskaya tserkov' g. Ulan-Ude. URL: <http://uuchurch.ru/main> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
10. Netraditsionnye religii v Buryatii (1990–2000-e gody) / E. B. Batorova [i dr.]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGSKhA im. V. R. Filippova, 2010. 191 s.
11. Petrov M. I. Internet dlya issledovatelya ili issledovatel' dlya Internet? Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». 1999. № 24. URL: <http://www.aik-sng.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
12. L. Ul'yanova. Pensionerka otdala kvartiru «Svidetelyam legovy» // Nomer Odin. 2013. URL: <http://gazeta-n1.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2014).
13. Tsentral'naya religioznaya organizatsiya «Tserkov' Khristian very evangel'skoi» v Buryatii. URL: www.hve-bur.ru (data obrashcheniya 13.06.2014).
14. Tserkov' «Slovo Zhizni» g. Ulan-Ude [sait]. URL: <http://www.woluu.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2014).

Статья поступила в редакцию 13.06.2014

УДК 336.244:34.07

ББК 65.428–18:67.401.143.1–1

ББК У428.-18:Х401.143.1–1

Наталья Геннадьевна Савосина,
кандидат юридических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: ngsav@mail.ru

Территориальная организация таможенного дела XIX века

Изучение роли и функций таможенных органов, их места в государственном устройстве всегда было актуальным, при этом сложные и подчас противоречивые управленческие процессы необходимо анализировать в контексте становления Российского государства. Настоящая статья содержит описание окружной системы управления таможенными органами в России XIX в. На основе исторического опыта автор обращает внимание на влияние различных факторов: географических, политических, экономических на формирующуюся систему размещения таможенных органов по территории России. Окружная система таможенных органов рассматривается с точки зрения описания и анализа её структуры. Уделяется внимание как общим признакам таможенного управления регионами российского государства, так и отдельным региональным особенностям, обусловленным расширением российских территорий и необходимостью организации таможенного надзора с учетом специфики территории и направлениями таможенной политики. При анализе особенностей управления за основу автор берет временные критерии, рассматривая развитие системы окружного управления в начале, середине и конце XIX в., обращая внимание на динамику этого процесса.

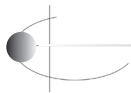
Особым утверждением автора является признание системы таможенных округов не только устойчивой, но и оказавшей непосредственное влияние на современную систему таможенного управления. Сегодня характер окружного управления таможенными органами сохранён посредством института региональных управлений, функционирующих в рамках системы федеральных округов. Сохранилась также и система организации таможенных органов на местах, основанная на особенностях географического положения, рельефе местности, потребности в таможенном регулировании и состоянии транспортных коммуникаций.

Ключевые слова: таможенные органы, таможня, Таможенный устав, размещение таможенных органов, таможенный округ.

Natalia Gennadiyevna Savosina,
Candidate of Law, Associate Professor
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: ngsav@mail.ru

Territorial Organization of Customs Affairs in the 19th Century

The study of the role and functions of the Customs authorities, their place in the state system has always been important. Complex and sometimes contradictory administrative processes should be analyzed in the context of the formation of the Russian State. The given article describes the district management system of the Customs authorities in Russia in the 19th century. On the basis of historical experience the author pays attention to the influence of geographical, political, and economical factors on the system of the Customs authorities placement formed in Russia. The district system of customs authorities is considered from the point of view of the description and the analysis of its structure. The attention is given to common features of customs office in regions of the Russian state, and some special regional features caused by expansion of Russian territories and the need for the organization of customs supervision, specifics of the territory and the directions of customs policy. Analyzing the characteristics of the management, the author takes the temporary criteria as a basis, considering development of the district administration system at the beginning, the middle and the end of the XIX century, paying attention to the dynamics of this process.

The author's statement is the recognition of the districts customs system stability, and also its direct impact on the modern system of customs control. Nowadays the character of the district administration of the Customs authorities has been maintained by the Institute of regional offices functioning within system of Federal districts. There is also a system of customs authorities in some territories, based on the features of geography, land relief, need for customs regulation and the state of transport communications.

Key words: custom authority, customs, Customs Charter, location of the customs authorities, customs district.

Размещение таможенных органов на территории Российского государства является важнейшим элементом организации таможенного дела. Современная таможенная политика исходит из того, что таможенное дело требует рационального размещения таможенных органов по территории государства, эффективного использования трудовых и финансовых ресурсов, содействие обеспечению комплексного развития экономики страны в целом и её районов. Для достижения указанной цели в основе размещения таможенных органов должно быть заложено выполнение некоторых условий, которые оказывают непосредственное влияние на эффективность деятельности, например, природные, экономические, политические и, прежде всего, инфраструктурные факторы.

К природным факторам, с нашей точки зрения, необходимо относить: географическое положение, рельеф местности и др. К экономическим – потребность в таможенном регулировании, наличие участников внешнеэкономической деятельности, состояние транспортных коммуникаций и др. К политическим следует относить таможенную политику и ее направления и др.

Подобный подход к размещению таможенных органов не мог иметь случайный характер. Он, как и многие явления в организации управления делами государства, имеет исторические корни. Ведь совершенно неоспоримым фактом является то, что создание и развитие таможенных органов было связано с влиянием внутренних и внешних обстоятельств, ими могли быть как установление торговых отношений с иностранными государствами, так и интенсивные потоки контрабандного ввоза и вывоза.

Изначально возникнув, таможенные органы формировались по особому принципу, их местонахождение определялось близостью к местам торгова. С расширением внешнеполитических связей подходы к размещению таможенных органов изменились, приоритетным критерием стало размещение таможенных органов вдоль государственной границы. При этом попытки корректив существующий системы применялись неоднократно.

Историография изучаемой проблемы обширна в аспекте исследования государственного управления в целом. Изучение таможенного дела следует связывать с различными исследователями. Значительную работу в этом плане провели русские историки: В. Л. Витчевский, К. И. Лодыженский, М. Н. Соболев и другие [8; 13; 15]. Особый вклад в историографию таможенного дела внесли Л. Марков, Ю. Г. Кисловский, Н. Н. Шапошников, Н. Н. Блинов и многие другие [14; 12; 16; 7].

При этом труды историков, экономистов, юристов, посвященные проблемам таможенного дела, политики, развитию торговли, государства, права, лишь частично затрагивают интересующую нас проблему. В отечественной историографии нет ни одной комплексной работы, регламентирующей вопросы окружного управления таможенным делом в дореволюционной России, что обуславливает актуальность настоящей работы.

Качественные изменения в подходах к организации таможенного дела в целом и размещению таможенных органов в частности прослеживаются в XIX в. В это время была реализована система таможенного окружного управления, которая является неким прообразом современной системы региональных таможенных органов. В основе окружного управления был заложен территориальный принцип, объединяющий географический, экономический и политические факторы.

Внедрение системы окружного таможенного управления принято связывать с учреждением 24 июня 1811 года таможенного управления по европейской границе, в соответствии с которым была создана сеть таможенных округов в соответствии со сложившимся делением страны. Было образовано 11 таможенных округов, к которым в 1816 г. было прибавлено ещё два округа, а в 1818 – три округа по азиатской торговле (впоследствии четыре).

Таможенный округ представлял собой некое территориальное образование, в границах которого осуществляли деятельность таможенные органы: таможни и таможенные

заставы. Таможенный округ возглавлялся начальником, которому подчинялись таможи и заставы, составлявшие этот округ.

Таможи, входившие в состав округа по «Учреждению таможенного управления по Европейской торговле», делились на группы, такое деление также было новым в законодательстве того периода времени. Классификационным критерием являлся товар, подлежащий таможенному контролю и обложению таможенной пошлиной. Таможи, которым дозволен был привоз иностранных товаров, именовались главными, состояли из управляющего таможеней и положенных по штату членов, с нужным числом таможенных чиновников и служителей. Прочие таможи состояли из управляющего таможеню, одного или двух членов с нужным числом таможенных служителей по штату. Наряду с таможнями в составе округа находились заставы. Заставы состояли из одного заставного надзирателя с нужным числом служителей по штату. Все таможни и заставы, составляющие таможенный округ, подчинялись главной таможне округа.

В 1819 г., в соответствии с Таможенным уставом все таможни по Европейской границе, были разделены на четыре класса: складочные таможни, главные таможни, декларационные таможни, прочие таможни и заставы.

К первому классу относились складочные таможни. Это таможни, к которым могли быть привозимы для очистки пошлиной все незапрещённые к ввозу и вывозу товары. Товары могли находиться на хранении восемь месяцев, все прочие товары можно было хранить без дополнительной оплаты шесть месяцев. Таких таможен было одиннадцать: в Санкт-Петербурге, Архангельске, Риге, Одессе, Феодосии, Таганроге, Москве, Вильне, Киеве, Бердичеве и Варшаве.

Ко второму классу относились главные таможни. Эти таможни пользовались такими же правами, как складочные таможни, но здесь товар мог оставаться неоплаченным пошлиной лишь в течение двух месяцев. К ним относились таможни в Ревеле, Либаве, Ковне, Гродне, Могилеве, Дубоссарах, Евпатории, Люблине и Новодворске.

Третий класс составляли декларационные таможни, к которым разрешено было провозить все незапрещённые к ввозу и вывозу товары, очищать пошлиной можно было только определённые товары. Декларационными являлись таможни в Палангене, Юрберге, Радзивилле, Гусятине, Виндаве, Пернове, Аренсбурге, Гапсале и Нарве.

Четвёртый класс составляли таможни, к которым дозволялось привозить и очищать только товары определённые тарифом, перевозить отсюда товары в другие таможни было нельзя. Таможнями четвёртого класса являлись таможни в Онеге, Коле, Мезени, Горждове, Волочиске, Исаковце, Мояке, Николаеве, Херсоне, Овидианополе, Балаклаве, Керчи, Еникале, Бугазе, Мариуполе [6, с. 155].

Наряду с обычными таможнями в этот период времени существовали и специализированные таможни, например, контрольные таможни. Согласно организованному порядку было принято решение создать контрольные таможни¹. Контрольные учреждения должны быть устроены в расстоянии от 50 до 100 вёрст от границы при больших дорогах, ведущих внутрь государства и имевшие стоять под непосредственным наблюдением особого начальника.

В 1813 г. было вынесено решение членов Государственного совета «учредить контрольные таможни временно». На основании учреждённого таможенного управления по Европейской границе для проверки таможен и ревизии товаров, провозимых через таможни по сухопутной границе, создавались контрольные таможни и заставы. Контрольные таможни учреждались в близости главных и прочих пограничных таможен, по которым происходит большой провоз товаров, идущих за границу.

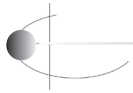
Контрольные таможни состояли из управляющего таможеню и двух членов, а также чиновников и служителей по штату. Контрольные заставы состояли из одного надзирателя заставы, одного его помощника, а также чиновников и служителей по штату. Надзор за контрольными таможнями и заставами поручался начальнику контрольных таможен.

Согласно постановлению Комитета министров от 15 мая 1815 года, состоявшемуся вследствие представления Главнокомандующего в Санкт-Петербурге, контрольные таможни с 1 июля 1815 года были уничтожены. Мотивом к принятию этой меры стал Сенатский указ².

Особая система таможенного управления создавалась на отдельных территориях. Например, в царстве Польском, Закавказском крае и в Сибири. Так, в Варшаве она находилась в подчинении Департамента внешней торговли. Главное управление торговых и таможенных дел состояло из начальника и членов. Управление имело в своем ведении

¹ ПСЗРИ. Т. XXXI. № 24684.

² ПСЗРИ. Т. XXXI. № 25902.

все российские и таможенные дела в Царстве Польском и на сухопутной Европейской границе от Палангена до Дуббоссар.

Таможни были поделены на четыре класса: тринадцать русских декларационных таможен по внешней границе Царства, по одной при каждой польской таможне; одна российская первоклассная складочная таможня в Варшаве; четыре второклассные таможни; семь контрольных таможен на средней линии между Царством и империей [6, с. 157].

В 1831 г. был учрежден таможенный округ в Закавказском крае¹ с таможнями в Баку, Тифлиссе, Редуть-Кале, Ах-Углане, Нахичеване, Эривани и Анапе и заставами на границе с Турцией и Персией. Создание таможенных органов в Закавказском крае впоследствии потребует отдельных установлений по части таможенного регулирования.

В 1822 г. устройство по европейской границе подверглось изменению². Вместо четырёхклассной была введена трёхклассная система таможен. К первому классу отнесены были складочные таможни, сохранившие свои права, ко второму классу декларационные таможни. Товары могли быть привозимы к ним все, но очистке подвергались не все. К таможням третьего класса относились таможни, способные принимать привоз только определённых товаров. По количеству это была самая крупная группа таможен (32 таможни по свидетельству И. Блѣха) [6, с. 155].

Таким образом, в начале XIX в. была заложена особая организация территориальных таможенных органов, в основе которой лежали выше названные факторы: географические, экономические и политические (административные). При этом в основе размещения таможенных органов лежали, прежде всего, географические факторы. Экономические факторы были выражены в общественной потребности в таможенных услугах и роли отдельных территорий с точки зрения перспектив экономики Российского государства и интересов сопредельных стран. Административные – это факторы, определяющие таможенную политику.

При этом сохранялся приоритетный критерий размещения таможенных органов вдоль государственной границы, где формируется специфическое пограничное пространство, которое создает регионам ряд потенциальных преимуществ: развитие приграничной торговли, повышение занятости населения и конкуренцию в сфере торговли;

повышенное внимание центральных властей к проблемам приграничных территорий.

Таким образом, при создании таможенных органов российские власти руководствовались не только потребностью наличия пункта пропуска, но и другими критериями. Чтобы лучше понять, как правильно разместить таможню или заставу, нужно было задаться вопросом, что необходимо для его эффективной работы, какие факторы и как именно они влияют на работу таможенного учреждения с качественной стороны. Под качественной стороной подразумевается качество таможенного контроля и оформления грузов (товаров). То есть, во-первых, товар должен быть правильно оформлен и должны быть правильно взяты все платежи в полном объёме. Во-вторых, поток контрабанды должен свестись к минимуму, то есть таможня должна обеспечить полный контроль всех грузов.

Эффективность окружной системы управления была достаточно эффективна, доказательством этому служит факт закрепления окружного управления в последующих актах таможенного законодательства. 1842 г. ознаменован принятием свода учреждений и уставов таможенных, раздел первый раскрывает сущность таможенного управления, где общая система окружного управления была сохранена, но изменения всё же имели место, количество таможенных округов увеличилось до четырнадцати.

Сложившаяся система таможенного управления получила закрепление в Таможенном уставе по европейской и азиатской торговле 1857 г. [3, с. 1]. Согласно которому в основе таможенного управления стояла окружная система, при этом также можно отметить закрепление статуса пограничных и внутренних таможен. Последние осуществляли досмотр и оформление товаров, подвергнутых внешнему контролю на границе, а также транзитных товаров, что свидетельствует о комплексной оценке деятельности таможенных органов с учётом их размещения и специфики деятельности.

В середине XIX в. внимание уделялось развитию таможенных органов в отдалённых регионах. В 1847 г. было утверждено положение об устройстве, действиях и управлении карантинной и таможенной частей на Кавказе и за Кавказом³. В положении вопросы таможенного дела тесно связывались с карантинными мероприятиями, что было вызвано реальной угрозой проникновения с товарами на территорию России эпидемиологических

¹ ПСЗРИ. Т. VI. № 4621.

² ПСЗРИ. Т. XXXVII. I № 28964.

³ ПСЗРИ. Т. XXII. Ст. 21169.

заболеваний. В связи с этим карантинные учреждения на Черноморском побережье Кавказа соединялись с таможенными и получили наименование карантинно-таможенных. Все карантинно-таможенные учреждения в границах Черноморского побережья Кавказа входили в состав Закавказского и Сухум-Кальского карантинно-таможенных округов.

1850 г. был также ознаменован принятием нового таможенного устава для царства Польского¹. Таможни и заставы были распределены по трём таможенным округам: Вержболовскому, Калишскому и Завихостскому. Варшавская таможня сохранила подчинение Департаменту внешней торговли.

Территория Сибири так же не осталась без внимания. В 1862 г. утверждено положение об устройстве таможенной части в Сибири, где местное таможенное управление было образовано из таможни в городе Иркутске и таможенных застав – в непосредственном ведении Департамента находившихся. Для предупреждения тайного провоза с китайской границы была учреждена таможенная линия. Её охранение впредь до образования особой таможенной стражи возлагалось на отряд местного казачьего войска, который в отправлении таможенной службы был подчинен местному таможенному начальству.

То есть в отношении отдельных регионов было важно создать сеть пограничных таможенных органов, прежде всего на новых участках государственной границы. При этом приоритетное значение внутренних таможенных органов сохранялось (например, Иркутская таможня или главные складочные таможни, которые находились вне структуры округа).

Последняя треть XIX в. характеризовалась рядом своеобразных черт в экономическом развитии России. Ускоренное развитие промышленности, укрепление рыночных отношений в сельском хозяйстве приводили к активному стремлению выхода на мировые рынки. С целью поддержки бизнеса правительство устанавливает таможенный тариф протекционистской направленности, что, безусловно, сказалось и на развитии таможенной службы. Ввиду постоянного увеличения оборота внешней торговли и возрастания таможенных доходов были открыты новые таможенные учреждения, совершенствовалась внутриокружная система управления. Например, в структуре Санкт-Петербургского таможенного округа было образовано особое управление для наиболее качественной реализации функций таможенной службы.

Кроме того, с целью пресечения тайного провоза запрещенных или обложенных пошлиною товаров совершенствовалась организационно-штатная структура и техническая оснащённость таможенных учреждений.

Существенные меры были приняты для усиления таможенного надзора в Средней Азии. 2 мая 1886 года таможенный надзор в Туркестанском генерал-губернаторстве был передан в ведение Министра финансов. В 1890 г. были учреждены на основании указа императора два таможенных округа: Туркестанский и Семипалатинский. В 1881 г. в ведение Министерства финансов были переданы таможенные части на Кавказе и Закавказском крае. В 1892 г. был предложен и впоследствии учреждён таможенный надзор в пределах Закаспийской области. Создан Закаспийский таможенный округ. То есть при реорганизации таможенных структур ставка делалась на усиление надзора по всей таможенной линии.

По уставу 1892 г. система таможенных учреждений, а, соответственно, и их размещение сохранились почти в том же виде.

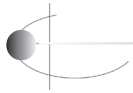
Устав предусматривал систему округов, она была представлена двенадцатью округами. Из них семь округов по Европейской торговле: Санкт-Петербургский, Рижский, Вержболовский, Калишский, Радзивилловский, Южный, Бессарабский². Три округа в Азиатских владениях России: Закаспийский, Туркестанский, Семипалатинский. А также два погранично-таможенных округа на Кавказе: Кутаисский и Бакинский.

В связи с открытием Сибирского железнодорожного пути и активизации торговли в этом регионе возникла необходимость решения вопроса об устройстве таможенной части в Сибири. В 1899 г. были открыты таможни первого класса в Челябинске, Тюмени и Красноярске. В 1901 г. таможни первого класса во Владивостоке и Николаевске.

Таким образом, XIX в. был ознаменован важнейшими событиями в организации процесса управления таможенным делом России, в части разработки моделей размещения таможенных органов. Сформированная система округов, как было сказано выше, не только оказалась устойчивой, но и оказала прямое влияние на современную систему таможенного управления. Несмотря на то, что таможенных округов в настоящий период нет, но характер окружного управления таможенными органами сохранен, посредством института региональных управлений, привязан-

¹ ПСЗРИ. Т. XXV. Ст. 24598.

² Бессарабский округ был упразднён в 1896 г.

ных к системе федеральных округов. Сохранилась также и система организации таможенных органов на местах. Сегодня в нашем государстве функционируют как внутренние, так и пограничные таможни, присутствует система размещения на границе таможенных постов.

Исследуя процесс становления таможенного дела с начала XIX в. вплоть до его окончания, можно сделать вывод о том, что под влиянием различных факторов шёл процесс планомерного, поступательного совершенствования таможенной системы Российской Империи. Принимались правовые акты, издавались указы, которые приспособлялись,

видоизменялись в соответствии с внутри- и внешнеэкономическими интересами и потребностями государства. Существовавшее таможенное законодательство и таможенные органы, в основу размещения которых были положены уже не один фактор, а их совокупность: природные, экономические, политические, инфраструктурные. В целом таможенные органы XIX в. отвечали основным стандартам в этой области и позволяли существенно пополнять бюджет за счёт таможенных доходов, регулировать внешнюю торговлю, защищать отечественную промышленность и экономические интересы страны.

Источники

1. Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства. СПб., 1903. 134 с.
2. Общее собрание циркуляров, распоряжений Департамента таможенных сборов за 1870–1900 гг. СПб., 1902. 222 с.
3. Свод законов Российской империи 1857 г. Т.6 Уставы таможенные. Свод учреждений и Уставов таможенных. СПб., 1857. 516 с.
4. Свод законов Российской империи: дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшими узаконениями 1911, 1912 гг. Кн. 2. Т. V–IX. Изд. 2 / под ред. Добровольского А. А. СПб.: Юрист, 2003. 240 с.
5. Таможенный устав по европейской и азиатской торговле. СПб.: Изд-во Миклашевского. СПб., 1887. 341 с.

Список литературы

6. Блех И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб., 1895. 423 с.
7. Блинов Н. М. Таможенная политика России X–XX вв. М.: Русина, 1997. 272 с.
8. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до наших дней / пер. с нем. СПб: Изд-во Д. А. Казицына и Ю. Д. Филиппова, 1909. 362 с.
9. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 2. СПб.: Наука, 2001. 260 с.
10. Департамент таможенных сборов. Очерк 1811–1911 гг. СПб., 1911. 87 с.
11. История таможенного дела и таможенной политики России (907–1811 гг.): хрестоматия. Ч 2. М.: РИО РТА, 1995. 200 с.
12. Кисловский Ю. Г. История таможни государства Российского 907–1995 гг. Москва, 1995. 286 с.
13. Лодыжинский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. 382 с.
14. Марков Л. Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 50 с.
15. Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911. 250 с.
16. Шапошников Н. Н. Таможенная политика России до и после революции. М., 1924.

Istochniki

1. Lichnyi sostav Departamenta tamozhennykh sborov i uchrezhdenii tamozhennogo vedomstva. SPb., 1903. 134 s.
2. Obshchee sobranie tsirkulyarov, rasporyazhenii Departamenta tamozhennykh sborov za 1870–1900 gg. SPb., 1902. 222 s.
3. Svod zakonov Rossiiskoi imperii 1857 g. T. 6 Ustavy tamozhennye. Svod uchrezhdenii i Ustavov tamozhennykh. SPb., 1857. 516 s.

4. Svod zakonov Rossiiskoi imperii: dopolnennyi po prodolzheniyam 1906, 1908, 1909, 1910 gg. i pozdneishimi uzakoneniymi 1911, 1912 gg. Kn. 2. T. V–IX. Izd. 2 / pod red. Dobvol'skogo A. A. SPb.: Yurist, 2003. 240 s.

5. Tamozhennyi ustav po evropeiskoi i aziatskoi torgovle. SPb.: Izd-vo Miklashevskogo. SPb., 1887. 341 s.

References

6. Blekh I. Ustroistvo finansovogo upravleniya i kontrolya v Rossii v istoricheskom ikh razviti. SPb., 1895. 423 s.

7. Blinov N. M. Tamozhennaya politika Rossii Kh–KhKh vv. M.: Rusina, 1997. 272 s.

8. Vitchevskii V. Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dnei / per. s nem. SPb.: Izd-vo D. A. Kazitsyna i Yu. D. Filippova, 1909. 362 s.

9. Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg. T.2. SPb.: Nauka, 2001. 260 s.

10. Departament tamozhennykh sborov. Ocherk 1811–1911 gg. SPb., 1911. 87 s.

11. Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoi politiki Rossii (907–1811 gg.): khrestomatiya. Ch 2. M.: RIO RTA, 1995. 200 s.

12. Kislovskii Yu. G. Istoriya tamozhni gosudarstva Rossiiskogo 907–1995 gg. Moskva, 1995. 286 s.

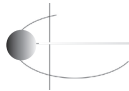
13. Lodyzhinskii K. Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. SPb., 1886. 382 s.

14. Markov L. N. Ocherki po istorii tamozhennoi sluzhby. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1987. 50 s.

15. Sobolev M. N. Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroi polovine XIX v. Tomsk, 1911. 250 s.

16. Shaposhnikov N. N. Tamozhennaya politika Rossii do i posle revolyutsii. M., 1924.

Статья поступила в редакцию 30.04.2014

УДК 94(47)
ББК 63.3

Артём Александрович Фоменков,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23)
e-mail: artjom2310@inbox.ru

Зарубежная историография деятельности русских национально-патриотических сил в 1950-е – первой половине 1990-х гг.

Статья посвящена анализу работ иностранных исследователей по тематике, связанной с идейными основами и практической деятельностью русских национал-патриотов в 1950-е – начале 1990-х годов. Рассмотрены работы авторов из Великобритании (Дж. Хоскинга, П. Данкина, С. Картера, С. Коусгрова, Т. М. Спенса, Д. Риордана, Р. Питтман), США (Ф. Баргхорна, Д. Данлопа, Д. Хаммера, Э. Д. Грегора, У. Лакёра, У. Алленсворта, Д. Ранкур-Лаферьера, Д. Г. Роули, У. Кори, Г. Хана, Ю. Коллберг) Германии (А. Умланд, Г. Симона, Т. Байхельта), Канады (Д. Пospelовского), Израиля (М. Конфино и И. Брудного), Финляндии (Т. Парланда), Франции (М. Ларюэль и Э. Каррер д'Анкосс), Австралии (Р. Хорвата) и Сингапура (А. С. Туминез), которые внесли наибольший вклад в изучение феномена русского национально-патриотического движения. Сделаны выводы не только об особенностях их трактовки изучаемого феномена, но также и о сходстве таковых с выводами отечественных авторов, занимающихся изучением аналогичной проблематики (здесь, в первую очередь, упомянем профессора МГИМО (У) В. Д. Соловья).

Ключевые слова: историография, зарубежные исследователи, русское национально-патриотическое движение, демонизация, объективность, антисемитизм.

Artem Aleksandrovich Fomenkov,
Doctor of History,
Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
(23 Gagarin Pr., Nizhny Novgorod, Russia, 603950)
e-mail: artjom2310@inbox.ru

Foreign Historiography of the Russian National and Patriotic Forces Activity in the 1950th – the First Half of the 1990th

This article analyzes the foreign researchers' work on topics related to the ideological foundation and the practical activities of the Russian national-patriots in the 1950s – early 1990s. The author considers the work of authors from the UK (G. Hosking, P. J. S. Duncan, S. K. Carter, S. Cousgrove, T.M Spence, J. Riordan, R. H. Pittman), the USA (F. C. Barghoorn, J. B. Dunlop, D. P. Hammer, A. J. Gregor, W. Laqueur, W. Allensvorth, D. Rancourt-Laferera, D. G. Rowley, W. Korey, G. M. Hahn, J. S. Kullberg) Germany (A. Umland, G. Simon, T. Beichelt), Canada (D. Pospelovsky), Israel (M. Confino and Y. M. Brudny), Finland (Th. Parland), France (M. Laruelle and E. Carrere d'Encausse), Australia (R. Horvath) and Singapore (A. S. Tumines) who made the greatest contribution to the study of the Russian national-patriotic movement phenomenon. There are conclusions not only about the features of the phenomenon interpretation under study, but also about the similarity with the local authors' findings who studied similar issues (here we especially mention Professor of MSUFA V. D. Solovey).

Keywords: historiography, foreign researchers, Russian national-patriotic movement, demonization, objectivity, anti-Semitism.

Русское национально-патриотическое движение второй половины XX в. и как течение общественно-политической мысли, и как проявление деятельности общественно-политических объединений представляет собой актуальную тематику для исследований в области истории, философии, политологии и других гуманитарных наук. Отметим, что отечественные авторы приступили к изучению

данного феномена сравнительно недавно, что объясняется, прежде всего, наличием идеологической цензуры в Советском Союзе. В результате первыми на присутствие русских национал-патриотов в СССР в среде партийно-советского аппарата, гуманитарной интеллигенции, а также инакомыслящих, обратили внимание иностранные исследователи. Действительно, на Западе ещё в середине

1950-х гг. было начато исследование феномена русского национализма в СССР.

Пионером в разработке данной проблематики следует признать видного американского советолога, профессора Колумбийского и Йельского университетов Ф. Баргхорна, написавшего монографию о явлении, озаглавленном им «советский русский национализм» [14]. По его мнению, данный феномен не был идентичен ни российскому национализму в традиционном формате, ни более ранней версии советского патриотизма. Ростки русского национализма, по мнению Фредерика Баргхора, можно было наблюдать в русификаторской политике советского государства в 1940-е – нач. 1950-х гг. Таким образом, данный автор во многом заложил традицию, присущую многим авторам, согласно которой И. В. Сталин поощрял в той или иной мере русский национализм.

Из более поздних авторов следует выделить в первую очередь американца Джона Данлопа – одного из крупнейших западных экспертов по русскому национализму. Он является автором нескольких работ по тематике, связанной с русским национально-патриотическим движением, из которых следует особо выделить монографию «Новый русский национализм» [23]. Его заслуга заключается, в первую очередь, во введении в научный оборот документов и материалов Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН), а также сведений об аресте, суде над членами данной организации и их пребывании в лагерях [8, с. 108].

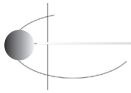
Отметим также, что, по мнению Данлопа, русская националистическая идеология начала развиваться под влиянием трёх факторов. Первый из них прямо проистекал из политики десталинизации, приведшей к жёсткому удару по гегемонии марксизма. Второй был обусловлен проводившейся кампанией гонения на Русскую православную церковь, сопровождавшейся активным сносом храмов и других памятников русской архитектуры. Третий фактор был связан с появлением в РСФСР институтов, имевших республиканское значение и уже существовавших в других союзных республиках (имеются в виду Бюро по РСФСР при ЦК КПСС, Совета министров РСФСР и газеты «Советская Россия»). Указанные обстоятельства способствовали, во-первых, подъёму русского национального самосознания и, во вторую уже очередь, создавали условия для возможностей сплочивания адептов русского национализма.

С нашей точки зрения, ещё одним важным выводом, сделанным Данлопом, следует признать положение о наличии двух разновидностей русского национализма – диссидентского и официального. Они же соотносились, по его мнению, с русским возрождением (либеральный национализм) и национал-большевизмом. Главные различия между последними он усматривал в отношении к православию и марксизму-ленинизму, различном подходе к проблемам военно-промышленного и городского развития [8, с. 110]. Укажем также, что отношение Д. Данлопа к русским патриотическим кругам в СССР было достаточно комплиментарным.

Кроме Д. Данлопа из американских исследователей большой вклад в изучение русского национально-патриотического движения внёс ныне покойный профессор Индианского университета в Блумингтоне Д. Хаммер. Первоначально он исследовал взгляды и деятельность видного диссидента В. Н. Осипова. При этом наиболее пристальное внимание было уделено журналу «Вече». В более поздний период Д. Хаммер продолжил изучать феномен русского национализма и написал ряд статей и 2 монографии по данной проблематике. Самым главным его достижением можно признать анализ эволюции русской национально-патриотической мысли на протяжении XIX–XX веков [27].

Кроме Д. Данлопа и Д. Хаммера долгие годы изучением русского национализма занимались политологи Энтони Джеймс Грегор и Уолтер Лакёр. Результатом исследовательской деятельности первого стало большое количество работ, среди которых следует выделить монографию «Феникс: Фашизм в наше время» [25] (к тематике нашего исследования прямое отношение имеет содержание главы VII), а также статьи «Фашизм и новый русский национализм» [24, с. 1–15]. В целом же следует признать, что Э. Д. Грегор был склонен отождествлять русский национализм с фашизмом [24, с. 145–170]. При этом положения работ данного американского исследователя далеко не во всём следует признать бесспорными – так, например, в фашисты Э. Д. Грегор зачислял Л. Н. Гумилёва, причём указывая, что выдающийся советский учёный являлся видным вдохновителем фашистских взглядов в России. Имеются и другие небесспорные пассажи в тексте работ Э. Д. Грегора.

Уолтер Лакёр с самого начала своей научной деятельности занимался изучением проблем национализма. Первая его работа, посвящённая указанному феномену в России

и СССР, вышла в свет в 1965 г. и именовалась «Russia and Germany: A Century of Conflict» [33]. Она долгое время являлась практически неизвестной в СССР. В период перестройки книга У. Лакёра была переведена на русский язык и издана в СССР под названием «Россия и Германия: Наставники Гитлера» [3]. Укажем, что этому изданию предшествовало предисловие, специально адресованное советскому читателю. Имелись также и отдельные новшества в основном тексте книги, впрочем, общую авторскую концепцию не затрагивавшие.

В целом данная монография посвящена, в первую очередь, влиянию русской дореволюционной правой мысли на теорию и практику немецкого национал-социализма. Подчёркивается большая роль «Протоколов сионских мудрецов» в формировании мировоззрения лидеров NSDAP, а затем и гитлеровской Германии. Автором также упомянуто немало фамилий эмигрантов из России, лично знакомых с представителями верхушки Третьего рейха (включая А. Гитлера) и оказывавшими на них влияние (Розенберг, Шейбнер-Рихтер, Бискупский, Марков и ряд других).

Главный же вывод У. Лакёра заключался в следующем: в России есть национал-социалистические традиции и имеется почва для функционирования политического движения данной ориентации. Кроме того, наличествует также политическая мифология, обосновывающая идею о том, что евреи являются врагами России, а задача русского патриота – противостоять еврейскому заговору против страны. Кроме того, У. Лакёр, также как и американский советолог-перебежчик А. Л. Янов, придерживался мнения о наличии в СССР очень сильной политической группировки, ориентированной на русский национализм.

Обращение к проблеме русского национализма не ограничилось у Уолтера Лакёра монографией «Россия и Германия». Так, в другой своей работе «Дальняя дорога к свободе: Россия и гласность» [34], У. Лакёр посвятил целую главу проблеме межнациональных отношений в СССР. Ещё позднее он написал труд, получивший большую известность в России – имеются в виду книга «Чёрная сотня: Происхождение русского фашизма» [4]. Автор уделил существенное внимание источникам воззрений русских националистов, в том числе даже неоязычеству и оккультизму, влияние которых в 1990-е гг. фактически игнорировалось другими исследователями – к ним лишь в первой половине

2000-х гг. обратился Н. А. Митрохин. В целом для творчества У. Лакёра характерно обращение к феномену русского национализма на протяжении всего XX столетия. Именно это обстоятельство позволило автору выявить особенности преемственности идеологии у изучаемого явления.

Ряд положений работы «Чёрная сотня: происхождение русского фашизма» не могут не вызывать справедливой критики. Показательно, что указанный труд за поверхностность, неточности и политизированность критиковали не только идейные противники, но даже и ментально близкие У. Лакёру А. Л. Янов [12, с. 117] и А. Умланд [10, с. 72].

Сходным образом с Э. Д. Грегором и У. Лакёром характеризовал феномен русского национально-патриотического движения их соотечественник У. Кори, являвшийся не только исследователем-политологом, но также политическим деятелем и одним из лидеров крупной сионистской организации «Бнай Брит». Он изучал в основном вопросы связи русской национально-патриотической идеологии и антисемитизма [31]. Интересные выводы сделаны им относительно влияния антисионистской литературы на русских национал-патриотов.

Американский исследователь У. Алленсворт написал монографию «Русские вопросы: Национализм, модернизация и посткоммунистическая Россия» [13]. Автор проанализировал специфику взглядов разных представителей русского национально-патриотического движения – А. И. Солженицына, христианских националистов, черносотенцев, национал-большевиков, неонацистов. Кроме того, автор проанализировал специфику воззрений русских националистов из числа эмигрантов, проживавших за пределами СССР, что добавляет его исследованию особую ценность.

О проявлениях русского национализма в литературе писал американский исследователь Д. Ранкур-Лаферьер. Наиболее значимая его работа, посвящённая этому феномену, называется «Русский национализм в междисциплинарной перспективе: Воображая Россию» [37]. Весьма важно, с нашей точки зрения, что Д. Ранкур-Лаферьер, базируясь на концепции Э. Геллнера, сделал вывод о том, что русские являются молодой нацией, но могут стать в будущем зрелой политической нацией.

В Европе русское национально-патриотическое движение исследовали прежде всего в Великобритании. Наибольший вклад в изучение данной проблематики внесли

Дж. Хоскинг и П. Данкин. Первый из них является автором целого ряда работ по русской истории, а также редактором сборника трудов, посвящённого проблеме русского национализма (имеется в виду вышедший в 1998 г. в свет сборник «Русский национализм в прошлом и будущем» [30], самые значимые в научном плане и, соответственно, наименее политизированные, статьи в данном сборнике, как нам кажется, написаны Дж. Хоскингом и П. Данкином; очень важно мнение авторов, согласно которому уровень национального самосознания у русских ниже, чем у других народов в бывших социалистических странах Европы). Наибольшее отношение к тематике нашего исследования имеет монография Дж. Хоскинга «Россия: народ и империя (1552–1917)» [11]. В данном труде обосновывается тезис об отсутствии в прошлом у русского народа своего национального государства, так как Российская империя таковым не являлась. Кроме того, автором доказано, что для России была характерна практика, при которой национальные окраины находились в более привилегированном положении, нежели центральные районы, заселённые великороссами. Разумеется, указанное положение дел было нехарактерно для иных империй – здесь имеются в виду Британская и Французская.

Питер Д. Данкин сначала анализировал проблемы русского националистического самиздата. Естественно, что в первую очередь он обратился к персоне В. Н. Осипова и его альманаху «Вече» [22, с. 36–53]. Впоследствии П. Данкин изучал более широкий круг вопросов, в том числе проблемы историографии русского национализма [8, с. 107]. Очень многие аспекты, связанные с развитием русского национализма освещены в его монографии «Российский мессианизм: Третий Рим, Революция, Коммунизм и после» [21].

Англичанин С. Картер является автором двух монографий по интересующей нас проблеме, а именно «Русский национализм: вчера, сегодня, завтра» [17] и «Русский национализм: От Достоевского через Солженицына к Жириновскому» [18]. Следует признать, что автор не сумел избежать некоторой политизированности на страницах своих работ, хотя таковая была ниже, чем у некоторых американских советологов. Выводы, сделанные автором относительно специфики развития русской национально-патриотической мысли, можно признать взвешенными. Во многом С. Картер следовал идеям Д. Данлопа.

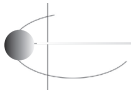
Нельзя не отметить также английского историка С. Косгроува, защитившего дис-

сертацию, посвящённую журналу «Наш современник», а затем написавшего монографию «Русский национализм и политика в советской литературе: содержание «Нашего современника» в 1981–1991 гг.» [20]. Автор исследовал не только тексты советских литераторов национально-патриотической направленности, но также и их политическую деятельность в годы перестройки.

По нашему мнению, важный вывод был сделан С. Косгроувом, который обозначил различия во взглядах литераторов, придерживающихся русских национально-патриотических взглядов. Так, он подчёркивал, что В. Распутин и В. Астафьев считали народ важнейшей категорией для патриотов, в то время как В. Кожин и А. Кузьмин утверждали, что государство выше нации.

Нельзя обойти вниманием также британского исследователя Т. М. Спенса, написавшего диссертационное исследование, посвящённое проблеме развития русского национализма в СССР в годы перестройки [44]. Отметим, что автор попытался изучить не только особенности политических взглядов русских националистов во второй половине 1980-х гг. и специфику функционирования организаций соответствующей направленности, но также он анализировал источники русского национализма, а именно взгляды славянофилов и панславистов.

Большой вклад в изучение русского национально-патриотического движения внёс канадец украинского происхождения Д. Поспеловский. В начале 1970-х гг. он занимался изучением русского самиздата и в первую очередь журнала «Вече» [38, с. 51–74], а ближе к концу 1970-х гг. его стал интересовать более широкий круг вопросов, связанных напрямую с подъёмом русского национализма в СССР [6, с. 10–15; 7, с. 406–447]. Крайне значимым следует признать тезис Д. Поспеловского о том, что русский национализм как феномен является новым, а его зарождение относится к началу XX в. Всплеск русского национализма в СССР в послесталинский период объяснялся, по мнению Д. Поспеловского, во-первых, неудовлетворённостью марксизмом и официальной идеологией, во-вторых, фактом демографического спада у славян при одновременном демографическом подъёме у советских мусульман и, в-третьих, политикой руководства страны, направленной на смешение народов [7, с. 425]. Кроме того, уже в период «застоя» Д. Поспеловский увидел проявления этнического русского национального, а не имперского самосознания.

Определял данное направление русистов канадский исследователь как советско-славянофильское, писав об их сходстве с дореволюционными славянофилами. Впрочем, он же признавал, что термин «нео-славянофилы» применительно к советским реалиям является небесспорным, тем более что исторически славянофильство в XIX столетии прошло через несколько стадий развития.

Необходимо также признать, что Д. Поспеловский предельно точно дал отповедь русофобии, маскируемой под научную критику русской истории: «а) национализм такого великого народа, как русский, опасен; б) поэтому его не должно быть; в) следовательно, чтобы национальные чувства подорвать, надо утверждать, что все проявления национализма в истории России всегда губительны; и вообще-то русский народ плох, и история его никуда не годится» [7, с. 431]. Разумеется, в некоторых случаях провести грань между органическим неприятием русских и русского, с одной стороны, и критикой (в том числе и весьма обоснованной) ряда периодов отечественного прошлого достаточно затруднительно, однако отрицать наличие русофобии ни в коем случае не следует.

Серьёзным исследователем проблемы русского национально-патриотического движения является родившийся в СССР израильтянин И. Брудный. Он написал монографию «Обновление России: национализм и советское государство» [16], сделав ряд небезынтересных выводов относительно специфики деятельности русских национал-патриотов в СССР. Во-первых, И. Брудным подчёркивалось, что появление российского националистического движения в 1950-х годах было результатом идейного поиска группы интеллигенции, ищущей политические альтернативы после XX Съезда КПСС. Сильное влияние данной группы на советское общество в 1960-х и 1970-х объяснялось стремлением лидеров СССР поддерживать эту часть интеллигенции в попытке упрочить позиции режима в то время, когда марксистско-ленинская идеология стала приходить в упадок. Во-вторых, он выделял среди русских националистов три группы, а именно либералов, консерваторов и радикальных националистов. В-третьих, И. Брудный справедливо указывал, что русские национально ориентированные литераторы 1960-х и 1970-х гг. признавали себя последователями славянофилов и панславистов. В-четвёртых, по сути брежневский режим не только поставил под угрозу его собственные обязательства к марксизму-ле-

нинизму, но и посеял семена для русского национализма и шовинизма. В-пятых, важную роль в борьбе с русскими национал-патриотами в период застоя сыграл А. Н. Яковлев, написавший статью «Против антиисторизма», в которой осудил присущие своим оппонентам антиинтеллектуализм, их некритический подход к церкви и царизму.

В последние два десятилетия в Финляндии тематику, напрямую связанную с русским национализмом, разрабатывал Томас Парланд, являвшийся не только профессором университетов в Хельсинки и Або, но также и сотрудником Министерства иностранных дел. Им было написано несколько фундаментальных трудов по данной проблематике, в первую очередь упомянем монографию «Экстремистская националистическая угроза в России: растущее влияние западных правых идей» [35]. Следует отметить, что Т. Парланд анализировал не только специфику идейных воззрений русских национал-патриотов, но также и их практическую деятельность на политической арене страны.

В Германии изучением проблем русского национализма занимается Андреас Умланд, работавший в ряде крупных научных центров, в том числе и на территории бывшего СССР. Его авторству принадлежит несколько трудов, посвящённых проблеме русского национализма, имеются в виду, прежде всего, статьи «Правый экстремизм в постсоветской России» и «Официальный советский антисемитизм послесталинского периода» [9, с. 158–168; 10, с. 71–84]. Как правило, в своих трудах А. Умланд обращается в первую очередь к современным российским реалиям, в то время как ретроспектива является для него менее значимой. Впрочем, несмотря на это обстоятельство, А. Умланд отметил некоторые важные особенности становления русского национал-патриотизма во второй половине XX века. Прежде всего, это касается влияния советских политизированных специалистов по сионизму (они упомянуты как «сионологи») на становление русской националистической идеологии. В целом же можно признать, что по данному вопросу А. Умланд во многом следовал за советологом-эмигрантом из СССР С. Е. Резником. В определённой степени сходного мнения относительно вклада борцов с сионизмом в становление русской националистической идеологии придерживался Н. Митрохин – как известно, эта тематика развита им в 8 главе его монографии [5, с. 404–427].

Среди представителей французской научной общественности, занимающихся изучением российских реалий, отметим М. Ларюэль, являющуюся в настоящее время сотрудником института Джона Хопкинса в США. М. Ларюэль исследовала и продолжает исследовать в основном политические процессы на постсоветском пространстве. Как следствие, проявления русского национализма после распада СССР также оказываются в сфере её интересов. Соответствующую информацию исследователи могут почерпнуть из такого её труда, как «Идеология русского евразийства. Мысли о величии империи», а также в 3-х сборниках, которые ею редактировались.

Кроме того, уместно выделить несколько основных тем, связанных с русским национально-патриотическим движением, которые разрабатывались зарубежными исследователями. Во-первых, это касается деятельности русских национально ориентированных диссидентов. О диссидентах русской национально-патриотической направленности писали такие авторы, как Р. Хорват из Австралии [29], Д. Г. Роули из США [40, с. 321–337; 41, с. 155–171], а также скончавшийся несколько лет назад израильский историк М. Конфино [19, с. 611–636]. В основном они изучали воззрения А. И. Солженицына (Р. Хорват немало внимания уделил также взглядам и деятельности И. Р. Шафаревича) и его влияние на развитие русского национализма. Относительно Д. Г. Роули уместно указать, что очень многие положения своих работ он почерпнул у Ф. С. Баргхорна и У. Лакёра.

Вторым важным направлением исследовательской активности иностранных учёных являются творчество и общественно-политическая деятельность советских литераторов, придерживающихся русских национально-патриотических убеждений. Их анализировали не только англичанин С. Косгроув и американец Д. Ранкор-Лаферьер, но также, хотя пусть и в меньшей степени, нежели два упомянутых выше автора, и английская исследовательница Р. Питтман [36, с. 665–685].

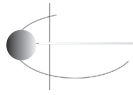
В-третьих, сравнительно много авторов занимались изучением феномена русского национализма в СССР в годы перестройки. Это касается англичанина Д. Риордана [39, с. 556–572], американца У. Кори [31], немца Г. Симона [42, с. 1169–1190; 43, с. 16–28], француженки Элен Каррер д'Анкокс [1, с. 10; 2, с. 374]. Ими был сформулирован ряд выводов по широкому кругу вопросов, связанных с деятельностью русских национал-патриотов.

В-четвёртых, деятельность национал-патриотов после краха СССР анализировали Т. Байхельт из ФРГ [15, с. 505–526], американцы Г. Хан [26, с. 305–335] и Ю. Коллберг [32, с. 929–953]. По нашему мнению, наибольшего внимания заслуживают выводы Г. Хана о деятельности объединённой оппозиции в России в начале 1990-х гг., а также о наличии «правой» и «левой» фракций во Фронте национального спасения. Интересны выводы Ю. Коллберга о наличии у многих русских национал-патриотов веры в тайные силы из-за рубежа, которые были повинны в развале СССР.

В целом не только следует признать большой вклад зарубежных исследователей в изучение феномена русского национально-патриотического движения, но также необходимо отметить, что некоторые иностранные учёные на современном этапе не только не склонны подобно Э. Д. Грегору У. Лакёру, Д. Г. Роули и А. Умланду к демонизации русского национально-патриотического движения, но, наоборот, весьма объективно подходят к изучению данной проблемы. Их выводы, сделанные в результате анализа обстоятельств становления и развития данной политической силы, а также её поражения в 1990-е годы во многом сходны с теми, что наличествуют в работах В. Д. Соловья и научно-публицистических книгах А. Самоварова и А. Широпаева. В полной мере данное обстоятельство относится к упоминавшемуся уже нами выше британскому историку Дж. Хоскингу и профессору Сингапурского университета Астрид С. Туминез [45].

Список литературы

1. Каррер д'Анкокс Э. Видеть реальную опасность... // Московские новости. 1989. 23 июля. С. 10.
2. Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней / пер. с фр. А. А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
3. Лакёр У. Россия и Германия: Наставники Гитлера. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с.
4. Лакёр У. Черная сотня: Происхождение русского фашизма / пер. с англ. В. Меникера. М.: Текст, 1994. 430 с.

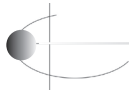
5. Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
6. Поспеловский Д. Русский национализм в сегодняшней исторической обстановке // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1978. № 12. С. 10–15.
7. Поспеловский Д. Русский национализм, марксизм-ленинизм и судьбы России // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1979. № 111/112. С. 406–447.
8. Соловей В. Д. Русское национальное движение 60–80-х годов XX века в освещении зарубежной историографии // Отечественная история. 1993. № 2.
9. Умланд А. Официальный советский антисемитизм послесталинского периода // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 2. С. 158–168.
10. Умланд А. Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 71–84.
11. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2000. 510 с.
12. Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995. 320 с.
13. Allensworth W. The Russian Question: Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1998. 350 pp.
14. Barghoorn F. C. Soviet Russian Nationalism. Oxford University Press, New York, 1956. 330 p.
15. Beichelt T. Two variants of the Russian radical right: Imperial and social nationalism // Communist and Post-Communist Studies (London). Vol. 42. Issue 4 2009. pp. 505–526.
16. Brudny Y. M. Reinventing Russia: Nationalism and the Soviet State. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 352 p.
17. Carter S. K. Russian Nationalism: Yesterday, Today, Tomorrow New York: St. Martin's Press, 1990. 175 pp.
18. Carter S. K. Russischer Nationalismus: Von Dostojewski Uber Solschenizyn Zu Schirinowski? Berg: VGB-Verlagsgesellschaft, 1995. 272 p.
19. Confino M. Solzhenitsyn, the West, and the New Russian Nationalism // Journal of Contemporary History (London). Vol. 26. No. 3/4. P. 611–636.
20. Cosgrove S. A. Russian Nationalism and the Politics of Soviet Literature. London: Palgrave Macmillan, 2004. 289 p.
21. Duncan P. J. S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and after. London: Routledge, 2000. 256 p.
22. Duncan P. J. S. The Fate of Russian Nationalism: The Samizdat Journal Veche Revisited // Religion in Communist Lands (Oxford). 1988. Vol. 16. P. 36–53.
23. Dunlop J. B. The new Russian nationalism. Stanford: Hoover Institution Press, 1985. 128 pp.
24. Gregor A. J. Fascism and the New Russian Nationalism // Communist and Post-Communist Studies (Los Angeles). 1998. Vol. 31. № 1. P. 1–15.
25. Gregor A. J. Phoenix: Fascism in Our Time. New Brunswick: Transaction, 1999. 208 p.
26. Hahn G. M. Opposition Politics in Russia // Europe-Asia Studies (Glasgow). Vol. 46. No. 2 (1994). P. 305–335.
27. Hammer D. P. Russia irredenta: soviet nationality policy reappraised. Indiana University, 1997. 44 p.
28. Hammer D. P. The traditionalist opposition in soviet politics. Indiana University, 1990. P. 8.
29. Horvath R. The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratization, and Radical Nationalism in Russia. London and New York: Routledge, 2005. 293 p.
30. Hosking G., Service R. Russian Nationalism, Past and Present. NY: St. Martin's Press, 1998. 217 p.
31. Korey W. Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism. Chur: Harwood Academic, 1995. 243 p.
32. Kullberg J. S. The Ideological Roots of Elite Political Conflict in Post-Soviet Russia // Europe-Asia Studies (Glasgow). Vol. 46. No. 6 (1994). P. 929–953.
33. Laquer W. Russia and Germany: A Century of Conflict. London: Weidenfeld and Nicolson 1965. 367 p.
34. Laquer W. The Long Road to Freedom. Russia and Glasnost. NY: Charles Scribner's Sons, 1990. 325 p.

35. Parland Th. The extreme nationalist threat in Russia: The growing influence of Western rightist ideas. London – New York: Routledge Curzon, 2005. 240 p.
36. Pittman R. H. Writers and Politics in the Gorbachev Era // *Soviet Studies* (Glasgow). Vol. 44. No. 4 (1992). P. 665–685.
37. Rancour-Laferriere D. Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imaging Russia. NY: Edwin Mellen Press, 2001. 349 p.
38. Pospelovsky D. V. The Resurgence of Russian Nationalism in Samizdat // *Survey* (London). 1973. Vol. XIX. № 1. P. 51–74.
39. Riordan J. Soviet Youth: Pioneers of Change // *Soviet Studies* (Glasgow). Vol. 40. No. 4 (Oct., 1988). P. 556–572.
40. Rowley D. G. Aleksandr Solzhenitsyn and Russian Nationalism // *Journal of Contemporary History* (Madison). Vol. 32. No. 3 (Jul., 1997). P. 321–337.
41. Rowley D. G. Russian Nationalism and the Cold War // *The American Historical Review* (Bloomington). Vol. 99. No. 1 (Feb., 1994). P. 155–171.
42. Simon G. Auf der Suche nach der «Idee für Russland» // *Osteuropa* (Berlin). 1997. Vol. 47. № 2. P. 1169–1190.
43. Simon G. Nationalismus und die Grenzen der Sowjetunion als Weltmacht // *Aus Politik und Zeitgeschichte* (Frankfurt am Main). 1988. 6 aug. P. 16–28.
44. Spence T. M. The development of Russian nationalism under Gorbachev (1985–91) PhD Thesis, School of Slavonic and East European Studies. 373 p.
45. Tumines A. Russian Nationalism Since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy. Lanham: Rowman and Littlefield, 2000. 339 p.

References

1. Karer d'Ankoss E. Videt' real'nyu opasnost'... // *Moskovskie novosti*. 1989. 23 iyulya. S. 10.
2. Karer d'Ankoss E. Evraziiskaya imperiya: istoriya Rossiiskoi imperii s 1552 g. do nashikh dnei / per s fr. A. A. Peshkova. M.: ROSSPEN, 2010. 431 c.
3. Laker U. Rossiya i Germaniya: Nastavniki Gitlera. Vashington: Problemy Vostochnoi Evropy, 1991. 485 s.
4. Laker U. Chernaya sotnya: Proiskhozhdenie russkogo fashizma / per. s angl. V. Menikera. M.: Tekst, 1994. 430 s.
5. Mitrokhin N. Russkaya partiya: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953–1985 gody. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 624 s.
6. Pospelovskii D. Russkii natsionalizm v segodnyashnei istoricheskoi obstanovke // *Posev* (Frankfurt-na-Maine). 1978. № 12. S. 10–15.
7. Pospelovskii D. Russkii natsionalizm, marksizm-leninizm i sud'by Rossii // *Grani* (Frankfurt-na-Maine). 1979. № 111/112. S. 406–447.
8. Solovei V. D. Russkoe natsional'noe dvizhenie 60–80-kh godov KhKh veka v osveshchenii zarubezhnoi istoriografii // *Otechestvennaya istoriya*. 1993. № 2.
9. Umland A. Ofitsial'nyi sovetskii antisemitizm poslestalinskogo perioda // *Pro et Contra*. 2002. T. 7. № 2. S. 158–168.
10. Umland A. Pravyi ekstremizm v postsovetsoi Rossii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 4. S. 71–84.
11. Khosking Dzh. Rossiya: narod i imperiya (1552–1917). Smolensk: Rusich, 2000. 510 s.
12. Yanov A. Posle El'tsina: «Veimarskaya» Rossiya. M.: KRUK, 1995. 320 s.
13. Allensworth W. The Russian Question: Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1998. 350 pp.
14. Barghoorn F. C. Soviet Russian Nationalism. Oxford University Press, New York, 1956. 330 p.
15. Beichelt T. Two variants of the Russian radical right: Imperial and social nationalism // *Communist and Post-Communist Studies* (London). Vol. 42. Issue 4 2009. pp. 505–526.
16. Brudny Y. M. Reinventing Russia: Nationalism and the Soviet State. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 352 p.
17. Carter S. K. Russian Nationalism: Yesterday, Today, Tomorrow New York: St. Martin's Press, 1990. 175 pp.
18. Carter S. K. Russischer Nationalismus: Von Dostojewski Uber Solschenizyn Zu Schirinowski? Berg: VGB-Verlagsgesellschaft, 1995. 272 p.

19. Confino M. Solzhenitsyn, the West, and the New Russian Nationalism // *Journal of Contemporary History* (London). Vol. 26. No. 3/4. P. 611–636.
20. Cosgrove S. A. *Russian Nationalism and the Politics of Soviet Literature*. London: Palgrave Macmillan, 2004. 289 p.
21. Duncan P. J. S. *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and after*. London: Routledge, 2000. 256 p.
22. Duncan P. J. S. The Fate of Russian Nationalism: The Samizdat Journal *Veche* Revisited // *Religion in Communist Lands* (Oxford). 1988. Vol. 16. P. 36–53.
23. Dunlop J. B. *The new Russian nationalism*. Stanford: Hoover Institution Press, 1985. 128 pp.
24. Gregor A. J. *Fascism and the New Russian Nationalism // Communist and Post-Communist Studies* (Los Angeles). 1998. Vol. 31. № 1. P. 1–15.
25. Gregor A. J. *Phoenix: Fascism in Our Time*. New Brunswick: Transaction, 1999. 208 p.
26. Hahn G. M. *Opposition Politics in Russia // Europe-Asia Studies* (Glasgow). Vol. 46. No. 2 (1994). P. 305–335.
27. Hammer D. P. *Russia irredenta: soviet nationality policy reappraised*. Indiana University, 1997. 44 p.
28. Hammer D. P. *The traditionalist opposition in soviet politics*. Indiana University, 1990. P. 8.
29. Horvath R. *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratization, and Radical Nationalism in Russia*. London and New York: Routledge, 2005. 293 p.
30. Hosking G., Service R. *Russian Nationalism, Past and Present*. NY: St. Martin's Press, 1998. 217 p.
31. Korey W. *Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism*. Chur: Harwood Academic, 1995. 243 p.
32. Kullberg J. S. The Ideological Roots of Elite Political Conflict in Post-Soviet Russia // *Europe-Asia Studies* (Glasgow). Vol. 46. No. 6 (1994). P. 929–953.
33. Laquer W. *Russia and Germany: A Century of Conflict*. London: Weidenfeld and Nicolson 1965. 367 p.
34. Laquer W. *The Long Road to Freedom. Russia and Glasnost*. NY: Charles Scribner's Sons, 1990. 325 p.
35. Parland Th. The extreme nationalist threat in Russia: The growing influence of Western rightist ideas. London – New York: Routledge Curzon, 2005. 240 p.
36. Pittman R. H. *Writers and Politics in the Gorbachev Era // Soviet Studies* (Glasgow). Vol. 44. No. 4 (1992). P. 665–685.
37. Rancour-Laferriere D. *Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imaging Russia*. NY: Edwin Mellen Press, 2001. 349 p.
38. Pospelovsky D. V. The Resurgence of Russian Nationalism in Samizdat // *Survey* (London). 1973. Vol. XIX. № 1. P. 51–74.
39. Riordan J. *Soviet Youth: Pioneers of Change // Soviet Studies* (Glasgow). Vol. 40. No. 4 (Oct., 1988). P. 556–572.
40. Rowley D. G. Aleksandr Solzhenitsyn and Russian Nationalism // *Journal of Contemporary History* (Madison). Vol. 32. No. 3 (Jul., 1997). P. 321–337.
41. Rowley D. G. *Russian Nationalism and the Cold War // The American Historical Review* (Bloomington). Vol. 99. No. 1 (Feb., 1994). P. 155–171.
42. Simon G. *Auf der Suche nach der «Idee für Russland» // Osteuropa* (Berlin). 1997. Vol. 47. № 2. P. 1169–1190.
43. Simon G. *Nationalismus und die Grenzen der Sowjetunion als Weltmacht // Aus Politik und Zeitgeschichte* (Frankfurt am Main). 1988. 6 aug. P. 16–28.
44. Spence T. M. *The development of Russian nationalism under Gorbachev (1985–91)* PhD Thesis, School of Slavonic and East European Studies. 373 p.
45. Tumines A. *Russian Nationalism Since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2000. 339 p.

Статья поступила в редакцию 30.12. 2013

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ ORIENTAL STUDIES

УДК 2(517), 24 (517)
ББК 86 (5 мон), 86.35 (5 мон)

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

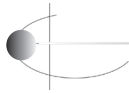
Самдангийн Цэдэндамба,
доктор (Ph), профессор,
Институт обществоведения,
Монгольский государственный университет,
кафедра философии, религиоведения,
(Монголия, Улан-Батор, почтовое отделение 46А, ящик № 591)
e-mail: tsedensamdan@yahoo.com

Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг.¹

В статье исследована религиозная ситуация в Монголии после начала демократических преобразований конца 80-х – первого десятилетия прошлого века. В ней дана характеристика основных изменений, произошедших как в монгольском обществе, так и внутри религиозных сообществ. Особенности данного периода являются как возрождение всех традиционных религий и верований, так и появление новых религиозных верований и учений. Рассмотрены причины быстрого увеличения религиозности населения, появления общественных религиозных организаций, способствовавших стремительному строительству буддийских монастырей и сооружений. Особый интерес представляют статистические данные Госкомстата Монголии и социологических исследований, показывающие рост численности монастырей и религиозных сооружений по годам, религиозность разных этнических групп населения Монголии в процентном соотношении. В результате выявлено, что наибольший процент верующих среди этнических групп составляют монгольские казахи, а в количественном – верующие буддисты. Также рассмотрены особенности восстановления традиционных религий – буддизма, шаманизма, проникновения и распространения новых для Монголии религий и верований, в основном разных течений христианства.

Ключевые слова: Монголия, демократические преобразования, религиозная ситуация, традиционные религии, новые для Монголии религии, буддизм, шаманизм, христианские организации.

¹ Публикация подготовлена в рамках совместного проекта СО РАН и АН Монголии и Министерства образования, культуры и науки Монголии № 17 «Монголия-Сибирь в ретроспективе веков» и гранта РГНФ 14–01–00344 «Реалии монашеской дисциплины в буддизме».

Tsymzhit Purbuyevna Vanchikova,
*Doctor of History, Professor,
 The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 (6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047)
 e-mail: vanchikova_ts@mail.ru*

Samdangiyn Tsendamba,
*Doctor (PhD), Professor,
 Social Science Institute, Mongolian State University,
 Department of Philosophy and Religious Studies,
 (Post Office 46A, Box №591, Mongolia, Ulan-Bator)
 e-mail: tsendamsandan@yahoo.com*

Religious Situation in Mongolia: 1990–2009¹

The article examines the religious situation in Mongolia after the beginning of democratic changes of the late 80s – the first decade of the last century. It includes profiles of the major changes that have occurred both in Mongolian society and within religious communities. Main features of this period are the revival of all traditional religions and beliefs, and the emergence of new religions. The reasons for the rapid increase of religiosity of the population, the emergence of public religious organizations that contributed to the broad construction of Buddhist monasteries and various religious objects are looked upon. The statistical data of the State statistics Committee of Mongolia and sociological research that shows the growth in the number of monasteries and religious buildings year-by-year, religiosity of different ethnic groups of population of Mongolia in percentage are of particular interest. The results revealed that the largest percentage of believers among ethnic groups make up the Mongolian Kazakhs, and quantitatively – Buddhist believers. The peculiarities of the restoration of traditional religions – Buddhism, shamanism, as well as penetration and distribution of new for Mongolia religions and beliefs, mainly different currents of Christianity are also considered.

Keywords: Mongolia, democratic changes, religious situation, traditional religions, new for Mongolia religions, Buddhism, shamanism, Christian organizations.

Рассматриваемый период отличается полной свободой демократических прав, свободой выбора и свободой вероисповедания, начавшихся со времени политических преобразований в стране. Религиозная ситуация характеризуется, с одной стороны, возрождением традиционных религий и верований, а с другой, проникновением и распространением новых не традиционных для Монголии религиозных конфессий.

После государственных изменений в марте 1990 г. в стране появилось много новых политических партий, союзов, основным программным пунктом которых декларировалась свобода вероисповедания. В апреле-мае 1990 г. были организованы партии «Монгольская религиозно-демократическая партия» (Монголын Шашинтны Ардчилсан Нам), Монгольская Народная Партия (Монгол Ардын нам), имевшие религиозную направленность. Также в марте 1990 г. был организован Союз верующих Монголии. Одной из целей данного союза было возрождение старых монасты-

рей, строительство новых и доступность их для верующих. Эти и другие явления, и процессы повлияли на быстрое развитие религиозности и стремительный рост буддийских монастырей. Так, например, за 2–3 года количество буддийских монастырей и дуганов достигло 100. (См. ниже таблицу увеличения численности монастырей по годам, составленную по данным Госкомстата Монголии).

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	2000
Кол-во храмов	93	94	102	124	135	143	160

Ещё одним обстоятельством, повлиявшим на религиозную ситуацию в стране, явился указ первого Президента Монголии «Об урегулировании отношений между государством и религией» 21 декабря 1990 г.

¹ The work is performed with the support of the SB RAS and the Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project number 17 “Mongolia - Siberia in perspective centuries” and the project of RHNS № 14–01–00344 “Realities of Monastic discipline in Buddhism”.

Основное содержание указа – о возрождении традиционной религиозной культуры, об уважении религиозных прав населения, об урегулировании отношений между государством и религией, о важности изучения религиозных процессов.

Продолжением этого указа явился последующий указ Президента «Об организации Совета по решению религиозных вопросов» в марте 1991 г. В этом указе утверждались и разъяснялись функции Совета. С этого времени Совет работает при Президенте и занимается вопросами религии, отношениями между государством и религиозными организациями. В 1992 г. была принята новая конституция, по которой свобода вероисповедания является неотъемлемым правом любого гражданина Монголии, а отношения между религией и государством основываются на взаимном уважении. В ноябре 1993 г. Народным Хуралом был принят закон «Об отношениях между государством и религией», опирающийся на положения Конституции.

К традиционным религиям Монголии помимо буддизма относятся ислам для монгольских казахов и шаманизм. По количеству верующих после буддизма идёт ислам. Ислам – традиционная религия монгольских казахов, за годы социализма влияние ислама несколько ослабло, но за последние годы изменения сказались и на ситуации с этой конфессией. Расселение казахов неравномерно, они селились в основном в приграничных районах и потому основные приверженцы ислама проживают в Баян-Ульгийском аймаке, в Дархане, в Эрдэнэте и Улан-Баторе.

В октябре 1990 года в Улан-Баторе было создано Общество мусульман Монголии (Монголын Мусульманы нийгэмлэг), сыгравшее большую роль в возрождении ислама. Это общество в июле 1992 года было переименовано в «Религиозный центр монгольского ислама» (Монголын ислам шашны төв). Целью этого общества, а впоследствии и центра, были возрождение традиций ислама, защита прав мусульман Монголии, организация паломничеств (хаджей) в Мекку, строительство мечетей и школ, подготовка священнослужителей, установление связей с зарубежными мусульманскими центрами. В рамках деятельности этих организаций несколько тысяч человек прошли начальные курсы по знакомству с основами ислама, Корана, обучению молитв на арабском языке. В 1990 г. на современный казахский язык с арабского был переведён Коран и распространён среди населения. Первая мечеть была построена в 1992 г. на средства, выделенные разными за-

рубежными и монгольскими благотворительными организациями. Всего на настоящее время построено более 30 мечетей, большая часть из них в Баян-Ульгийском аймаке. Особенно активизировались внешние сношения в последние годы.

В рассматриваемый период уделялось особое внимание обучению и подготовке слушателей. Наряду с отправлением подростков в религиозные школы Турции, Казахстана и других стран, в 1993 г. в центре Баян-Ульгийского аймака была учреждена мусульманская школа-медресе. За прошедший период около 3 000 детей прослушали начальный курс основ ислама. С 1990 по 2006 гг. более 970 молодых людей прошли обучение в мусульманских странах не только в религиозных, но и светских учебных заведениях [1, с. 116].

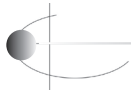
В отличие от представителей буддизма и шаманизма, проникновение в их ряды других религий вызывает противодействие со стороны верующих исламистов. Так, например, в 1993 г. сорвалась попытка немецкой протестантской организации, пришедшей под видом благотворительной организации Красного креста, построить христианскую церковь. В Баян-Ульгийском аймаке нет ни одной христианской организации или представительств новых конфессий, получивших в Монголии повсеместное распространение.

Отношение к религии этнических групп населения Монголии

Этногруппы	халха	казахи	буряты	дурбэты	баяты	урианхай	другие
Процент верующих	69,6	83,3	79,9	68,4	66,7	60,0	60,6

Из таблицы видно, что наибольший процент верующих среди монгольских казахов. После них следуют буряты и халхасцы. Из опрошенных казахов 96 % верующие мусульмане, 35 % верят в Аллах тэнгэрт.

Шаманизм – одна из наиболее древних форм религии у монголов. Сейчас шаманизм возрождается среди монгольских бурят, дархатов, дурбэтов, урианхайцев, халхасцев. Шаманы и шаманки, имеющие наследственные корни, а также вновь провозглашённые шаманы и шаманки, по просьбам населения свободно исполняют различные обряды, и это не противоречит монгольским законам.

В 1995 г. вышло официальное правительственное решение Президента о почитании согласно древней монгольской традиции 4 горных вершин – Богдо-хан, Хайрхан уул, Хан Хэнтий (Бурхан Халдун) уул, Отгонтэнгэр уул. Позднее к почитанию этих 4 гор прибавили почитание Дарьгангын Алтан-Овоо. Культ овоо (обо) – обычай, свойственный шаманизму, позднее инкорпорированный буддизмом.

Некоторая часть шаманов стала работать официально, зарегистрировавшись в министерстве юстиции Монголии, но большая часть действует в частном порядке, не объединяясь между собой. В настоящее время официально зарегистрировано 6 шаманских объединений (организаций). Эти организации представляют собой объединения шаманов, связанных между собой или по линии преемственности или по территориальному признаку. Так, например, шаманский центр «Бөөгийн тэнгрийн сүлдэр холбоо» объединяет шаманов и шаманок, выходцев из Восточного аймака (Дорнод аймак). Этот центр создан Тумэрбаатаром, сыном известного Цэрэн-заарина.

Интерес представляет деятельность зарегистрированного в 2009 г. шаманского центра «Хар цагаан сүлдэний мөргөлийн өргөө», возглавляемого шаманом Бямбадоржем, выходцем из Кобдоского аймака, называемого Государственным шаманом-заарином (Төрийн заарин бөө). Этот титул он получил за совершение государственного обряда почитания горы Бурхан Халдун, начиная с 1995 г. (подробно см.: 2, 3).

В настоящее время по неофициальным данным насчитывается более 600 шаманов и шаманок. Шаманизм сейчас возрождается как неотъемлемая часть монгольского традиционного мировоззрения и культуры. Деятельность шаманов и шаманок не ограничивается только обрядовой сферой, совершением магических шаманских обрядов и ритуалов, они стали играть значительную роль в жизни общества и государства, подтверждением чему является деятельность шамана Бямбадоржа. Шаманы стали активно сотрудничать между собой, устанавливать отношения с шаманами из других стран, большинство из них открыто для общения. Значительно увеличилось число последователей шаманизма, обращающихся к шаманам по личным требованиям, количество участников обрядов почитания овоо. Следует отметить отход части монгольского населения от буддизма к шаманизму, чего не наблюдалось ранее.

В Республике стали регулярно проводиться международные научные и научно-практические конференции и семинары с участием учёных, и практикующих шаманов. Все эти новые черты современного монгольского шаманизма являются инновационными тенденциями и они свидетельствуют о формировании нового для Монголии явления, которое можно назвать городским шаманизмом.

Распространение новых религий. С 1990-х гг. в Монголии стали распространяться новые верования, не традиционные для Монголии, что можно объяснить интересом монголов к иной культуре и религии после многих лет закрытости общества. Удовлетворяя, главным образом, этот интерес и проникали новые религии. Прежде всего, это относится к христианским религиям.

Христианство распространено почти во всех странах мира, имеет много направлений, в историческом процессе наиболее видоизменялось, приспосабливаясь к разным историческим и политическим обстоятельствам. Распространение христианства в Монголии не новое явление, но с точки зрения современных условий и общественных реалий – новое.

Одной из первых начала работу христианская организация «Ертонцийн эзний чуулган», которая с 7 октября 1990 года стала регулярно по воскресеньям проводить собрания верующих. За короткий период времени она приобрела большую популярность и число своих последователей. За прошедший период почти во всех аймаках Монголии открылись её отделения.

19 декабря 1990 года было организовано монгольское библейское общество (Монголын Библийн нийгэмлэг). Эта организация активно сотрудничает с христианскими организациями других стран. Одними из первых начали свою деятельность в Улан-Баторе следующие организации: «Үүрдийн гэгээ», «Шинэ амьдрал», «Гэрэлт ирээдүй», «Мөнхийн гэрэл», «Есүсийн гэрэл», «Мөнхийн гэгээ», «Антиох», «Шинэ апостолын сүм хийд» и т. д. Многие из них организовали отделения в аймачных центрах. К середине 1990-х гг. по неполным официальным сведениям число их адептов превышало 4 500 чел.

С 1996 г. функционирует Институт богословия или Центр по изучению Библии. Целями и задачами данного Центра является преподавание истории христианства, теологии, толкование Библии прихожанам, подготовка кадров священников (степень бакалавра), которые могут в дальнейшем проповедовать.

Появились церкви католиков, православных, англиканцев, апостольская, пресвитерианцев, баптистов, адвентистов, методистов, мормонов, Свидетелей Иеговы. Эти верования проникали из США, Японии, Южной Кореи, Германии, Англии и имеют свои отличительные черты. Распространена практика отправки монгольской молодежи на обучение за рубеж в институты богословия.

За последние годы в количественном отношении они начинают занимать лидирующее положение. Динамика роста численности протестантских объединений позволяет говорить о росте их влияния среди монгольского населения. Их количество уже превысило количество буддийских организаций, если в 2007 г. насчитывалось 143 христианских объединений, то в 2009 г. было зарегистрировано было 160 и около 60 находятся в стадии регистрации или действуют без регистрации. Представители объединений протестантской направленности, имеющие более 100 церквей, объединились в «Союз Евангелистов», их численность более 35 000 чел. Эти объединения находятся в прочной с экономической точки зрения позиции, они стабильно развиваются. Христианские объединения открывают свои филиалы в сельской местности, ориентируясь на самые широкие слои населения, они проводят очень интенсивную работу по привлечению новых членов.

Помимо христианских течений появились объединения других религий. Например, в 1992 г. начали свою деятельность «Монголын Ананда Марга нийгэмлэг», «Монгол оюутны Ананда Марга холбоо», в мае 1993 года – «Монгольское общество Бахаи», в 1996 г. – мунисты. Также открылось несколько храмов-центров Шри Чинмой и йоги.

Без сомнения? новые религиозные объединения начали влиять на духовные, культурные, общественные и этнополитические процессы в стране, что вызывает определённую обеспокоенность традиционно-настроенных кругов общества. Их особое беспокойство вызывает активное вовлечение монголов в эти объединения и быстрое расширение их численности.

По социологическим исследованиям 2006 г. почти 80 % верующих составляют последователи буддизма, 10 % – ислама, 10 % – христиане. Учитывая расширение влияния шаманизма и христианских номинаций, можно сказать, что в настоящее время религиозная картина изменилась и что назрела необходимость проведения новых исследований и более детального изучения религиозной ситуации в стране в целом.

Изменились и верующие, и монахи. Современные верующие в количественном отношении значительно помолодели, в гражданском отношении стали более образованными, сведущими во многих современных знаниях, опирающимися на принципы свободы вероисповедания и свободу выбора религии, имеют более глубокую внутреннюю убежденность, веруют по необходимости/потребности, в религиозных действиях больше опираются на прагматичные принципы, больше ценят пользу и блага этой жизни, а не в последующей жизни.

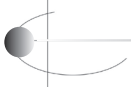
Следует сказать, что современные процессы, происходящие в религиозной жизни монгольского общества, дальнейшее развитие этого процесса, будущее состояние и перспективы в значительной мере будут зависеть от взаимоотношения традиционной и нетрадиционной религий и находятся в тесной взаимосвязи с процессом общественных изменений в Монголии. Как бы ни возрождались, активизировались религиозные конфессии в монгольском обществе, они уже не могут полностью подчинить или овладеть обществом, как прежде. Монгольское общество руководствуется гражданскими позициями, современными нравами и взаимоотношениями. Однако уже появились условия и обстоятельства, при которых нельзя недооценивать влияние религии или действительную роль религии.

В целом же религиозная ситуация в современной Монголии характеризуется высоким уровнем религиозной свободы.

В настоящее время социологические исследования продолжаются, их результаты будут представлены в следующих публикациях.

Список литературы

1. Батырбек Х. Монгол дахь Ислам шашны сэргэлт, оноогийн байдал // Философии, шашин судлал. 2007. № 277 (38).
2. Бямбадорж Д. Мөнх тэнгэрийн шашин, бөө мөргөл. УБ., 2008.
3. Саруулбуян Ж. Бурхан халдун Хайрханы тэнгэр тайлга. УБ., 2006.
4. Цэдэндамба С. Монгол дахь шашин, сүсэг бишрэлийн төлөв байдал, хандлага, философийн шинжлэх ухааны зэрэг горилсон диссертац. Улаанбаатар, 1999.

References

1. Batyrbek Kh. Mongol dakh' Islam shashny dakhin sergelt, onoogiin baidal // Filosofii, shashin sudlal. 2007. № 277 (38).
2. Byambadorzh D. Mönkh tengeriin shashin, бөө мөргөл. УБ., 2008.
3. Saruulbuyan Zh. Burkhan khaldun Khairkhany tenger tailga. УБ., 2006.
4. Tsedendamba S. Mongol dakh' shashin, сүсэг бishreliin төлөв бaidal, khandlaga, filosofiin shinzhlekх ukhaany zereg gorilson dissertats. Ulaanbaatar, 1999.

Статья поступила в редакцию 20.04.2014

УКД 94(471–66)
ББК 633(2-Рос-Дар)63–242–36

Джарулла Курбанович Кадиев,
кандидат исторических наук,
Дагестанский государственный
институт народного хозяйства
(367008, Россия, г. Махачкала, ул. Атаева, 5)
e-mail: nalogoviy_dginh@mail.ru

Развитие виноградарства в Дагестане и переселение горцев на равнину в годы Советской власти

Виноград издревле растёт на территории Дагестана. Старейшими очагами его выращивания являются города Дербент, Кизляр, Хасавюрт; селения Миатли, Кумторкала, Каякент в равнинной и предгорной зонах, а также населённые пункты Гимры, Голотоль, Тлох, Унцукуль в горной части республики. После присоединения в первой половине XIX в. к России в плоскостном и предгорном Дагестане постепенно увеличивались площади под виноградниками.

Первое правительство советского Дагестана, принимая во внимание исключительную роль виноградарства в социально-экономическом развитии республики, принимает ряд мер по организации виноградарских хозяйств для горцев-переселенцев. Важное значение для развития виноградарства, винодельческой отрасли имело осуществление в республике земельно-водной реформы, а также крупных административно-территориальных изменений по полному и эффективному использованию земельных и трудовых ресурсов.

Благодаря вышеназванным мерам, на местах, где ранее осуществлялись бессистемные посадки (а это 16 районов республики), были созданы высокорентабельные виноградарские совхозы.

Ключевые слова: виноград, культура, территория, республика, площади, плоскость, горы, переселение, земельно-водная реформа, хозяйства, посадка, страна, экономические меры, система, район.

Dzharulla Kurbanovich Kadiyev,
Candidate of History,
Dagestan State Institute of National Economy
(5 Atayev St., Makhachkala, Russia, 367008)
e-mail: nalogoviy_dginh@mail.ru

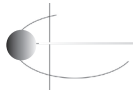
The Development of Viticulture in Dagestan and Mountaineers' Relocation into the Plain in the Period of Soviet Power

Viticulture is one of the ancient cultures in the Republic of Dagestan. The oldest centers of vine cultivation are Derbent, Kizlyar, Khasavyurt towns and following localities as Miatli, Kymtorkala, Kayakent in flat and foothilly areas and Gimry, Golotol, Tlokh, Untzukul in mountain parts of the republic. After joining to Russia in the first half of XIX century the areas for vine cultivation were gradually increased in Dagestan. The first government of Soviet Dagestan, taking into consideration an exclusive role of viticulture in socio-economic development of the republic, took a number of measures on organization viticulture farms for migrants-mountaineers. The ground and water reform and large administrative and territorial changes in the country which is reflected on effective using of both ground and labor forces played an important role in the development of viticulture and wine-making. Due to the mentioned organizational and economic measures in the places, where was unsystematic planting (it is 16 republics) highly profitable viticulture state farms were created.

Keywords: grape, culture, territory, area, republic, flatness, mountains, migration, ground and water reform, farms, planting, country, economic measures, system, district.

Виноград издревле выращивался на территории Дагестана, считающегося родиной многих его сортов. Культура возделывания винограда в республике возникла значительно раньше, чем выращивания других культур.

Старейшими очагами разведения винограда являются города Дербент, Кизляр, Хасавюрт; селения Миатли, Кумторкала, Каякент в равнинной и предгорной зонах, а также населённые пункты Гимри, Голотль, Тлох, Унцукуль в

горной части республики. История дальнейшего развития виноградарства и виноделия на территории Дагестана, особенно в Дербенте, связана с именем Петра I. Осмотрев дербентские виноградники во время Персидского похода 1722 г., царь велел «усиленно развивать эту ценную отрасль и попросил выписать из Венгрии мастера-винодела». Желание мужа исполнила царица Екатерина I (1725–1727), пригласив в Россию из Венгрии майора Туркуса [4, с. 78].

После присоединения Дагестана к России (1813 г.) в экономике Дагестанской области произошли заметные изменения. В плоскостном и предгорном районах постепенно увеличивались площади под садами и виноградниками за счёт расчистки земель от лесов и кустарников, а также благодаря их искусственному орошению. Значительно расширились площади под виноградниками и плодовыми насаждениями, выросло производство винограда и виноматериалов, возросла торговля в связи с сооружением морского порта в Дербенте и проведением Владикавказской железной дороги (1894 г.) [8, с. 239]. Вывоз винограда и винной продукции после ввода в эксплуатацию железной дороги с 1895 по 1914 г. увеличился в 5 раз.

Виноградарство в Дагестане в начале XX в. стало одной из ведущих отраслей сельского хозяйства. Главными центрами его являлись город Кизляр и Кизлярский уезд, Хасавюртовский округ Терской области, Дербент и Дербентский район, сельсовет Каякент (входил в состав Дербентского района с 1924 по 1935 гг.) [2, с. 12].

Первое советское правительство Дагестана, учитывая исключительно важную роль виноградарства в социально-экономическом развитии республики, в обеспечении людей работой, в поднятии жизненного уровня населения, в начале 1920-х гг. приняло ряд мер по организации виноградарских хозяйств и централизации управления всей отраслью. В 1920 г. при Наркомземе Дагестана был создан отдел «Дагвино», который позже приобрел самостоятельный статус.

Большое значение для развития виноградно-винодельческой отрасли Дагестана имело осуществление земельно-водной реформы, а также реформы административно-территориального управления в стране. Город Кизляр с прилегающими землями и виноградниками в 1922 г. вошёл в состав Дагестанской АССР.

Вопрос об эффективном размещении производительных сил для нашей республи-

ки является одним из сложных. Горные районы республики были плотно заселены, а степень использования трудовых ресурсов здесь до последнего времени была недостаточной. По этой причине с первых же дней установления советской власти в Дагестане встал вопрос о переселении горцев на равнину, где имелись возможности и свободные земельные площади для выращивания сельскохозяйственных культур, в первую очередь, винограда.

Директивные документы высших органов государственной власти и управления союзного, федерального и республиканского уровней показывают, что особое значение в процессе разработки программы переселения в рассматриваемые нами годы придавалось увеличению производства сельскохозяйственной продукции, повышению культуры земледелия, организации полного, эффективного использования земельных, трудовых ресурсов. Эта работа была направлена на ослабление перенаселённости горных округов путём переселения части жителей на равнину, которая была начата в 1920-х гг.

Центральный исполнительный комитет ДАССР 10 октября 1922 г. поручил наркомзему ДАССР М. Ахундову подготовить к III сессии ЦИКа вопрос о создании комиссии для изучения климатических и почвенных условий в районах, намечаемых под переселение безземельных горцев. Одновременно наркомзему предлагалось готовить специальный земельный фонд, необходимый для обеспечения переселенцев землёй. Большое значение для решения вопросов переселения горцев на равнину имело завершение в 1923 г. строительства канала им. Октябрьской революции. С подачей воды вводились в оборот десятки тысяч гектаров земель, на эти земли и переселялись горцы.

В первые годы установления советской власти в Дагестане переселенческое движение носило стихийный характер. Плановое переселение горцев на равнину началось в июне 1924 года., когда пленум Дагестанского РКП (б) предложил Наркомзему представить в ЦИК ДАССР перспективно-производственный план по переселению на равнину горцев с указанием участков, сроков, числа переселенцев, а также размеров требующих кредитов [5, с. 68].

Несмотря на экономические трудности, переживаемые советским государством, переселенцы получали от него разностороннюю помощь. В 1924–1926 гг. каждому хозяйству, переселяемому в плановом порядке,

выдавались безвозмездные ссуды в размере 125 р. и кредиты в размере 75 р. Из госбюджета на переселение горцев в 1923–1924 гг. было отпущено 50 тыс. рублей, в 1924–1925 гг. – 154 тыс. р. Это давало им возможность обзавестись домашним имуществом, семенами, рабочим и продуктивным скотом, приобрести стройматериалы [7, с. 31].

Переселенцы освобождались от сельскохозяйственных работ, в переселенческих посёлках за счёт государства бурились скважины, проводились работы по осушению болотистых мест, строительству оросительных систем. Выделение земельных участков под переселение было проблематичным, и, начиная с 1924 г., шла плановая подготовка земельных участков под переселение горцев [1, с. 82–83].

Наиболее существенное влияние на переселение, на развитие агропромышленного комплекса и социально-экономическое развитие Дагестана оказала земельно-водная реформа. Организация и проведение земельно-водной реформы в Дагестане было крупным мероприятием, направленным на смягчение аграрной перенаселённости в горах. Она разрабатывалась с учётом местных условий, прежде всего, с учётом нехватки земельных ресурсов в горах, освоением земель на равнине с последующим созданием переселенческих виноградарских совхозов [6, с. 24].

Все эти вопросы рассматривались на VI Вседагестанском съезде Советов (март 1927 г.) и на пленуме Дагестанского обкома партии (октябрь 1927 г.). Вседагестанский съезд Советов, по докладу наркома земледелия ДАССР М. Т. Ахундова «Об итогах и перспективах землеустройства, пастбищеустройства и переселения», признал земельно-водную реформу первоочередной общегосударственной задачей, которая должна проводиться при непосредственном участии и поддержке всех государственных органов, общественных организаций и широких трудящихся масс.

В докладе М. Т. Ахундова отмечалось, что сохраняющееся неравномерное распределение земли между горами и плоскостью пагубно отражается на жизненном уровне сельского населения. На долю жителей гор, составляющих по Всесоюзной переписи населения 1926 г. 659 000 чел., то есть 88,6 % всего населения республики, приходилось: пашен, садов и виноградников – 36,6 %, сенокосов – 26 %, пастбищ и выгонов – 34,9 %. Население равнинных районов, составляя

менее 100 тыс. чел. (13,4 %), имело в своём распоряжении 65,4 % пашен, садов и виноградников (почти в 2 раза больше), 74 % сенокосов (почти в 3 раза больше) и 65 % пастбищ (почти в 2 раза больше)¹.

В земельно-водной реформе вопросы переселения горцев оказались главными пунктами плана. Это было вызвано необходимостью быстрого удовлетворения земельных нужд горцев, экономическое положение которых из-за нехватки земли было тяжёлым. Горское крестьянство было обречено на безработицу, нищенствовало, многие отправлялись на заработки за пределы Дагестана. Земельный голод ощущался в таких округах, как Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Лакский и Самурский. Почти 30 000 крестьян из перечисленных округов ежегодно уходило на заработки.

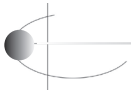
С этой целью было принято решение создать земельные фонды площадью 685 980 га для наделения дополнительными участками малоземельных и безземельных горцев, а также пастбищные фонды площадью в 922 390 га для обеспечения нужд животноводческих хозяйств горных районов, для возделывания сельскохозяйственных и технических культур, в том числе и винограда. В результате таких широкомасштабных мер размер землепользования для переселенцев горных районов предполагалось увеличить до 1 556 870 га.

Совнарком РСФСР, рассмотрев на своём заседании от 21 сентября 1927 года план земельно-водной реформы, одобрил его. План предусматривал переселить за период с 1927 по 1933 гг. 39 тыс. хозяйств из горных районов Дагестана в равнинные, которые испытывали недостаток в рабочей силе.

Реализуя решение СНК РСФСР, президиум Госплана Российской Федерации признал необходимым выделить для проведения земельно-водной реформы 7 870 000 р. из госбюджета, 2 280 000 р. в виде целевого кредита и 2 820 000 р. – из местного бюджета. В дополнение к ним президиум Госплана отпустил республике из госбюджета ещё 700 тыс. р. в виде целевых ссуд Россельбанка². В последующие годы по мере необходимости из бюджета РСФСР на переселение горцев выделялись возвратные и безвозвратные кредиты.

¹ Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1995 гг.). Документы и материалы: в 2 т. Том I (1920–1945 гг.). Махачкала: Наука – плюс, 2006. 345 с.

² Там же. С. 59.

Помимо землеустроительных работ в плане земельной реформы предусматривались и мелиоративные работы: укрепление берегов рек (Терек, Сулак), осушение и орошение земель, водоснабжение переселенцев как питьевой, так и оросительной водой, ликвидация очагов малярии, строительство объектов жизнеобеспечения (жилья, школ, больниц, лечебных и ветеринарных пунктов, магазинов). Планировалось и выделение земельных площадей под виноградники с системами водоснабжения (каналами, арыками, бурением дополнительных скважин).

12 августа 1930 года председатель СНК ДАССР Д. А. Коркмасов обратился с докладной запиской в СНК РСФСР, в которой предлагались крупные меры по ослаблению перенаселенности горных районов по плану ЗВР провести в 1930–1931 гг. На равнину намечалось переселить 11 760 хозяйств горцев и 5 200 хозяйств, поступающих на работу в существующие совхозы, которые расположены на равнине¹.

Земельно-водная реформа способствовала расширению ценных в сельскохозяйственном отношении земель прикаспийской равнинной части Дагестана. Для этого проводились мелиоративные работы по орошению и осушению низины в целях рентабельного использования под виноградарство и садоводство.

С конца 1928 г. страна приступила к выполнению первого пятилетнего плана. Важное место в нём отводилось сельскому хозяйству, в частности, виноградарству и виноделию. В контрольных цифрах отмечалось, что валовая продукция технических культур с 756 млн р. в 1926/27 гг. выросла до 901 млн в 1927/28 гг., т. е. увеличилась на 145 млн р., или 19,2 %. Посевные площади под техническими культурами на 58,5 % превосходили довоенный уровень. За годы пятилетки в Дагестане было организовано 749 колхозов, 22 совхоза, в том числе 2 совхоза системы «Садвинтрест». Это совхоз «Пролетарский» в Кизлярском районе (1930 г.) и совхоз «Красный Октябрь» в Дербентском районе (1930 г.). Совхоз «Пролетарский» располагал 1 700 га удобной земли, из которых 722 (42,5 %) были заняты виноградниками, а в совхозе «Красный Октябрь» из 571 га для этого использовали 418 га (73,2 %). В названных хозяйствах работали 238 и 123 постоянных рабочих соответственно².

¹ Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1995 гг.). Документы и материалы: в 2 т. Т. I (1920–1945 гг.). Махачкала: Наука-плюс, 2006. С. 57.

² Там же. С. 60–63.

Вновь созданные совхозы внесли определённый вклад в развитие виноградарства. Их коллективы проводили работу по реконструкции старых насаждений, посадке новых плантаций, внедрению высокопродуктивных сортов, совершенствованию технологии и механизации работ на виноградниках, внесению удобрений, обработке и химической защите растений.

Виноградарские совхозы оказывали помощь колхозам в организационно-хозяйственной сфере: ремонтировали технику, обучали кадры, делились опытом выращивания сельскохозяйственных культур. Так, в течение 1932 г. работники виноградарского совхоза «Красный Октябрь» Дербентского района оказали помощь многим своим землякам в составлении производственных планов и отчётов, а специалисты совхоза «Пролетарский» Кизлярского района отремонтировали сельскохозяйственный инвентарь в трёх колхозах района. Все эти мероприятия способствовали быстрому становлению колхозов.

Дагестанский виноград традиционно пользовался большим спросом. Если в 1932 г. по договорам с областями и республиками Российской Федерации в них отгружалось 4 499 ц винограда, то в 1934 г. отгрузка выросла до 5 660 ц, т. е. на 25,8 %. Увеличению поставок способствовали высокие урожаи винограда. Например, совхоз плодо-виноградарского направления «Красный Кайтаг» с каждым годом увеличивал сбор солнечных ягод: 1934 г. – 18,6 ц с га, 1935 г. – 43,5 ц, 1936 г. – 73,9 ц, 1937 г. – 78,7 ц [5, с. 130].

В годы второй пятилетки (1933–1937) виноградари Дагестана добивались высоких результатов по выращиванию этой культуры. Только за 1935 г. от урожая виноградников и садов республики был получен доход на сумму около 40 млн р. Виноградарство было развито в семи районах республики из 40 и имело большой удельный вес в общей структуре развития сельского хозяйства. Хотя площади под виноградники занимали 1,4 % всей площади, доход отрасли составлял больше 25 % валового дохода растениеводства и 15 % валового дохода всего сельского хозяйства республики³.

За эти годы было заложено более 5 тыс. га новых садов и виноградников. В 1936 г. были созданы питомники для нужд садоводства и виноградарства республики, выделены значительные суммы, техника, в том числе 18 тракторов с прицепами Челябинского тракторного завода⁴.

³ ЦГА РД. Ф. Р-124. Оп. 5. Д. 62. Л. 225.

⁴ ЦГА РД. Ф. Р-124. Оп. 5. Д. 62. Л. 63.

В ноябре 1937 года совместным постановлением ЦИК и СНК СССР «О льготах по сельхозпереселению» были предусмотрены специальные льготы. Переселенцам предоставляли бесплатный проезд, провоз скота и имущества до 2 т на каждую семью, бесплатное питание и медобслуживание с места выхода и до места вселения, освобождение от сельхозналога на два года и т. д.

В результате перечисленных мер к концу 1930-х – началу 40 гг. площади под виноградниками были значительно расширены. Только за два года (1939–1940) было посажено 2 402 га виноградников. Валовый сбор урожая достиг 22 тыс. т против 4,4 тыс. уровня 1913 г. Таким образом, Дагестан стал одним из крупных районов товарного производства винограда страны. По удельному весу площади садов и виноградников в сравнении с общей посевной площадью страны республика занимала второе место в Союзе (4,4 %) после Грузии (4,9 %) [5, с. 116–117].

С первых дней войны в колхозах и совхозах Дагестанской АССР развернулось социалистическое соревнование под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» Труженики сельского хозяйства республики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. для обеспечения фронта и населения продуктами сельского хозяйства, по неполным данным, сдали государству до 18 тыс. т плодов, 42,6 тыс. т овощей и около 15 тыс. т винограда. В равнинной зоне стали создаваться крупные специализированные хозяйства товарного производства зерна, риса, винограда, плодов, овощей, молока, тонкой меринской шерсти.

Особое внимание уделялось расширению площадей под насаждениями такой высокодоходной отрасли, как виноградарство. На равнине создавались новые специализированные виноградарские совхозы, организуемые для переселенцев из горных районов. Надо сказать, что многие переселенцы за короткие сроки осваивали новые для себя специальности и получали высокие урожаи винограда.

Бригадир переселенческого виноградарского совхоза «Каспий» Герой Социалистического Труда С. Багамаев на площади в 88 га получил по 188,5 центнеров винограда с гектара, бригадир совхоза «Кировский» Б. Гаджиева с площади 75 гектаров собрала по 177 центнеров винограда с 1 га.

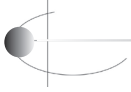
Члены переселенческого совхоза «Гергинский» в 1976–1980 гг. при плане 15 222 т собрали 22 830 т винограда. На участках бригады этого же совхоза, возглавляемого

Г. Агаевым, урожайность винограда составила 235 ц с каждого гектара. В конце 1950-х – начале 60-х гг. наряду с приёмом переселенцев из Чечено-Ингушетии, возвращавшихся из Средней Азии, продолжалось организованное переселение горцев на равнину [3, с. 93].

В связи с переориентацией сельского хозяйства республики в 1960-х гг. на развитие виноградарства, садоводства и овощеводства были созданы аграрно-промышленные объединения «Дагвино», «Дагконсервпром», «Дагплодоовщхоз», научно-производственное объединение (НПО) «Дагагровинпром», «Птицепром», «Скотопром». Работа этих организаций значительно повысила эффективность аграрного сектора производства.

Благодаря принятым мерам организационного и экономического характера правительством СССР, РСФСР и Дагестана с 1950-х гг. виноградарство и виноделие стали ускоренно развиваться как в стране, так и в республике. В 16 районах республики, где ранее отмечались бессистемные посадки, были созданы переселенческие специализированные виноградарские совхозы. Возникли новые посёлки, протянулись оросительные каналы и асфальтированные дороги. Таким высокопроизводительным предприятием отрасли в Дагестане стал переселенческий совхоз имени Героя Советского Союза Шамсулы Алиева (ныне государственное унитарное предприятие), с 1958 г. возглавляемое членом Академии технологических наук, доктором сельскохозяйственных наук, профессором, директором научно-производственного объединения (НПО) «Дагагровинпром» Героем Социалистического Труда Нариманом Абдулхаликовичем Алиевым. С самого начала он начал энергичную работу по повышению уровня агротехники, мелиорации земель, рассолению засоленной почвы, внесению удобрений. Именно в этот период началось строительство водопровода, протяжённостью 70 км от реки Самур до совхоза.

В 1960–70-е гг. доходы совхоза увеличились до 1,5 млн р. в год. Это позволило расширить сеть орошаемых плантаций, построить добротные дома для рабочих совхоза, школу, клуб, гостиницу, поликлинику, больницу. В совхозе были открыты Дом пионеров, музыкальная, художественные и спортивные школы. Детские рисунки художественной школы экспонировались на Выставке достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), воспитанники школы были отмечены дипломами, наградами [9, с. 73].

Проведение аграрных преобразований и переселение проходило в 4 этапа, каждый из которых имел отличительные особенности. К первому этапу переселения горцев можно отнести период с 1920-х по 40-е гг. Переселение проводилось на добровольных началах и коснулось в основном мелкокрестьянских хозяйств, им была охвачена незначительная часть малоземельных горцев.

Второй этап – переселенческое движение в военные и послевоенные годы (1941–1955 гг.) В первые годы, которые пришлось на начало войны, переселение не проводилось. В 1944 г. было проведено выселение чеченцев из Чечено-Ингушетии и Дагестана в Среднюю Азию. Затем на территории присоединенных к Дагестану из Чечено-Ингушетии районов, а также районов и сёл, откуда были выселены чеченцы, было переселено более 17 тыс. горцев. Это было самое массовое переселение.

Третий этап, охватывающий вторую половину 1950-х и середину 60-х гг., связан с принятыми на высшем политическом уровне страны решениями о реабилитации репрессированных народов и восстановлении Чечено-Ингушетии. Дагестанцы, переселённые в годы войны в присоединенные к Дагестану после депортации чеченцев районы и успевшие обустроиться там, стали срочно освобождать их.

Четвёртый этап переселения связан с ликвидацией последствий землетрясений 1966 г. и 1970 г., повлекших разрушение многих аулов. На равнину были переселены жители многих горных аулов, здесь для них создавались в основном виноградарские колхозы и совхозы.

К концу 1970-х гг. переселение горцев на равнину прекратилось, что было вызвано достаточной перенаселённостью равнинной зоны республики, явившейся итогом планомерной государственной переселенческой политики. В процессе осуществления государственной политики по переселению горцев на равнину переехали 200 тыс. чел., было организовано 76 новых населённых пунктов, создано около 100 новых совхозов и колхозов.

Виноградарство и виноделие в Дагестане развивались в соответствии с отрас-

левой программой, реализация которой позволила довести площадь виноградников до 72 тыс. га. Урожай винограда в 1984 г. составил 380 тыс. т, или 35% всего винограда, произведённого в России, при урожайности 74,6 ц с гектара. Это сделало Дагестан основным производителем «солнечной ягоды» России.

В результате переселенческой политики и проведения земельно-водной реформы в республике был решён вопрос нехватки земельных ресурсов горной части республики. На ранее пустующих заболоченных землях были созданы градообразующие высокодоходные колхозы и совхозы. В сельском хозяйстве возникли новые отрасли – виноделие и консервирование. Появились новые посёлки с современным соцкультбытом, протянулись оросительные каналы и асфальтированные дороги. В Дагестане была ликвидирована безработица.

Следует отметить, что наряду с плановым переселением имели место и факты стихийного переселения, которое шло без учёта потребности в трудовых ресурсах государственных сельхозпредприятий. Таким образом, численность переселенцев выросла до 250 тыс. чел.

Переселив с гор на равнину значительные массы людей, руководство республики добились решения главной задачи – ослабления аграрной перенаселённости в горах и эффективного использования трудовых ресурсов путём освоения на равнине пустующих и заболоченных земель.

Отмечая положительные итоги переселения, нельзя не сказать и о его негативных последствиях. Переориентация сельского хозяйства республики на интенсивный путь развития породила тенденцию все проблемы решать за счёт переселения горцев в многоземельные равнинные районы. Размах переселения перешагнул первоначально намечавшийся земельно-водной реформой оптимальный вариант перераспределения трудовых и земельных ресурсов. В результате многие высокоурожайные террасные земли в горах были брошены. При всех имеющихся недостатках земельно-водная реформа в переселенческой политике государства отвечала интересам всего Дагестана.

Список литературы

1. Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. (Узловые проблемы). М.: Наука, 1975. 302 с.
2. Искендеров Г. А. История совхозного строительства в Дагестане. 1920–1980 гг. М.: Наука, 1982. 185 с.

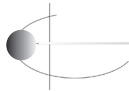

3. Кадиев Д. К. Развитие виноградарства и виноделия в Дагестане в XX веке: краткий очерк истории. Махачкала: Наука-Дагестан, 2012. 194 с.
4. Козубский Е. П. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. 468 с.
5. Османов А. И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. 336 с.
6. Османов А. И., Гаджиев А. С., Искендеров Г. А. Из истории переселенческого движения и решения аграрного вопроса в Дагестане. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994. 32 с.
7. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965. 367 с.
8. Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1957. 478 с.
9. Талибова Д. Б. Переселенческая политика государства и ее осуществление в Дагестане в 60–70-е годы XX века: опыт и уроки. Махачкала: Новый день, 2001. 155 с.

References

1. Daniyalov A. D. Stroitel'stvo sotsializma v Dagestane 1921–1940 gg. (Uzlovye problemy). M.: Nauka, 1975. 302 s.
2. Iskenderov G. A. Istoriya sovkhoznogo stroitel'stva v Dagestane. 1920–1980 gg. M.: Nauka, 1982. 185s.
3. Kadiev D. K. Razvitie vinogradarstva i vinodeliya v Dagestane v KhKh veke: kratkii ocherk istorii. Makhachkala: Nauka-Dagestan, 2012. 194 s.
4. Kozubskii E. P. Istoriya Dербента. Temir-Khan-Shura, 1906. 468 s.
5. Osmanov A. I. Agrarnye preobrazovaniya v Dagestane i pereselenie gortsev na ravninu (20–70-e gody KhKh v.). Makhachkala: DNTs RAN, 2000. 336 s.
6. Osmanov A. I., Gadzhiev A. S., Iskenderov G. A. Iz istorii pereselencheskogo dvizheniya i resheniya agrarnogo voprosa v Dagestane. Makhachkala: DNTs RAN, 1994. 32 s.
7. Osmanov G. G. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie dagestanskogo dokolkhoznoogo aula. M.: Nauka, 1965. 367 s.
8. Ocherki istorii Dagestana. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izd-vo, 1957. 478 s.
9. Talibova D. B. Pereselencheskaya politika gosudarstva i ee osushchestvlenie v Dagestane v 60–70-e gody KhKh veka: opyt i uroki. Makhachkala: Novyi den', 2001. 155 s.

Статья поступила в редакцию 30.12.2014

УДК 300.1/5
ББК 66.1(0)(5 Мон)

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670042, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Монголия после Цэдэнбала: от марксизма к социал-демократии¹

В статье анализируется социально-политическая трансформация Монголии с середины 1980-х гг., после лидера МНРП и руководителя страны Ю. Цэдэнбала. Тогда под воздействием курса на перестройку в СССР после апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС была декларирована широкомасштабная экономическая реформа страны, отказ от тупикового пути незначительных корректировок в централизованную экономику и политических преобразований, инициатором которых выступила МНРП. Одновременно с этим показан процесс партийного строительства и создания многопартийной системы как политической основы государства, а также процесс эволюции МНРП от марксизма к социал-демократии. Всё это в свою очередь породило у монгольского общества иллюзии неограниченной свободы. В тоже время этот процесс сопровождался жёсткой борьбой противоборствующих сил, сопровождавшейся ухудшением экономической ситуации в стране, массовой безработицей, ростом недовольства трудящихся масс в связи с отсутствием реальных демократических свобод, ослаблением роли Монголии на международной арене. В это же время в Монголии было создана многопартийная система, возникли устойчивые демократические институты, а монгольское общество стало открытым для цивилизованного мира.

Ключевые слова: СССР, МНР, КПСС, МНРП, Монголия, Россия, трансформация, партийное строительство, парламент, выборы, марксизм, социал-демократия.

Leonid Vladimirovich Kuras,
Doctor of History, Professor,
Senior Researcher
of the Department of History and Culture of Central Asia
The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670042)
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Mongolia after Tsedenbal: from Marxism to Social Democracy²

The article examines the social and political transformation in Mongolia from the mid-1980s, after the administration of Yu. Tsedenbal, leader of the Mongolian Communist party, when under the influence of the policy of perestroika in the Soviet Union after the plenum of Central Committee of CPSU in April 1985 where the large-scale economic reform in the country was declared, rejection from the deadlock way of minor adjustments to the centralized economy and political reforms initiated by the MRWP. At the same time, the article traces the process of party construction and creation of the multi-party system as a political foundation of the state and the evolution of the Mongolian People's Workers' Party from Marxism to social democracy. In its turn, all this created an illusion of an unlimited freedom within the Mongolian society. At the same time this process was accompanied by uncompromising struggle of rivaling political forces, followed by the deterioration of the economic situation in the country, mass unemployment, growing grievances of the masses over the absence of real democratic freedoms and weakening of Mongolia's international position. On the other hand, a multi-party system and solid democratic institutions were created and the Mongolian society became open to the civilized world.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта СО РАН совместно с Министерством образования, культуры и науки Монголии № 17 «Монголия – Сибирь в перспективе веков».

² The work is performed with the support of the SB RAS and the Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project number 17 "Mongolia - Siberia in perspective centuries".

Keywords: USSR, Mongolian People's Republic, CPSU, MPWP, Mongolia, Russia, transformation, party construction, parliament, elections, Marxism, social democracy.

К середине 1980-х гг. развитие экономики и культуры Монголии обнаружили явные признаки застоя: все отчетливее проявлялись недостатки централизованного планирования, падал жизненный уровень населения, назревало недовольство в связи с отсутствием реальных демократических свобод, вмешательством партийных органов во все сферы жизнедеятельности страны и государства. Это предопределило необходимость проведения в Монгольской народной республике радикальных политических и экономических реформ.

Ухудшение дел в стране некоторые политические деятели закономерно начали связывать с ослаблением авторитета и власти лидера МНРП и руководителя страны Ю. Цэдэнбала. В августе 1984 г. прошел внеочередной VIII пленум ЦК МНРП, на котором Ю. Цэдэнбал был освобожден от всех должностей. Генеральным секретарем ЦК МНРП был избран Ж. Батмунх.

Курс на перестройку, объявленный в СССР после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г., был взят на вооружение и Монгольской народно-революционной партией. В мае 1986 г. состоялся XIX съезд МНРП, на котором была намечены задачи по интенсификации экономики. Съезд впервые заявил о необходимости проведения широкомасштабной экономической рыночной реформы страны, об отказе от тупикового пути постепенного введения незначительных корректировок в централизованную и плановую экономику. Вместе с тем МНРП осознала необходимость политических преобразований, и именно она выступила инициатором политических перемен.

Но отказ от централизованного планирования не только не способствовал экономическим успехам, но и привёл в страну в тупик. Вскоре стало ясно, что вопреки настроениям большинства членов партии, решения XIX съезда МНРП не были претворены в практическую плоскость. Политическая номенклатура, рассуждая об обновлении социализма, демократизации и гласности, выборности хозяйственных руководителей, ограничилась лишь обещаниями. Ожидаемых коренных преобразований в стране не произошло.

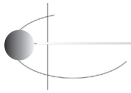
В 1987 г. на XIII съезде Совета монгольских профсоюзов Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх официально объявил, что страна взяла курс на перестройку. Но новые веяния всё более настраивали монгольское

общество на критическое отношение к происходящим событиям. Критике подвергались низкий уровень демократии, государственная цензура на прессу, вмешательство партии во все вопросы политического, экономического и культурного строительства. В 1988 г. состоялся V Пленум ЦК МНРП, на котором перестройка была продекларирована как неотложная задача в политической, экономической, образовательной и культурной отраслях. Но медленные темпы перестройки и отсутствие реальных результатов способствовали появлению реальной оппозиции.

Во второй половине 1980-х гг. в стране обострилась продовольственная проблема, оставался неразвитым внутренний рынок, а 40% госбюджета МНР формировалось за счёт кредитов и помощи Советского Союза. Дезинтеграция СССР, разрыв с ним и другими странами членами СЭВ большинства связей сыграли в этом процессе негативную роль. Обострению кризиса власти в МНР способствовало и образование оппозиционных партий.

7 декабря 1989 года на центральной площади г. Ховда Ховд аймака состоялся первый несанкционированный властями митинг, лозунгами которого стали курс на демократизацию страны, обновление партии, ведение жесткой борьбы с недостойными общественными явлениями. Почти одновременно с этими событиями о своем создании заявил Монгольский Демократический Союз (МДС), который потребовал принятия законов о партиях и печати, соблюдения прав граждан. Союз настаивал на обновлении системы выборов депутатов в ВНХ и его досрочном созыве, ликвидации системы спецснабжения для партийных и государственных руководителей, реабилитации репрессированных по политическим мотивам [2, с. 57].

11 декабря 1989 года состоялся VII Пленум ЦК МНРП, итоговые документы которого были негативно восприняты населением. Это вынудило руководство партии принять решение о созыве XX съезда МНРП и начать разработку новой Конституции МНР. В этот же период в стране начался процесс образования и становления политических партий, а оппозиционное движение стало реальностью. 4 января 1990 года были созданы Движение социалистической демократии, 19 января 1990 года – Новый прогрессивный союз, 10 февраля 1990 года – Союз солидарности. 18 февраля 1990 года на первом съезде

Демократического союза была образована Монгольская демократическая партия (МДП), а в марте были созданы Монгольская социал-демократическая партия, Партия национального прогресса (ПНП), Партия зеленых Монголии (ПЗМ), Партия свободного труда Монголии (ПСТМ). Новые партии были сторонниками формирования свободных рыночных отношений, изменения политического и государственного устройства страны.

12–14 марта 1990 года состоялся VIII Пленум ЦК МНРП, на котором члены Политбюро подали в отставку и 21 марта Генеральным секретарем ЦК партии был избран Гомбожавин Очирбат. Пленум МНРП предложил отменить статью 82 Конституции МНР, определявшей партию в качестве направляющей силы государства и общества. В мае 1990 г. на сессии ВНХ было закреплено решение МНРП об исключении статьи 82 из текста Конституции, а на сессии ВНХ был принят Закон о политических партиях и решение о проведении досрочных выборов в ВНХ и местные органы власти. На сессии Хурала было решено создать постоянно действующий Малый Государственный Хурал (МГХ) и институт Президента страны. Именно череду этих событий в Монголии принято считать демократической революцией, которая открыла путь к созданию новых рыночных отношений, либерализации внешней торговли, рождению предпринимательских начал.

Одним из кардинальных шагов на пути обновления МНРП и её отказа от советского влияния стало решение Пленума ЦК партии об исключении из рядов МНРП Ю. Цэдэнбала, которого заочно обвинили в том, что в период его руководства страной многие члены партии подверглись преследованиям и гонениям [7]. ЦК МНРП принял решение начать работу по реабилитации невинно осужденных и пострадавших в годы политических репрессий 1930–1950-х гг. Идя навстречу устремлениям демократической оппозиции, на первом заседании обновленного Политбюро ЦК МНРП было принято решение о прекращении государственных дотаций, переходе на самофинансирование МНРП и сокращении огромного бюрократического аппарата, в частности аппарата ЦК партии. Политбюро разрешило издание новой независимой газеты, которая бы освещала мнение оппозиционных сил [8].

В августе 1990 года состоялись свободные демократические выборы на многопартийной основе Великого Народного Хурала. Но первый в истории Монголии Президент государства Пунсалмаагийн Очирбат (деле-

гат от МНРП) был избран не на всенародных выборах, а на сессии ВНХ. По результатам выборов МГХ МНРП набрала 61,7 % голосов избирателей, МДП – 24,3 %, Монгольская социал-демократическая партия (МСДП) – 5 %, Монгольская партия национального прогресса (МПНП) – 5,9 %, Партия зеленых – 1,2 %. Партия свободного труда – 1,3 % [6, с. 163–165]. Тем самым МНРП получила право на формирование правительства. Но партия пошла на создание коалиционного правительства, демонстрируя готовность к взаимопониманию с оппозицией. Поэтому демократия начала регулироваться административными правилами и порядками. Соответственно, перед оппозицией возникли объективные трудности – подчинять свою политическую стратегию и тактику этим правилам. Тем самым оппозиция лишилась возможности использовать уличный фактор в проведении своих акций.

Таким образом, во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. расстановка политических сил на мировой арене претерпела глобальные изменения. Монголия испытала масштабные преобразования практически во всех сферах и особенно в политической.

Первые свободные выборы подарили монголам иллюзию неограниченной свободы. Летом 1990 г. монголы находились в невиданной до этого эйфории общенационального масштаба, когда вся страна официально отмечала 750-летний юбилей единственной исторической летописи Монгольской империи эпохи Чингисхана – «Сокровенного сказания монголов». Лидеры МНРП разделяли настроение народа. Президент П. Очирбат заявил, что Монголия в ближайшем будущем достигнет уровня стран – «азиатских тигров». В этой связи партия приняла новую партийную программу. И если в апреле 1990 года партия высказывалась за «создание гуманного, демократического, социалистического общества в Монголии», то в феврале 1991 года она позиционировала себя в качестве «народно-демократической партии, которая придерживается социалистических идей».

Вопрос возрождения национальных традиций широко обсуждался в партийных кругах. Делегаты XX съезда МНРП (25–28 февраля 1991 года) избрали генеральным секретарём партии философа Б. Даш-Ёндона, который провозгласил в качестве партийной идеологии так называемую «центристскую идеологию», основанную на древних философских учениях. Но интерес общественности в этот

период был сосредоточен на социальных вопросах. Делегаты XXI съезда МНРП (26–28 февраля 1992 года) утвердили новую (седьмую в истории партии) программу партии [1], в соответствии с которой МНРП определила себя как «народно-демократическую партию», которая «обеспечивает национальное единство и социальный прогресс».

На этом этапе политические партии активно приступили к разработке новой Конституции. В рабочую комиссию, состоящую из 16 членов, вошли представители МНРП, Партии национального прогресса, МДП, Партии зеленых и др. 13 января 1992 года вторая сессия ВНХ XII созыва приняла Конституцию страны, которая вступила в силу с 12 февраля 1992 года [9, с. 30].

Высшим государственным органом власти провозглашался Великий Государственный Хурал (ранее ВНХ), который представлял собой однопалатный парламент из 67 мест. Он избирается всеобщим, прямым и свободным голосованием сроком на четыре года. В соответствии с Конституцией президент страны является главой государства и гарантом единства и солидарности монгольского народа. По конституции Монголии партия, получившая большинство мест в ВГХ, имеет право выдвигать кандидата в президенты страны. Политические партии Монголии единодушно поддержали создание парламентской демократии.

В начале сентября 1991 г. президент П. Очирбат утвердил Закон МНРП «Об отказе от партийного членства при исполнении должностных обязанностей». Этот закон распространялся на президента, вице-президента, председателя Малого Хурала, председателей судов, членов суда и судей всех уровней, прокуроров и следователей всех уровней, военнослужащих, полиции, органов государственной безопасности, исправительно-трудовых колоний, дипломатических служб, руководителей и сотрудников государственной прессы и информационной службы [5].

Новый парламент объявил дату проведения выборов на 28 июня 1992 года. Результаты выборов оказались для оппозиции плачевными. МНРП получило в Великом Государственном Хурале 70 мест, «Демократический Альянс» только четыре места, МСДП 1 место и 1 мандат предоставлен беспартийному самовыдвиженцу.

После парламентских выборов оппозиционные МНДП и МСДП сконцентрировали свою работу на президентских выборах, которые должны были состояться в 1993 г. Пре-

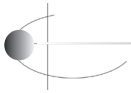
зидент П. Очирбат, в соответствии с законом, отказался от членства в МНРП и таким образом стал политически независимым лицом. В феврале 1993 года МНДП и МСДП подписали документ о сотрудничестве на время президентских выборов и выдвинули президента П. Очирбата в качестве своего кандидата в президенты, который письменно подтвердил свое согласие выступить кандидатом от этих партий. Решение П. Очирбата стать кандидатом от другой партии означало для МНРП поражение. МНРП выдвинула Л. Тудэва в качестве своего кандидата для участия в предвыборной гонке за президентское кресло.

В преддверии выборов 15 февраля 1993 года ВГХ принял «Закон о выборах президента Монголии» [10]. 6 июня 1993 года состоялись выборы, которые завершились убедительной победой П. Очирбата. Он набрал 57,8 % голосов, за его соперника Л. Тудэва проголосовало 38,7 % избирателей.

В результате выборов в Монголии сложилась новая расстановка сил. Правительство, представленное МНРП, фракция МНРП в ВГХ вынужденно превратились в оппонентов бывшего соратника – президента страны.

Учитывая сложившуюся расстановку сил, партии МНДП и МСДП тщательно готовились к парламентским выборам в 1996 г. В этой связи лидеры партий создали предвыборную коалицию «Демократический Союз», сопровождая этот шаг активной рекламной кампанией. Одной из акций по привлечению общественного внимания стали выборы нового председателя партии МНДП. Делегаты второго съезда МНДП (4–5 апреля 1996 года) утвердили Ц. Элбэгдоржа на посту председателя МНДП. На партийном съезде был обсужден и подписан «Договор Демократического Союза с избирателями», утвержденный в качестве избирательной программы на предстоящих выборах. Генеральный секретарь коалиции М. Энхсайхан, работавший в администрации президента, был назначен руководителем центрального предвыборного штаба «Демократического Союза». 13 апреля 1996 года в газете «Сайн Байна» был опубликован список кандидатов, выдвинутых от коалиции, который состоял из 50 кандидатов МНДП и 26 кандидатов от МСДП.

Что касается МНРП, то она не проявляла особой активности в предвыборной гонке, опрометчиво полагая, что наметившаяся стабилизация монгольской экономики позволит ей одержать победу. 16 января 1996 года ВГХ принял дополнения и изменения к Закону «О выборах в Великий Народный Хурал» от

4 апреля 1992 года Закон предписывал партиям руководствоваться такими принципами как гласность и уважение требований конституции и других законов Монголии; соблюдать принципы гуманности, демократии и справедливости, впервые предусматривал государственное финансирование партий [11, с. 4].

В парламентских выборах, назначенных на 30 июня 1996 года, были готовы принять участие 5 партий, 2 партийные коалиции и беспартийные самовыдвиженцы. Для сравнения в 1992 г. в избирательной кампании участвовало 8 партий, 2 коалиции и беспартийные кандидаты.

Выборы показали высокую сознательность электората. В день голосования к избирательным урнам пришли 1057182 избирателя (92,15 %) [12, с. 248]. Демократический Союз добился 50 мест в ВГХ, МНРП – 25. Некоторые зарубежные исследователи обозначили итоги выборов как первую мирную передачу власти от партии с ленинским прошлым к демократической оппозиции в Азии [3, с. 103]. С этого момента МНРП выступила в роли оппозиции.

Кабинет премьер-министра М. Энхсайхана (Демократический союз) в первые месяцы нахождения у власти осуществил необходимые, но и вместе с тем непопулярные, мероприятия. Правительство отпустило цены, что значительно увеличило нагрузку на потребительский кошелек. Астрономически выросли цены на электроэнергию и тепло. Правительство ускорило процесс приватизации, изменило структуру налоговых поступлений, уменьшило размер налога на импортные товары. Цены на товары первой необходимости, тарифы на оказываемые услуги выросли в этот период на 40 %. Реальный доход населения снизился на 32%. При этом уровень зарплат сохранился прежним. При этом демократы совершили непоправимую политическую ошибку, начав политическую чистку. Госаппарат на всех уровнях власти был подвергнут кардинальному обновлению кадров, исходя из партийной принадлежности. В результате члены МНРП лишились руководящих постов, были сняты с должностей министры и их заместители, два вице-премьер министра, руководители ведущих отраслей производства, СМИ [13, с. 119]. При этом Демократический Союз не смог адекватно оценить наличие собственных кадров на качественное заполнение образовавшихся вакансий. Такой шаг оттолкнул от демократической коалиции многих симпатизирующих ей членов МНРП и послужил импульсом для её будущей внутрипартийной консолидации.

Руководство МНРП быстро сориентировалось в текущих процессах и через партийные ячейки на местах начала вновь вербовать сторонников, проводить агитацию, ссылаясь на ошибочный курс правительства, который привел в трудное экономическое положение каждую монгольскую семью. Своей целью партия ставила победу на предстоящих муниципальных октябрьских выборах [14]. 6 октября 1996 года на муниципальных выборах МНРП одержала победу в 12 аймаках страны и в Улан-Баторе. Демсоюз одержал лишь в 6 аймаках [1].

21–24 февраля 1997 года состоялся XXII съезд МНРП, который утвердил новую предвыборную программу. Новым руководителем (председателем) партии стал Н. Энхбаяр, который подчеркнул: «Основное содержание демократического социализма определяется принципами свободы, справедливости и солидарности» [17, с. 31].

МНРП стала активно готовиться к президентским выборам. Результаты социологического опроса выявили значительные изменения в морально-психологическом климате общественности, 40 % граждан подтвердили снижение уровня жизни по сравнению с прошлым годом; 84,5 % отметили, что заработная плата не позволяет оплачивать питание, жилье; 72,7 % оценили социально-экономическое как неудовлетворительное; 55,3 % граждан определили последствия такой тяжелой ситуации как результат нахождения у власти представителей Демократического Союза. Некоторые избиратели, наблюдая неустойчивую ситуацию в стране, высказались за сильную президентскую власть. Президент П. Очирбат, вновь выдвинутый Демсоюзом кандидатом, в большей мере считался политиком компромиссов, нежели сильным президентом. II партийная конференция МНРП включила в состав кандидатов на пост президента Н. Багабанди, П. Жасрая, Ц. Гомбожава, Л. Тудэва, где несомненным лидером был Н. Багабанди, набравший 71,93 % голосов делегатов конференции и стал кандидатом от МНРП. Н. Багабанди относился к реформаторскому крылу партии и считался прагматичным политиком. По опросам общественного мнения он далеко опережал своих соперников. Поэтому не случайно, что именно Н. Багабанди одержал победу на президентских выборах в мае 1997 года, набрав 60,8 % голосов. Для МНРП результаты выборов стали огромной победой [4, с. 102].

Таким образом, МНРП за короткий период удалось обновиться, стабилизировать внутрипартийную ситуацию и добиться определен-

ных успехов. В свою очередь Демократический Союз потерял политическую инициативу.

В этот период количество партий, зарегистрированных Верховным судом, значительно возросло. В 1995–1997 гг. действовало 11 политических партий, в 1998 г. их количество составило 15, в 1999 – 17, в 2000 – 18 партий. В 2000 г. некоторые члены покинули партию МНДП и основали партию «Гражданское мужество», а бывшие члены партии МСДП стояли у истоков Новой монгольской социал-демократической партии. Партии демократической направленности распались. Однако вновь образованные партии впоследствии не стали влиятельными силами на политической арене. Как правило, их главная проблема состояла в том, что у них не было осознанной концептуальной программы развития страны и собственного, узнаваемого «лица».

2 октября 1998 года был убит лидер монгольского демократического движения, имевший невероятную популярность у населения страны, С. Зориг. Коалиция «Демократический Союз», потерпев политическое поражение, потеряла финансовую поддержку Международного Валютного Фонда (МВФ). Потери в бюджете в 1999 г. составили 12 % ВВП, выросла инфляция.

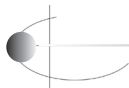
2 июля 2000 года состоялись выборы в Великий Государственный Хурал, в которых МНРП одержала победу (51,6 % голосов) и получила 72 из 76 мест в парламенте. Главой правительства, провозгласившего курс на борьбу с коррупцией и оздоровление экономики, стал генеральный секретарь МНРП Н. Энхбаяр. В этот период МНРП не только сконцентрировала усилия на работе в парламенте и правительстве, но и стала активно готовиться к президентским выборам 2001 г. Ставка вновь была сделана на действующего президента Н. Багабанди, который приобрел необходимый политический вес, заложил основы внешнеполитической доктрины страны, сыграв ключевую роль в развитии отношений с Китаем, США, Россией и Японией. 20 мая 2001 года на президентских выборах Н. Багабанди одержал победу, набрав 58,1% голосов избирателей. Население снова оказало поддержку представителю МНРП.

Таким образом, МНРП получила большинство мест в парламенте и правительство стало однопартийным. Вместе с тем возросла и ответственность партии за социально-политический курс страны. За 4 года правления МНРП в стране начала складываться стабильная политическая и экономическая ситуация. К тому же в 2003 г. МНРП была при-

нята в Социалистический Интернационал, что свидетельствовало о её международном признании. Возрос престиж партии среди населения: в среднем в год в партию вступали от 5 000 до 6 000 новых членов (в 2003 г. в партию вступило 11 400 человек). Число её членов в феврале 2004 года достигло 131 000 [16]. Удачным решением оказалось назначение в октябре 2001 г. Д. Идэвхтэна генеральным секретарем МНРП.

На фоне политической активности МНРП, которая обеспечила своё постоянное присутствие в политической жизни страны, деятельность оппозиции в 2001–2002 гг. оставалась незаметной. Тем не менее, оппозиция сумела проанализировать причины собственных неудач и приняла решение объединить наиболее значительные оппозиционные силы в одну партию. 6 декабря 2000 года состоялось объединение Монгольской национал-демократической партии (МНДП), Монгольской социал-демократической партии (МСДП), Монгольской партии демократического возрождения (МПДВ), Демократической партии верующих Монголии (ДПВМ), Монгольской демократической партии (МДП), а также группировки от Монгольской Объединенной Консервативной Партии (МОКП) в единую Демократическую партию (ДП). На момент образования новой партии в её состав входило около 160 тыс. членов. Но процесс интеграции оказался сложным и болезненным, что проявилось в идеологических разногласиях с социал-демократами, пытавшихся заменить либеральные позиции ДП социал-демократическими.

Нужно отметить, что МНРП в своей финансовой и экономической политике встала на позиции социал-демократии. МНРП привела в порядок государственный бюджет и ограничила государственное вмешательство в экономику страны. Монгольские предприниматели развивали бизнес в условиях благоприятной системы налогообложения. Повышение налогов в последующие годы было продиктовано лишь необходимостью государства выплачивать растущие долги, созданные в результате несовершенной кредитной политики прежних лет. Поэтому, учитывая социал-демократическую направленность политического курса правящей партии, можно предположить, что разногласия между председателем ДП М. Энхсайханом и социал-демократами ДП были вызваны внутривнутрипартийной борьбой за политическое влияние, а не идеологическими позициями партии. При этом в состав ДП не вошла группа социал-демократов под руководством бывшего генерального секретаря МСДП Л. Бямбажаргала,

которая сохраняла независимый статус на политической арене Монголии. Для прекращения внутрипартийной борьбы и дискуссий, подрывающих идеологическое единство партии, председателем ДП в марте 2003 года был избран М. Энхсайхан.

Помимо сохранения единства Демократической партии основной задачей для её руководства являлось усиление присутствия ДП в политической жизни Монголии. Для решения этой задачи был предпринят ряд акций, призванных привлечь внимание избирателей к работе партии, которые не увенчались успехом.

Перед очередными парламентскими выборами в 2004 г. для ДП было важно сплотить вокруг себя оппозиционные партии, не вошедшие в состав ДП. К ним относились Родина-МДНСП под руководством предпринимателя Б. Эрдэнбата, партия «Гражданское мужество» (ПГМ) под руководством С. Оюун (сестры убитого правозащитника С. Зорига) и Монгольская республиканская партия (МРП) под руководством предпринимателя Б. Жаргалсайхана. Несмотря на некоторые различия в оценке сложившейся политической ситуации и собственные политические амбиции, лидеры партий быстро достигли договоренности о сотрудничестве.

МНРП внимательно наблюдала за деятельностью оппозиции. В то же время партия столкнулась с собственным внутрипартийным конфликтом, в партии выделялись «президентская фракция» и группа «СудрагаЁс» (Справедливость). Эта группа выступила с

критикой стиля правления Н. Энхбаяра. В этой связи 1 декабря 2003 года была созвана V конференция МНРП, на которой с докладом «Социалистический интернационал и Монгольская народно-революционная партия» выступил Н. Энхбаяр. В докладе акцент делался на роль МНРП в деле преобразований в стране и признание МНРП Социалистическим Интернационалом. Кроме того, Н. Энхбаяр коснулся таких тем как глобализация, права человека и демократизация, указав на успехи правительства в течение последних 4 лет, и указал на необходимость сохранения единства партии в условиях предвыборной борьбы. В преддверии выборов МНРП осуществило ряд мероприятий с целью обеспечения поддержки определенных групп населения, а также привлечения на свою сторону группы высших должностных лиц. Так, в конце марта 2004 года правительство объявило о повышении пенсий; 13 апреля в прессе была размещена информация о повышении заработной платы на 25 % сотрудникам судов и прокуратур; 19 мая 2004 года было объявлено о повышении заработной платы руководителям и председателям собраний депутатов районов и округов, а также руководителям городских округов и коммун; 15 апреля 2004 года правительство сообщило в прессе, что оно установило минимальную заработную плату в размере 34 долларов США. К этому времени в Монголии сложилась партийная система и к апрелю 2004 г. было зарегистрировано 20 партий.

Зарегистрированные политические партии			
№	Наименование политической партии	Монгольское обозначение	Дата первой регистрации
1	Монгольская народная революционная партия	Монгол Ардын Хувьсгалт Нам	16.05.1990
2	Демократическая партия	Ардчилсан Нам	26.12.2000
3	Монгольская партия Зеленых	Монголын Ногоон Нам	26.05.1990
4	Монгольская народная партия	Монгол Ардын Нам	03.04.1992
5	Партия гражданское мужество – республиканцы	Иргэний Зориг-Бугд Найрамдах Нам	22.03.2000
6	Монгольская партия рабочих	Монголын Ажилчны Нам	03.06.1992
7	Монгольская объединенная консервативная партия	Монголын Уламжлалын Нэгдсэн Нам	14.01.1994
8	Монгольская партия национальной солидарности	Монголын Ундэсний Эв Нэгдлийн Нам	19.08.1994
9	Монгольская консервативная партия справедливости	Монголын Уламжлалын Шударга Есны Нам	20.04.1995
10	Монгольская демократическая социалистическая партия	Монголын Ардчилсан Социалист Нам	17.04.1998
11	Партия молодежи Монголии	Монголын Залуучуудын Нам	11.05.1998
12	Монгольская либерально-демократическая партия	Монголын Либерал Ардчилсан Нам	21.05.1998
13	Родина – Монгольская демократическая новая социалистическая партия	Эх Орон – Монголын Ардчилсан Шинэ Социалист Нам	12.12.1998
14	Монгольская коммунистическая партия	Монголын Коммунист Нам	27.01.1999

Окончание табл.

15	Монгольская партия сельского развития	Монголын Ходоогийн Хогжлийн Нам	28.05.1999
16	Монгольская гражданско-демократическая либеральная партия	Монголын Иргэний Ардчилсан Шинэ Либерал Нам	28.01.2000
17	Монгольская новая социал-демократическая партия	Монголын Шинэ Социаль Демократ Нам	23.03.2000
18	Монгольская социалистическая партия монгольских народностей	Монголын Угсаатны Нэгдсэн Социалист Нам	29.12.2000
19	Монгольская республиканская партия	Монголын Бүгд Наймрамдах Нам	05.04.2004
20	Объединенная партия женщин Монголии	Монголын Эмэгтэйчуудийн Нам	12.04.2004

Закон предусматривал, что партии, не прошедшие перерегистрацию в установленный период времени, будут распущены Постановлением суда [15].

Таким образом, только партии, прошедшие перерегистрацию, получили право участвовать в выборах. Уменьшение количества партий было выгодно, прежде всего, оппозиции, т.к. опасность возникновения политических разногласий внутри оппозиционного лагеря в преддверии выборов была существенно снижена. Поэтому главной задачей для оппозиции стало создание сплочённого

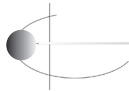
предвыборного союза и выработка чётких рекомендаций, регламентирующих деятельность партий. В этой связи с первых дней 2004 г. партии начали активно обсуждать действующий «Закон о выборах» и требовать внесения в него изменений. Но в связи с тем, что внесение изменений в «Закон о выборах» затрагивало положения Конституции, президент Монголии Н. Багабанди отложил принятие поправок к Конституции до завершения парламентских выборов. Страна вступила в новый этап демократии.

Список литературы

1. Баркман У. О политическом самоопределении МНРП. URL: <http://www.ucanews.com/~ucasian/our/mg9960.htm> (дата обращения: 10.04.2014).
2. Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. М.: АПК РАН, 1994. 310 с.
3. Гармаева И. Б. Особенности демократизации Монголии: внутренние и внешние факторы: дис. ... канд. полит. наук. Улан-Удэ, 2011. 169 с.
4. Ардчилсан торийн сонгуулийн товчоон. Улан-Батор, 2002.
5. Ардын Эрх. 1991. 5 сентября.
6. Barkhmann (Hrsg) Udo V. Монгол Улсын Шинжилтийн Уеийн Улс Торийн Намуудын Уурэг. Улаанбаатар хот. 2006.
7. Mongolia Makes Leadership Changes; Reformer Selected as General Secretary of Communist Party // The Washington Post. 1990. 15 March.
8. Mongolia communist party to become self-financing // The Straits Times. 1990. 18 March.
9. Монгол Улсын Ундсэн Хууль. Улан-Батор, 1992.
10. Монгол Улсын Ероонхийлогчийн Сонгуулийн Хууль. Улан-Батор, 1997.
11. Монгол Улсын Их Хурлын Сонгуулийн Хууль. Улан-Батор, 1996.
12. Дашзэвэг Х. МУАН-ын туухэн тэмдэглэл (1989–1996). Улан-Батор, 1998.
13. Оуюнчимэг Б. Культурно-цивилизационные и политические основы демократизации общества. Улан-Батор, 2001.
14. Орон нутгийн сонгуулийн дун, туунээс хийх улс тоорийн дуугнэлт, сургамнц // Унэн. 1996. 11 декабря.
15. Хуулий этгэдийн улсын буртгээлийн туухай хууль-аас // Зууны Мэдээ. 2004. 22 января.
16. Чинбилиг Б. МАХН буль нэмлээ // Унэн. 2004. 3 февраля.
17. Энхбаяр Н. МАХН-ын шинэлчэлийн тулгамдсан зорилтууд, в МАХН-ын XXII Их Хурал. Улан-Батор 21–24.02.1997. Улан-Батор, 1997.

References

1. Barkman U. O politicheskom samoopredelenii MNRP. URL: <http://www.ucanews.com/~ucasian/our/mg9960.htm> (data obrashcheniya: 10.04.2014).
2. Yaskina G. S. Mongoliya: smena modeli razvitiya. M.: APK RAN, 1994. 310 s.

3. Garmaeva I. B. Osobennosti demokratizatsii Mongolii: vnutrennie i vneshnie faktory: dis. ... kand. polit. nauk. Ulan-Ude, 2011. 169 s.
4. Ardchilsan toriin songuuliin tovchoon. Ulan-Bator, 2002.
5. Ardyn Erkh. 1991. 5 sentyabrya.
6. Barkhmann (Hrsg) Udo B. Mongol Ulsyn Shinzhiltiin Ueiin Uls Toriin Namuudyn Uureg. Ulaanbaatar khot. 2006.
7. Mongolia Makes Leadership Changes; Reformer Selected as General Secretary of Communist Party // The Washington Post. 1990. 15 March.
8. Mongolia communist party to become self-financing // The Straits Times. 1990. 18 March.
9. Mongol Ulsyn Undsen Khuul'. Ulan-Bator, 1992.
10. Mongol Ulsyn Eroonkhiilogchiin Songuuliin Khuul'. Ulan-Bator, 1997.
11. Mongol Ulsyn Ikh Khurlyn Songuuliin Khuul'. Ulan-Bator, 1996.
12. Dashzeveg Kh. MUAN-yn tuukhen temdeglel (1989–1996). Ulan-Bator, 1998.
13. Ouyunchimeg B. Kul'turno-tsvilizatsionnye i politicheskie osnovy demokratizatsii obshchestva. Ulan-Bator, 2001.
14. Oron nutgiin songuuliin dun, tuunees khiikh uls tooriin duugnelt, surgamnts // Unen. 1996. 11 dekabrya.
15. Khuulii etgediin ulsyn burtgeeliin tuukhai khuul'-aas // Zuuny Medee. 2004. 22 yanvarya.
16. Chinbilig B. MAKhN bul' nemlee // Unen. 2004. 3 fevralya.
17. Enkhbayar N. MAKhN-yn shinelcheliin tulgamdsan zoriltuud, v MAKhN-yn XXII Ikh Khural. Ulan-Bator 21–24.02.1997. Ulan-Bator, 1997.

Статья поступила в редакцию 19.05.2014

УДК 930.1(09)+947.083 (P571.4)
ББК 63.1–293+63.3(2)52 (2Каз-8)

Жанна Сабитбековна Мажитова,
кандидат исторических наук, доцент,
университет «Астана»,
(010000, Казахстан, г. Астана, ул. Ауезова, 40/1)
e-mail: mazhitova_69@mail.ru

**Полемика вокруг суда биев среди представителей
казахской интеллигенции начала XX в. (сравнительно-исторический анализ)**

В статье рассматриваются подходы лидеров национальной интеллигенции к традиционному правовому институту казахского общества суду биев, который переживал трансформацию в результате проводимых царским правительством реформ в XIX – нач. XX в. В этих условиях актуализировался вопрос о будущем правовой системы Казахстана, которое по-разному виделось представителями передовой интеллигенции. Активное участие в полемике на страницах периодических изданий проявили как сторонники сохранения в основе суда биев обычного права (А. Букейханов и др.), так и приверженцы идеи введения основ шариата в казахских судах (Б. Каратаев, С. Лапин и др.). Особенно активно участники данного спора проявили себя в послереволюционный период 1917 г., когда надежды партии «Алаш» на создание национальной автономии с присущими ей государственными институтами (в том числе правовыми) были связаны с белым движением. С установлением советской власти, идеи о дальнейшем функционировании суда биев были уничтожены, но те споры, которые объединяли национальную интеллигенцию по этому вопросу, говорят о том, что при обсуждении дальнейшего развития казахского общества, национальная интеллигенция придавала первостепенное значение суду биев, как одному из основных институтов, без которого это развитие представлялось невозможным.

Ключевые слова: суд биев, национальная интеллигенция, шариат, адат, обычное право.

Zhanna Sabitbekovna Mazhitova,
Candidate of History, Associate Professor,
“Astana” University,
(40/1, Auyezov St., Astana, Kazakhstan, 010000)
e-mail: mazhitova_69@mail.r

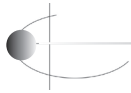
**Discussions upon the Court of Biys among Kazakh National Intellectuals
at the Beginning of the 20th Century (Comparative-Historical Analysis)**

The article considers the issues of relation of national intellectual leaders' relation to the traditional institute of Kazakh society, court of biys, which in XIX – beginning of XX cc. had a transformation caused by tsar government reforms. Under these circumstances, the issue of future of Kazakhstan legal system became vital and national intellectuals had different points of view upon that matter. Both supporters of the common law for the court of biys (A. Bukeykhanov etc.) and adherers of introducing sharia basis in Kazakh courts (B. Karatayev, S. Lapin etc.) actively participated in debates upon this issue on the pages of periodicals. These disputers were exceptionally active during the period between revolutions in 1917, when «Alash» party's hopes to create national autonomy with corresponding state institutes (including legislative) were connected with the White movement. Setting up the soviet authorities destructed the ideas about further biys' courts activity, however, the disputes, which united the national intellectuals, indicate that the court of biys was the primary issue of the national intellectuals when discussing future development of Kazakh society, considering it as one of the main institutes, and it this development would be impossible without it.

Keywords: court of biys, national intellectuals, sharia, adat, common law.

Середину XIX – начало XX в. можно назвать периодом, когда правительство Российской империи неоднократно предпринимало попытки изменить судебную практику в казахском крае. Введение в казахских степях

общеевропейского законодательства вызвало желание восстановить некоторые элементы традиционного суда биев. При проведении реформ официальные власти делали акцент на внедрение выборного начала на всех

уровнях власти, отменяя при этом наследственные права биев. Такая политика позволяла отказаться от услуг национальной элиты и опираться в региональной политике на зарождавшуюся буржуазию, которой выборное начало давало возможность выделиться из общей массы кочевников. Но в то же время правительство учитывало большую популярность среди простого населения биев, авторитет которых даже после проведенных реформ «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» (1867) и «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (1868) не утратил своей актуальности. К тому же сложность императорского законодательства, неприспособленность его норм к условиям кочевого быта, незнание русского языка и российских процессуальных норм вынуждали казахов по-прежнему обращаться к помощи традиционного суда. При этом уголовные дела оставались в ведении общеимперских судов. Все вопросы права и судопроизводства нашли отражение в выступлениях национальной интеллигенции в печати и в программных документах лидеров партии «Алаш», основной задачей которой было создание казахской государственности – автономии «Алаш».

Одним из первых к актуальным проблемам казахского общества начала XX в. обратился редактор и переводчик газеты «Дала уалаяты», публицист, просветитель-демократ, в совершенстве владевший арабским, иранским, русским, татарским, французским языками Динмухамет Султангазин (1867–1918). Особое место в исследованиях Д. Султангазина занимали вопросы функционирования суда биев. По его мнению, реформы царского правительства середины XIX в. нанесли существенный вред судебной системе казахской степи. Д. Султангазин отмечал, что традиционный суд отличали принципы демократизма, гуманизма, что он был более приемлем для регламентации норм кочевого общества и сохранения казахской государственности. Конечно, на страницах газеты, которая являлась официальным органом царского правительства, мысли о вреде русского суда и о невозможности применения общероссийских судебных норм в среде кочевников, звучали завуалировано: «Прежних биев не выбирали, умные, знающие народные законы, ораторы, пользующие уважением среди народа. Они вели дела по справедливости, их решения по делам были обязательны и для ханов» [20].

Полагаем, автор был прав, говоря, что древний суд биев («народный») в эпоху существования казахского национального государства (XV – сер. XIX в.) коренным образом отличался от того народного суда биев, который под тем же названием во второй половине XIX в. был создан царским правительством как придаток колониальной администрации. Обращаясь к истории традиционного суда казахов, Д. Султангазин подчеркивал, что в доколониальный период суд биев не был столь неприкрытым орудием беззакония, лихоимства и неограниченного произвола. Тогда бии не были, как во второй половине XIX в., чиновниками, пролезающими на эту должность путём подкупа и тёмных махинаций на систематически фальсифицируемых выборах. По мнению Д. Султангазина, в прежнее время в казахском обществе уже сформировались основы государственной власти, причём судебная власть при рассмотрении дел была независима, при решении споров суд биев руководствовался принципами справедливости, что удовлетворяло интересы обеих сторон.

Вопросы будущего суда биев также нашли отражение в работах Барлыбека Сыртанова (1866–1914), который был носителем идеи независимости и свободы казахского народа, видным представителем прогрессивного демократического движения, автором проекта первой демократической Конституции («Устав страны казахов»). Получив начальное образование в гимназии для мальчиков в г. Верном, Б. Сыртанов поступил на факультет востоковедения Санкт-Петербургского университета, где овладел арабским, иранским, татарским и другими языками. После окончания университета он работал в областном управлении Жетысу (Семиреченской области), где поднимал вопросы улучшения функционирования судебной системы. В 1910–1913 гг. работал над Уставом, в котором сформулировал юридические основы будущего Казахстана как независимой республики, вышедшей из состава Российской империи.

Можно сказать, что Б. Сыртанов являлся одним из ярких правоведов своего времени, создавший закон, в котором воплотились стремления национальной интеллигенции к обретению казахами политической независимости. Многие идеи Устава и сегодня поражают своей новизной, глубиной мысли и новаторским духом. Взгляды Б. Сыртанова на пути обеспечения независимости судов породили в тот момент большие споры. В частности, в Уставе по поводу независимо-

сти судебной власти, он писал: «Судьи при решении споров должны быть независимы от правительства, основным условием действия права должны стать закон и судебные положения. Давление на судей запрещено» [7].

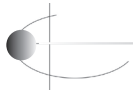
Об особом статусе судьи, определённом в уставе говорит и тот факт, что судьи не должны были состоять ни в каких партиях и общественных объединениях: «На месте суда не должно быть партий. Судья не может быть членом партии. Бий, ставший тайно членом, лишается своего места» [7]. Б. Сыртанов выдвигал предложение ввести в казахскую судебную систему суд присяжных, в компетенцию которого должно было входить рассмотрение тяжёлых уголовных преступлений [7]. По мнению Б. Сыртанова, норма права и судебный прецедент должны быть представлены в единой правовой форме. В частности, казахские народные суды, рассматривая дела, имели право вносить изменения в нормы обычного права для восполнения недостатков в законах. В этом прослеживалась связь норм древнего казахского суда, то есть «власти биев», и желание Б. Сыртанова перенести древнее право в будущую Конституцию.

Особое место в плеяде национальной интеллигенции начала XX в. занимал Раимжан Марсеков (1879–1937) – политик, публицист, защитник прав человека, один из первых казахских правоведов, автор ряда трудов по теории государства и права. В своих статьях на страницах журнала «Айкап» и газеты «Казах» он поднимал правовые, социально-политические проблемы казахского общества, в том числе вопросы о положении женщин, созыве Всеказахского съезда и другие. Критически относясь к мероприятиям царизма по введению «Временных положений ...» 1867 г. и 1868 г., он писал: «Выборы по крайней мере при той организации, какая существует теперь, не только не обеспечивают нам достойных своего звания людей, но еще вносят в нашу среду вражду... А сколько баранов и сколько лошадей режут за этот период времени? И мы знаем не мало примеров обеднения киргизов и именно из-за сайлау (выборов – Ж. М.). В самом деле, как не обеднеет народ, когда эти расходы доходят до суммы шести тысяч рублей... волостные управители, делая такие громадные расходы... обирают народ, налагая незаконные поборы.... Таким образом, все стороны нашей жизни: семейная, юридическая и хозяйственная – все они одинаково чувствуют на себе тот гнет, который налагает на них сайлау» [14].

Р. Марсеков подверг критике правовые нормы, введённые властями в казахскую судебную систему. По его мнению, судам была открыта дорога к несправедливости, к нарушению прав человека, беззаконию и бюрократизму. А между тем именно эти признаки никогда не были присущи традиционному казахскому суду. Правовед отмечал: «В своей деятельности наши народные суды, как и наша администрация, всегда и во всем преследует свои личные интересы в ущерб интересам права и справедливости. Не судьи для общества существуют, а общество для судей, стремление и желание которых сорвать что-нибудь от ответчика и истца» [15].

Выход из создавшейся ситуации Р. Марсеков видел не в восстановлении прежних или измененных дореформенных судебных институтов, а во введении письменных правовых кодексов. Именно такие законоположения, считал он, позволят кодифицировать правовые нормы, создав при этом стройную правовую систему: «...наши киргизы (казахи – Ж. М.) теперь переживают ту самую стадию развития, при которой обычное право не может удовлетворять требованиям жизни. К тому ещё нужно добавить, что масса биев не знает существующих юридических обычаев, большинство которых отжило свой век и взамен их ничего нового не создано. Вот почему и нам приходится слышать, что судьи решают дела не по обычаю... на чем же тогда они основывают свои решения? Ни на чем – иначе говоря, сами себе творят право по произволу. Очевидно, что такое положение вещей дальше невыносимо, и для руководства в решениях дел суду необходим кодекс, без него суд не может правильно отправлять свои функции» [15].

Понимая, что нормы кодексов напрямую зависят от того, кто будет принимать участие в их разработках, и, желая отстранить от работы над ними царских чиновников, которые не могут в полной мере отразить потребности казахского общества, Р. Марсеков предлагал: «При составлении кодекса необходимо, чтобы в этой работе принимали участие как замечательные бии, так и те, которые слывут за знатоков юридических обычаев и вообще за толковых людей для обсуждения целесообразности тех или иных обычаев и законоположений» [15]. Понимая, что беспокойное время требует кардинальных изменений в судебной системе, тем не менее Р. Марсеков не боялся воспользоваться помощью «вчерашних» судей-биев, которые олицетворяли собой мудрых, справедливых, беспристрастных судей, людей высокой нравственности, крас-

норечия и юридических познаний, выступающих в роли арбитра по приглашению сторон, чтобы разумным решением устранить вражду и самоуправство в казахских родах.

Изображение биев как носителей справедливости, мудрых глашатаев права, авторитет которых покоится на уважении народа к их познаниям, опытности и красноречию, было характерно и для работ Ахмета Байтурсынова (1873–1937). В статье «И снова про народный суд», вышедшей в 1911 г., он подчеркивал: «До выхода Устава 1822 г. (речь идет об «Уставе о сибирских киргизах» – Ж. М.) казахский суд биев был самобытен, казахи сами решали свои споры. В то время биев не выбирали, судебная власть принадлежала уважаемым в народе биям. Если две стороны приходили к бию за разрешением спора, то его решение принимали обе стороны. С изменением быта и жизни казахов, стали исчезать уважаемые всеми бии...» [2].

Коррупционность выборных властей, в том числе и биев, незнание ими основных положений неписанного права казахов к концу XIX – началу XX в. стали очевидны, и этот факт тревожил как российскую, так и казахскую передовую интеллигенцию. На страницах газеты «Дала уалаяты», которая издавалась в это время, нашли отражение рассуждения, мысли о том, что обычное право переживает период вырождения, так как мало осталось в степи знатоков – честных, справедливых, надежных биев, что оно не соответствует вызовам времени, так как не успевает вбирать в себя новые черты переходного периода. Это приводило к злоупотреблению со стороны нечестных биев, которые трактовали его в угоду своим интересам [1; 10]. Также говорилось о том, что уровень работы суда снизился, так как закрепленные в русских законах требования, не всегда соответствовали уровню и знаниям казахских биев. Требование записывать постановления суда в специальных книгах, сложность процедурных вопросов, незнание русского языка и многие другие препятствия затрудняли работу биев, запутывали их, что, в конечном счете, отрицательно влияло на их судебную компетенцию [12].

В 1912 г. сообщение о том, что царским правительством подготовлен проект закона, согласно которому на казахских территориях должно было быть введено крестьянское положение, аналогичное центральным территориям империи, а традиционный народный суд заменялся крестьянским волостным, встревожило лидеров национальной интел-

лигенции. Одним из первых на появление проекта отреагировал юрист Жанша Сейдалин (1877–1923), который предложил организовать казахский съезд для обсуждения реформ системы управления и суда [19, с. 244].

На страницах периодических изданий развернулась дискуссия о будущем судебной системы. Публикуются материалы, в которых одни авторы выступают за расширение функций русского суда за счет сохранения суда биев, другие – за шариатский суд [21, с. 157], а третьи, наоборот, критикуют эти идеи.

К числу тех, кто выступал против расширения функций русского суда и введения основ шариата, можно отнести лидера партии «Алаш» Алихана Букейханова (1866–1937). Свою позицию в отношении ограничения полномочий русского суда он подкрепил примером из британской судебной системы в Азии, основанной на местных обычаях. К тому же, по его мнению, содержать русского судью в каждом казахском ауле не представлялось возможным по многим причинам, в том числе, финансовым. Идею же введения шариата в казахских судах он встретил очень осторожно. Лидер партии «Алаш» считал, что в жизни казахов, в том числе, в правовой культуре, шариат никогда не играл существенной роли. «Шариат тверд как камень и никогда не меняется и не соответствует реальностям казахской жизни» [4; 5, с. 167]. Кроме того, он подверг острой критике действия царских властей по переустройству суда биев: «С тех пор как казахи объединились с русскими, исчезли сильные как скакуны и мудрые на слова бии. Опираясь на слова наших известных биев, нынешние суды вершат свои дела за взятки, делая черное белым, а белое черным, таков сегодняшний наш день. Надеюсь на нынешних биев, мы теряем свое лицо как народ. Наша человеческая задача – направить этих заблудившихся людей на верный путь справедливой власти. Не зная обычаи и нравы народа, никто не имеет прав диктовать ему свой закон» [5, с. 167]. Рассматривая организацию волостного суда, А. Букейханов отмечал, что «у казахов по закону волость состоит из 1000 юрт, а аул не менее из 100 юрт. Если перевести казахского судью на русского, то на одну волость необходимо 10 судей, следовательно, на содержание одного из них приходится около 3 000 р. Для волости это обойдется в 30 000 р. На одну семью 30 р. пошлины. А казахи – народ степной, у большинства из них нет возможности оплатить такую сумму». И далее: «Русский судья не знает языка нашего народа. Спор через переводчика не име-

ет смысла. Замена казахского бия русским судьей не имеет никакой необходимости» [5, с. 168].

Понять озабоченность А. Букейханова можно, так как традиционное казахское судопроизводство сводилось к примирительно-третейскому разбирательству на основе добровольного соглашения сторон. В биях видели юристов-специалистов, профессиональных арбитров, знатоков и глашатаев права. Фигура бия для простых кочевников фактически заслоняла прочие органы власти [13].

Отрицательное отношение А. Букейханова к идее внедрения в казахский суд норм шариата вызвали бурную реакцию со стороны некоторой части общественности, которая выступала за введение шариата по модели татар, подчинённых ведомству Оренбургского духовного собрания. Оппоненты критиковали А. Букейханова за холодную позицию в отношении шариата, который, по мнению его сторонников, заключался в «исламе затвердевшим как камень является только ибадат (различные формы поклонения Богу), а муамалат (нормы отношений между людьми) и укубат (система наказаний) могут меняться» [18]. В отличие от газеты «Казах», которая часто печатала статьи А. Букейханова, журнал «Айкап» систематически размещал на своих страницах материалы в поддержку подчинения казахов Оренбургскому духовному собранию, которое невозможно было без внедрения шариата в судебные дела казахов [8; 16].

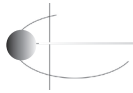
Будучи фактически идейным руководителем газеты «Казах», А. Букейханов не всегда находил поддержку своих идей даже среди авторов этой газеты. Так, к примеру, Шакарим Кудайбердиев (1858–1931), который имел авторитет и вес среди передовой интеллигенции Казахстана, считал, что внедрение норм шариата в судебных делах будет полезным для казахского общества. По его мнению, «окостенелость» шариата связана с безграмотностью мулл, которые, имея половинчатые знания, не могут правильно и грамотно донести до народа основы правовых, морально-этических и религиозных норм ислама. Для этого он предлагал уменьшить количество биев. Данная мера, по убеждению философа, привела бы к улучшению качества работы и состава биев [22].

На IV Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в июне 1914 года в г. Санкт-Петербурге, одной из ключевых проблем, по которому возникли горячие споры, был вопрос о реформе Духовных собраний.

В казахской делегации произошел раскол на основе дискуссии о введении основ шариата среди казахов. А. Букейханов стоял в отношении проблемы на своих прежних позициях. Он был убежден, что шариат не только вреден для народа, но и не нужен, так как казахи в своей обычно-правовой культуре опираются на адат, обычное право. Позиция А. Букейханова не нашла поддержки среди других членов делегации, которые осудили его за содействие русификации. Так, Б. Каратаев, С. Лапин, Ж. Сейдалин и другие считали: «Время обычного права среди казахов ушло. Весь казахский народ испытывает гнёт со стороны так называемого народного суда. В этом суде справедливости нет. Единственный выход из создавшейся ситуации для казахского народа – это принятие норм шариата» [9].

Особенно непреклонен в этом вопросе был публицист, гуманист, просветитель, депутат II Государственной Думы Российской империи Бахытжан Каратаев (1869–1934). Пройдя сложный политический путь – от члена кадетской партии до вхождения в партию большевиков, а затем и выхода из нее, он поднимал в своих работах актуальные проблемы казахов. Будущее судебной власти Б. Каратаев видел в её независимости. Так же, как и его современники, он считал, что серьезным испытанием для казахской судебной системы стало введение «Временных положений...», нанесших удар по традиционному казахскому обществу. Введение российского судопроизводства привело к появлению взяточничества, борьбы за должность, коррупции в судах. В таких условиях обычное право окончательно потеряло свое значение в казахском обществе, а судьи стали игрушками в руках чиновников. Выход из создавшейся ситуации Б. Каратаев связывал с введением норм шариата в судебную систему.

Вскоре после окончания работы съезда А. Букейханов написал статью, в которой, освещая круг вопросов, поднятых на нем, заметил, что нормы шариата, в отличие от адата, достаточно жёстко регламентируют брачно-семейные отношения. Он привел в пример героиню романа М. Дулатова «Несчастливая Жамал», которую шариат жестоко наказал бы за её побег с любимым человеком [3]. Эта статья вызвала новую волну публикаций в поддержку шариата. Авторы осудили А. Букейханова за неправильное понимание Корана и защиту адата, а также высказали идею о том, что в начале XX в. адат нужен только царскому правительству как средство для

удержания казахов в первобытном состоянии [16, с. 335]. Споры внутри национальной интеллигенции по вопросам будущего казахского суда породили внутри неё идейный раскол.

После закрытия осенью 1915 г. журнала «Айкап», позиции сторонников сохранения адата укрепились, хотя и они не исключали возможности введения шариата в некоторые судебные дела, особенно касающиеся вопроса развода. Впоследствии идеи А. Букейханова легли в основу программы партии «Алаш», которая после создания правительства «Алаш-Орды» занялась вопросами реформирования народного суда биев.

В годы гражданской войны партия «Алаш» все свои надежды на национальное возрождение связывала с белым движением. Правительство адмирала Колчака, понимая важность для казахов вопросов сохранения обычного права, по инициативе алашордынцев разработало в 1919 г. Положение о казахском суде, которое повысило статус казахских судей и расширило область применения неписанного права казахов. Казахскому суду было предоставлено право принимать и рассматривать как все гражданские, так и уголовные иски. Одним из главных критериев в отборе судей было знание казахского языка. Судьба белого движения всем известна, но даже после установления на территории Казахстана советской власти, лидеры партии не переставали уделять вопросам казахско-

го судоустройства внимание. Если в первые годы своего господства власть Советов снисходительно относилась к деятельности судов биев, что выразилось в надежде М. Дулатова на дальнейшую работу суда биев [6], то с середины 1920-х гг. она всерьёз занялась искоренением норм адата в среде казахов. Но даже в этих условиях, невзирая на возможное осложнение отношений с новой властью, М. Дулатов предлагал меры для улучшения работы суда: жёсткий отбор честных людей в качестве кандидатов в депутаты по примеру отбора членов Коммунистической партии; запрет судьям работать в своем родном районе; правовая грамотность [6].

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на потерю своего статуса к началу XX в., суд биев продолжал играть немаловажную роль в казахском обществе, символизируя собой авторитет, мудрость, знания народных традиций и права, казахскую государственность. Поэтому понятно обращение лидеров национальной интеллигенции к этой теме в тот момент, когда актуализировался вопрос обретения национальной независимости. Поиск путей соединения реформаторских идей и основ традиционной системы права стал краеугольным камнем теоретических воззрений национальной интеллигенции на пути возрождения казахской государственности.

Список литературы

1. Бабай Бүркіт. Қырдан келген хабарлар: Зайсан оязынан // Дала уалаятының газеті. 1894. № 41. С. 2.
2. Байтурсынов А. И снова про народный суд // Ак жол. Алматы: Жеті жарғы, 1991. С. 164.
3. Бөкейханов Ә. Мұсылман сиезі // Қазақ. 1914. № 89. 2 б.
4. Бөкейханов Ә. Тағы да би һәм билік // Құраст.: М. Қойгелдиев. Алматы, 1994. 167–168 бб.
5. Букейханов А. Бии и власть // Избранное. Алматы, 1995. 478 с.
6. Дулатов М. Халық соты (1921 г.) // Міржақып Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы. Т. 3: Көсемсөз, әдеби-сын және зерттеу мақалалары, қазақ тілінде басылған кітаптар көрсеткіштері / Құраст.: Г. Дулатова, С. Иманбаева. Алматы, 2003. 44–46 бб.
7. Единство тюрков. 1992. № 1. С. 12.
8. Камали И. А. Шарифатты ма немесе ғұрыпты ма қалдыруға? // Айкап. 1914. № 12. С. 191–192.
9. Каратаев С. Б., Сейдалиев Ж. Ш., Лапин С., Аманшин Д., Нарынбаев А. Итоги советов казахов по религиозно-правовому и земельному вопросу // Айкап. 1914. № 14. С. 226–229.
10. Көшпелі Қазақбай ұлы. Қазақ билерінің жұмыстары тексере тұғыны турасынан // Дала уалаятының газеті. 1894. № 46. 3 б.
11. Қажы Досмаил Қашқынбай ұлы. Әдет турасында // Айкап. 1915. № 3. С. 35–38.
12. Қорабай Жапан ұлы. Ғылым оқудың қажет екенінің баяны // Дала уалаятының газеті. 1894. № 37. 3 б.
13. Мажитова Ж. С. Традиционный судебный институт казахского общества в трудах представителей национальной интеллигенции начала XX века: материалы междунар.

науч.-практ. конф. «Традиционные общества: неизвестное прошлое». Челябинск, 2009. С. 121–126.

14. Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября. С. 4.

15. Марсеков Р. Киргизский народный суд // Киргизская степная газета. 1900. 2 января. С. 3.

16. Мәкет. Шариғатты қорғау үшін // Айқап. 1914. № 24. С. 335–337.

17. Рахматулла Илияс ұлы. Ескі ауруларымызға ескірген дарулар // Айқап. 1914. № 9. С. 141–142.

18. Сәрсекеев Мұғалім Хафиз. Дұрыстық // Айқап. 1914. № 8. С. 130–131.

19. Сейдалин Жиһанша Әлмұхамед ұлы. Азып-тозып кетпеске не амал бар? // Айқап. 1913. № 11. С. 243–247.

20. Султангазин Д. Власть казахов в прежние времена // Дала уалаяты. 1888. № 51. С. 3.

21. Шардай Қарасарт баласы. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10. С. 157–159.

22. Шәкәрім. Би һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. 8 маусым. № 165. 3 б.

References

1. Babai Bүrkit. Qyrdan kelgen khabarlar: Zaisan oyazyndan // Dala ualayatyның gazetі. 1894. № 41. С. 2.

2. Baitursynov A. I snova pro narodnyi sud // Ak zhol. Almaty: Zheti zharfy, 1991. S. 164.

3. Bekeikhanov Ә. Mұсылman siezi // Қазақ. 1914. № 89. 2 б.

4. Bekeikhanov Ә. Тағы да би һәм билік // Құраст.: М. Қоигелдиев. Almaty, 1994. 167–168 bb.

5. Bukeikhanov A. Bii i vlast' // Izbrannoe. Almaty, 1995. 478 s.

6. Dulatov M. Khalyқ soty (1921 g.) // Mirzhaқыр Dulatұly. Bes tomдық shyfarmalar zhinary. T. 3: Kөsemsez, әdebi-syn zhөne zertteu maқalalary, қазақ tilinde basylan kitaptar көсетkishteri / Құраст.: G. Dulatova, S. Imanbaeva. Almaty, 2003. 44–46 bb.

7. Edinstvo tyurkov. 1992. № 1. S. 12.

8. Kamali I. A. Sharifatty ma nemese ғұрыpty ma қалдыруға? // Айқап. 1914. № 12. S. 191–192.

9. Karataev S. B., Seidalin Zh.Sh., Lapin S., Amanshin D., Narynbaev A. Itogi sovetov kazakhov po religiozno-pravovomu i zemel'nomu voprosu // Айқап. 1914. № 14. S. 226–229.

10. Keshpeli Қазақбай ұлы. Қазақ бilerinің zhұmystary tekserе тұғыny turasyndan // Dala ualayatyның gazetі. 1894. № 46. 3 б.

11. Қазhy Dosmail Қашқынбай ұлы. Әдет turasynda // Айқап. 1915. № 3. S. 35–38.

12. Қорabai Zharan ұлы. Fylym оқудың қazhet ekeninің bayany // Dala ualayatyның gazetі. 1894. № 37. 3 б.

13. Mazhitova Zh. S. Traditsionnyi sudebnyi institut kazakhskogo obshchestva v trudakh predstavitelei natsional'noi intelligentsii nachala XX veka: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe». Chelyabinsk, 2009. S.121–126.

14. Marsekov R. Sailau i ego vrednye posledstviya // Kirgizskaya stepnaya gazeta. 1899. 28 noyabrya. S. 4.

15. Marsekov R. Kirgizskii narodnyi sud // Kirgizskaya stepnaya gazeta. 1900. 2 yanvarya. S. 3.

16. Mәket. Sharifatty қорғау yshin // Айқап. 1914. № 24. S. 335–337.

17. Rakhmatulla Iliyas ұly. Eski aurularymyzға eskirgen darular // Айқап. 1914. № 9. S. 141–142.

18. Sәrsekeev Mұғalim Khafiz. Dұryстық // Айқап. 1914. № 8. S. 130–131.

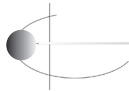
19. Seidalin Zhihansha Әlmұkhamed ұly. Azyp-tozyp ketpeske ne amal bar? // Айқап. 1913. № 11. S. 243–247.

20. Sultangazin D. Vlast' kazakhov v prezhnie vremena // Dala ualayaty. 1888. № 51. S. 3.

21. Shardai Қарasart balasy. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10. S. 157–159.

22. Shәkәrim. Bi һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. 8 mausym. № 165. 3 б.

Статья поступила в редакцию 30.03.2014

УДК 294.321
ББК 86.35 (2Рос=Бур)

Николай Владимирович Цыремпиллов,
кандидат исторических наук,
Принстонский Институт перспективных исследований
(08540, Принстон, Нью Джерси, США)
e-mail: tsyrempilov@ias.edu

**Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы
Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма
российскими властями¹**

Несмотря на то, что указ 1741 г. многими исследователями считается важнейшей вехой в истории буддизма в России, известно о нём очень мало, а сам документ так и не был найден. В этой статье мы попытались собрать все сведения, касающиеся этого документа, которые смогли найти в бурятских источниках на монгольском и тибетском языках, русских архивных документах XVIII–XIX вв. и научной литературе. Основываясь на этих материалах, мы даём свой ответ на вопрос, существовал ли указ о признании буддизма российскими властями. В статье приводятся данные, что искомый документ действительно мог существовать в статусе указа, но не именного императорского указа, а указа распорядительного, изданного местным органом власти от лица верховного монарха, что в XVIII в. было нормальной управленческой практикой. Те же данные заставляют признать, что, хотя мы и не можем говорить о нём, как о документе, официально признававшем буддийскую религию на территории Российской империи, указ фактически легитимировал буддийское духовенство, признавал за ним российское подданство. По своему духу распоряжение 1741 г. было скорее ограничительным, нежели разрешительным, но при этом оно признавало за буддийскими ламами определенные привилегии, сходные с теми, что были закреплены за бурятской родовой знатью. По существу, всё это можно трактовать и как косвенное признание буддийской религии. Сегодня, когда столь мало известно о признании буддизма в России, эта статья поможет разобраться исследователям в этом важном вопросе.

Ключевые слова: буддизм, ламаизм, Российская империя, буряты, Елизавета Петровна, официальное признание, 1741 г.

Nikolai Vladimirovich Tsyrempilov,
Candidate of History,
Princeton Institute for Advanced Study
(08540, Princeton, New Jersey, the USA)
e-mail: tsyrempilov@ias.edu

**When Did Russia Recognize Buddhism? In Pursuit of 1741 Decree by the Empress
Elizaveta Petrovna Officially Recognizing of Buddhism by the Russian Authorities²**

Although the Decree of 1741 was considered by many researchers as an important stage in the history of Buddhism in Russia, we still know little about it and the document itself was never published. In this paper we attempted to collect all data concerning this particular document available in Buriat, Mongolian and Tibetan written sources and Russian archives of the 18–19th centuries. Based on these materials we attempt to give our respond to the question whether this decree, which was mentioned by so many scholars, ever existed. Based on these data we assume that the document in question might exist in the status of decree, but rather as issued by local provincial government in the name of the empress, which in the 18th century Russia was a normative administrative practice. The same data allow us to argue that although we cannot refer to it as the document officially recognizing Buddhism by Russian authorities on the territories of the empire, it legitimized in fact the status of the Buddhist clergy and acknowledged their rights as imperial subjects. In its essence the command of 1741 was rather restrictive than permitting, but at the same time it recognized certain privileges similar to those

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ № 13–01–00086 «Традиция и инновация в Восточном Тибете».

² The research is performed with the financial support of RHSF within the project № 13–01–00086 “Tradition and innovation in Eastern Tibet”.

enjoyed by the Buriat tribal aristocracy. In fact, we can consider this document as indirect recognition of Buddhism by Romanovs.

Keywords: Buddhism, Lamaism, Russian empire, Buryats, Elizaveta Petrovna, official recognition, 1741.

Общепринятая версия. В июле 1991 года в Бурятии торжественно был отпразднован 250-летний юбилей официального признания буддизма в России. На празднование этой даты в Россию был приглашен Его Святейшество Далай-лама XIV, который провел молебен на стадионе 25-летия Республики Бурятия в Улан-Удэ и в дацанах Бурятии и Агинского Бурятского автономного округа. Бурятский институт общественных наук организовал по этому поводу научную конференцию, в результате которой была издана небольшая брошюра с тезисами докладов [12]. Во вступительной статье брошюры [12, с. 3–7], написанной именитыми бурятскими учёными Р. Е. Пубаевым и Г. Л. Санжиевым, о причинах выбора 1741 г. в качестве отсчётного момента признания буддизма российскими властями, сказано мало и общими словами: «250 лет назад, в 1741 г., указом Российской императрицы Елизаветы Петровны буддизм в Бурятии был официально признан в статусе государственной религии в России. Этим указом впервые был утверждён штат буддийского духовенства Бурятии – 150 комплектных лам, которые затем были приведены к присяге на верноподданность России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между кочующими свое учение» [12, с. 3].

В статье Ш. Б. Чимитдоржиева «К вопросу о начале распространения буддийской религии в Бурятии», вошедшей в этот сборник, указу Елизаветы также уделено немного места: «Действительно, 250 лет тому назад, в 1741 г., императрица Елизавета Петровна обнародовала манифест, согласно которому Российское правительство признало законность буддизма на территории Бурятии» [39, с. 14]. Более в сборнике докладов о самом указе, который послужил основанием для празднования, ничего не сказано. Более того, ни до, ни после этого юбилея ни один исследователь никогда не публиковал текста этого указа. Но, тем не менее, практически все авторы, так или иначе касавшиеся когда-либо вопросов истории буддизма в Российской империи, ссылаются на этот загадочный документ как на важнейший.

Так, авторитетный исследователь истории буддизма в Российской империи К. М. Герасимова в коллективной моногра-

фии «Ламаизм в Бурятии XVIII – нач. XX в.», изданной в 1983 году, со ссылкой на «Материалы землеустроительной комиссии Куломзина» говорит об указе Елизаветы Петровны 1741 года как о документе, в котором был «впервые утвержден штат – 150 комплектных лам» [32, с. 17–18]¹. Эта информация позднее вошла в учебники по истории Бурятии². Указ 1741 г. в разное время в своих работах упоминали Ш. Б. Чимитдоржиев [39]³, Г. Р. Галданова [22, с. 92–102], Д. Г. Чимитдоржин [40]⁴, Л. Л. Абаева [16], С. Ю. Лепехов [28]⁵, Н. Л. Жуковская [25]⁶, Ц. П. Ванчикова [29]⁷ и другие. Эти данные встречаются и в

¹ Первая глава этой монографии, в которой изложены основные исторические сведения об утверждении буддизма в Забайкалье, написана К. М. Герасимовой. В своей ранней монографии «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (Улан-Удэ, 1957), написанной на основе её докторской диссертации, на широкой базе архивных материалов (главным образом из Российского государственного исторического архива), Герасимова упоминает эту дату только в связи с основанием Гусиноозерского дацана и указа о назначении Агван-Пунцука главным ламой.

² Напр., в учебнике «Бурятия. XVII–XVIII вв. История. Вып. № 4. Улан-Удэ, 1999» за авторством Г. Л. Санжиева и Е. Г. Санжиевой искомая цитата из книги «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века» даётся слово в слово без ссылки на оригинальное издание.

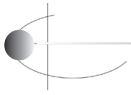
³ Помимо упоминавшейся выше статьи Ш. Б. Чимитдоржиев говорит о «манифесте» Елизаветы Петровны без ссылок на конкретные документы в других своих работах. В частности, можно упомянуть его статью «Начало распространения буддизма в Бурятии», опубликованную в сборнике статей «Бурятский буддизм: история и идеология» (Улан-Удэ, 1997). С. 18–27.

⁴ См., напр.: Буддизм в Бурятии 1945–2004. Улан-Удэ, 2007. С. 15. Чимитдоржин говорит об указе Елизаветы Петровны как об «официальном признании буддийской религии в Российском государстве». Там же. С. 15.

⁵ С. Ю. Лепехов в своей статье «Буддизм» для «Исторической энциклопедии Сибири» (Новосибирск, 2009. С. 250) и «Истории Бурятии» (Т II. XVII – нач. XIX в. Улан-Удэ, 2011. С. 170) цитирует (без приведения ссылки) данные из «Материалов комиссии Куломзина», в которых говорится, что Указ 1741 года признавал буддизм «дозволенной религиею».

⁶ В своей ироничной статье, посвященной празднованию 250-летия официального признания буддизма в России в 1991 году, Жуковская подвергает сомнению оправданность отсчёта этого признания от 1741 года и предлагает ряд альтернативных дат. Но факт существования самого указа, кажется, не вызывает у нее сомнения.

⁷ См.: главу «История буддизма в Забайкалье до 1945 года» монографии История буддизма в СССР и Российской Федерации (Элиста, 2011), написанную Ц. П. Ванчиковой, в которой она без ссылок на первоисточники слово в слово копирует материал из упоминав-

справочных и энциклопедических изданиях¹. Формулировки расходятся: одни исследователи называют документ указом, другие – манифестом. Большинство авторов говорят об официальном признании буддизма российскими властями, кто-то добавляет – «в качестве разрешённой» или даже «государственной религии» России². К. М. Герасимова, по всей видимости, не найдя других источников, предпочла дословно процитировать формулировку из «Материалов комиссии Куломзина»: «...указом Елизаветы впервые утверждён штат – 150 комплектных лам, которые были приведены к присяге на верноподданство России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между кочующими свое учение» [32, с. 17–18].

Так какое распоряжение было подписано императрицей Елизаветой Петровной в 1741 г. в связи с буддистами и существовало ли таковое вообще? Оснований для сомнений более чем достаточно. Такой документ отсутствует в Полном своде законов Российской империи, указ не найден нами ни в Российском государственном архиве древних актов, в котором в основном хранятся документы XVIII в., ни в Российском государственном историческом архиве, в котором сосредоточены документы по истории буддизма в России. Ничего не дали поиски и в региональных архивах: Государственных архивах Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. Не может не смущать и тот факт, что императрица Елизавета Петровна взошла на престол в результате дворцового переворота лишь 25 ноября 1741 года и, следовательно, монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века»: «В том же 1741 г., согласно указу императрицы Елизаветы, буддизм признали в качестве разрешённого вероисповедания, а лам выделили в отдельное сословие, впервые утвердив штат – 150 комплектных лам, которых привели к верноподданнической присяге, освободили от ясака и других повинностей и которые должны были проповедовать буддийское учение среди кочующих родов» (С. 32). В главе «Краткий очерк истории буддизма на территории России (до 1985 г.)» (авторы Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов) об указе 1741 года говорится ровно теми же словами, что и в упоминавшейся статье Ц. П. Ванчиковой.

¹ См., напр., 2, с. 9; 6, с. 401–402.

² Распоряжение это едва ли могло бы быть манифестом, поскольку статус буддизма в России того времени не был столь высоким, чтобы монарх обращался по вопросу его подтверждения к населению с манифестом – документом, принимаемым в связи с важными политическими событиями в государстве. Совершенно невозможным было бы и признание буддизма в качестве государственной религии, ибо в Российской империи государственной религией могло быть лишь христианство в греко-православной традиции, а все другие формы христианства, ислам, иудаизм и ламаизм могли находиться лишь в статусе терпимых вероисповеданий.

вательно, для издания такого указа до конца года у нее почти не оставалось времени. Тем более известно, что первые указы Елизаветы касались смещения одних лиц с важных государственных постов и назначение на других. Не является ли вся история с указом о признании буддизма одним сплошным недоразумением? Для того чтобы ответить на эти вопросы следует обратиться к источникам. Но для начала следует выяснить, откуда вообще исследователи получили данные об этом документе.

Что было известно об указе 1741 г. в XIX в.? Мы уже упоминали «Материалы землеустроительной комиссии Куломзина», из которых К. М. Герасимова и другие исследователи получили сведения об указе 1741 г. Обратимся же непосредственно к этому изданию³. В одном из выпусков материалов без приведения ссылок на оригинальные документы об указе Елизаветы Петровны 1741 г. говорится следующее: «Между тем сибирское начальство оставляло духовные дела бурят ламаитов безо всякого внимания вплоть до 1741 г., когда собраны впервые официальные данные о числе лам и кумирен в Забайкалье. По этим сведениям, здесь оказалось 11 ламайских капищ и 150 лам. Указанный год имел вообще важное значение в истории забайкальского ламаизма. Последовавшим в этом году Высочайшим указом Императрицы Елисаветы Петровны впервые учреждено 150 комплектных лам, причем они приведены к присяге на верноподданство России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между кочующими племенами свое учение. Одновременно с этим последовало назначение главным ламой со званием ширетуя Навак-Пунцука из Цонгольского рода и была учреждена за Байкалом главная Кильгонтуйская или Цонгольская кумирня. Таким образом, ламаизм был официально признан дозволенной религиею» [34, с. 131].

³ Полное название – «Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы» (Санкт-Петербург, 1899). Этот сборник из 16 выпусков разнообразных статистических материалов о землепользовании в Забайкалье, которое Российское правительство рассматривало как место расселения крестьян из европейских частей империи, содержит в себе и сведения исторического и этнографического характера. В выпуске 5, приложение 77 (с. 129–133) уделяется место и истории буддизма в Забайкалье и Прибайкалье. Вообще, часть, посвящённая буддизму, была позднее издана в виде отдельной брошюры «Очерк о ламаизме», составленный под главной редакцией Статс-Секретаря Куломзина И. В. Сосновским и изданной в Санкт-Петербурге в 1905 г. Искомый фрагмент находится в ней на с. 18.

Повторим, ссылок на оригинальные источники автор этих строк не даёт, а потому следует обратиться к более ранним изданиям, в которых можно найти сведения об этом времени и его значении в истории буддизма в России. Таковых оказывается совсем немного.

Во-первых, это известный труд Архиепископа Нила «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», изданный в Санкт-Петербурге в 1858 году и менее известная работа Барона Ф. А. Бюлера «Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство», опубликованная годом позднее в журнале «Отечественные записки». Оба автора также без ссылок на оригинальные источники говорят о том, что в 1741 г. властями были собраны сведения о числе лам и монастырей, назначен среди них главный лама, со всех лам взята присяга на верность России и под страхом смертной казни запрещены связи с единоверцами по другую сторону границы¹. Ни Нил, ни Бюлер ничего не говорят о какой-либо прямой причастности Елизаветы к данному распоряжению. Но в их данных есть некоторое расхождение. Так, Нил говорит, что данное положение было принято правительством (без уточнения, о каком правительстве идет речь – губернском или столичном) [33], а Бюлер уточняет, что принято оно было Иркутским начальством [17].

Другие упоминания о событиях 1741 г. в связи с буддизмом появляются несколько позднее. Среди них следует упомянуть доклад князя Эспера Эсперовича Ухтомского «Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним»², написанный им по результатам ревизионной поездки по Забайкалью в 1881 г. по заданию Азиатского департамента Министерства иностранных дел³. В исторической части своего доклада князь Ухтомский упоминает указ Елизаветы

Петровны 1741 г., но лишь в связи с назначением тибетского монаха Нгаванг Пунцока главным ламой бурят-буддистов: «Тысяча семьсот сорок первый год знаменателен в истории забайкальского ламаизма по признанию указом Императрицы Елизаветы главного буддийского иерарха среди бурят»⁴.

Кроме того, Ухтомский, ссылаясь на бурятские источники, говорит, что до этого через Министерство иностранных дел (которое тогда курировало дела бурят-буддистов) на высочайшее рассмотрение были представлены списки 150 пришлых лам с просьбой о признании за ними прав. Князь Ухтомский, как он сам отмечает в своем докладе, активно пользовался монастырскими архивами⁵, а потому ссылка на бурятские источники вполне ожидаема. При этом Ухтомский не даёт никаких ссылок на эти исторические документы, хотя в других местах он предоставляет достаточно полные данные о цитируемых источниках, включая даты и исходящие номера документов⁶. Таким образом, можно предположить, что копии указа 1741 г., вероятно, Ухтомский не видел, но знал о нём только из бурятских источников. Доклад Ухтомского с некоторыми купюрами и дополнениями был опубликован им лишь в 1904 г. в брошюре «Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет» [38]⁷, а, значит, составители «Материалов комиссии Куломзина», скорее всего, не могли воспользоваться этими данными.

Важное издание, из которого мы узнаем любопытные сведения о правительственных распоряжениях 1741 г., – брошюра, составленная чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел Владимиром Вашкевичем, под названием «Ламаиты в Восточной Сибири» [18]⁸. Именно из этого сочинения мы узнаем точную дату выхода инте-

¹ Нил, архиеп. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. Санкт-Петербург, 1858. С. 251–252; Барон Ф. А. Бюлер. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство // Отечественные записки. 1859. Июль. Том СХХV. Санкт-Петербург. С. 236.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 821. О. 133. Д. 420.

³ Князь Ухтомский, горячий сторонник сближения России со странами Азии, полагал, что принадлежность большей части бурят буддийскому вероисповеданию должно стать козырем в руках российской наступательной политики в Азии. В своем докладе он пытается завуалировать свои симпатии к буддизму, вставляя в него критические пассажи в адрес государственной политики в отношении буддийского духовенства. При этом он полагает, что если уж буддизм получил распространение в среде бурятского населения, то этот факт следует использовать в интересах российской внешней политики.

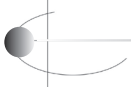
⁴ Кн. Э. Э. Ухтомский. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 420. Л. 91 б.

⁵ В том же докладе Ухтомский пишет: «Каждый клочок бумаги, относящийся к правам жрецово-буддийской веры, заботливо хранится бурятами. В образцовом порядке содержимый архив хамба-ламы на Гусином озере обнимает всю странную историю почти совпадающих (с конца прошлого столетия) покровительства и стеснения тибетской веры». Там же. Л. 98.

⁶ Всего таких точных ссылок в докладе найдено нами более двух десятков.

⁷ Кн. Эспер Ухтомский. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет (С-Петербург, 1904). Эта брошюра была опубликована Ухтомским как обращение к властям с призывом активизировать азиатскую политику в ответ на британскую военную экспедицию под руководством Ф. Янгхазбенда в Тибет. В ней он использовал материалы своего доклада, написанного много лет ранее.

⁸ Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. Санкт-Петербург, 1885.

ресующего нас распоряжения 1741 г. и даже прочтём цитату из него. При этом в качестве ссылки Вашкевичем даны известные нам уже сочинения Архиепископа Нила, Барона Бюлера и некие дела Сибирского Комитета и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, которые мы так и не смогли обнаружить в российских архивах¹. Итак, Владимир Вашкевич приписывает авторство этого распоряжения не Елизавете Петровне, которая в марте 1741 г. еще была всего лишь опальной претенденткой на российский трон, а Лоренцу Лангу, генерал-губернатору Иркутской губернии. Автор приводит следующую цитату из документа (статуса которого он не проясняет), датированного 5 марта 1741 года и адресованного Селенгинской воеводской канцелярии: «Всех наличных лам привести к присяге на верноподданство России и взять с них обязательство, под угрозой смертной казни, не только не переходить границу, но даже ни явно, ни тайно, ни под какими предложениями сношений с заграничными людьми не иметь» [18, с. 37].

Наличие точной даты и оформление автором фрагмента в виде цитаты должны говорить нам о том, что, возможно, у Вашкевича имелась перед глазами копия искомого документа. Если мы поверим в подлинность текста, который приводит автор, мы должны будем признать, что данное распоряжение Елизаветы Петровны, а в период регентства Анны Леопольдовны при малолетнем императоре Иоанне VI Мекленбургском (9 ноября 1740 года – 25 ноября 1741 года).

Третьим документом, в котором содержатся сведения об указе 1741 г., является статья известного российского монголоведа Алексея Михайловича Позднеева, опубликованная им в журнале “Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества” в 1886 г. В своей статье под названием «К истории развития буддизма в Забайкальском крае» Позднеев, в духе русской консервативной мысли, критически оценивает роль буддизма в бурятском обществе и сетует на произвол буддийского духовенства, чинимый ими с молчаливого согласия российских властей: «...в 1741-м г., [...] высочайшим указом императрицы Елизаветы Петровны у Бурят было учреждено 150 так называемых, комплектных лам, причём они были освобождены от податей, телесного наказания и вообще получили права, присвоенные духовенству в России [...]. Бурятам-простолюдинам оставалось только повинно-

¹ Дела этих ведомств хранятся сегодня в Российском государственном историческом архиве.

ваться поставленным над ними властям, ибо в противном случае им предстояла опасность попасть под кару новосоставленного закона. Став под защиту русского закона, буддизм естественно начал расти с удвоенной силой» [35, с. 169–170].

Мы видим, что первая часть приведенного фрагмента почти дословно повторяется составителями сборника «Материалы комиссии Куломзина», и теперь нам становится понятным, откуда в это издание, а после и во многие другие, попала информация об указе. При этом, как князь Ухтомский и Владимир Вашкевич, говоря об указе Елизаветы Петровны, Позднеев в своей статье не приводит никаких ссылок на первоисточники. Вероятно, нам было бы суждено гадать о том, откуда Позднеев знал содержание указа 1741 г., если бы не одна любопытная дискуссия, развившаяся на страницах одной малоизвестной брошюры.

Спор Воронца и Позднеева. Эта брошюра одна из серии пропагандистских материалов, направленных против неправославных вероисповеданий (главным образом ислама и буддизма), издававшихся Евстафием Воронцом, действительным членом Всероссийского Православного Миссионерского общества. Все работы этого автора весьма однообразны в стилистическом отношении, будучи написаны в резком, непримиримом и разоблачительном духе. Этот дух передает и само заглавие брошюры – «Русским ли правительством узаконено иноземное идопоклонническое ламство в православной России?». Издана она была в 1889 г. в Харькове, тремя годами после выхода в свет упоминавшейся работы Позднеева. Собственно, на её критике она по большей части и построена.

Как ясно из названия, автор брошюры поставил перед собой задачу расследовать достоверность якобы имевшего место признания буддизма российскими властями, определить уровень принятия такого решения (в результате Высочайшего постановления или как распоряжение местного органа власти), и, что более важно, определить в царствование какого монарха могло произойти данное событие. Прежде чем мы рассмотрим доводы автора, следует указать, что Евстафий Воронец был твёрдо убеждён в том, что самые одиозные решения, направленные, по его мнению, против интересов православия, принимались в России XVIII века «лютеранско-немецкой партией злодеев Бирона, Остермана и их товарищей» [21, с. 4]. Для него в высшей степени важным было доказать, что, если буддизм и был признан когда-то властями-

ми, то это произошло отнюдь не в царствование «благочестивейшей императрицы Елисаветы Петровны» [21, с. 3, 4], которую он считал истинно русско-православной правительницей, а в период «иностранный правления» [21, с. 4]. Не подвергая сомнению тот факт, что подобное распоряжение имело место, Воронеж, основываясь на сведениях Бюлера и Вашкевича, подчеркивает, что узаконение буддийского духовенства произошло «именно в марте 1741 г.» и «именно местным Иркутским начальством» [21, с. 9]¹, а не высочайшим указом Елизаветы Петровны, как о том писал в своей статье Позднеев. Факт признания буддизма Иркутским правительством имело немаловажное значение в теории заговора, которой придерживался Воронеж. Как известно, в 1741 г. иркутским генерал-губернатором служил Лоренц Ланг, о котором автор отзывается как о «ловком враге русских интересов, который был поставлен от немцев» [19, с. 2], «ламском приспешнике» и «ловком плуте» [20, с. 28–29].

Обращаясь к статье Позднеева, Воронеж в полном виде приводит фрагмент из неё, посвящённый указу 1741 г. В связи с этим он пишет: «...профессор Позднеев, в приведенном описании, позволил себе с виду маленькое, очень маленькое упущение. Он не указал непосредственно, ни в тексте, ни подстрочно, где он нашёл, где читал, описанного им содержания, указ Императрицы Елизаветы Петровны, из какого компетентно-достоверного источника, заимствовал профессор, им одним предъявляемый, такой указ Императрицы Елисаветы Петровны...» [20, с. 7].

Евстафий Воронеж на этом не остановился и обратился с письмом к самому Позднееву, пока не получил от него развёрнутый ответ. Ответ профессора Позднеева² звучит как оправдание. В частности, известный учёный вынужден был ссылаться на отсутствие сведений об указе 1741 г. на русском языке: «Если бы я имел в своих руках самые указы императриц по всем интересующим Вас вопросам, я написал бы просто исторический очерк развития Буддизма у Бурят, теперь я написал статью «К истории развития буддизма...» [20, с. 12].

Позднеев отмечает, что, будучи востоковедом, в своих трудах использует в основном данные из письменных источников восточных народов, в данном случае бурят. Говоря об

указе 1741 г. Позднеев, по его собственному признанию, опирался на материал бурятских летописей: «...говорят летописи условно о значении ходатайства Бурят без деятельности Рагузинского, я передаю это условно; заявляют категорически, что 150 лам утверждены комплектным указом Елизаветы Петровны, я точно воспроизвожу текст их утверждения» [20, с. 11].

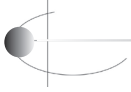
Евстафий Воронеж тут же, в этой же брошюре, даёт свой ответ на объяснения Позднеева, которые кажутся ему неубедительными и свидетельствуют о безответственности учёного, которому «как компетентному авторитетному специалисту несколько министерств доверяют расследование и устройство разных инородческих государственных дел» [20, с. 13]. Факт того, что, даже изучив архив Хамбо-ламы, Позднеев не нашёл копии указа Елизаветы Петровны от 1741 г., по мнению Воронца, явно свидетельствует, что такой указ никогда не существовал. Он считает, что в обратном случае такой документ «был бы тщательно сохранен ламами, сумевшими сохранить у себя в архиве Гусиноозерского дацана указы тех времен, например 1755 г. [...], о которых упоминает профессор Позднеев» [20, с. 21]. Сам Воронеж провёл в связи с этим собственное исследование архивов и пришел к выводу, что дела о сибирских ламаитах XVIII в. не сохранились ни в столичных, ни в местных архивах. Для этого он сделал запрос в Архив Департамента духовных дел иностранных исповеданий и получил официальный ответ следующего содержания: «актов прошлого столетия по делам ламаитов нет, потому что архив Департамента истреблен пожаром в 1862 году» [20, с. 25]. С тем же запросом автор обращался и к Архиепископу Вениамину, который лично проверил архив Иркутска и также не нашёл там дел о бурятских ламах XVIII в. Причиной, как предполагает Воронеж, мог быть пожар 1879 г. в Иркутске, уничтоживший архивные дела [20, с. 24]. По его сведениям, дела из Селенгинска и Кяхты переведены в Москву, а Нерчинский архив «исчез, вследствие отсутствия заботы о нем» [20, с. 24]. Сведения из бурятских источников Евстафий отвергает как ненадёжные и политически ангажированные, называя эти источники «восточными сказками», «ничем не подтвержденными и неосновательными» [20, с. 23].

Бурятские источники об указе 1741 г.

Так на какие бурятские источники опирались Позднеев и Ухтомский, о чём конкретно говорится в них, и можем ли мы вслед за Воронцом безапелляционно отвергать их ценность

¹ При этом Воронеж не ставит под сомнение подлинность цитаты указа, приведённой В. Вашкевичем, хотя, как и в очерке Позднеева, в этой работе не приведено никаких ссылок на источник сведений.

² В той же брошюре на с. 11–12 Е. Воронеж приводит текст ответного письма профессора Позднеева.

в данном вопросе? Источниковой базой для его сведений об указе 1741 г., по признанию Позднеева, стали бурятские исторические летописи, создававшиеся бурятами в основном на протяжении XIX в. Эти сочинения стоят особняком в общем числе монголоязычной исторической литературы. В отличие от других сочинений традиционной монгольской историографии, бурятские летописи в большинстве своем документальны и конкретны. Создававшиеся, как правило, бурятскими чиновниками, работавшими в степных думах, они писались с целью документально закрепить права бурятского населения на владение земельными угодьями в местах традиционного проживания и разного рода привилегии, в частности, религиозную инаковость. Поэтому бурятские летописцы внимательно относились к источникам приводимых сведений и часто дают в тексте сочинений прямые ссылки на документы. Но, к нашему сожалению, не в случае с указом 1741 г. Наиболее ранние упоминания об интересующем нас предмете имеются в двух следующих по мере возникновения бурятских летописях – «О ранней истории хоринских и агинских бурят» Тугульдура Тобоева и «История селенгинских монгол-бурят» Юмдэлэка Ломбоцыренова.

Первая летопись, созданная в 1867 г., повествуя о первой бурятской общине, состоявшей из 150 буддийских монахов, дословно сообщает нам следующее: «...список имен тех лам был представлен вниманию Её Величества, и в 1741 г. все эти ламы были сделаны комплектными и освобождены от податей»¹. В этом фрагменте автор сообщает нам о дате, когда в России впервые вводится понятие комплекта, под которым понималось строго фиксированное число буддийских монахов, разрешённых властями. В связи с этим решением упоминается имя императрицы, а, следовательно, утверждается, что решение о введении комплектного числа монахов было принято на высшем государственном уровне.

Примерно в том же духе событие описывается в следующей по времени создания летописи селенгинского тайши Ломбоцыренова: «В 1740-х годах императрица Елизавета Петровна утвердила штат в 150 лам. Они были освобождены от всех податей и повинностей»².

¹ yeke degedü ejen-ü anjiralta-du tede blam-a-nar-un ner-e-yin spiiske qabsurγan küregegsen-iyer 1741 on-a tede blam-a-nar bügüde-yi qonbillid bolγaju alba tataburi-ača sulalayad... Тобоев. Тобоев Тугульдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят (Horl iia fegoiia Briyeoa ooa oa forida Se(oa DeokEt). M I-16. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Л. 9.

² 1740 ондо хатан император Елизавета Пе-

тровна 150 штатна ламые баталжа, тэдэниие алба түлбэрирһөө сүлөөлжэ. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992. С.135.

тровна 150 штатна ламые баталжа, тэдэниие алба түлбэрирһөө сүлөөлжэ. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992. С.135.

Кроме этих двух летописей о распоряжениях Елизаветы Петровны говорит и хроника Шираб-Нимбу Хобитуева. Этот летописец сообщает нам следующее: «В 1741 году милостью великой императрицы Елизаветы Петровны был утвержден комплект лам в числе 150, а главным над ними поставлен соржо лама из тангутского рода Агван Пунцок»³.

Другие летописцы не придают этим событиям большого значения и вообще не упоминают их в своих произведениях. Но летописными сочинениями традиционная бурятская историография отнюдь не исчерпывается. Сведения о правительственных распоряжениях 1741 г. мы можем также найти и в «Путевых записках» Дамба-Даржа Заяева, первого Бандидо Хамбо-ламы, изложившего свою биографию в виде описания своего путешествия в Монголию и Тибет. По некоторым сведениям это сочинение было написано Заяевым по просьбе российской императрицы Екатерины Великой. В ряде списков этого произведения мы находим следующие фрагменты: «В 1742 году после обращения к вышестоящим был утвержден так называемый комплект хуваракон из 150 человек» [30, с. 41]. «В 1741 году в Бурятии было 150 хуваракон, о чем было сообщено вышестоящим и они были официально утверждены ламами» [30, с. 44].

Как мы видели выше, один из бурятских летописцев сообщает, что причиной принятия решения об утверждении комплектного числа лам в 1741 г. стало представление верховной власти списка лам⁴. В одном тибетоязычном источнике, небольшом историческом произведении, созданном в 1909 г. видным бурятским ламой Агваном Доржиевым, эти сведения находят свое подтверждение: «В 1741 году [...] в правительство была подана петиция, и впервые для этих мест было получено разрешение на зачисление этих ста пятидесяти лам в число комплектных»⁵.

³ Ехэ дээдэ эзэн императрица Елизавета Петровнагай үршөөлөөр 1741 ондо 150 комплед ламанар баталагдаһан, тэдэнэй ахалагшаар тангууд обогой Агван Пүнсэг гэжэ соржо лама болгодоһон юм. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992. С.100.

⁴ Очевидно, именно из летописи Тугульдура Тобоева Эспер Ухтомский почерпнул аналогичные сведения.

⁵ Краткое историческое сочинение. Доржиев Агван (Вагиндра). Краткое историческое сочинение о том, откуда, изначально отделившись, пришли монгол-буряты, когда это произошло и во власти какого хана они теперь пребывают (Моекго& Briyeoa folo_ feekEeee Hemi)

Таким образом, мы видим, что источники на бурятском языке в целом говорят об одном: в 1741 г. в результате сбора сведений о фактическом числе лам в Забайкалье, в высшие инстанции были поданы их именные списки, что привело к утверждению штата (комплекта) в 150 монахов. Эти ламы были освобождены от податей и повинностей, из их числа был назначен главный лама, которым стал выходец из северо-западного Тибета Агван Пунцок.

Сопоставление материала источников. С фактической стороны сведения из бурятских источников во многом согласуются с информацией, которые дают нам российские авторы¹: в 1741 г. власти утвердили в Забайкалье комплект в 150 лам [33; 7; 8], после того как были собраны сведения об их фактическом количестве [33; 8]. При этом Нил, Бюлер и Вашкевич акцентируют внимание на том, что это распоряжение ограничивало свободу деятельности лам, входивших в комплект: им было под страхом смертного наказания запрещено иметь связи с иностранными ламами. Бюлер и Вашкевич подчеркивают также, что решение об утверждении комплекта принималось местными властями, а не на высшем властном уровне. Бурятские авторы, со своей стороны, ничего не сообщают об ограничениях, которые были введены в отношении комплектных лам, но зато говорят о привилегиях: освобождение от податей и повинностей. Ещё одно важное расхождение: бурятские летописцы говорят, что распоряжение 1741 г. имело непосредственную связь с императрицей Елизаветой Петровной: она это распоряжение утвердила.

Теперь перед нами встает вопрос – какие источники заслуживают большего доверия? Поскольку полным текстом этого документа мы пока не располагаем, то можно лишь предполагать, что он мог как ограничивать права буддийского духовенства в Забайкалье, так и давать им некоторые привилегии. Каждая из заинтересованных сторон, скорее всего, увидела в его тексте именно то, что хотела увидеть. Противники либерального отношения к неправославным и нехристианским конфессиям (или, так или иначе, зависевшие

от их мнения) предпочли рассматривать его как документ ограничительный, а сами последователи буддизма естественно подчеркивали его значение как документа, *de facto* признававшего легальный статус этой религии в империи. Если рассмотреть другие документы, относящиеся к статусу буддийского духовенства в Российской империи XVIII в., то мы увидим, что власти в этом вопросе старались идти по пути балансирования между контролем и принятием.

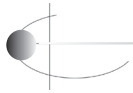
Сведения из других правительственных распоряжений XVIII в. В архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН сохранилось дело Засак-ламы Галсана Гомбоева, которое содержит в себе значительную коллекцию юридических документов, относящихся к статусу буддизма в Российской империи. Большая часть документов относится к XVIII в., и среди них мы встречаем документы, в которых ламам запрещается поддерживать связи с границей. Так, в указе от 31 октября 1776 года Бандидо Хамбо-ламе по этому поводу сказано следующее: «имеешь ты за всеми теми ныне поручающимися тебе в команду Ламами ховараками и убашеями смотреть на всегда прилежно дабы они служили добропорядочно и *отнюдь бы за границу не ездили и оттуда никого ни под каким видом и никаким способом не призывали и никакого сообщения и пересылок не имели* понеже оные противные поступки верноподданным Ее Императорского Величества подозрительны а они состоят верноподданными почему их тех поступок никогда ни для чего делать не следует ибо кто из них такие поступки станут делать то по Указу Ее Императорского Величества по трактату и по суду могут понести истязание по возможности вины и смертную казнь и для того тебе Ширетую им Ламам ховаракам и убашеям об оных поступках с крепким подтверждением часто напоминать и при том толковать какое в таких поступках многое худо и погибель их быть может и тако их не только беречь себя надо от такой погибели, но из одного подозрения имени плутовского за один свой Ламский чин дабы у инородцев за плутовское имя и подозрение не быть в презрении и омерзении»².

Другие указы подтверждают и ограничение числа лам путём введения комплектного количества в 150 лам. Так, в указе из Удинской провинциальной канцелярии Бандидо Хамбо-ламе Агалдаеву от 1783 г. говорится о

¹ fca DesorejO YembE* foro% t fell Ce(DO kEa Hegea Del Segogsea DeriKdea I Dobcl Dedol Horiyegsea DeokEt buciit forosibEt). М I-46. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

² Мы уже более не берём во внимание сведения Ухтомского и Позднеева, поскольку, как было показано выше, эти авторы основывали свои утверждения на материалах бурятских источников. Что касается данных из «Материалов комиссии Куломзина», то выше мы отмечали, что, очевидно, заимствованы из очерка Позднеева.

² Архивные материалы Засак-ламы Галсана Гомбоева. Архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 399. Л. 102–102 об.

том, чтобы число лам «никогда ни под каким видом не превозвышало при всех кумирных штатного сто пятидесяти лам»¹ со ссылкой на «указ и определение» прошлых лет. Таким образом, сведения об ограничениях, введённых властями в отношении буддийского духовенства в XVIII в., подтверждаются из других сохранившихся юридических актов. Что касается привилегий, которыми, якобы, российские власти наделяли буддийское духовенство в тот же период времени, то и эти сведения подтверждаются из материалов тех лет. Так, в указе из Иркутского наместнического правления Бандидо Хамбо-ламе Агалдаеву от 17 января 1792 года упоминаются более ранние правительственные распоряжения об освобождении от ясака буддийских монахов, входивших в число 150 комплектных лам: «старшинских зайсанских и шуленгиных детей /: кои имеются в ламах же:/ по прежним данным делам и отцам их грамотам и указам ясаку брать не велено...»².

Как известно из других источников, российские власти прямо предписывали «на убылые ламские места выбирать из тайшинских, зайсанских и шуленгских детей достойнейших»³. Буддийские ламы освобождались от ясака не как духовное сословие, а как потомство бурятской аристократии, исторически имевшее привилегию быть освобождёнными от выплат ясака в обмен на услуги по организации сбора податей. Историк Е. М. Залкинд считает, что объяснением этому предпочтению является традиционно ревностное соблюдение государством своих фискальных интересов: поскольку и служилая аристократия вместе с членами своих семей, и монашеское сословие были одинаково освобождены от выплаты ясака и исполнения трудовых повинностей, то единственным способом приостановить процесс увеличения неподатного населения было их частичное слияние [26, с. 313]. А потому представляется вполне вероятным, что в указе 1741 г. такая норма была прописана. И даже хотя в дальнейшем правило принятия в ламы людей из аристократических семей перестало соблюдаться, власти стали рассматривать эту привилегию как неотъемлемое право, которым в России наделялось духовное сословие⁴.

¹ Архивные материалы Засак-ламы Галсана Гомбоева. Архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 399. Л. 11.

² Там же. Л. 13 об.

³ Рассмотрение проектов Свода Степных Законов для кочевых инородцев и Устава о Монголо-бурятском Духовенстве. Присутствие Июля 9-го дня 1838 года. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 173. Л. 10–11.

⁴ Эта норма закреплена в § 14 Устава монголо-бурятского духовенства 1832 г., составленного бароном

Кстати, в одном из указов, сохранившихся в архиве Засак-ламы Гомбоева, – упоминавшийся уже Указе от 17 января 1792 года – имеются упоминания, что в 1741 г. в Забайкалье действительно проводилась перепись, в результате которой количество лам было определено в 150 человек⁵. Следует отметить, что в ряду прочих переписей лам, упомянутых в этом документе, перепись 1741 г. является самой ранней. Вероятно, в результате этого учёта лам и были собраны сведения, ставшие основой для некоего распоряжения, изданного в том же году.

Как мы показали выше, сведения об ограничениях и привилегиях, которые были введены в отношении буддийского духовенства российскими властями, якобы фигурировавшие в указе 1741 г., представляются вполне вероятными. И все же едва ли российские власти могли специально прописывать в такого рода указе право буддийских лам распространять свою веру среди бурят-монголов. Это право предполагалось логикой российских правительственных постановлений в отношении буддизма.

Указ или не указ? И всё же, каким был статус этого документа? Есть ли у нас основания считать, что документ 1741 г. был императорским указом? Ведь ни Архиепископ Нил, ни Бюлер, ни Вашкевич не называют его указом. Распоряжение 1741 г. указом называют лишь Э. Э. Ухтомский и А. М. Позднеев, которые, как мы убедились выше, опирались в своих сведениях на данные бурятских хронистов. Те же, в свою очередь, слова «указ» также не используют, говоря лишь о том, что «императрица утвердила штат комплектных лам». Мы говорили также и о том, что Владимир Вашкевич и барон Бюлер прямо утверждают, что распоряжение это исходило от Иркутского начальства, расходясь в этом с бурятскими летописцами. Но является ли это расхождением?

В одной из своих работ исследователь видов и разновидностей государственных распорядительных документов XVIII в. С. А. Глотова называет указы «распорядительными документами, с помощью которых осуществлялась реализация управленческих решений на всех уровнях управления государством» [24, с. 83]. Указами именовались не только распоряжения, исходившие непо-

⁵ Архивные материалы Засак-ламы Галсана Гомбоева. Архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 399. Л. 13.

средственно от верховной или высшей (Сенат, различные Советы при императорских особах) власти, но и постановления нижестоящих инстанций «по собственной инициативе в рамках оперативного управления» [24, с. 8]¹. Иницилируя какое-нибудь дело, низовые инстанции могли как представлять его на рассмотрение высших органов власти, так и принимать решение самостоятельно в рамках своей компетенции. Указы нижестоящих инстанций могли именоваться от лица императорской власти с указанием непосредственного органа власти, издавшего постановление [24, с. 86]. Так, все сохранившиеся указы XVIII в., относящиеся к сфере управления буддийским духовенством, исходят из Канцелярии Правления пограничных дел, Удинской провинциальной канцелярии, Иркутской губернской канцелярии, Иркутского наместнического правления, Верхнеудинского нижнего земского суда, но именуются «Указами Его (или Ее) Императорского Величества». Представляется, что распоряжение 1741 г., касавшееся буддийского духовенства Забайкалья, вполне могло быть «Указом Ея Императорского Величества из канцелярии Иркутского вице-губернатора». Оно могло быть издано по инициативе губернских властей «в рамках оперативного управления». Вероятно, копию этого указа мог видеть бурятский летописец Тугульдур Тобоев, который в 1867 г. сослался на него в своей исторической хронике. Если доверять сведениям Владимира Вашкевича, то указ этот нужно датировать 5 марта 1741 года. В этом случае бурятские летописцы могли ошибиться, отнеся его ко времени Елизаветы Петровны. Вероятно также, что эта ошибка могла быть и намеренной, поскольку в XIX веке в русском обществе правление Анны Леопольдовны малолетнего Иоанна VI многими считалось иноземным, а приход к власти дочери Петра рассматривался как возвращение истинно русской православной власти. Потому бурятские хронисты предпочли отнести важное для истории буддизма постановление ко времени Елизаветы Петровны.

Заключение. Несмотря на то, что указ 1741 г. многими исследователями считается важнейшей вехой в истории буддизма в России, известно о нём очень мало. В этой статье мы попытались собрать все сведения, касающиеся этого документа, которые смогли найти в источниках, архивных документах и на-

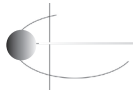
учной литературе. Так существовал ли указ о признании буддизма российскими властями, о котором так много пишут видные историки и буддологи? Если да, то о чём он гласил?

Что касается его содержания, то российские и бурятские источники согласны с тем, что указ: а) вводил понятие комплектного (официально одобренного органами российской власти) числа лам; б) освобождал входивших в это число от уплаты податей и исполнения повинностей; в) запрещал под страхом смертного наказания какие-либо контакты с внешним буддийским миром.

Несмотря на то, что в ходе своего исследования указ мы так и не нашли, не приходится сомневаться, что такой документ действительно существовал. Мы можем согласиться и с тем, что он существовал в статусе указа, но не именно императорского указа, а указа распорядительного, изданного местным органом власти от лица верховного монарха, что в XVIII веке было нормальной управленческой практикой. Те же данные заставляют признать, что хотя мы и не можем говорить о нём как о документе, официально признававшем буддийскую религию на территории Российской империи, указ фактически легитимировал буддийское духовенство, признавал за ним российское подданство. По своему духу распоряжение 1741 г. было скорее ограничительным, нежели разрешительным, но при этом оно признавало за буддийскими ламами определённые привилегии, сходные с теми, что были закреплены за бурятской родовой знатью. По существу, всё это можно трактовать и как косвенное признание буддийской религии. Вероятнее всего, издан он был в правление малолетнего Иоанна VI в регентство Анны Леопольдовны, как утверждают некоторые российские авторы, а сведения бурятских источников о причастности к нему императрицы Елизаветы Петровны можно считать либо ошибочными, либо обусловленными политической конъюнктурой. Сейчас это уже не представляется столь важным, поскольку, каким бы ни было отношение к правителям мекленбургского дома в России XIX в., это были правители Российской империи.

Ставить точку в вопросе об указе 1741 г. ещё рано. Не исключено, что когда-нибудь копия этого документа ещё проявится в одном из многочисленных архивов нашей страны и некоторые выводы нашего исследования будут опровергнуты. Но сегодня, когда столь мало известно о признании буддизма в России, эта статья поможет разобраться исследователям в этом важном вопросе.

¹ По мнению исследователя, именно такие указы были распространены более всего, поскольку большее число решение принималось на относительно низких уровнях власти. См.: Там же. С. 87.

Источники

1. Бичихан записка. Бичихан записка (bucieeee ierusk). М I-43. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
2. Краткое историческое сочинение. Доржиев Агван (Вагиндра). Краткое историческое сочинение о том, откуда, изначально отделившись, пришли монгол-буряты, когда это произошло и во власти какого хана они теперь пребывают (Moekgo& Briyeoa folo_feekEeee Hemi) t fca DesorejO YembE* foro% t fell Ce(DO kEa Hegea Del Segogsea DeriKdea I Dobcl Dedol Horiyegsea DeokEt buciit forosibEt). М I-46. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
3. Предание о хождении в Тибет Бандидо Хамбо Заяева из цонгольского рода (Coeekgo& foB(ble^ t bEwdida mkEnBwa Jel t t iia DoibEoa Geje* t YeBgsea Domo()). Коллекция В. Д. Борбоева, № 3499(2). Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
4. Предание о хождении Хамбо Заяева за Учением (Jeye) t mkEnB iia Zesia O Dola YeBgsea Domo(BI). М II-342. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
5. Путевые заметки. Путевые заметки (YeBde& oa Demdeit). М I-262. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
6. Тобоев Тугульдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят (Horl iia fegoia Briyeoa ooa oa forida Ce(oa DeokEt). М I-16. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
7. Юмов Сайнцак. История селенгинских бурят-монголов (SeleekEt iia Moekgo& Briyeoa ooa oa DeokEt). Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. М I-8.
8. Юмсунов Вандан. История о происхождении одиннадцати хоринских родов (Horl iia ferbEa NikEa fcikEt iia fo(fijego* oa Dogojl). Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. М I-13.
9. Рассмотрение проектов Свода Степных Законов для кочевых инородцев и Устава о Монголо-бурятском Духовенстве. Присутствие Июля 9-го дня 1838 года. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 173. Российский государственный исторический архив.
10. Устав монголобурятского духовенства 1832 г., составленный бароном П. Л. Шиллинг-фон-Каштадт. Ф. 1264. Оп I/54. Д. 212а. Российский государственный исторический архив.
11. Ухтомский Эспер, Князь. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним. Ф. 821, Оп. 133. Д. 420. Л. 91 б.

Список литературы

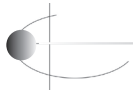
12. 250-летие буддизма в Бурятии и России // 250-летие официального признания буддизма в России. Тезисы докладов науч. конф. 16–17 июля 1991 г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1991. С. 3–7.
13. Альбедиль М. Буддизм. СПб.: Питер, 2006.
14. Бурядадай түүхэ бэшэгүүд, 1992. Бурядадай түүхэ бэшэгүүд / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992.
15. Бурятские летописи, 1995. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995.
16. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М., 2004.
17. Бюлер Ф. А. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство // Отечественные записки. 1859. Июль. Т. XXV. СПб. С. 201–258.
18. Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885.
19. Воронеж Е. Из истории чиновного сибирского ламства. М., 1891.
20. Воронеж Е. Русским ли правительством узаконено иноземное идолопоклонническое ламство в православной России? Харьков, 1889.
21. Воронеж Е. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. СПб., 1888.
22. Галданова Г. Р. Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм: история и идеология: сб. статей / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 92–102.

23. Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ, 1957.
24. Глотова С. А. Указы как главные распорядительные документы коллегий (XVIII в.) // Делопроизводство. 2009 № 3. С. 83–88.
25. Жуковская Н. Л. 250 лет официального признания буддизма в России (размышления о прошедшем юбилее некоторое время спустя) // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 118–131.
26. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
27. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: антология / ред. П. Вайшраман. М.: Изд-во ДИК, 2008.
28. Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1.
29. История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: Мин-во обр-я и науки Респ. Калмыкия, 2011.
30. История бурятского буддизма. Письменные источники / транслитерация, перевод, комментарий и исследование Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
31. Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб., 1899.
32. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. Новосибирск: Наука, 1983.
33. Нил (Исаакович Н. Ф.), архиеп. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858.
34. Очерк о ламаизме / гл. ред. статс-секретарь Куломзина И. В. Сосновский. СПб., 1905.
35. Позднеев А. М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. 1886. № 1. Т. 1. С. 169–188.
36. Румянцев Г. Н. Архив Засак-ламы Галсана Гомбоева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959.
37. Санжиев Г. Л., Санжиева Е. Г. Бурятия. История (XVII–XVIII вв.). Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 1999.
38. Ухтомский Эспер, Князь. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904. Российский государственный исторический архив.
39. Чимитдоржиев Ш. Б. К вопросу о начале распространения буддийской религии в Бурятии // 250-летие официального признания буддизма в России: тезисы докладов науч. конф. 16–17 июля 1991. Улан-Удэ, 1991. С. 14–18.
40. Чимитдоржин Д. Г. Буддизм в Бурятии 1945–2004. Улан-Удэ, 2007.

Istochniki

1. Bichikhan zapiska. Bichikhan zapiska (bucieeee iepuskt). M I-43. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
2. Kratkoe istoricheskoe sochinenie. Dorzhiev Agvan (Vagindra). Kratkoe istoricheskoe sochinenie o tom, otkuda, iznachal'no otdelivshis', prishli mongol-buryaty, kogda eto proizoshlo i vo vlasti kakogo khana oni teper' prebyvayut (Moekgo& Briyeoa folo_ feekEeee Hemi) t fca DesorejO YembE* foro% t fell Ce(DO kEa Hegea Del Segogsea DeriKdea I Dobcl Dedol Horiyegsea DeokEt buciit forosibEt). M I-46. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
3. Predanie o khozhdenii v Tibet Bandido Khambo Zayaeva iz tsongol'skogo roda (Coekgo& foB(ble^ t bEwdida mkEnBwa Jel t t iia DoibEoa Geje* t YeBgsea Domo()). Kolleksiya V.D. Borboeva, № 3499(2). Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
4. Predanie o khozhdenii Khambo Zayaeva za Ucheniem (Jeye) t mkEnB iia Zesia O Dola YeBgsea Domo(BI). M II-342. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
5. Putevye zametki. Putevye zametki (YeBde& oa Demdeit). M I-262. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.

6. Toboev Tugul'dur. Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat (Horl iia fegoii Briyeoa ooa oa forida Ce(oa DeokEt). M I-16. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.

7. Yumov Saintsak. Istoriya selenginskikh buryat-mongolov (SeleekkEt iia Moekgo& Briyeoa ooa oa DeokEt). Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN. M I-8.

8. Yumsunov Vandan. Istoriya o proiskhozhdenii odinnadtsati khorinskikh rodov (Horl iia ferbEa NikEa fcikEt iia fo(fijego* oa Dogojl). Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN. M I-13.

9. Rassmotrenie proektov Svoda Stepnykh Zakonov dlya kochevykh inorodtsev i Ustava o Mongolo-buryatskom Dukhovenstve. Prisutstvie lyulya 9-go dnya 1838 goda. F. 1264. Op. 1. D. 173. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

10. Ustav mongoloburyatskogo dukhovenstva 1832 g., sostavlennyy baronom P. L. Shillingfon-Kashtadt. F. 1264. Op I/54. D. 212a. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

11. Ukhtomskii Esper, Knyaz'. Ocherk razvitiya lamaizma na vostochno-sibirskoi okraine i naibolee tselesoobraznoe sredstvo dlya bor'by s nim. F. 821, Op. 133. D.. 420. L. 91 b.

References

12. 250-letie buddizma v Buryatii i Rossii // 250-letie ofitsial'nogo priznaniya buddizma v Rossii. Tezisy dokladov nauch. konf. 16–17 iyulya 1991 g. Ulan-Ude. Ulan-Ude, 1991. S. 3–7.

13. Al'bedil' M. Buddizm. SPb.: Piter, 2006.

14. Buryadai tyykhe beshegyyd, 1992. Buryadai tyykhe beshegyyd / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. Ulaan-Yde: Buryaad nomoi kheblel, 1992.

15. Buryatskie letopisi, 1995. Buryatskie letopisi / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev, Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, 1995.

16. Buryaty / otv. red. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. M., 2004.

17. Byuler F. A. Ocherki Vostochnoi Sibiri. Lamaizm i Shamanstvo // Otechestvennye zapiski. 1859. Iyul'. T. XXV. Sankt-Peterburg. S. 201–258.

18. Vashkevich V. Lamaity v Vostochnoi Sibiri. SPb., 1885.

19. Voronets E. Iz istorii chinovnogo sibirskogo lamstva. M., 1891.

20. Voronets E. Russkim li pravitel'stvom uzakoneno inozemnoe idolopoklonnicheskoe lamstvo v pravoslavnoi Rossii? Khar'kov, 1889.

21. Voronets E. Sushchestvennaya istoricheskaya spravka po lamskomu voprosu. SPb., 1888.

22. Galdanova G. R. Traditsionnye verovaniya buryat v sisteme buddizma // Buryatskii buddizm: istoriya i ideologiya: sb. statei / otv. red. L. E. Yangutov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1997. S. 92–102.

23. Gerasimova K. M. Lamaizm i natsional'no-kolonial'naya politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov. Ulan-Ude, 1957.

24. Glotova S. A. Ukazy kak glavnye rasporyaditel'nye dokumenty kollegii (XVIII v.) // Deloproizvodstvo. 2009 № 3. S. 83–88.

25. Zhukovskaya N. L. 250 let ofitsial'nogo priznaniya buddizma v Rossii (razmyshleniya o proshedshem yubilee nekotoree vremya spustya) // Etnograficheskoe obozrenie. 1992. № 3. S. 118–131.

26. Zalkind E. M. Obshchestvennyi stroi buryat v XVIII – pervoi polovine XIX v. M.: Nauka, 1970. 400 s.

27. Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabaikal'e: antologiya / red. P. Vaishraman. M.: Izd-vo DIK, 2008.

28. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri / gl. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. T. 1.

29. Istoriya buddizma v SSSR i Rossiiskoi Federatsii v 1985–1999 gg. / otv. red. N. G. Ochirova. Elista: Min-vo obr-ya i nauki Resp. Kalmykiya, 2011.

30. Istoriya buryatskogo buddizma. Pis'mennye istochniki / transliteratsiya, perevod, kommentarii i issledovanie Ts. P. Vanchikovoi. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2006.

31. Komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Zabaikal'skoi oblasti. Materialy. SPb., 1899.

32. Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoi sistemy / Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B. i dr. Novosibirsk: Nauka, 1983.

33. Nil (Isaakovich N. F.), arkhiep. Buddizm, rassmatrivaemyi v otnoshenii k posledovatelyam ego, obitayushchim v Sibiri. SPb., 1858.
34. Ocherk o lamaizme /gl. red. stats-sekretar' Kulomzina I. V. Sosnovskii. SPb., 1905.
35. Pozdneev A. M. K istorii razvitiya buddizma v Zabaikal'skom krae // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva. 1886. № 1. T. 1. S. 169–188.
36. Rumyantsev G. N. Arkhiv Zasad-lamy Galsana Gomboeva. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1959.
37. Sanzhiev G. L., Sanzhieva E. G. Buryatiya. Istoriya (XVII–XVIII vv.). Vyp. 4. Ulan-Ude: Izd-vo Bur. gos. un-ta, 1999.
38. Ukhtomskii Esper, Knyaz'. Iz oblasti lamaizma. K pokhodu anglichan na Tibet. SPb., 1904. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.
39. Chimitdorzhiev Sh. B. K voprosu o nachale rasprostraneniya buddiiskoi religii v Buryatii // 250-letie ofitsial'nogo priznaniya buddizma v Rossii: tezisy dokladov nauch. konf. 16–17 iyulya 1991. Ulan-Ude, 1991. S. 14–18.
40. Chimitdorzhin D. G. Buddizm v Buryatii 1945–2004. Ulan-Ude, 2007.

Статья поступила в редакцию 12.03.2014

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 323.1
ББК 66.2

*Игорь Николаевич Блохин,
доктор политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199106, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 26)
e-mail: igor.blohin@mail.ru*

Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретации толерантности

В статье представлена концепция журналистской деятельности в сфере этнополитической коммуникации. Автор анализирует условия выполнения журналистикой функций политического института. Обоснование участия журналистики в процессах коммуникации в конкретных ситуациях социально-политического взаимодействия обусловливается спецификой субъектов коммуникаций. В статье выделены аспекты журналистской деятельности в условиях этнополитических коммуникаций, определена специфика и представлены возможные варианты анализа. Анализируется интерпретация понятия «толерантность» в зависимости от политического и культурного контекста. Определяется значение толерантности как коммуникативной совместимости. В статье анализируются расхождения в интерпретации толерантности по линиям «большинство – меньшинство» и «естественные – искусственные (конструируемые) сообщества». Предлагается модель анализа коммуникаций с учётом характеристик согласований: политических, международных, экономических, социальных, культурных, исторических, религиозных, демографических, расово-антропологических, языковых, экологических и психологических. Подвергается критике современный нормативный подход к регулированию этнополитических коммуникаций. Рассматривается интерпретация толерантности, формируемая в журналистском сообществе, как коммуникативной, идеологической культурно-мировоззренческой открытости и состояния равноправного этнополитического, этнокультурного диалога.

Ключевые слова: коммуникации, журналистика, публицистика, толерантность, коммуникативная совместимость, идентичность.

*Igor Nikolayevich Blokhin,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University
(26 1st line of Vasilievsky Island, Saint-Petersburg, Russia, 199106)
e-mail: igor.blohin@mail.ru*

Journalism in Ethno-Political Communications: Tolerance Interpretation

In article the concept of journalistic activity in the sphere of ethno-political communication is presented. The author analyses the conditions for journalism to execute the political institution functions. The rationale for journalism participation in the communication processes in specific situations of social and political relations due to the specifics of the communications subjects. The article highlights the aspects of journalistic activities in the conditions of ethno-political communications, defined specificity and presents possible options analysis. The author examines the concept of “tolerance” depending on the political and cultural context, defines the value of tolerance as communication compatibility. The article analyses the differences in the

interpretation of tolerance along the lines of “majority minority” and “natural artificial (imagined) community”. The author proposes a model of communications analysis, taking into account the characteristics of compatibility: political, international, economic, social, cultural, historical, religious, demographic, racial-anthropological, linguistic, environmental, and psychological. In the article the author criticizes the modern regulatory approach to the management of ethno-political communications, discusses the interpretation of tolerance formed in the journalistic community as a communicative, ideological, cultural and attitudinal openness and equal status of ethno-political, ethno-cultural dialogue.

Keywords: communication, journalism, publicism, tolerance, communicative compatibility, identity.

Исследование института журналистики в сфере массовой коммуникации предполагает интеграцию методологических подходов, сложившихся в рамках структурного функционализма (институциональный подход) и теории социальных полей (сферный подход). В данном интегральном контексте бытование, функционирование, существование журналистики происходит в коммуникативной среде, которой обусловлены технологические, социально-психологические, политические, культурные, экономические условия журналистской деятельности.

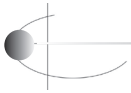
Обоснование того, каким образом журналистика «работает» в сфере массовой коммуникации, какие задачи решает и какие цели преследует, ставит проблему субъектности («акторности») журналистики, которая в зависимости от характера коммуникативных условий может быть как инструментом, так и относительно автономным субъектом (институтом). Обретение журналистикой институционального статуса возможно только в определенных политических и исторических условиях. При «вертикальной» системе реализации власти, к которой относится определение политики как управленческой директивной деятельности, журналистика выполняет инструментальные функции, она встроена в систему политических отношений, занимая подчиненное положение зависимости от других политических субъектов. В таких условиях журналистика приобретает форму инструмента по реализации пропагандистских, агитационных, релаксационных функций. В условиях «горизонтальной» системы реализации власти политика определяется как деятельность по согласованию интересов различных субъектов в сфере регулирования общественных отношений. Демократическое устройство общественно-политической жизни диктует равноправное сотрудничество институтов власти, гражданского общества и журналистики. Демократия ставит перед журналистикой новые задачи установления диалога власти и общества, представления общественных интересов, экспертизы властных управленческих

решений. Журналистика в условиях демократии приобретает институциональный статус, а её основными регулятивными функциями являются самоуправление и контроль. Таким образом, к политическим функциям журналистики относятся инструментальная функция управления, автономная функция самоуправления (в условиях гражданского общества) и функция контроля, эффективность которой определена условиями общественного доверия к институту журналистики в целом.

Участие журналистики в процессах коммуникации в конкретных ситуациях социально-политического взаимодействия обусловлено спецификой субъектов коммуникаций. Именно необходимость учёта специфики субъектов коммуникаций определяет требования к анализу журналистики в социальном взаимодействии. Поэтому не существует единых рецептов и рекомендаций как к самой журналистской деятельности, так и к её анализу, но существует возможность разработки модели измерений коммуникаций, в которой применимой оказывается дискриминируемый ныне концепт «толерантности».

Толерантность дискриминируется из-за ложной трактовки и поверхностного понимания её как терпимости [9, с. 9–10]. Подобное объяснение восходит к поверхностному христианскому толкованию и подвергается критике даже высшим церковным иерархом [6]. В пропаганде «толерантности как терпимости» есть и заслуга органов власти, регулярно объявляющих программы в области образования, массовой информации, социальной работы и т. д. В условиях отчуждения народа от власти, все исходящие от неё инициативы (даже самые благие) встречают недоверие и скепсис, которые автоматически переносятся и на журналистов, поднимающих тему толерантности и участвующих в её пропаганде.

Толерантность оказалась подвержена расширительному толкованию не только в культурном, но и в социальном аспекте. Подобная трактовка внедряется в сферу регулирования общественных отношений, где толерантного к себе отношения требуют группы

меньшинств, независимо от доминирующего (а поэтому – и интегрирующего общество) блока ценностей, традиций и смыслов социального большинства. Расширение дискурсивного поля толерантности приводит к социальной дезориентации, деформации норм и легитимизации девиаций. Социальные и политические действия, журналистские и даже просто публичные высказывания становятся зависимыми от оценки меньшинств – всегда более сплочённых по сравнению с большинством из-за необходимости постоянного укрепления идентичности. Как результат – меньшинства более активны, в том числе и в сфере массовой информации, а большинство замыкается в «спирали молчания», каждый новый виток которой образуется с выходом на авансцену медиа новой группы меньшинства, требующей признания и общественного внимания.

Таким образом, первый раскол в интерпретации толерантности проходит по линии «большинство – меньшинство». Второй (но, по сути, не менее важный) раскол – по линии «естественные – искусственные (конструируемые) сообщества. Конструктивизм рассматривает социальность как результат деятельности социальных акторов. Это определяемая, обнаруживаемая субъектом принадлежность к культурной группе (идентичность). Конструктивистская модель идентичности обоснована Бенедиктом Андерсоном, который определяет нацию как конструируемое («воображаемое») сообщество [1]. Подобные интерпретации демонстрируют неоднозначность понимания природы национального – нации «конструируются» гражданами («гражданские нации») и/или развиваются естественно и представляют собой высшую стадию этнической эволюции. Отмеченное противоречие приводит к выводу, что каждое сообщество может быть понято и осмыслено только в своём собственном ценностно-культурном контексте. Данный контекст является определяющим для социального коммуникативного взаимодействия и, следовательно, подтверждает, что общих рецептов и требований для достижения согласия не существует. Попытка перевода национальности в разряд искусственных конструкций содействует нивелированию и других естественных идентичностей – гендерных, расовых, цивилизационных и превращает их в объект социальной игры.

В. В. Козловский определяет толерантность «как меру совместимости акторов, участников взаимодействия. Толерантность – это, прежде всего, способ и качество интер-

субъективной совместимости, диапазон солидарности и сплочённости. В толерантности как терпимости выявляются лишь внешние второстепенные черты. В толерантности как совместимости выделяется существенная сторона кооперации, сопряжения и слаженности в отношениях и действиях разных индивидов и групп» [5, с. 188]. Французский исследователь Доминик Вольтон анализирует значение толерантности в контексте коммуникации: «Коммуникация значит всё меньше – передавать послание, редко – делиться с кем-нибудь, чаще всего – договариваться, и в конечном итоге – сосуществовать. <...> На уровне общества это приводит к признанию того, что большинство наших обществ – это общества мультикультурные; в этом состоит их сила, а не угроза, в частности для национальной идентичности. Мультикультурные общества могут легче осмысливать соотношение себя с Другим» [3, с. 23].

В каждой культуре существует собственная иерархия и процедура идентификации других сообществ. Схематично эта иерархия представлена «Своими», «Другими» и «Чужими», а процедура идентификации состоит в согласовании ценностей и факторов коммуникативной совместимости. Журналисту как представителю социальной профессии, который вынужден использовать социально-статусные номинации, постоянно приходится участвовать в таком согласовании. Коммуникативная совместимость складывается из совокупности согласований политических, международных, экономических, социальных, культурных, исторических, религиозных, демографических, расово-антропологических, языковых, экологических и психологических характеристик. Совокупность согласований формирует образы «Своих» (совпадение основных характеристик и базовых ценностей), «Других» (несовпадение характеристик, но согласие с базовыми ценностями) и «Чужих» (характеристики могут и совпадать, но согласие в поле ценностей отсутствует). Согласованные (интегральные) образы «Своих», «Других» и «Чужих» состоят из следующих компонентов: расово-антропологического (внешний облик), социально-исторического (оценка событий общей истории и коммуникативных ситуаций), этногеографического (природные особенности и обусловленный ими образ жизни), информационного (актуальная коммуникация) и психологического (национальный характер, менталитет).

В журналистике коммуникативное действие в отношении «Другого» осуществляется на базе ценностного согласия, а в отноше-

нии «Чужого» с целью ценностного переформатирования. Как ценностное согласие, так и ценностное переформатирование строятся на фундаменте целеполагания совместного сосуществования. Таким образом, построение такого общего фундамента преследует выполнение задачи не только консенсуса по поводу совместного сосуществования, но и формулировку согласованных целей дальнейшего совместного развития.

Сторонники нормативного подхода к регулированию толерантности (интолерантности) в СМИ декларируют точку зрения об игнорировании этнического фактора в журналистских выступлениях. В 2007 г. Мосгордума выступила с законодательной инициативой о запрете распространения в СМИ «сведений о национальной, расовой принадлежности или об отношении к религии потерпевших, лиц, совершивших правонарушения, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [10]. Подобный подход, несмотря на возможную эффективность в достижении межнационального согласия, имеет определённые ограничения. Это отразилось на нормативном регулировании журналистской деятельности в условиях межэтнического взаимодействия в различных странах мира. В разделе «Дискриминация» Кодекса практики, ратифицированного Британской комиссией по жалобам на прессу 26 ноября 1997 г., отмечается: «Пресса вправе упоминать расовую, национальную, половую принадлежность лица, а также его сексуальную ориентацию, физические и умственные недостатки только **в случае самостоятельной значимости этой информации**» [7, с. 176] (здесь и далее выделено автором). В директиве 12.1 «Материалы о преступлениях» германского Кодекса печати содержится подобное требование: «При публикации материалов о преступлениях принадлежность подозреваемого или преступника к какому-либо религиозному, этническому или другому меньшинству упоминается лишь в том случае, если **есть основания считать, что это содействует лучшему пониманию описываемых обстоятельств дела**. Особенно следует помнить о том, что упоминание такого рода принадлежности может вызвать волну предубеждений в отношении этих групп, нуждающихся в защите» [4, с. 33–34].

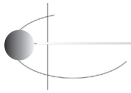
Юридическая практика демонстрирует, что очень сложно доказать национальную мотивацию преступления, с другой – СМИ не могут игнорировать явление так называемой этнической преступности. Кроме того, суще-

ствуют другие трудности, с которыми сталкивается журналист, работающий с материалами о подобных преступлениях. Даже если этническая принадлежность того или иного лица не упоминается, то у взаимодействующих субъектов существуют другие этнокультурные отличительные признаки, которые в журналистском материале не указать невозможно: имя и фамилия, изображение внешности или символических атрибутов. В некоторых случаях этнонимы используются самими преступниками, осуществляющими экстремистские и террористические действия, для обозначения своих организованных групп – «Карачаевский джамаат», «Ногайский батальон» и т. д.

В качестве примера «толерантного» телевизионного сообщения обратим внимание на сюжет телеканала ТВЦ «Трудовым мигрантам из Таджикистана продлят срок пребывания в России»¹: «Российское правительство поручило ФМС провести переговоры с Таджикистаном и подписать протокол о внесении изменений в соглашение о трудовой деятельности граждан этой страны в России. Соответствующий документ размещен в понедельник на официальном портале правовой информации. Так, согласно документу разрешение на работу мигрантам будут выдавать на срок заключённого договора, но не более чем на три года. Согласно действующему соглашению между РФ и Таджикистаном, работники могут трудиться в другой стране не более года, но этот срок может быть увеличен ещё на один год “по мотивированной просьбе работодателя или заказчика работ.” После недавних событий в московском Бирюлёве, когда выходец из Азербайджана зарезал 25-летнего жителя столицы, тема нелегальной миграции обострилась в российском обществе». Текст не содержит упоминания этнической или религиозной принадлежности никого из действующих лиц сюжета. Однако сам факт обращения к теме миграции уже вызывает у аудитории определенное отношение, которое опирается на существующие стереотипные представления и опыт реальных социальных взаимодействий.

Один из возможных подходов к определению толерантности состоит в рассмотрении в качестве её критериев норм журналистской деятельности. К таким нормам относятся требования достоверности; рассмотрения фактов и анализа событий в контексте конкретной общественно-политической, социальной, морально-психологической обстановки; пре-

¹ 2013. 21 октября. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/19641> (дата обращения: 16.04.2014).

одоления селективности в выборе фактов и событий из всей их совокупности. Перечисленные нормы в их совокупности выступают как интегральный принцип журналистского коммуникативного действия – принцип толерантности, которая представляет собой меру коммуникативной совместимости, т. е. всегда конкретна и зависит от условий уникальной ситуации социального взаимодействия с участием журналиста. Таким образом, толерантность в журналистике связана с мотивом познания других культур, пониманием их ценностного основания и, следовательно, расшифровкой культурных кодов, т. е. фактически уничтожением страха и снятием ксенофобии.

В журналистской среде формируется понимание толерантности как идеологической культурно-мировоззренческой открытости и состояния равноправного этнополитического, этнокультурного (и даже цивилизационного) диалога. СМИ в подобном контексте выступают в качестве площадок коммуникации с целью достижения согласия через артикуляцию (рационализацию) противоречий, поиск «точек согласия», выработку целей и определение направлений совместной деятельности.

Подобную позицию формулирует шеф-редактор радиостанции «Говорит Москва» Рустам Арифджанов: «... абсолютно правильная идея – использовать толерантность как оружие. Ты заманиваешь на свою площадку самую разную аудиторию и уже здесь, в своих стенах, начинаешь с ней работать»¹. Рустам Арифджанов формулирует новый подход к пониманию толерантности не как терпимости к проявлениям других идеологий и культур, а как меры коммуникативной совместимости. Для журналистской деятельности такое понимание имеет прямое целевое практическое значение: не провоцировать и обострять конфликты, не оправдывать медиаагрессию требованием привлечения аудитории, а в режиме диалога (пусть даже и в острых формах) искать и находить решения социальных проблем.

Новая русская публицистика XXI в. продолжает традицию своего бытования на стыке художественной литературы и актуальной журналистики. Отсюда и основные вопросы, обращённые к самой себе, – о сопоставимости литературного и журналистского, о перспективах существования, о героях и авторах, об эстетике. «К началу нулевых годов появилась целая “банда”, целая генерация, целое поколение молодых литераторов, писателей, в первую очередь, и критиков, ко-

торые пришли в литературу с совершенно другими тезисами, с совершенно другой позицией. Условно говоря, это люди, которые, с одной стороны, унаследовали отчасти модернистское понимание работы над текстом. С другой стороны, они по сути своей остаются все безусловными традиционалистами и консерваторами» [8]. Круг новых авторов не столько возрастной, сколько мировоззренческий. Объединяет их активное присутствие писателей в медиасфере. Сергей Шаргунов, являясь редактором сайта «Свободная пресса», публикуется одновременно и в «Известиях», и в газете «Завтра», и в «Новой газете»; Захар Прилепин (шеф-редактор «Свободной прессы») печатается и в «Новом мире», и в «Нашем современнике», вёл авторскую программу на телеканале «Дождь»; петербуржец Герман Садулаев выступает на телевидении (100 ТВ, PiterTV), пишет колонки в журнале «Однако», публикуется в «Знамени», «Огоньке», «Континенте» и др.; писатель из Северодвинска Андрей Рудалёв как критик и публицист публикуется в журналах «Вопросы литературы», «Октябрь», «Дружба народов» и т. д.

Конечно, одновременность присутствия как в мире литературы, так и в мире журналистики не является чем-то особенным для писателей. М. М. Бахтин, анализируя творчество Ф. М. Достоевского, отмечал, что «он почти никогда не апеллирует к истории как таковой, и всякий социальный и политический вопрос трактует в плане современности; и это объясняется не только его положением журналиста, требующим трактовки всего в разрезе современности; напротив, мы думаем, что пристрастие Достоевского к журналистике и его любовь к газете, его глубокое и тонкое понимание газетного листа как живого отражения противоречивой социальной современности в разрезе одного дня, где рядом и друг против друга экстенсивно разворачивается многообразнейший и противоречивейший материал, объясняется именно основной особенностью его художественного видения» [2, с. 38].

Однако для литературно-публицистической группы «новых реалистов» такое присутствие в СМИ имеет одно отличительное качество – отрицание деления медиа на «свои» и «чужие». Захар Прилепин отмечает, что ощущает «себя свободным человеком в медиасфере, иногда даже – хозяином. ... это деление и противопоставление: вот здесь можно печататься, а вот здесь нельзя – нас, по большому счету, совершенно не волновало. ... прийти в совершенно враждебную

¹ Завтра. 2006. № 22.

тебе аудиторию и произнести то же самое – в этом есть даже какое-то гусарство. И в этом есть очевидная стратегия – работать со всем населением России, а не с одним каким-то своим катакомбным ресурсом» [8]. Подобная

установка на активную деятельность в сфере коммуникации демонстрирует, что требование достижения коммуникативной совместимости находит свою опору и в рядах современной отечественной публицистики.

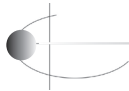
Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 тт. Т.2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
3. Вольтон Д. Информация не значит коммуникация / пер. с франц. М.: ПОЛПРЕД Справочники, 2011. 37 с.
4. Кодекс печати с директивами относительно редакционной деятельности. Германский совет по делам печати // Совокупность правовых норм, касающихся печати. Райнбах: Интер Национес, 1996. 36 с.
5. Козловский В. В. Ландшафт социальной и межкультурной коммуникации: между конфликтом и толерантностью // Социальные коммуникации: новое в науке, образовании, технологиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Роза мира, 2004. С. 188–190.
6. Патриарх Кирилл. Толерантность – пройденный путь в развитии межрелигиозных отношений. URL: <http://www.pravmir.ru/> (дата обращения: 30.04.2014).
7. Правовые и этические нормы в журналистике / сост. Е. П. Прохоров, Г. М. Пшеничный, В. М. Хруль. М.: Аспект Пресс, 2004. 222 с.
8. Прилепин Захар. Путь поколения // День литературы. 2013. №11.
9. Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлова. М.: Республика, 2004. 416 с.
10. Федеральное собрание Российской Федерации. Государственная Дума: URL:<http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2014).

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma / per. s angl. V. Nikolaeva. M.: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
2. Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo // Bakhtin M. M. Sobr. soch. v 7 tt. T.2. M.: Russkie slovary, 2000. S. 5–175.
3. Vol'ton D. Informatsiya ne znachit kommunikatsiya / per. s frants. M.: POLPRED Spravochniki, 2011. 37 s.
4. Kodeks pechati s direktivami otnositel'no redaktsionnoi deyatel'nosti. Germanskii sovet po delam pechati // Sovokupnost' pravovykh norm, kasayushchikhsya pechati. Rainbakh: Inter Natsiones, 1996. 36 s.
5. Kozlovskii V. V. Landshaft sotsial'noi i mezhkul'turnoi kommunikatsii: mezhdu konfliktom i tolerantnost'yu // Sotsial'nye kommunikatsii: novoe v nauke, obrazovanii, tekhnologiyakh: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. SPb.: Roza mira, 2004. S. 188–190.
6. Patriarkh Kirill. Tolerantnost' – proidennyi put' v razvitii mezhreligioznykh otnoshenii. URL: <http://www.pravmir.ru/> (data obrashcheniya: 30.04.2014).
7. Pravovye i eticheskie normy v zhurnalistike / sost. E. P. Prokhorov, G. M. Pshenichnyi, V. M. Khrul'. M.: Aspekt Press, 2004. 222 s.
8. Prilepin Zakhar. Put' pokoleniya // Den' literatury. 2013. №11.
9. Tolerantnost' / obshch. red. M. P. Mchedlova. M.: Respublika, 2004. 416 s.
10. Federal'noe sobranie Rossiiskoi Federatsii. Gosudarstvennaya Duma: URL:<http://asozd2.duma.gov.ru> (data obrashcheniya: 30.04.2014).

Статья поступила в редакцию 05.05.2014

УДК 070
ББК 460

Елизавета Сергеевна Голоусова,
кандидат филологических наук, доцент,
Уральский федеральный университет,
(620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
e-mail: lizagolousova@gmail.com

Факт и его интерпретация в СМИ: кризис на Украине глазами зарубежных журналистов (на примере Washington Post, New York Times и др.)

В настоящий момент политическая ситуация на Украине привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных СМИ. Мировое сообщество пристально следит за происходящим, прекрасно понимая, что от того, как будут развиваться события в этом регионе, зависит будущее всей планеты. В связи с этим наиболее актуальным представляется медиаанализ происходящего. В качестве эмпирической базы автор выбрала материалы, касающиеся ситуации на Украине, опубликованные на сайтах «mainstream media», наиболее популярных СМИ Соединенных Штатов Америки (которые обычно поддерживают политику государства), а также публикации «новых медиаизданий», которые порой весьма критичны в своих оценках и потому в определенной степени могут быть отнесены к оппозиционным. Гипотезу нашего исследования можно сформулировать следующим образом. Учитывая высокую степень заинтересованности западных журналистов в исходе ситуации на Украине, можно спрогнозировать, что зарубежные журналисты, скорее всего, будут применять «национальный подход», и, как следствие, будут менее профессиональны в оценке событий. Цель статьи – сопоставить различные точки зрения на украинские события с тем, чтобы обеспечить более глубокое понимание происходящего в стране. Автор анализирует публикации в зарубежных изданиях, на основе чего делает выводы относительно специфики освещения украинского вопроса западными медиа.

Ключевые слова: кризис, Украина, зарубежные СМИ, предвзятость, официальная повестка дня.

Elizaveta Sergeyevna Golousova,
Candidate of Philology, Associate professor,
Ural Federal University,
Department of Journalism,
(51 Lenin St., Yekaterinburg, Russia, 620000)
e-mail: lizagolousova@gmail.com

Fact and its Interpretation in Mass-Media: the Crisis in Ukraine through the Foreign Journalists' View (on the Example of Washington Post, New York Times etc.)

The following article studies the problem of the Ukrainian crisis coverage by the foreign mass-media. The international community is carefully watching the situation in Ukraine, because of the presence of geopolitical interests in this region. Therefore it is important to understand how the information picture of the day is being formed, what influences on the media coverage of the Ukrainian crisis. The main goal of the article is to compare different points of view, presented in the foreign mass-media in order to get a deeper understanding of the current events. Based on the empirical analysis of the publications dealing with the Ukrainian crisis the author came to a number of conclusions. It is worth mentioning that we have examined both the main stream media (that are usually considered to be pro-governmental) and the so-called new media (sometimes called the opposition leaning media). The hypothesis can be structured in the following way – considering the growing interest of the western media in the outcome of the Ukrainian crisis, we can say that foreign journalists are more likely to apply a national approach while covering this issue as opposed to the professional one.

Keywords: crisis, Ukraine, foreign media, biased reporting, official agenda.

Зачастую медиаэксперты, характеризуя ситуацию на Украине и её освещение мировыми СМИ, употребляют термины «пропаганда», «информационная война», «предвзятая подача информации», апеллируя к стремлению властных структур создать выгодную ИМ картину реальности. А это значит, что у аудитории всё меньше шансов получить объективное представление о происходящем. Более того, по отношению к освещению украинских событий, на наш взгляд, вполне можно применить теорию израильского учёного Хиллела Носека. Согласно профессору Носеку, существует два основных подхода к освещению зарубежных событий: профессиональный и национальный. Когда новость, касающаяся зарубежного события, определяется как «наша», то первичной оказывается национальная лояльность. В случае, если новость определяется как «их», тогда на первое место выходит журналистский профессионализм¹.

Выбирая между этими двумя подходами, журналисты учитывают следующие факторы: 1) тип события (вид политического насилия, терроризм, война); 2) место, где произошло событие (какое отношение имеет место происшествия к внутренней и внешней политике государства, гражданином которого является журналист; 3) само событие во временном, локальном и международном контексте.

Только поняв, под какую категорию подпадает то или иное событие – «наше» или «их», журналист может решить, какой подход использовать при его освещении (национальный или профессиональный)².

Гипотезу нашего исследования можно сформулировать следующим образом. Учитывая высокую степень заинтересованности западных журналистов в исходе ситуации на Украине, можно спрогнозировать, что зарубежные журналисты, скорее всего, будут применять «национальный подход», и, как следствие, будут менее профессиональны в оценке событий. Таким образом, **цель** нашей статьи – сопоставить различные точки зрения на украинские события с тем, чтобы обеспечить более глубокое понимание происходящего в стране. Более того, мы бы хотели проанализировать, какой подход применяли западные журналисты при освещении событий на Укра-

¹ Our news and their news. The role of national identity in coverage of foreign news. Hillel Nosssek. Journalism. Theory, practice and criticism. Vol. 5. № 3, August 2004. P.351. URL: <http://jou.sagepub.com/content/5/3/343.abstract> / здесь и далее перевод автора. (дата обращения: 28.05.2014).

² Там же.

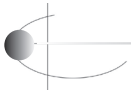
ине. В качестве **эмпирической базы** нами были выбраны материалы, касающиеся ситуации на Украине, опубликованные на сайтах «mainstream media» – наиболее популярных СМИ Соединенных Штатов Америки (которые обычно поддерживают политику государства), а также публикации «новых медиа» изданий, которые порой весьма критичны в своих оценках и потому в определённой степени могут быть отнесены к оппозиционным.

Поскольку ситуация на Украине меняется с каждым днем, мы решили обратиться к самым свежим публикациям (апрель, май 2014 года). Это период, когда противоречия в отношениях между Россией, США и странами Евросоюза нарастали, международная обстановка накалялась, в связи с чем деятельность СМИ приобретала всё более серьёзное значение.

Для того, чтобы легче было анализировать и сопоставлять различные точки зрения, важно напомнить, в чём заключалась официальная позиция США по украинскому вопросу. Напомним, что в конце апреля 2014 г. в интервью телеканалу NBC господин Обама отметил, что Запад продолжит оказывать давление на Москву, однако исключил возможность американского военного вмешательства в ситуацию на Украине: «Мы не собираемся идти на военное вмешательство на Украине. Что мы намерены сделать, так это мобилизовать все наши дипломатические ресурсы, чтобы обеспечить прочную международную коалицию, которая должна дать ясный сигнал, что Украине следует самой определять свою судьбу. Россия на данный момент нарушает международное право и суверенитет другого государства. Сила, отнюдь, не даёт право поступать так. И мы собираемся продолжить усиливать давление на Россию до тех пор, пока она продолжает действовать в данном направлении»³. Чуть позже, в начале мая, президент США Барак Обама после переговоров с канцлером Германии Ангелой Меркель в Белом доме заявил, что, если кризис на Украине будет обостряться и создаст угрозу для проведения запланированных выборов в этой стране, США и их союзникам не останется ничего другого, как ввести более жёсткие санкции против России⁴.

³ Барак Обама: на Украине Путин действует с позиции слабости. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-03-20/Barak-Obama-Na-Ukraine-Putin> (дата обращения: 29.05.2014).

⁴ Если кризис на Украине будет обостряться, США ужесточат санкции против России. URL: <http://itar-tass.com> (дата обращения: 29.05.2014).

А теперь обратимся непосредственно к первоисточникам. Если говорить о солидных изданиях, которые традиционно придерживаются проправительственной точки зрения, то здесь стоит упомянуть майскую публикацию «Washington Post». Автор материала, Паула Добрянски пишет: «Рассматривая агрессию России против Украины как абстрактную проблему, Запад упускает из виду более широкие стратегические и моральные стороны поведения Москвы». По мнению Добрянски, необходимо разработать новую стратегию, которая бы включила в себя не только вышеупомянутые нюансы, но и уроки, извлеченные страной во времена «холодной войны». Только такая стратегия, которая найдет отражение в президентском выступлении, сможет принести успех стране» (перевод автора). «Во времена «холодной войны», – продолжает журналистка, – у Запада была четко продуманная моральная концепция, объясняющая ошибочное поведение Советского Союза и правоту США и их союзников. В то время как Америка стремилась установить принципы демократии и свободы, Советский Союз пытался покорить другие страны... Несмотря на то, что Россия – это уже не марксистско-ленинское государство, президент Владимир Путин стремится повлиять на последствия распада СССР, который он сам определяет как главное геополитическое бедствие»¹.

Ещё один материал, не менее яркий и глубокий, вышел под заголовком «Чем закончится кризис на Украине» на сайте Washington Post и принадлежит перу самого Генри Киссинджера (Киссинджер 1973 по 1977 г. занимал пост Госсекретаря США – прим. автора). Несмотря на то, что материал был размещен на сайте издания ещё в начале марта 2014 г., на наш взгляд, оценки, которые даёт его автор, актуальны и по сей день². В начале публикации автор высказывает свою позицию по украинскому вопросу: «Общественные дискуссии по поводу Украины сводятся к конфронтации. Но знаем ли мы, куда мы движемся? За свою жизнь я видел, как четыре войны начинались с большим энтузиазмом и благодаря общественной поддержке. Во всех случаях мы не знали, к чему это приведёт. А из трёх мы выходили в одностороннем порядке. Всегда показательно то, как завершается политический курс, а не то, как он начинается». По мнению бывшего госсекретаря, обсуждение украинского

вопроса слишком часто сводится к разговору о борьбе интересов: присоединится ли Украина к Западу или к Востоку? «Но если все же Украина хочет выжить и процветать, не следует сводить дискуссию к спору том, какая сторона выиграет. Страна должна стать связующим звеном между ними»³.

Любопытно, что позицию Киссинджера полностью проправительственной назвать нельзя. Он критикует Россию, действия президента Путина, но и американской администрации тоже достаётся. «России следует понять, что попытки оказать давление на Украину и пододвинуть границы России приведут к тому, что страна снова будет вовлечена в очередной цикл взаимного притеснения со стороны Европы и США. А Запад должен понять, что для России Украина никогда не станет просто зарубежной страной. История России началась с истории Киевской Руси. Украина была частью России на протяжении нескольких веков, и истории этих двух стран тесно переплетены. Даже такие знаменитые диссиденты, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина – это неотъемлемая часть российской истории и, безусловно, самой России»⁴.

По мнению Киссинджера, свою судьбу украинцы должны решить сами. Далее автор демонстрирует глубокое знание истории России, её взаимоотношений с Украиной, что также является показательным. «Украинцы живут в стране со сложной историей, стране, которая является многоязычной по своему составу. В западной части Украины проживают в основном католики, а в восточной – православные. Запад говорит на украинском, а на востоке страны большинство говорит на русском. Любая попытка представителей одного политического «крыла» стать доминирующим может привести к гражданской войне или распаду»⁵.

В заключительной части публикации звучит острая критика в адрес американских и российских политиков: «Мудрая американская политика в отношении Украины должна быть построена на попытке стимулировать сотрудничество между двумя частями страны. Мы должны быть заинтересованы в примирении, улаживании разногласий, а не в господстве представителей какой-то одной силы. А Путин должен понять, что, несмотря на все обиды и недовольства, политика применения военных мер спровоцирует ещё одну «холодную» войну. Путин – это серьёз-

¹ Henry Kissinger: to settle the Ukraine crisis start at the end. URL: <http://www.washingtonpost.com/opinions> (дата обращения: 28.05.2014).

² Там же.

³ Там же..

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ный стратег, но понимание американских ценностей и психологии не является его сильными сторонами. Вместе с тем, нельзя сказать, что понимание русской психологии и исторических особенностей было сильной стороной американцев, принимающих важные политические решения»¹.

В самом конце автор даёт рекомендации лидерам стран, которые напрямую или опосредованно вовлечены в конфликт на Украине. В частности, по мнению Киссинджера, необходимо сделать следующее:

1. Украине должно быть предоставлено право самостоятельно выбирать экономический и политический путь и партнеров для дальнейшего сотрудничества.

2. Украине не следует вступать в НАТО.

3. Украине должна быть предоставлена свобода в плане формирования правительства с учётом интересов самих украинцев.

4. Относительно Крымского вопроса Украине следует стремиться к достижению согласия с Россией. Украина должна способствовать укреплению независимости Крыма при помощи выборов, проведённых при участии международных наблюдателей. В рамках решения данной проблемы также должен быть урегулирован вопрос о статусе Черноморского военного флота в Севастополе.

Всё это лишь принципы, а не предписания, по словам Киссинджера. Автор также говорит о том, что не следует пытаться удовлетворить интересы абсолютно всех. Скорее, следует стремиться к снижению градуса общего недовольства. Если в скором времени не будет достигнуто согласия, то противостояние сторон усилится, – заключает автор².

Не менее показательна в этом смысле позиция элитного американского ежедневника «New York Times», традиционно придерживающегося проправительственных взглядов. Судить об общей картине событий на Украине можно уже по заголовкам публикаций: «В войне на Украине Кремль не оставляет отпечатков пальцев», «На переговорах по украинскому кризису в Киеве не будет сепаратистов», «Украинский кризис вынуждает Путина идти на сближение с Китаем»³.

По мнению Сабрины Тавернайз, автора публикации «В войне на Украине Кремль не оставляет отпечатков пальцев» (New York

Times. 2014, 31 мая), поведение в отношении Украины можно сравнить с риторикой «холодной войны». «Президент России Владимир Путин отвел российские войска от украинской границы и пообещал сотрудничать с новым украинским руководством. Но реальность, скорее, свидетельствует о том, что кризис вступил в новую фазу⁴. По мнению журналистки, в отличие от ситуации в Крыму, который был захвачен российскими военными весной этого года, в восточной части Украины сейчас ведётся очень тонкая игра, в которой русские наёмники играют активную роль, а Кремль очень убедительно говорит о своей непричастности к этим событиям.

«Похоже, – подводит итоги автор, – «Путин нацелен на то, чтобы дестабилизировать ситуацию на Украине как можно сильнее и при этом не оставлять доказательств своей причастности. В противном случае могут последовать новые санкции»⁵.

Видно, что позиция данного издания ближе в позиции Белого дома, журналистка более резка в своих оценках, более настороженно относится к политическому курсу российского президента. Если вернуться к теории Носека, то совершенно очевидно, что речь здесь идёт не о профессиональном, а о национальном подходе.

А теперь перейдём к другой группе медиа-ресурсов – издания распространяют информацию в режиме онлайн и не всегда проявляют лояльность по отношению к американскому правительству. Мы остановили свой выбор на Washingtonsblog.com и на Consortiumnews.com. Примечательно, что авторы последнего подвергли резкой критике работу корреспондентов в «New York Times». В частности, в публикации под заголовком «Одностороннее повествование New York Times об Украине» американский журналист Роберт Перри обвинил издание в предвзятости. По мнению Перри, освещение украинского кризиса на Украине было поразительно предвзятым и односторонним, вина за происходящее возлагалась на российского президента Владимира Путина. А одним из главных участников этой «пародии на журналистику» стало издание «New York Times»⁶.

Более того, в конце апреля на сайте Consortiumnews был опубликован материал под заголовком «New York Times отрекаются от сенсационной новости с российскими

¹ Henry Kissinger: to settle the Ukraine crisis start at the end. URL: <http://www.washingtonpost.com/opinions> (дата обращения: 28.05.2014).

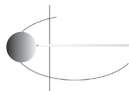
² Там же.

³ In Ukraine war Kremlin leaves no fingerprints. URL: <http://www.nytimes.com/2014/06/01> (дата обращения: 28.05.2014).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ NYT's one-sided Ukraine narrative. URL: <http://consortiumnews.com/2014/05/26> (дата обращения: 26.05.2014).

фото». Напомним, что незадолго до этого на сайте www.nytimes.com были размещены фотографии, якобы доказывающие причастность российских спецслужб к народным восстаниям в восточной Украине (Публикация под заголовком «Photos Link Masked Men in East Ukraine to Russia», 20 апреля 2014). В публикации говорится: «После запуска пропагандистского движения и публикацией фоторепортажа, согласно которому можно говорить о присутствии российских войск на территории Украины, New York Times признают, что подлинность фотографий следует тщательно проверить». Автор публикации, Роберт Пэрри критикует подход, используемый репортерами «New York Times», и заявляет следующее: «Многие недостатки, присутствовавшие в фотографических доказательствах, были видны и до публикации статьи на первой полосе в понедельник, но журналисты были, по-видимому, ослеплены собственными антироссийскими предубеждениями»¹.

Ещё один автор, журналист Эрик Зеус, в материале, размещенном на портале Washingtonsblog.com пишет: «Западные СМИ, похоже, делают все, для того, чтобы аудитория не узнала правды. ... Американский президент Барак Обама так нацелен затянуть вокруг шеи Путина «мёртвую петлю», что для достижения своей цели не чурается славы Адольфа Гитлера... Просто представьте себя на месте русскоговорящего украинца, который голосовал за победившего на последних президентских выборах Януковича (Виктор Янукович победил со значительным перевесом в свою пользу), изгнанного после государственного переворота в феврале 2014. Временное правительство, навязанное администрацией Обамы, инициировало резню в Одессе против сторонников Януковича (таких, как Вы), а тем временем к власти пришли неонацисты, виновные в трагедии в Одессе. Вы бы чувствовали себя в безопасности, зная, какие люди управляют страной? Вы бы хотели, чтобы Вашей страной управляли люди, стремящиеся Вас разрушить? Но этой ли версии придерживаются западные СМИ? И дело не в том, что журналисты коррумпированы. Проблема в том, что владельцы СМИ, семейные корпорации не заинтересованы в том, чтобы аудитория узнала правду, узнала, что происходит на самом деле»².

¹ Photos linked masked men in East Ukraine to Russia. URL: <http://www.nytimes.com/2014/04/21/world> (дата обращения: 26.05.2014).

² Western media blackout on the reality in Ukraine. URL: <http://washingtonsblog.com/2014/05/western> (дата обращения: 26.05.2014).

Далее автор приводит в пример историю, связанную с журналистом Марком Амсом. Амс задокументировал тот факт, что создатель «eBay» Пьер Оmidьяр нанял ведущих журналистов-расследователей, включая Глен Гринвалд, Лауру Потрас, Джереми Скахила и Марси Уилера с целью освещения государственного переворота на Украине. Более того, «сам Оmidьяр инвестировал солидную сумму в организацию переворота. ... Когда мы наконец поймем, что американская демократия есть не что иное, как мистификация. Эта «демократия» больше напоминает роман Орвела «1984», чем реальную демократию»³.

Интересно, а что думают по этому поводу сами журналисты? Как они оценивают происходящее? В связи с чем мы хотели бы обратиться к беседе «Западные СМИ об Украине. В чем разница с российскими?», которая недавно состоялась на «Радио Свобода». В дискуссии приняли участие как отечественные, так и зарубежные журналисты, в частности, американский журналист Майкл Бом, британский журналист Андрей Остальский и польский корреспондент Вацлав Радзивиневич. Говоря о пропаганде западных СМИ применительно к событиям на Украине, Майкл Бом заявил, что обычно пропаганда заключается просто в идеологической зашоренности: «Это исторически так сложилось, что они волей-неволей видят события, не только в России, но особенно в России, в черно-белом цвете – мы хорошие, они плохие. В той или иной степени это все равно возникает. Может быть незнание истории. В данном случае непонимание, незнание значимости Украины для России – это чувствуется. Украина – это одна из стран»⁴. Также, по мнению Бомы, важно учитывать и совершенно различные ситуации на медиарынке России и США. В частности, американские медиа не подконтрольны власти. Они, скорее, подконтрольны медиамагнатам – своим владельцам. Но в Америке высок уровень конкуренции, и поэтому в любом случае СМИ будут стремиться сработать качественно. В России ситуация обстоит иначе – большая часть СМИ подконтрольна государству или аффилированным с ним структурам⁵.

Хотелось бы также отметить ещё один важный аспект данной проблемы. При анали-

³ Там же.

⁴ Западные СМИ на Украине: в чем разница с российскими. URL: <http://www.svoboda.org> (дата обращения: 01.05.2014).

⁵ Западные СМИ на Украине: в чем разница с российскими. URL: <http://www.svoboda.org> (дата обращения: 01.05.2014).

зе публикаций мы выходили на первоисточники – англоязычные сайты американских газет и веб-порталы. Но стоит отметить, что далеко не все представители русскоговорящей аудитории в России черпают информацию из первоисточников, во-первых, это требует определённого уровня языковой подготовки (она есть не у многих), а также требует времени (нужно отобрать издания, зайти на их сайты, найти нужный материал и т. д.). Гораздо легче воспользоваться подборкой уже переведённых публикаций. Такую возможность предоставляют два основных ресурса – inopressa.ru, inosmi.ru. Здесь можно найти переведённые на русский язык публикации зарубежных изданий. С одной стороны, может показаться, что между этими группами ресурсов (оригинальными сайтами и inopressa.ru, inosmi.ru) не может быть особой разницы. Но на самом деле, заголовки и лиды публикаций, представленные на главной полосе порталов inosmi.ru, inopressa.ru свидетельствуют о том, что в большинстве материалов (если, например, говорить о кризисе на Украине) даётся резко критическая оценка внешнеполитическому курсу России. В частности, здесь чаще упоминается имя Збигнева Бжезинского, приверженца ярких антироссийских взглядов, но ничего не говорится об оппозиционных журналистах. Получается, что информационная картина выглядит довольно однобоко и крайне субъективно: де юре оппозиционные мнения в западных СМИ представлены, но большей части русскоязычной аудитории они недоступны.

Таким образом, говоря об особенностях освещения западными СМИ ситуации на Украине, можно сделать следующие выводы:

1. С одной стороны, можно сказать, что ряд материалов, подготовленных западными корреспондентами, отражает прогосударственную позицию. В частности, некоторые американские журналисты вслед за администрацией президента США выступили с резкой критикой политического курса президента Владимира Путина, обвинив его в агрессии и стремлению установить в стране тоталитарный режим.

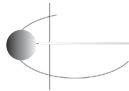
2. Наряду с так называемыми «mainstream» (традиционными) СМИ существует целый ряд порталов, в которых авторы активно критикуют политику государства, действия американского президента.

3. Любопытно, что точка зрения последних не всегда присутствует в обзорах медиа, присутствующих на русскоязычных сайтах, такие как, например inopressa.ru или inosmi.ru. Туда чаще попадают материалы, в которых осуждается политический курс российского президента («Путин проиграл Украину. Далее Россия?», «От древнего Рима к путинской России»)¹.

Получается, что, с одной стороны, наша гипотеза подтвердилась, но лишь частично. Не все зарубежные СМИ при оценке событий на Украине критично настроены по отношению к позиции России. Традиционные медиа, как правило, являются рупорами официальной власти, но многие сетевые журналисты стремятся доносить информацию до аудитории в более объективном ключе.

Статья поступила в редакцию 05.06.2014

¹ Официальный сайт ресурса INOSMI. URL: <http://www.inosmi.ru/world> (дата обращения: 26.05.2014).

УДК 323.21 : 130.2
ББК 66.01

Виталий Юрьевич Даренский
кандидат философских наук, доцент,
Институт философии им. Г. С. Сковороды
Национальной академии наук Украины
(01001, Украина, г. Киев, ул. Трехсвятительская, 4)
e-mail: darenskiy@yahoo.com

Тоталитаризм как экзистенциальный феномен

В статье рассматривается проблема экзистенциальных корней тоталитаризма в человеческой культуре. Анализируются философско-антропологические аспекты концепта «тоталитаризм», позволяющие раскрыть некоторые скрытые измерения человеческой экзистенции и форм культуры. Показано, что экзистенциальным основанием тоталитаризма становится вера людей в собственную непогрешимость и революционную необходимость, наделяющая их уверенностью в праве совершать насилие. Анализируется проблема предрассудков в исследованиях тоталитаризма. Рассмотрен признак тоталитаризма Нового времени и влияние социокультурной ситуации Постмодерна на формирование современного типа тоталитаризма. Определены четыре основные предрассудка в современных интерпретациях тоталитаризма: 1) относительно тоталитаризма как исключительно феномена разрушения; 2) относительно тоталитаризма как исключительно феномена нового варварства; 3) относительно тоталитаризма как исключительно феномена коллективизма и поглощения личности «массой»; 4) относительно тоталитаризма как исключительно феномена насилия. Автор предлагает экзистенциальную концепцию природы тоталитаризма, в которой делается акцент на обращении к опыту человеческой свободы и отказу от нее, свойственному человеку в рамках определенных культурных условий. В этой концепции происходит пересмотр некоторых традиционных теоретических положений относительно природы тоталитаризма и акцентируется внимание на его новейших формах, возникающих в современном обществе, для обозначения которых вводится термин «soft-тоталитаризм».

Ключевые слова: тоталитаризм, «soft-тоталитаризм», предрассудки, Новое время, насилие, цивилизация.

Vitaliy Juriovych Darenskiy,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Institute of Philosophy named after G. Skovoroda
Ukrainian Academy of Science
(4 Triokhsviatitelskaja St., Kiev, Ukraine, 01001)
e-mail: darenskiy@yahoo.com

Totalitarianism as Existential Phenomenon

The problem of existential roots of totalitarianism in human culture is considered in this article. The paper gives analysis of philosophic and anthropologic dimension of the concept "totalitarianism" that makes it possible to discover hidden dimensions of human existence, cultural forms of being. It has been accentuated that totalitarianism captures the unflinching belief in a revolutionary necessity that grants the unleashed violence its frighteningly good conscience. The author considers the problem of prejudices in totalitarianism studies. Kinds of totalitarianism in modern history are revealed and classified; influences of Post-modern social and cultural conditions over contemporary "soft-totalitarianism" are defined. The author defines four basic prejudices of totalitarianism interpretations, which are: 1) about totalitarianism as only destructions phenomenon; 2) about totalitarianism as only new barbarian phenomenon; 3) about totalitarianism as only "mass" and collectivity phenomenon; and 4) about totalitarianism as only violence phenomenon. The author proposes his own interpretation of totalitarianism as existential phenomenon in a context of cultural studies, emphasizing that his conception is based on rethinking of universal human experience, which is necessarily linked with a source of human freedom. The paper concludes with an outline of later developments in theory of totalitarianism in their departure from the earlier theoretical assumptions.

Keywords: totalitarianism, “soft-totalitarianism”, prejudices, modern history, violence, civilization.

Феномен тоталитаризма, к сожалению, всегда остается актуальной темой для разнообразных гуманитарных исследований в силу того обстоятельства, что скрытые предпосылки тоталитаризма существуют в любом обществе, в том числе, и в современном. На наш взгляд, особый интерес представляет анализ этого феномена в контексте культурных трансформаций, являющихся его предпосылками, а также тех процессов в человеческом сознании и общем мироощущении, которые принято называть экзистенциальными. Теоретическое и практическое значение такого исследования состоит в том, что оно позволяет вскрывать наиболее фундаментальные, общекультурные предпосылки и причины тоталитаризма, выходящие за рамки его чисто политических предпосылок и форм. Целью данной статьи является анализ наиболее общих экзистенциальных предпосылок тоталитаризма. В рамках этой общей цели можно выделить две более частные задачи: 1) анализ некоторых наиболее распространенных предрассудков относительно сущности и признаков тоталитаризма; 2) анализ специфики новейших форм тоталитаризма.

Несмотря на, казалось бы, уже очень большой путь в изучении феномена тоталитаризма, в том числе, и в нашей стране, где он являлся предметом непосредственного жизненного опыта, часто приходится слышать явные предрассудки в рассуждениях на эту тему, уводящие в сторону от понимания сути этого явления. Опасность этих предрассудков в том, что они подменяют сущностное понимание тоталитаризма повторением «общих мест», а часто и совершенно ложных исторических мифов. Чтобы было понятно, о чём идёт речь, стоит привести пример одного текста, автором которого является К. Г. Баллестрем, считающийся специалистом в этой теме.

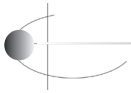
Автор пишет следующее: «Если сравнить «1984» Оруэлла с худшими временами советской истории, его главную фигуру, Уинстона Смита с реальным “гомо советикус”, то можно кое-что узнать о сути тоталитарного господства, и в то же время понять, почему тоталитаризм не мог быть тотальным. Как бы ни стремилась советская система разрушить семью и дружбу, релятивизировать основные ценности, утвердить служение партии и государству в качестве высшей цели, провозгласить веру в коммунизм как несомненную ис-

тину, типичный “гомо советикус” всё же вырос в семье, где он был любим; он учился различать истину и ложь, добро и зло; он имел друзей, и мог любить, т. е. вёл частную жизнь; часто увлекался высоким искусством и классической русской литературой; он обладал культурной и национальной идентичностью, удивительно часто также чувством религиозности; к тому же следует добавить юмор: Уинстон уже не знал освобождающей силы смеха, советского человека смех никогда не покидал» [2, с. 27].

Отталкиваясь от этого текста, предложим ряд собственных тезисов.

Для начала о предрассудке, так сказать, «техническом». Ещё со времён «перестройки» нам внушается как нечто само собой разумеющееся тезис о том, что все известные романы-антиутопии, начиная с «1984» Дж. Оруэлла, якобы были направлены на критику в первую очередь *советского* тоталитаризма. На самом же деле все авторы западных антиутопий никогда не видели советского строя и создавали антиутопии исключительно на своем местном материале, обличая тенденции развития цивилизации, которые вели к тоталитаризму.

Так, Олдос Хаксли, автор другой известной антиутопии «О дивный новый мир» из того же ряда, что и «1984», вообще не может давать никакого повода для подобных подозрений, так как он написал затем отдельную книгу «Возвращение в дивный новый мир» (1958), в которой показывал путём рационального анализа явные аналогии между фашистскими режимами и современным западным «потребительским обществом», но советский строй при этом вообще не упоминал. Хотя бы потому, что, так же, как и Дж. Оруэлл, он его никогда не видел и не знал. И десятки других антиутопий, появившихся на Западе в XX веке, созданы авторами исключительно на местном материале. Особенно характерна в этом отношении «Железная пята» Дж. Лондона – фактический портрет Америки начала XX века (а сам автор, как известно, был весьма левых взглядов). Тем самым, единственной специфически советской антиутопией является только «Мы» Е. Замятина, однако и это произведение также отнюдь не просто «антисоветский памфлет», но, как и положено серьёзному художнику, погружено в общечеловеческую проблематику. Более того, известно, что замысел «Мы» возник у

Е. Замятина ещё до революции 1917 г., причём в период его работы в Англии, и исходным его пафосом было ощущение поработавшей силы техногенной цивилизации.

Но ещё более существенный, очень принципиальный предрассудок идёт далее, где автор пишет о том, что «стремилась советская система разрушить семью и дружбу, релятивизировать основные ценности, утвердить служение партии и государству в качестве высшей цели». Но в том-то и дело, что всё наоборот: тоталитарные режимы как раз всячески старались воспитывать дружбу и укреплять семью, утверждали абсолютность моральных ценностей и некоторое время в этом весьма преуспевали. Почему лишь некоторое время – будет сказано далее. Более того, *эти режимы временно пользовались массовой поддержкой народа именно потому, что в них видели как раз защиту основных человеческих ценностей и нравственных норм.* Весьма суровый морализм как советского строя, так и европейских фашизмов очень хорошо известен. В свою очередь, «служение партии и государству» были вовсе не «высшей целью», а главным *средством* для достижения той высшей цели, которая во всех тоталитарных обществах понималась примерно одинаково – как максимальное *совершенствование человека*, то есть в чисто «ренессансном» смысле. Именно ради этой главной цели и затевалась тотальная реорганизация общества, и именно ради этой реорганизации и необходим тотальный контроль, который, в свою очередь, невозможен без репрессий. Тоталитаризм на своем основном, общегосударственном уровне, как неоднократно отмечали его теоретики, «вырос на почве успехов рационализма из веры в возможность разумно организовать всю жизнь общества, из стремления к “математически совершенной жизни Единого Государства”, к “математически безошибочному всеобщему счастью” (О. Хаксли)» [6, с. 10]. Реальной практике тоталитаризма предшествовало несколько веков его «обоснований» в виде так называемых *утопий* – и все они, начиная от Т. Мора и заканчивая «фаланстерами» Ш. Фурье, были самым абсолютным выражением рационализма. В них ограниченный человеческий разум возвел себя в «абсолют», наивно полагая, что способен контролировать основы человеческой жизни, и даже главный из них – свободу.

В этом контексте важна последняя часть рассуждения К. Г. Баллестрема. В этом пассаже хорошо показан принципиальный тезис,

о том, что, по сути, *тоталитаризм не бывает тотальным, поскольку он не может охватить всей полноты жизни, всегда остается чем-то внешним и чуждым для неё.* Это очень обнадеживает; но, с другой стороны, если этот тезис полностью принять всерьёз, то тогда и сам этот термин теряет смысл: в самом деле, ведь какой же это тоталитаризм, если он не может быть тотальным?

Однако термин устоялся и его уже не отменишь, но требуется его принципиальное уточнение такого рода: тоталитаризм – это такой тип социально-экономического, политического и культурного устройства общества, при котором носители власти *пытаются* максимально унифицировать жизнь людей в соответствии с определённой идеологической и мировоззренческой доктриной путём максимального воздействия на формирование личности.

Последний момент особенно важен. Любой тоталитаризм всегда говорит, что насилие и репрессии – это плохо, что это чисто вынужденные и временные меры лишь по отношению к врагам, мешающим достижению всеобщего счастья. И как только исчезнут враги, исчезнет и насилие. Действительно, например, в поздний советский период репрессий уже практически не было, были лишь единичные случаи. А те, что и были, были сравнительно мягкими. И Гитлер, как он сам часто заявлял, собирался после поработки всех славян и построения «великого рейха» стать великим миротворцем и пацифистом. Таким образом, в этом тоталитаризм не лжёт: репрессии как таковые не есть его необходимый атрибут, но лишь временный или, как говорят марксисты, конкретно-исторический. Однако это несколько не умаляет главной лжи и смертоносности тоталитаризма, ибо она состоит совсем в другом.

Эта главная ложь и смертоносность состоит в особом самообожествлении человека, который вдруг решил, что ему «всё позволено». А если кто-то с ним в этом не согласен, то, естественно, позволено и даже *нравственно необходимо* уничтожить всякого несогласного. Более того, даже само это уничтожение и объявить главным принципом нравственности. В этом контексте становится очевидной поверхностность обычного противопоставления индивидуализма и коллективизма, а также тезиса о том, что тоталитаризм – это подавление личности и растворения её в «массе». Нет, *тоталитаризм – это особая стратегия жизни самой личности, сознательно ею избранная, при которой*

личность (в силу своей нравственной деградации) сливается с массой именно с целью обретения особой силы для удовлетворения своего эгоизма. Как отмечает современный немецкий исследователь тоталитаризма Г. Майер, тоталитаризм «увлекает людей верой в революционную необходимость, которая даёт им необоримое ощущение своей правоты и своего права на насилие» [10, с. 198].

С. С. Аверинцев предложил следующий тезис: «один из уроков, который мы извлекаем из анализа тоталитарных безумств, состоит в том, что безумством становится всякая система рассуждений, когда она становится некритичной по отношению к себе» [1, с. 221]. В этом экзистенциальном истоке тоталитаризма как раз очень отчётливо видно, что в его основе лежит именно индивидуализм, гордыня самомнения, а «коллективизм», слияние с «массой» – это всего лишь вторичная хитрая маска. В этом убеждает и изучение конкретных личностей «революционеров», создававших тоталитарные режимы, – от Французской революции конца XVIII в. с её террором, до некоторых современных событий, – все тоталитарные вожди всегда отличались крайней степенью эгоцентризма и нетерпимости. Но ещё важнее то, что именно этими чувствами была движима и шедшая за ними революционная «масса». Индивидуализм как подлинный исток тоталитаризма, лишь прикрывающийся внешней маской апелляции к массам, к «народу», хорошо виден и в иных, неполитических сферах жизни.

Например, и любой «свободный художник» вполне тоталитарен – ведь он уверен, что его личное капризное «видение» должно быть *обязательно* ценно для всех. Индивидуалистическая культура и тоталитаризм растут из одного и того же мировоззренческого корня, более того, именно первая и является главной предпосылкой тоталитаризма. И это справедливо не только в мировоззренческом, но и в чисто практическом плане, ведь если все начинают жить по собственному индивидуалистическому капризу, то общество в целом *вынуждено* становиться тоталитарным просто хотя бы для того, чтобы не разрушиться – иначе как ещё можно объединить в единый социум весь этот хаос самозаконных индивидуализмов, живущих, как им вздумается?

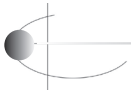
Тоталитаризм субъективно, на своем уровне целей, отнюдь не хотел разрушать высшие человеческие ценности, качества и идеалы, наоборот, свою главную цель он видел в их максимальном развитии. Но зло то-

талитаризма в том, что он не знает, как это правильно делать, и получается обратный результат. «Благими намерениями вымощена дорога в ад» – эта пословица лучше всего раскрывает как экзистенциальную, так и чисто практическую сущность тоталитаризма. Тоталитаризм – это результат самообожествления человеческого разума, который возомнил, что он может полностью отбросить опыт и мировоззрение предков, тысячелетние традиции, и всё построить заново, по собственному усмотрению. В результате же получается самая дикая наивность, убивающая самые *основы жизни* – сначала духовные, а затем переходящая и к физическому истреблению всех «неправильных», с её точки зрения, людей. Именно в этом корень и главное зло тоталитаризма.

В этом смысле тенденции к тоталитаризму существовали всегда, но в культуре обычно находилось достаточно сил, чтобы им противостоять. Когда же культура становится нигилистической, «отрицающей» (естественно, во имя «свободы самовыражения»), тогда в сфере социальной, политической и экономической неизбежно приходит тоталитаризм. Это закон истории.

Но культура Постмодерна ещё более нигилистична, чем культура XIX–XX вв., породившая тоталитаризм. Это значит, что и мы живем в рамках нового тоталитаризма, который лишь изменил свои формы, но не суть. Суть тоталитаризма не в репрессиях как таковых – суть в *саморазрушении человека*. (Самообожествление человека в реальности оказывается его саморазрушением не парадоксальным, но глубоко *закономерным* образом – ибо возводя себя в псевдоабсолют, человек становится закрытым для Абсолюта подлинного и вообще для всякого Другого, замыкая себя в смысловой и экзистенциальной пустоте, в фактической *духовной смерти*). В «классическом» тоталитаризме репрессии были потому, что многие люди сопротивлялись саморазрушению, и поэтому их ликвидировали. Но если никто уже не сопротивляется, то никого и не ликвидируют. Поэтому нет репрессий – ведь в них уже нет необходимости.

Этот современный тип тоталитаризма некоторые авторы называют «информационно-финансовым». Это тоталитаризм потребительского общества и тотальной манипуляции сознанием. Как пишет депутат Европарламента Дж. Кьеза: «Людей превратили в инструменты покупки. Мозги абсолютного большинства контролируются. Мы живём для рынка, и когда работаем и когда отдыхаем.

Именно он диктует нам наши действия. Мы не свободные люди. Журналисты должны информировать об этом людей. Но СМИ об этом молчат. Телевидение 24 часа говорит нам, что надо покупать вещи, что наша шкала ценностей – это покупательная способность. Реально в современном телевидении непосредственно информации не более 8 %. Все остальное реклама и развлечение. И формируют человека в итоге эти самые 92 %» [4]. В такой ситуации репрессии и внешнее насилие уже излишни, люди и так полностью подчинены диктатуре рынка и потребительской цивилизации.

В настоящее время многие авторы пишут о «революции в средствах и методах тоталитарного контроля». Если «уже первые модели тоталитаризма на государственном уровне стали возможны лишь в результате научно-технического прогресса, и прежде всего с распространением средств массовых коммуникаций: прессы, телеграфа, радио, а затем и телевидения»; то «невиданные доныне широчайшие возможности для контроля за сознанием и поведением граждан дают происходящие в современном мире глобальная информатизация и компьютеризация общества. Они делают технически возможными не только систематическую идеологическую индоктринацию, тотальное “промыывание мозгов”, но и управление индивидуальным и групповым, массовым сознанием и поведением» [6, с. 11].

В этом отношении современный «soft-тоталитаризм» потребительского общества намного превосходит по эффективности методы насилия и контроля обычного репрессивного тоталитаризма XX века. Как справедливо отмечает О. Неменский, «если мы посмотрим на современные западные общества, то увидим, что там контроль над сознанием общества несравнимо более высокий, чем в СССР и Германии 30-х гг. И государственная пропаганда, и сплочённость вокруг общей идеологии, единственно верных принципов, представленных ныне действующей политической системой. Даже сама идея осуждения “коммунистической идеологии и преступного режима СССР” – это лишь попытка утвердить другую тоталитарную систему. Которая, конечно, опять же является и “истинно демократичной”, и “подлинно народной”» [5].

Автор интересной концепции информационно-финансового тоталитаризма В. П. Пугачев отмечает, что «влияние НТП на возможности тоталитарного контроля не

ограничивается его техническими средствами, но проявляется и в методах не только индивидуального, но и статистического воздействия. Последние предполагают преимущественно косвенное, без прямых указаний и запретов влияние на человека. Они ориентированы на большие группы людей, допускают некоторую степень индивидуальной свободы и значительные индивидуальные отклонения в поведении. Однако в целом они гораздо более эффективны, чем используемые традиционным тоталитаризмом методы непосредственного тотального управления сознанием с помощью прямой идеологической индоктринации и запретов. *На фоне нынешних, опирающихся на новейшие достижения науки технологий управления массовым сознанием и поведением методы тоталитарного контроля, использовавшиеся сталинистским и национал-социалистическим политическими режимами, выглядят примитивными, топорными»* [6, с. 12–13].

По мнению названного автора, важнейший из таких методов – это «заимствованный из кибернетики *триггерный способ управления населением*. Суть данного метода состоит в том, что для управления сложными системами, к каким относится и человеческое общество, состоящими из многих элементов, вовсе не нужно контролировать каждый из этих элементов (каждого человека). Для эффективности управления достаточно контролировать лишь ключевые позиции, энергетические точки того или иного процесса» [6, с. 13–14].

Совершенствование методов тоталитарного контроля происходит уже в рамках давно выработавшегося общего принципа, изначально свойственного современной цивилизации, основанной на псевдоценностях корысти, комфорта и безудержного потребления. Как пишет Г. Х. Шахназаров, «современная буржуазная цивилизация вырабатывает новый механизм управления обществом: чтобы подчинить волю и сознание масс воле господствующей касты, вовсе не обязательно прибегать к политике насилия, голода или террора. Есть другие эффективные средства, тем более эффективные, что, парализуя самостоятельность мысли и чувства, они оставляют человеку необходимую для него иллюзию свободы выбора – иллюзию, подкрепляемую всеми видами удовольствия и наслаждения» [9, с. 322].

Новые методы управления и контроля сознанием и поведением людей позволяют допускать абсолютную «свободу мнений» в

интеллектуальной и художественной сфере, поскольку эти сферы уже не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на общество и поэтому совершенно не опасны в силу полного безразличия к ним со стороны абсолютного большинства населения, интересующегося исключительно зарабатыванием и тратой денег. Цветан Тодоров замечает: «Конечно, в западных демократиях писатели вольны писать, что им вздумается, но бурной радости этот факт может и не вызывать: он свидетельствует о *безразличии* общества к тому, что они пишут. Личность обрела автономию; обратная сторона явления состоит в том, что общество больше не считается с ней и перестает обращать на нее внимание; она может говорить всё, что хочет, но слушать её никто не будет. В тоталитарных странах, напротив, важность написанного доказывалась самим существованием цензуры; а популярность писателя была огромна (сравнение тиражей поэтического сборника там и здесь не могло не опечалить даже самого свободолюбивого западного поэта)» [8, с. 206]. Более того, *абсолютная свобода мнений даже полезна новому тоталитаризму в том отношении, что даёт пример вседозволенности и самого беспредельного индивидуализма*, которые и являются главной психологической основой нового тоталитаризма.

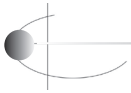
Если в «классическом», внешне-репрессивном тоталитаризме разрушение личности происходит путём подавления способности к самостоятельному мировоззрению, однако при этом государство всё-таки пытается воспитывать высокоморального человека, способного к подвигу и самопожертвованию; то современный внутренне-репрессивный тоталитаризм, маскирующийся под вид самых широких социальных свобод, на самом деле идёт по пути разрушения личности намного дальше. Здесь формируется человек, уже не способный к мировоззрению (т. е. целостному взгляду на мир и самого себя) как таковому (поэтому отдельные «взгляды» людей становятся безразличными и не требуют подавления); а самое главное – формируется человек, не способный ни к каким усилиям, помимо чисто корыстных (а о подвиге и самопожертвовании речь уже вообще не идёт), с абсолютной гедонистической установкой и полной релятивизацией и необязательностью любых моральных ценностей. Судя по всему, это вообще самый примитивный тип человека из всех, когда-либо существовавших в мировой истории – однако (что весьма комично)

при этом, как раз наоборот, воображающий себя «вершиной» мировой цивилизации.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но современный тоталитаризм наиболее эффективно «прикрывается» именно идеологией либерализма, в чём вынуждены призываться даже некоторые из адептов этой якобы «идеологии свободы», отличающиеся особым уровнем культуры и совестливости – такие, например, как С. С. Аверинцев. Как отмечает этот автор, «склонность современного либерализма, взявшего на себя задачу перевоспитания народов, действовать наподобие любой другой идеологии, низводя себя до лозунга, до примитивного жеста – это уже не столько защита свободы и личного выбора, сколько отмена смысла такого выбора» [1, с. 224]. Фактическим проявлением либерализма, пишет он, является «идеологически мотивированное навязывание определенного образа жизни всему миру без разбора, и притом именно в качестве символа ценностей демократической цивилизации» [там же]. Как видим, практические действия этой идеологии исключительно тоталитарны.

Современные технические средства в сочетании с экзистенциальной примитивизацией современного человека качественно увеличили возможности тоталитарной манипуляции сознанием и деятельностью человека на много порядков, по сравнению с прошлыми эпохами. Как отмечает М. В. Егунова, «компьютеризация безликих конформистов, людей массы, готовит культурно-психологическое обеспечение нового глобального тоталитаризма, более жёсткого и одномерного, чем все его предшествующие формы. Человек уже не живет в действительном мире, он становится функциональным элементом вымышленной, ментальной реальности, поглощающей его, ломающей его сознание и мышление. Способность системы функционировать вне предметности, выстраивая иллюзорную картину мира и наделяя её вымышленным смыслом, представляет собой наибольшую опасность» [3, с. 7].

Каким же образом возможна подлинная свобода в рамках тоталитаризма (как старого, так и нового)? Вопреки еще одному предрассудку, *тоталитаризм не разрушается путём борьбы с ним*. Наоборот, любая внешняя опасность только усиливает прочность тоталитарного общества, консолидирует его. Война усиливает тоталитаризм, а мир его ослабляет. В условиях мира, не будучи захвачен потоком сверхусилий выживания, чело-

век и здесь получает возможность остаться наедине с самим собой и отсюда рождается «чудо свободы». Более того, как раз по контрасту с внешней стесняющей силой и растёт сила внутренней свободы как «противовес» ей. Этот парадокс в своё время хорошо сформулировал В. В. Розанов: «Сила, с которой развивается чувство внутренней свободы, почти всегда бывает обратна той, с которой давит стеснение внешнее: от этого времени наибольшей внешней свободы бывают нередко временами безграничного внутреннего рабства, и наоборот» [7, с. 52]. Именно поэтому, особо глубокое понимание сущности свободы бывает у людей, имеющих опыт тоталитаризма, в то время как люди, живущие в условиях внешних социальных свобод, обычно внутренне глубоко поработаны своими страстями и предрассудками, и поэтому, как справедливо пишет В. В. Розанов, «времена наибольшей внешней свободы бывают нередко временами безграничного внутреннего рабства». Тоталитаризм преодолевается отнюдь не «освобождением от внешних пут», но только внутренним усилием рождения свободы. Этот особый экзистенциальный опыт свободы, неизвестный людям, живущим в «демократиях», но свойственный лишь народам, измученным тоталитаризмом – и есть их важнейший вклад в современную культуру.

Этот опыт особенно важен в условиях современного «невидимого» тоталитаризма при условии, что он отольётся в оригинальные культурные формы передачи этого опыта преодоления «внутреннего рабства».

С. С. Аверинцев справедливо утверждает, что «тоталитаризмы получили свой исторический шанс лишь постольку, поскольку были абсолютно ложным ответом на вполне реальные вопросы, порождённые кризисом прежних идентичностей» [1, с. 225]. Однако какой именно идентичности? Это была идентичность человека традиционной цивилизации, основанная на духовных ценностях и определённой религиозной традиции. Тоталитарные идеологии соблазнительны, в первую очередь, тем, что иллюзорно заполняют пустоту, образовавшуюся на месте этих ценностей и этих традиций («свято место пусто не бывает»). Это соблазнительность ещё более усиливается и на практическом уровне – тоталитаризм создает иллюзию «коллективности», компенсирующую внутреннее одиночество «человека толпы», а также льстит его эгоизму, всегда желающему почувствовать себя носителем «истины» в отличие

от окружающих «профанов», которые к этой иллюзорной «истине» почему-то никак не хотят приобщиться. Поэтому очевидно, что реальное преодоление тоталитаризма может быть лишь преодолением его *экзистенциальных предпосылок*, то есть возвращением к ценностям традиционной цивилизации. Но поскольку для большинства людей современной цивилизации это крайне проблематично, то современное общество объективно может быть только внутренне тоталитарным – *обществом, структурированным совокупностью технологий манипуляции*.

В таком обществе совершенно неэффективен дискурс гуманистического увещевания, например, такой, какой мы видим в следующем рассуждении С. С. Аверинцева: «я уверен: если, не дай Бог, снова придёт сила, абсолютно неприемлемая по моральным соображениям, ей нетрудно будет найти словесную маску, чисто внешне не похожую ни на один из видов уже известного нам тоталитаризма... единственной прививкой, дающей иммунитет против возможности нового тоталитаризма, остаётся чувство собственной ответственности за каждое своё слово и действие, а потому – недоверчивость к внушениям, к гипнотическим пассам массовых воздействий» [1, с. 224]. Но как это возможно, если современное общество изначально основано на прямо противоположных принципах – на полной доверчивости к внушениям и к «гипнотическим пассам массовых воздействий», и на всеобщем стремлении избежать «собственной ответственности за каждое своё слово и действие»?

Краткий анализ поставленной проблемы позволяет сделать следующие обобщающие выводы. Главные предрассудки, препятствующие пониманию экзистенциальных оснований и смысла тоталитаризма, и принципиальные опровержения этих предрассудков состоят в следующем.

1) Тоталитаризм якобы хотел «всё разрушить». Как раз наоборот, он *хотел* только всё созидать, причём самым совершенным образом, но делал этот *так*, что получался прямо противоположный результат.

2) Тоталитаризм – это лишь выпадение из цивилизации в варварство. Это было бы слишком просто. На самом деле, тоталитаризм – это специфический продукт самой цивилизации, в первую очередь, секулярности и рационализма.

3) Суть тоталитаризма – это якобы отказ от автономии субъекта в пользу «массы». Нет,

это коллективный эгоизм «самообожествившихся» субъектов. Они отказываются только лишь от своей внешней «автономности» ради приобретения особой объединённой силы, это сила корпоративности эгоизмов.

4) Суть тоталитаризма – лишь в репрессиях и насилии. Нет, тоталитаризм может существовать и без них, но это как раз и са-

мое страшное. Ибо без видимого, внешнего насилия тоталитаризм *не заметен*, а значит, намного коварнее и сильнее тоталитаризма видимого, «классического». «Классический» тоталитаризм канул в Лету, но ему на смену пришел другой – *внутренний, невидимый* тоталитаризм, которому очень мало кто ещё может противостоять.

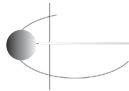
Список литературы

1. Аверинцев С. С. Тоталитаризм: ложный ответ на реальные вопросы // Родина. 2002. № 10. С. 221–225.
2. Баллестрем К. Г. Апории тоталитаризма // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 16–28.
3. Егунева М. В. Тоталитарное мышление: деконструкция ментальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1(107). С. 3–7.
4. Кьеца Д. Этим миром правят девять человек. URL: <http://vlasti.net/news/119185> (дата обращения: 14.03.2014).
5. Неменский О. Если бы Гитлер победил СССР, современная Европа считала бы его великим спасителем. URL: <http://www.regnum.ru/news/analitics> (дата обращения: 14.03.2014)
6. Пугачев В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 4. С. 3–32.
7. Розанов В. Цель человеческой жизни / Антология. Смысл жизни / сост., общ. ред. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 19–64.
8. Тодоров Цв. Человек, потерявший Родину // Иностранная литература. 1998. № 6. С. 203–217.
9. Шахназаров Г. Х. Фиаско футурологии. М.: Политиздат, 1979. 352 с.
10. Maier H. Concepts for the comparison of dictatorships. "Totalitarianism" and "political religions" // Totalitarianism and political religions: Concepts for the comparison of dictatorships. N. Y., Routledge, 2005. P. 188–203.

References

1. Averintsev S. S. Totalitarizm: lozhnyi otvet na real'nye voprosy // Rodina. 2002. № 10. S. 221–225.
2. Ballestrem K. G. Aporii totalitarizma // Voprosy filosofii. 1992. № 5. S. 16–28.
3. Eguneva M. V. Totalitarnoe myshlenie: dekonstruktsiya mental'nosti // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 1(107). S. 3–7.
4. K'eza D. Etim mirom pravyat devyat' chelovek. URL: <http://vlasti.net/news/119185> (data obrashcheniya: 14.03.2014).
5. Nemenskii O. Esli by Gitler pobedil SSSR, sovremennaya Evropa schitala by ego velikim spasitelem. URL: <http://www.regnum.ru/news/analitics> (data obrashcheniya: 14.03.2014)
6. Pugachev V. P. Informatsionno-finansovyi totalitarizm: rossiiskii eksperiment po amerikanskomu stsenariyu // Vestnik MGU. Ser. 12. Politicheskie nauki. 1999. № 4. S. 3–32.
7. Rozanov V. Tsel' chelovecheskoi zhizni / Anotologiya. Smysl zhizni / sost., obshch. red. N. K. Gavryushina. M.: Progress-Kul'tura, 1994. S. 19–64.
8. Todorov Tsv. Chelovek, poteryavshii Rodinu // Inostrannaya literatura. 1998. №6. S. 203–217.
9. Shakhnazarov G. X. Fiasko futurologii. M.: Politizdat, 1979. 352 s.
10. Maier H. Concepts for the comparison of dictatorships. "Totalitarianism" and "political religions" // Totalitarianism and political religions: Concepts for the comparison of dictatorships. N. Y., Routledge, 2005. P. 188–203.

Статья поступила в редакцию 5.06.2014

УДК 070
ББК Ч612.18.3

Галина Сергеевна Мельник,
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9)
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий

Статья посвящена использованию новых (тактических медиа) в мобилизационных технологиях, их влиянию на протестные движения. Причиной протестных движений являются: низкая эффективность правоохранительных органов, люмпенизация, усиление социальных противоречий, борьба властных сил, кризис гуманитарных ценностей. Тактические медиа появляются в условиях депрессивного развития общества и используются как инструмент политического контроля во взаимодействии между субъектами коммуникационных технологий в качестве средства мобилизации, представляющего собой набор процедур, операций, методов достижения политических целей, особенно в решающий поворотный момент. Новые мобилизационные технологии применяются в разных странах и часто направлены на дестабилизацию, смену власти и политических элит. Тактические медиа распространяют идеи борьбы с репрессиями, эксплуатацией, изоляцией, отчуждением и тем самым увеличивают риски участия человека в разрушительных политических акциях.

Вместе с тем новые средства массовой информации содержат и положительный потенциал для консолидации общества и отстаивания интересов граждан. Автор анализирует политические и философские, культурные, социологические источники и информационные сетевые ресурсы, позволяющие выявить природу и сущность тактических СМИ.

Ключевые слова: информационные технологии, массмедиа, протестные движения, новые медиа, тактические медиа, дестабилизация.

Galina Sergeevna Melnik,
Doctor of Political Science, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, , St. Petersburg, Russia, 199034)
e-mail: melnik.gs@gmail.com

New (Tactical) Media as a Structural Component of Mobilization Techniques

The article is devoted to the new (tactical media) usage in the mobilization technologies, their impact on the protest movement. The reasons for the protest movements are: low efficiency of law enforcement agencies; lumpenization, strengthening social contradictions; fighting government forces; humanitarian crisis of values. Tactical media appear in depressive conditions of social development. New media are used as a tool of political control in the interaction between the subjects in communication technologies as a means of mobilization, which is a set of procedures, operations, methods of achieving political goals, especially at a crucial turning point. New mobilization technologies are used in different countries and often aimed at destabilizing, change of government and political elites. Tactical media disseminate ideas to combat repression, exploitation, isolation, alienation and thereby increase the risks of human participation in destructive actions. However, new media contain positive potential for consolidation of society and promote the citizens' interests. The author analyzes the political and philosophical, cultural, sociological sources, network information resources to reveal the nature and essence of tactical media.

Keywords: information technology, mass media, protest movements, new media, tactical media, destabilization.

В политической сфере мобилизационные технологии всё больше выступают как целенаправленная и системно организованная, протестная (гражданское сопротивление) деятельность по организации, координации и консолидации общественности для достижения конкретных политических целей (перераспределение власти, территории, ресурсов), осуществляемая в основном посредством PR, массмедиа и социальных сетей и рассчитанная на достижение быстрого и максимального результата при заданных ресурсах [1].

Чаще всего технологии являются деструктивными, увеличивающими степень конфликтогенности политического взаимодействия в условиях глобализации. Так, к концу 80-х гг. в политической теории США возникла концепция «бархатных» революций, т. е. смены власти без прямого насилия, которая впоследствии была реализована в ряде стран (в том числе СНГ).

Исследователь С. Кара-Мурза отмечает множественность причин «бархатных» революций. К фундаментальным причинам относит мировоззренческую неадекватность власти. Она выражается, прежде всего, в унаследованном от философии модерна механицизме. Более трёх веков в культуре Запада господствовало навеянное ньютоновской картиной мироздания представление об обществе и государстве как машинах. Происходящие в них процессы выделялись как движение масс под действием сил. Соответственно, и угрозы государству власть видела как существование массы противников, накапливающих силу, которую они и собираются обрушить на защитные силовые структуры государства [2].

В ответ возникают «мягкие» революции, в которых доминирующим становится не столько диалог о будущем жизнеустройстве, сколько призыв к толпе любой ценой разрушить прошлое, ибо «так жить нельзя!». Главное в этих технологиях – добиться благосклонного отношения достаточной части населения крупных городов к открытым действиям организованных радикальных сил против существующей власти. Здесь массмедиа отводится роль имитатора «народного недовольства» властью в данном государстве.

Информационную поддержку протестным движениям создают группы в социальных сетях. Мобилизационные или «протестные» технологии, используются всеми противоборствующими сторонами. К участию в их информационном сопровождении привле-

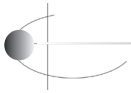
каются политические элиты, эксперты, политически активная часть общества, журналисты. Ряд ведущих политических журналистов («лица» каналов) сегодня выступают в роли политических функционеров, политических лоббистов или мессий.

В ситуациях перехвата власти приобретают особую роль СМИ и социальные сети. «Пробный» марш несогласных в России после выборов в Государственную Думу отрабатывался в центре «Digital October»; медийную поддержку марша обеспечивал гражданин Израиля, организатор «Живого Журнала» Антон Носик. Событию предшествовали встречи Носика со следующими людьми: Демьяном Кудрявцевым, генеральным директором ИД «Коммерсант Ъ» (ранее принадлежал Борису Березовскому), Александром Стальевичем Волошиным, бывшим руководителем Администрации Президента (1999–2003) и председателем совета директоров РАО «ЕЭС России», Алексеем Навальным; Константином Эггертом, главным редактором московского бюро Русской службы BBC, бывшим ведущим радиостанции «Эхо Москвы» и журналистом газеты «КоммерсантЪ», автором акции «Белая лента» Арсеном Ревазовым – председателем правления холдинга IMHO VI, лидером рынка российской интернет-рекламы, а также Станиславом Белковским, политтехнологом Б. Березовского и директором Института национальной стратегии. После публикации взломанной почты Алексея Навального выяснилось: громкие разоблачения, получившие широкую поддержку западных СМИ, заказывал именно он – Станислав Белковский. Речь идёт, в том числе об акции «Хватит кормить Кавказ», которая поддержана Навальным после его приезда с тайных встреч в клубе внешней политики и Парламенте Англии, прошедших в сентябре 2011 года в Лондоне¹.

Информационный ресурс А. Навального является сегодня очень востребован оппозиционно настроенными политическими группами населения России.

Как видим, обязательным структурным компонентом мобилизационных технологий являются новые (социальные) медиа или сетевые СМИ. «Третья волна «бархатных» революций, которые в дальнейшем переросли в кровавые битвы, пробежала по странам Северной Африки. Вследствие переворота в Тунисе с помощью традиционных и соци-

¹ Белая лента — задача пролить кровь (Информационная война, Пятая колонна). 2011. 8 декабря. URL: <http://cuamckuykot.ru/belaya-lenta-aims-to-bleed-2731.html> (дата обращения: 19.05.2014).

альных медиа отстранен от власти Зин эль-Абидина Бен Али. Протест в Египте вылился в уличные беспорядки, «на улицы вместе с беднотой вышел местный средний класс – образованные молодые люди, имеющие доступ к Интернету. Глобальная сеть стала средством мобилизации демонстрантов и организации протестных волнений. Тем самым проявилась тенденция возникновения своего рода оппозиционной солидарности у молодого поколения пользователей социальных сетей по всему миру»¹.

Экссекретарь США Хиллари Клинтон вскоре после падения режима Хосни Мубарака выступила с программной речью в университете им. Джорджа Вашингтона, в которой похвалила роль социальных медиа в продвижении демократии на Ближнем Востоке. «Журналисты помещали свои репортажи с места событий в Facebook и Twitter. Протестующие координировали свои шаги», – заявила Х. Клинтон, назвав эти технологии «ускорителями политических, социальных и экономических перемен». Более того, признав, что иногда эти средства используют и сами авторитарные режимы для подавления протестов, госпожа Клинтон объявила о создании госдепом своих аккаунтов в Twitter на фарси, китайском и русском – для продвижения демократии².

Социальные сети Twitter и Facebook с их оперативностью и организационным ресурсом способны генерировать мобилизующую информацию³, которая непременно попадает в ленты известных информационных агентств, становясь достоянием миллионов, тем самым увеличивая мобилизационный ресурс протестных акций.

В текстах социальных сетей нередко провозглашаются идеи борьбы с репрессиями, эксплуатацией, изоляцией, отчуждением и корпоратизацией. Однако в качестве борьбы предлагаются экстремистские формы. Социальные активисты-информаторы часто являются членами деструктивных сетей. Как правило, это молодые люди, «так называемые пассионарные лица, склонные к неконформизму и перманентной борьбе со всем “старым”... Они прекрасно владеют инфор-

мационными технологиями, полны революционных идей и порой действуют в “борьбе со злом” как супергерои комиксов или современные Робин Гуды – “с Лениным (или Че Геварой) в башке” и клавиатурой в руке»⁴.

Египетский блогер Вазл Гоним и тунисский блогер Лина Бен Менни рассматривались в качестве вероятных претендентов на Нобелевскую премию мира 2011 г., а американский журнал «Time», каждый год составляющий список ста самых влиятельных людей в мире, назвал Гонима, выход книги которого «Революция 2.0» был анонсирован на начало 2012 года самым влиятельным человеком 2011 года⁵.

Блогер Елена Белозирская, исповедующая ультраправые, расистские взгляды, стала победительницей конкурса на звание «лучшего блогера Украины». Скандал с её «победой» был настолько громок, что организатор конкурса – немецкая «Deutsche Welle» – предпочел отменить итоги конкурса и вообще ничего не вручать на Украине⁶.

Социальные сети и блогахостинги явились важным средством организации «оранжевых» и «арабских» революций. Самые популярные «революционные» твиттеры вели журналисты. Дэн Нолан из «Аль-Джазиры» (с места событий), Ник Кристоф из The New York Times (с места событий), Андерсон Купер с CNN (с места событий), Энди Карвин с National Public Radio (агрегатор), редакционный микроблог «Аль-Джазиры» (агрегатор) – именно от них, а не от предполагаемых тысяч простых египетских микроблогеров весь «Твиттер» узнавал в реальном времени, что происходит в Египте. И это вполне понятно: журналисты для того и находились на площади Тахрир и в других «горячих точках», чтобы передавать информацию, тогда как демонстранты пришли туда совсем за другим⁷.

Большинство массовых протестных действий в послевыборный период в Государ-

¹ Алешкевич Д. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке в декабре 2010 – марте 2011 г. через призму ведения информационной войны. URL: <http://www.belvpo.com/980.htm> (дата обращения: 19.05.2014).

² Reuters «Tweet like an Egyptian – Hillary Clinton tries it out». URL: <http://www.blogs.reuters.com/frontrow/2011/02/23> (дата обращения: 18.04.2014).

³ Twitter will fuel more revolutions // The Sunday Times. URL: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news> (дата обращения: 18.04.2014).

⁴ Матвиенко Ю. А. Деструктивные сетевые социальные структуры как средство информационной войны и угроза безопасности России (АНО «Центр проблем стратегических ядерных сил АВН). Информационно-аналитический портал Геополитика постмодерна. URL: <http://www.old.geopolitica.ru/Articles/1218/> (дата обращения: 18.04.2014).

⁵ Роль социальных сетей в организации «арабской весны»: подборка материалов... URL: <http://esoteric4u.com/rekomendovannyye-stati> (дата обращения: 18.04.2014).

⁶ URL: <http://www.dbelyaev.ru/evrozveri> (дата обращения: 18.04.2014).

⁷ Ефимов А. Роль СМИ и интернета в свержении египетского режима Центр стратегических оценок и прогнозов (АНО). URL: <http://www.csef.ru/index.php/ru> (дата обращения: 18.04.2014).

ственную думу в России также организовано с помощью новых технологий (в областных городах России активно использовалась для этого сеть «ВКонтакте», в столицах – «Facebook»). Присутствие в Сети позволяло оперативно координировать свои действия, общение в Twitter или Facebook создавало у людей чувство сопричастности, а выкладывание фотографий или видеороликов обеспечивало эффект присутствия.

Когда нет реальных шансов победить на выборах, начинается нечестная политическая игра с поддержкой со стороны электронных СМИ и прессы. Эффективным приёмом становится создание обстановки максимально «грязных» выборов – с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. Власть в материалах сетевых СМИ предстаёт в виде некомпетентной и коррумпированной силы, не отвечающей требованиям демократии.

Эти информационно-технологические достижения СМИ и Сети дали возможность практически единовременного охвата огромной аудитории и создания условий, при которых она может быть втянута в срежиссированный политический спектакль с мобилизационным политическим сценарием – «бархатные» революции, избирательные кампании, грандиозные флешмобы. В политических спектаклях используются «художественные средства» влияния на протестную часть общества (метафоры, образы, символ и номинации – «борцы за демократию», «жертвы режима», «патриоты»)¹.

Во время протестных волнений в Украине по поводу отмены правительством решения об интеграции в Евросоюз через реакционные сети тщательно инструктировали боевиков, чем и как надо вооружаться против полиции:

«Берите баллоны с краской, любой... Заливайте их не газом, а краской – каски. Не будет им видно, будут вынуждены их снимать... Баллон газовый, желательно несколько, лучше использовать в закрытых помещениях. Выгоняйте всех из подземок на улицу.

Арматуру в руки берите, и ребра с ногами ломайте тем нелюдям».

В свою очередь власти также проводят массированную мобилизацию граждан под лозунгом: «Бунтам – нет!», «Бунт – разрушитель государства!», «Устроители бунтов – к ответу по закону!».

В последние годы в структуре новых медиа появились так называемые тактические медиа (*Tactical media*), которые позициониру-

ют себя как альтернативные официальным – «медиа кризиса, критики и оппозиции». Их возникновение связано со временем падения Берлинской стены, когда в атмосфере свободы произошло возрождение социальных, политических, экономических движений и медиаактивизма. Термин был впервые введён в 1996 г. в манифесте «The ABC of tactical media», написанном Дэвидом Гарсиа и Гертом Ловинком в преддверии второго фестиваля тактических медиа «next5minutes» (Амстердам, медиа-центры De Waag и De Balie).

Сегодня тактические медиа развиваются практически во всем мире, так как представляют собой технологичные средства коммуникации, создаваемые для проведения политических кампаний и акций (сеть «антиподчинения»). Малозатратные «do it yourself»-медиа возникают на информационных платформах общественных кабельных ТВ до Интернета.

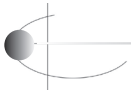
Тактические медиа предназначены для «своих», рассчитаны на активность и соучастие. Выражая точку зрения групп меньшинства, *tactical media* врываются в киберпространство с требованиями социальных изменений; организуют акции против глобальных организаций (G8, G20, WTO) и корпораций (Microsoft, Pepsi, Nike и др.); являются неизменным участником всех «цветных» революций и мероприятий по защите миноритарных групп (см. украинский сайт www.Zaraz.org).

В Италии, например, появляется множество телепроектов, от спутникового канала против войны в Ираке – nowartv.it – до мелких видеоактивистских групп, представленных на telestreet и [Candida TV \(candida.thing.net\)](http://Candida TV (candida.thing.net)), пользуется популярностью итальянский сайт тактической/боевой Медиа группы (*Tactical Media Crew's*). В России известен проект [IndyVideo.ru \(www.indyvideo.by.ru\)](http://IndyVideo.ru (www.indyvideo.by.ru)), посвящённый видеодокументации социальных акций и воплощающий в себе синтез протестных политических движений и новых технологий, размещенных на платформе «Такт-медиа» (<http://www.tact-media.livejournal.com>).

Сообщество «МедиаУдар» включает художественные проекты, внедряемые в реальные социально-политические практики – защиту окружающей среды, развитие системы альтернативного образования, борьбу с цензурой и диффамацией по отношению к деятелям культуры (<http://www.mediaudar.net/blog/2013/10/13/cekciya-takticheskie-media>).

Массмедиа придают событиям «важный смысл», озвучивая цели активности, предлагая определённые действия, вовлекая в

¹ Сети+образы=мобилизация // URL: <http://www.rus-crisis.ru/index.php> (дата обращения: 20.04.2014).

кооперацию новых агентов, воздействуя на протестную часть социума. Тактические медиа претендуют на общественный контроль за действиями власти. В оппозиционных СМИ используется тотальная критика существующего строя, внедряются ярлыки «тирании», тем самым обостряются социальные, национальные, идеологические конфликты общества.

Так называемые *tactical media*, провозглашающие борьбу «с устойчивой тенденцией к репрессиям, эксплуатации, изоляции, отчуждению и корпоратизации», сами порой направлены на деструкцию и разрушение. В социальной практике тактические медиа реализуют функции мобилизации, подрыва, разрушения, создавая пространство критической мысли, направленной против государства, рынка, академической среды, правовых институтов и др. (<http://www.tact-media.livejournal.com>).

Учитывая особенности восприятия информации аудиторией, тактические медиа используют не только символический язык ярких мобилизующих образов, распространяемых как эпидемия, но и такие средства внушающего воздействия на коллективное бессознательное, как звук голосов, цвет, пластика движений, лозунги¹.

В условиях депрессивного развития общества (низкая эффективность правоохранительных органов; люмпенизация, усиление социальных противоречий; борьба властных сил; кризис гуманитарных ценностей), когда снижаются моральные императивы, возможно появление сетей [4, с. 127], вовлекающих людей в преступные сообщества (кибертерроризм и киберэкстремизм). Под воздействием информационного прессинга человек теряет способность управления собственным поведением, подвержен деадаптации, в связи с чем увеличиваются риски вовлечения в деструктивные группы [3, с. 239]. Членами таких деструктивных сообществ, как правило, являются молодые люди, так называемые пассионарные лица. С одной стороны, медиа-активисты, по мнению аналитиков, видят наиболее гармоничный путь развития человеческого общества в использовании «взаимопомощи, открытости и самоорганизации – того, чему учат <...> программы гражданской солидарности, сетевые общества, тактические

¹ Матвиенко Ю. А. Деструктивные сетевые социальные структуры как средство информационной войны и угроза безопасности России (АНО «Центр проблем стратегических ядерных сил АВН»). Информационно-аналитический портал Геополитика постмодерна. URL: <http://www.old.geopolitica.ru/Articles/1218/> (дата обращения: 20.04.2014).

медиа»², а с другой, используют возможности для продвижения идей протеста, инакомыслия и бунта используют камерные технические средства информации (самиздат, бесплатное радио и мини-FM, каналы публичного доступа по кабельному телевидению).

Организационный ресурс тактических медиа, оперативность, метафоричность, мобильность, энергетический потенциал определяют силу их воздействия на аудиторию. Слабый получает возможность победить сильного смекалкой, тактическими ходами, способами к творческим активным действиям, благодаря которым они и получают выгоду [5, с. 44]. Особенность тактических медиа в том, что они никогда не достигают состояния совершенства; постоянно меняются, потому что решают оперативные задачи, адекватные времени, практически всегда разрушают традиционные представления людей о ценностях и традициях.

Интенсивно завоевывая информационные пространства, сегодня тактические методы начинают определять новую культуру независимой коммуникации (*public doimen*) со своими ценностями, формами и языком.

В апреле 2011 года журнал «Деньги» сообщил о ещё одном сетевом проекте американских военных — внедрении виртуальных личностей (так называемых ботов) для манипуляции дискуссиями. Планируется начать этот проект в Азии на четырёх языках: арабском, фарси, урду и пушту.

Таким образом, широкое использование граждан в целях мобилизации проходит через социальные сети и телефонию. Однако, как показала практика, настоящие революции могут быть осуществлены и без использования компьютерных технологий. Так, например, свержения Бен Али и Мубарака стало возможным из-за широкого недовольства их режимами, а вовсе не из-за наличия социальных сетей, которые явились лишь одним из каналов мобилизации протестующих. Причины дестабилизации и протестных выступлений имеют системный характер, вызваны латентными кризисами социально-политических и национальных отношений, деградацией систем жизнеобеспечения.

Сама деятельность сетевых СМИ не так широка по сравнению с традиционными изданиями и ТВ-каналами. Истинные «двигатели» этих революций были всё-таки традиционные СМИ и работа профессиональных журналистов.

² Киреев О. Краткий глоссарий тактической медиа-критики. М., 2014. URL: <http://www.psyoffice.ru/slovars349.htm>. (дата обращения: 20.04.2014).

Нельзя отрицать и того, что новая гражданская журналистика, позволяющая доводить до освещения аудитории информацию о происходящем, поступает напрямую от тысяч участников событий, что, конечно же, имеет под собой реальные основания. Граждане в «цветных» революциях и протестных движениях приобретают опыт, предлагают вид организации общества, конкурентный традиционному государству, наработывая способы

отстаивания своих интересов перед элитой, контролирующей государство. Это способ влияния общества на элиту, а также установления и поддержания контроля над государством, особенно в условиях невозможности или затруднённости такого влияния, традиционными инструментами. В этом смысле как структурный компонент протестных движений новые медиа приобретают особую значимость.

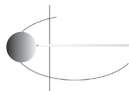
Список литературы

1. Ильичева Ю. А. Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства // Медиаскоп. 2013. Выпуск № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1335> (дата обращения: 18.04.2014).
2. Кара-Мурза С. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко... М.: Алгоритм, 2005. 258 с.
3. Катков А. Л. Деструктивные социальные эпидемии. СПб.: РГКП, 2013. 320 с.
4. Решетников М. Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2013. 240 с.
5. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

References

1. Il'icheva Yu. A. Mobilizatsionnye tekhnologii: sushchnost', predposylki vozniknoveniya, osnovnye instrumenty i sredstva // Mediaskop. 2013. Vypusk № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1335> (data obrashcheniya: 18.04.2014).
2. Kara-Murza S. Eksport revolyutsii. Saakashvili, Yushchenko... M.: Algoritm, 2005. 258 s.
3. Katkov A. L. Destruktivnye sotsial'nye epidemii. SPb.: RGKP, 2013. 320 s.
4. Reshetnikov M. Psikhologicheskie faktory razvitiya i stagnatsii demokraticheskikh reform. SPb.: Vost.-Evrop. in-t psikhoanaliza, 2013. 240 s.
5. Serto M. Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' / per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoi. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. 330 s.

Статья поступила в редакцию 25.04.2014

УДК 341.231.5+070
ББК Х400.51+Ч860.2

Сергей Викторович Олейников,
кандидат политических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(МД 3300, Приднестровская Молдавская республика, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128)
e-mail: olen_serg@inbox.ru

**Государства с отложенным политическим статусом:
резонансное пространство информационных потоков**

На постсоветском пространстве более двадцати лет де-факто существуют, но до сих пор остаются де-юре непризнанными, четыре республики. Несмотря на признание Россией в 2008 г. Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств до сих пор остается спорным их международный статус и, соответственно остаются актуальными проблемы позиционирования этих республик как политических субъектов международного права. Развитие этих государств в большей степени сопряжено с проблемами внешнеполитического характера и необходимостью постоянной мобилизации информационных ресурсов в отстаивании собственных национальных идей. В статье предпринята попытка анализа проблем продвижения позитивного имиджа непризнанных государств в международном информационном пространстве, описывается специфика информационного противостояния как на внешнеполитическом, так внутриполитическом направлениях. Приводятся примеры формирования и преодоления негативных стереотипов в сознании зарубежной аудитории о государствах с отложенным политическим статусом. Основываясь на многолетнем информационном противостоянии Приднестровья и Молдовы, в статье делается вывод о важности адекватной оценки геополитического потенциала разрешения подобных политических конфликтов, а также подчеркивается зависимость их динамики от активности не только политических, но и информационных участников переговорного процесса. В исследовании особый акцент делается на перспективах формирования и продвижения имиджа самоопределившихся государств в сознании зарубежной аудитории посредством возможностей сетевых ресурсов, а также традиционных СМИ. Отмечается важность динамичности развития сетевых ресурсов и расширения их типологического и тематического диапазона, постоянная верификация и выявление ложной информации или искажающей действительность.

Ключевые слова: имидж государства, СМИ непризнанных государств, проблемы позиционирования.

Sergey Victorovich Oleynikov,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko
(128, 25 October St., Tiraspol, Moldovan Transdnistrian Republic, 3300)
e-mail: olen_serg@inbox.ru

States with the Postponed Political Status: Resonant Space of Information Streams

More than twenty years on the post-soviet space, four republics exist de facto, but they are still unrecognized de jure. Despite recognition by Russia in 2008 of Abkhazia and South Ossetia as the independent states, there is still disputable their international status and there are respectively actual problems of positioning of these republics as political subjects of international law. Development of these states is more interfaced to problems of foreign policy and need of continuous mobilization of information resources for upholding of own national ideas. In article an attempt of analyzing problems of advance of positive image the unrecognized states in the international information space is made, specifics of information opposition as on foreign policy, internal political directions are described. Examples of formation and overcoming negative stereotypes in foreign audience's consciousness on the states with the postponed political status are given. Based on long-term information opposition of Pridnestrivye and Moldova the conclusion about importance of geopolitical potential adequate assessment of permission of similar political conflicts is drawn in the article, and also dependence of their dynamics on activity not only political, but also information participants of negotiation process is emphasized. In research the special emphasis is placed on prospects of formation and advance of image the gained independence states in consciousness of foreign audience by means of opportuni-

ties network resources, and also traditional mass media. Importance of dynamism of network resources' development and expansion of their typological and thematic range, continuous verification and identification of false information or distorting reality is noted.

Keywords: state image, unrecognized states' mass media, positioning problems.

В формировании и продвижении благоприятного имиджа Приднестровского государства на мировой арене немаловажную роль играют средства массовой информации. Тиражируемая ими информация откладывается в общественном сознании и формирует определённые стереотипы. Учитывая отношение сопредельных стран к молодому государству, их усилия, направленные на его ликвидацию «де-факто» и тем более предупреждение его оформления «де-юре», можно с уверенностью утверждать, что роль СМИ в процессе укрепления государственности Приднестровья возрастает многократно.

Вместе с тем сформированное Молдовой представление о левом берегу Днестра как о «чёрной дыре» в экономике региона крепко осело в умах представителей СМИ Европы, а отсюда не только общественное мнение, но и международная политика в отношении Приднестровья.

«Подливает масла в огонь и применение двойных стандартов в принимаемых Европой решениях, – отмечает приднестровское издание „Сведения“. – Такие действия, как отказ в признании, запрет на выдачу виз и экономические блокады, уже давно стали для Запада основным средством давления на неугодные ему страны. А Приднестровье, вставшее в ряд крепостей на пути расширения НАТО на Восток, явно Западу неугодно» [10].

Тема признания Приднестровья и формирования его позитивного образа обсуждается не только приднестровскими руководителями, специалистами и СМИ, но и иностранными аналитиками. В частности, бывший аналитик по вопросам внешней политики в Сенате США, экс-директор Американского совета по Косово Джеймс Джатрас после встречи с Председателем Верховного Совета Приднестровья Е. Шевчуком заявил: «Косово является дестабилизирующим фактором для соседних государств – Сербии, Черногории, Македонии, тогда как Приднестровье не имеет никаких территориальных претензий к своим соседям: Украине и Молдове. Более важно то, что с юридической точки зрения Косово всегда являлось частью сербской территории, поэтому его можно назвать сепаратистским регионом. Приднестровье же никогда документально не было частью Молдовы» [2].

Джеймс Джатрас отметил, что по всем признакам – моральным, юридическим и экономическим у Приднестровья прав на независимость гораздо больше, чем у Косово.

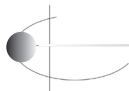
«В Приднестровье люди живут мирно. Это многоэтническая страна, в которой нет религиозных противоречий. В Косово, наоборот, достаточно много противоречий, и этнических, и религиозных. Косово становится все более и более монорелигиозной и моноэтнической страной, где сжигаются церкви, люди выселяются из своих домов, и это все происходит прямо перед носом НАТО и других международных организаций», – добавил американский эксперт.

Косовскую администрацию, которая находится под международным управлением, он назвал криминальной: «Там процветают наркоторговля, трафик, тогда как в Приднестровье ситуация совсем не такая». По его мнению, проблема заключается в том, что о республике мало кто знает, поэтому её руководству нужно предпринять очень активные шаги по организации образовательной программы для международной общественности о том, «что такое Приднестровье, где оно находится, какие права на независимость оно имеет и почему они оправданы».

Американский аналитик считает, что в международном плане нужно «как можно более позитивно освещать имидж Приднестровья, чтобы сюда могли прийти международные инвестиции и таким образом улучшить жизнь людей» [3].

Роль средств массовой информации в процессе позиционирования государственной идеи ПМР активно обсуждается как государственными, так и частными печатными и сетевыми изданиями. Их обобщенная позиция сводится к тому, что государственным и общественным институтам необходимо активнее участвовать в формировании имиджа республики, поскольку отсутствие собственных усилий увеличивает поток негативной информации и снижает вероятность международного признания Приднестровской Молдавской Республики.

Анализируя тенденции развития ситуации вокруг признания Косово, необходимо отметить, что, поскольку большая часть населения края исповедует ислам, страны арабского мира «очень скоро» признают это госу-

дарство. Такой точки зрения придерживается, например, Президент Косово Фатмир Сейдиу. Это произойдет, «когда будут преодолены предрассудки» и опасения, что казус Косово следует рассматривать как прецедент, заявил он на проходящей 25 августа 2008 года в Приштине международной конференции «Косово и арабский мир». Помимо местных политиков в ней участвовали представители ряда арабских неправительственных организаций и интеллектуальных кругов. Цель конференции, как указали её организаторы, – «улучшение международного имиджа Косово» [9].

Руководство края надеется, что арабские страны уже в ближайшее время признают новые реалии и присоединятся к тем государствам, которые признали независимость Косово. Все высказывания косовских руководителей сводятся к тому, что край будет фактором стабильности и развития добрых отношений со всеми странами, включая Сербию, независимо от того, что последняя упражняется в острой риторике по отношению к статусу края.

Правительство Косово, как и руководители других непризнанных государств, принимает ряд мер по преодолению сложившихся достаточно негативных ассоциаций, связанных с их республиками. Однако имидж самопровозглашённой республики был изрядно подпорчен рядом скандалов. Наиболее громким из них стал выход книги главного обвинителя трибунала по бывшей Югославии Карлы Дель Понте «Охота, я и военные преступники». В этой книге среди прочего содержатся обвинения в адрес бывшего руководителя Освободительной армии Косово Х. Тачи и Р.Харадиная. Утверждается, например, что нынешнее руководство Косово в ходе войны зарабатывало деньги на торговле внутренними органами, изъятыми у похищенных сербов [8].

Основные проблемы в продвижении края на международной арене можно разделить на две группы: объективно существующие и приобретённые. К первой группе относятся проблемы, имевшие место и прогнозируемые в связи с провозглашением независимости: информационное противостояние с метрополией (Сербией) и сторонниками целостности сербского государства. Ко второй – промахи и прошлые ошибки, «грехи» руководства, которые современные СМИ выносят на всеобщее обсуждение.

Анализируя проблему имиджа Абхазии, необходимо отметить, что руководство этого государства также уделяет ей повышенное

внимание: оно даже приняло ряд мер по формированию положительного образа своего края. В частности, официальный сайт президента Абхазии осуществляет проект формирования привлекательного инвестиционного имиджа своей республики.

Во время проведения интернет-конференции министр иностранных дел республики Абхазии С. Шамба на портале «ЮГА.ru» заявил, что на сегодняшний день МИД делает все возможное для создания благоприятного образа республики. «У Грузии гораздо больше ресурсов и политическая поддержка со стороны европейских государств и США довольно значительная, – подчеркнул С. Шамба. – Совершенно очевидно, что в этом плане нам с Грузией трудно состязаться, но поскольку наша цель заключается в необходимости развития взаимодействия с различными странами, то мы, несмотря на отсутствие достаточных ресурсов, пытаемся направить свою внешнеполитическую активность в этом направлении. Кроме того, мы активно действуем в тех странах, где есть абхазо-абазинская диаспора. Пытаемся реализовывать наши инициативы, исходя из существующих возможностей, хотя мы понимаем, что необходимо значительно усилить работу в этом направлении, и сейчас это одна из приоритетных задач, стоящих перед нами» [7].

Вице-премьер абхазской республики Б. Кубрава, курирующий вопросы экономики и финансов, в своих комментариях к вопросам развития государства, сказал, что курортный бизнес – приоритетная экономическая сфера государства, развитие которой позволит реанимировать имидж Абхазии. Активизировать процессы восстановления разрушенной войной курортной, туристической инфраструктуры представляется возможным при условии значительных капиталовложений, в том числе иностранных инвестиций.

Руководство республики в целях привлечения зарубежных инвесторов предлагает определённые льготы. Например, «в Пицунде уже действует одна частная фруктовая компания, в Сухуме – гостиница „Рица“, да и многие курортные объекты уже пользуются иностранными инвестициями, и процесс этот набирает обороты» [1].

Основную ставку руководство Абхазии по-прежнему делает на Российскую Федерацию, активно развивая не только политические, экономические, но и культурные связи. «Радует расширение культурных связей с северной российской столицей... Регулярно участвуем в Дне города – шествием по

Невскому проспекту... Много студентов обучаются у вас. Есть абхазское землячество „Апсны“, которое возглавляет Мурман Джонуа. Имеется и официальный представитель Республики Абхазия в Санкт-Петербурге» [1].

Особый статус края до августа 2008 года и территориальная отдалённость от центра РФ негативно сказывались на инвестиционных процессах и экономических связях с Россией. После признания Абхазии суверенным государством наметилась позитивная тенденция в отношении экономического взаимодействия с Краснодарским краем, который граничит с Абхазией. Стремительно развивается основа традиционного абхазского бизнеса – производство цитрусовых.

Одним из многочисленных мероприятий, направленных на продвижение бренда «Абхазия», стало открытие в Сухуме по инициативе Международного независимого эколого-политологического университета совместно с правительством Москвы бизнес-школы, при поддержке Партии экономического развития Абхазии (ЭРА).

Московские специалисты организовали занятия с сотрудниками сухумских гостиниц «Рица», «Атриум Виктория», ресторанов «Сан-Ремо», «Акъафурта», кафе «Медовик». Основной проблемой пока остаётся повышение уровня образования и обучения работников сферы обслуживания, поскольку война отбросила людей на 10 лет назад и лишила их возможности узнать о мировых тенденциях в развитии в индустрии туризма. Однако всемирно известное абхазское гостеприимство остается незыблемым брендом и позволяет решать вопросы в других сферах деятельности. Подтверждением этого служит мнение российских специалистов, считающих, что акцент необходимо делать на молодежи и людях, которые хотят расширить свои знания и узнать о новых тенденциях в мире, а что касается гостеприимства и радушия, то этому в Абхазии обучать не нужно. Есть мнение, что в республике пора проводить кастинг на предмет профессионального соответствия и создавать такой климат, чтобы люди с удовольствием работали. «Людей нужно привлекать цивилизованными условиями» [11].

Несмотря на уникальные природные условия, основным дестабилизирующим фактором в регионе по-прежнему остается политический конфликт, и до его окончательного разрешения имеющийся потенциал республики полностью реализовать не удастся. Непокойная ситуация в Абхазии привела к тому, что количество российских туристов,

желающих отдохнуть на абхазских курортах, пошло на убыль. Причины ухудшения состояния туристической индустрии и имиджа государства в целом можно найти в тиражируемых СМИ негативных информационных сообщениях:

– в результате взрыва у рынка в Гагре пострадали шесть женщин, местные жительницы. Россиян среди пострадавших не было;

– в результате взрывов в Сухуме пострадали шесть человек. Все они были госпитализированы с незначительными осколочными ранениями, им была оказана необходимая помощь;

– в результате взрыва, прогремевшего в районном центре Гальского района Абхазии в городе Гал, два человека скончались в больнице;

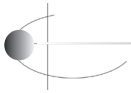
– президент Абхазии заявил о закрытии с 1 июля 2008 года границы с Грузией. С. Багапш однозначно обвинил грузинские спецслужбы в причастности к взрывам в Сухуми и Гагре и отметил, что абхазские власти делают всё, чтобы выявить причастных к происшествию;

– в Грузии считают, что за взрывами в Абхазии стоят местные группировки, которые периодически сталкиваются друг с другом с целью перераспределения сфер влияния [6].

Конвертирование юмора в имидж государства блестяще продемонстрировала абхазская команда КВН «Нарты из Абхазии». Она с блеском победила в четвертьфинале, обойдя вполне достойных и остроумных соперников. Прославленный абхазский юмор, в котором под простодушием кроется мудрость, отточенное мастерство и артистический талант сделали эту победу неоспоримой. Неповторимый колорит, чудесные народные мелодии – и это в то время, когда среди определенной части москвичей растёт подозрительность по отношению к «лицам кавказской национальности», – придали этому выступлению еще и важный политический смысл, ломающий стереотипы неприязни.

Формирование положительного имиджа Абхазии – задача не только политическая, экономическая, но и культурная. Ведь многие из тех, кто ещё сомневался, можно ли ехать в Абхазию на отдых, наверняка отбросят хотя бы часть опасений, увидев такое блестящее выступление.

Привлекает путешественников и имидж «дешёвого» курорта. Абхазию выбирают те, кто хочет сэкономить. В условиях экономического кризиса этот фактор будет только набирать силу. Изучая динамику продаж, можно

сделать вывод, что туристы предпочитали покупать туры именно на начало и конец сезона. То есть отпускники, выбирающие это побережье, в том числе и из-за дешевизны, не готовы переплачивать [12].

Ближайшая перспектива (до 2015 г.) привлечет в Абхазию, соседствующую с г. Сочи, где олимпийское будущее гарантирует непрерывное повышение цен, значительное количество туристов.

Даже в условиях стабильной политической обстановки строить планы на несколько лет вперед довольно рискованно, поскольку Абхазия будет активно участвовать в строительстве олимпийских объектов в Сочи и добывать для них щебень. Планируется строительство нескольких цементных и кирпичных заводов. Эти проекты могут не только нанести непоправимый урон прекрасной экологии, но и негативно сказаться на отношении потенциальных курортников к региону.

В этой ситуации необходимо учитывать, что основной акцент во всей рекламной кампании, связанной с курортами Абхазии, делается именно на уникальные природно-климатические условия. Реализация подобных экономических проектов, безусловно, может навредить имиджу местности, невзирая на освоение современных очистительных технологий, которые якобы позволяют работать без вреда для окружающей территории.

Менее оптимистичными выглядят перспективы абхазских побережий, если в расчёте на сиюминутную прибыль местные предприниматели попытаются увеличить стоимость проживания отдыхающих. «Если цены в следующем году поднимутся, сезон может быть сорван. Если партнёры проанализируют ситуацию и не станут увеличивать стоимость, привлекая туристов традиционными достоинствами Абхазии – чистым морем, красивой природой и низкими ценами, то люди туда поедут» [12].

В отличие от края Косово Абхазия активно ищет способы для увеличения экономической мощи своего государства, не ввязываясь со всем мировым сообществом в политические дискуссии о статусе и признании своей республики. Такая ситуация стала возможной только благодаря общей границе со страной, на которую ориентировались абхазцы, создавая свою государственность – Россией.

«Непризнанные государства» на территории СНГ – Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье – часто становятся предметом обсуждения на центральных телевизионных каналах, в федеральной печати РФ и других

государств, но за пределами этих обсуждений долгое время оставался Нагорный Карабах, хотя именно он стал первым примером сепаратистского движения и успешного противостояния консолидированного национального меньшинства республиканской метрополии.

Подобное «затишье» в условиях кавказских республик может свидетельствовать о том, что на территории и вокруг непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР) вполне вероятны изменения нынешнего статуса, в чем заинтересованы и Азербайджан, и Армения. Возможно, в перспективе одна из сторон будет апеллировать к «цхинвальскому прецеденту».

Для армянской стороны принципиально важно упрочить военные и дипломатические позиции Степанакерта, минимизировать угрозы, вызванные ростом военной мощи Азербайджана. В таком случае речь должна идти о расширении правовой базы НКР. Война в Южной Осетии заставила задуматься о том, что когда-нибудь и Азербайджан может попытаться решить вопрос Нагорного Карабаха силовым путем. Об этом в беседе с корреспондентом ИА «Регнум» заявил армянский политолог Л. Мелик-Шахназарян. «Страна-узурпатор, пытающаяся захватить чужие земли, рано или поздно, когда исчерпываются вымышленные правовые доводы, переходит к военным действиям, и Южная Осетия – очередное ненужное подтверждение этому», – отметил он [4].

Между тем в европейских дипломатических кругах обсуждается возможность открытого признания Арменией НКР как субъекта международного права.

Расконсервация южноосетинского и абхазского конфликтов чревата и может быть использована Баку в качестве повода для детонации остановленной в начале девяностых карабахской войны. Азербайджан потерпел тогда полное поражение, приведшее к серьёзному внутривнутриполитическому кризису и ликвидации националистического режима.

Возвращение Нагорного Карабаха в состав Азербайджана, особенно в свете предстоящих в Баку президентских выборов, стало политическим брендом ближайшего окружения И. Алиева, своего рода «пропуском в долгосрочную власть».

В то же время президентские выборы в Нагорном Карабахе повысили имидж республики. Об этом заявил депутат Национального Собрания Армении от оппозиционной фракции «Оринац Еркир» О. Маркарян. «Активное участие избирателей и положитель-

ные оценки, данные выборам многочисленными организациями, говорят о росте имиджа Нагорного Карабаха и серьезном вкладе в становление демократии», – сказал О. Маркарян [5].

Таким образом, ситуация в Нагорно-Карабахской Республике может быть классифицирована как стабильная, поскольку непосредственная близость и возможность всесторонних контактов с армянской стороной создают иллюзию единого государства и отсутствия проблемы как таковой. Этой ситуации способствуют уроки минувшего военного противостояния, активная фаза которого была чревата значительными человеческими потерями с азербайджанской стороны, что до сих пор сдерживает участников конфликта от использования каких-либо силовых средств в решении этого территориального спора.

Завершая анализ процессов позиционирования непризнанных государств и связанных с ними проблем, необходимо отметить, что успешность продвижения их имиджа и брендов во многом зависит не только от количества государств, поддерживающих ту или иную спорную территорию, но и от их непосредственной близости и участия в развитии регионов. Следует отметить, что немаловажное значение в этих процессах имеет имидж руководителей государств с отложенным политическим статусом, а также степень стабильности внутривнутриполитической ситуации в республиках и напряженности внешнеполитических отношений по вопросам их признания.

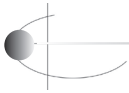
Изучая государства с отложенным статусом, зарубежная аудитория пользуется

исторической, экономико-политической, социально-культурной информацией по каждому из них. Необходимо отметить, что данная информация содержится в международных ресурсах глобальной сети Интернет и именно к ней наиболее часто прибегают рядовые пользователи, иностранные журналисты, политические деятели. Для большинства политических, экономических агентов размещенная на сайтах информация является основой для формирования мнения о благоприятности или неблагоприятности инвестиционного климата в регионе и принятия решения об участии в инвестиционных программах.

Представленные материалы не только находятся в глобальной сети в режиме свободного доступа, но и являются теми ресурсами энциклопедического сайта, которые могут подвергаться как частичному редактированию, так и полному изменению. Внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства государств с отложенным политическим статусом, используя эту возможность, должны подвергать соответствующие тексты критическому анализу и снабжать их новыми данными. В результате динамическая информация о самопровозглашенных государствах на таких открытых сайтах станет более привлекательной как для рядовых сетевых пользователей, так и для потенциальных инвесторов, экспертов и исследователей различных направлений. По нашему мнению, подобная практика будет позитивно влиять на имидж республик и их продвижение на международной арене.

Источники

1. Абхазский проект для России. URL: <http://www.abkhaziya.org> (дата обращения: 21.07.11).
2. Американский аналитик: У Приднестровья больше прав на независимость, чем у Косово. URL: <http://compatriot.su/news> (дата обращения: 22.07.11).
3. Американский эксперт: Приднестровье никогда не являлось частью Молдовы. URL: <http://www.peasekeeper.ru/ru> (дата обращения: 06.02.14).
4. Армения должна признать Абхазию и Южную Осетию, если не хочет применения двойных стандартов к Карабаху: эксперт. URL: <http://www.apsny.ru/apsnynews> (дата обращения: 28.08.11).
5. Выборы в Карабахе повысили имидж республики. URL: www.karabakhlive.com (дата обращения: 22.07.12).
6. В Абхазии откроется бизнес-школа. URL: <http://www.abhazia.com/news/> (дата обращения: 16.07.08).
7. Интернет-конференция министра иностранных дел Республики Абхазия Сергея Шамба интернет-порталу Юга.ру. URL: www.mfaabkhazia.org (дата обращения: 22.12.09).
8. Карла дель Понте: нынешнее руководство Косово похищало сербов и торговало их органами. URL: <http://www.newsru.com/world> (дата обращения: 01.04.08).
9. Косово уповает на скорое признание в арабском мире. URL: <http://pda.izvestia.ru/lenta/news> (дата обращения: 08.03.08).

10. Патерова О. Газета «Сведения» [ИА]. URL: www.regnum.ru/news (дата обращения 05.02.14).
11. Президент посетил ряд хозяйств Очамчирского района // АПСНЫПРЕСС. 2008. 16 июля. Вып. № 329. URL: <http://www.apsny.ru/apsnynews> (дата обращения: 01.08.08).
12. Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию. URL: <http://www.apsny.ru> (дата обращения 05.03.09).

Istochniki

1. Abkhazskii proekt dlya Rossii. URL: <http://www.abkhaziya.org> (дата обращения: 21.07.11).
2. Amerikanskii analitik: U Pridnestrov'ya bol'she prav na nezavisimost', chem u Kosovo. URL: <http://compatriot.su/news> (дата обращения: 22.07.11).
3. Amerikanskii ekspert: Pridnestrov'e nikogda ne yavlyalos' chast'yu Moldovy. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru> (дата обращения: 06.02.14).
4. Armeniya dolzhna priznat' Abkhaziyu i Yuzhnyu Osetiyu, esli ne khochet primeneniya dvoynykh standartov k Karabakhu: ekspert. URL: <http://www.apsny.ru/apsnynews> (дата обращения: 28.08.11).
5. Vybery v Karabakhe povysili imidzh respubliki. URL: www.karabakhlive.com (дата обращения: 22.07.12).
6. V Abkhazii otvroetsya biznes-shkola. URL: <http://www.abhazia.com/news/> (дата обращения: 16.07.08).
7. Internet-konferentsiya ministra inostrannykh del Respubliki Abkhaziya Sergeya Shamba Internet-portalu Yuga.ru. URL: www.mfaabkhazia.org (дата обращения: 22.12.09).
8. Karla del' Ponte: nyneshnee rukovodstvo Kosovo pokhishchalo serbov i torgovalo ikh organami. URL: <http://www.newsru.com/world> (дата обращения: 01.04.08).
9. Kosovo upovaet na skoroe priznanie v arabskom mire. URL: <http://pda.izvestia.ru/lenta/news> (дата обращения: 08.03.08).
10. Paterova O. Gazeta «Svedeniya» [ИА]. URL: www.regnum.ru/news (дата обращения: 05.02.14).
11. Prezident posetil ryad khozyaistv Oчамчирского района // АПСНЫПРЕСС. 2008. 16 iyulya. Vyp. № 329. URL: <http://www.apsny.ru/apsnynews> (дата обращения: 01.08.08).
12. Rossiya gotovit turisticheskoe vtorzhenie v Abkhaziyu. URL: <http://www.apsny.ru> (дата обращения: 05.03.09).

Статья поступила в редакцию 07.02.2014

УДК 323.283
ББК ФЗ

Юрий Николаевич Троегубов,
аспирант,

Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30)
e-mail: Troegubovsky@yandex.ru

Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет

На современном этапе международная информационно-коммуникационная сеть Интернет активно используется для размещения экстремистских материалов. Проблема носит общемировой характер и весьма актуальна для Российской Федерации как одного из главных участников мирового политического процесса. Используя глобальную сеть Интернет и возможности компьютерной коммуникации, идеологи экстремистских движений и групп активно воздействуют на сознание граждан и, в первую очередь, молодежи. В результате в последние годы происходит обострение проблемы экстремизма, который в настоящее время может рассматриваться как проблема общегосударственного значения и угроза национальной безопасности России.

В 2013–2014 г. целым рядом руководителей правоохранительных органов, органов исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, включая Президента В. В. Путина, была отмечена необходимость ужесточения действующего законодательства и мер репрессивного характера для лиц, совершающих правонарушения с использованием сети Интернет, а также создание развитой, адекватной системы профилактики и предупреждения преступлений данной категории.

Обеспечение национальной безопасности в сфере информационных технологий, усовершенствование нормативно-правовой базы и разработка новейших технических средств для противодействия распространению экстремистских идей в информационном пространстве России являются одними из приоритетных задач, как для органов государственной власти, так и правоохранительных органов.

Ключевые слова: противодействие экстремизму, сеть Интернет, информационное пространство, безопасность, экстремизм, терроризм.

Yury Nikolaevich Troyegubov,
Postgraduate Student,

Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: Troegubovsky@yandex.ru

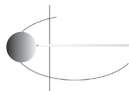
The Combating Problems to Extremism in the Internet

At the present stage of international information and communication network the Internet is actively used for hosting extremist material. The problem is global in nature and highly relevant for the Russian Federation as one of the main players on the global political process. Using the global network Internet and computer communication, the ideologists of extremist movements and groups are actively working on citizens' consciousness and first of on youth. As a result, in recent years there has been an aggravation of the problem of extremism, which currently can be seen as a problem of national importance and a threat to national security of Russia.

In 2013–2014 years a number of heads of law enforcement bodies, executive and legislative authorities of the Russian Federation, including the President Putin noted the necessity of toughening of the current legislation and measures of a repressive nature for persons committing offences using the Internet, as well as creation of well-developed, adequate system of prevention of this type offences.

National security in the sphere of information technologies, improvement of the legal framework and the development of new technical means to combat the spread of extremist ideas in the information space of Russia are the one of the priority tasks, both for public authorities and law enforcement agencies.

Keywords: combating extremism, the Internet, information space, security, extremism, terrorism.

Развитие и массовое использование международной информационно-коммуникационной сети Интернет является общемировой тенденцией развития последнего времени. Деятельное участие большого количества не только отдельных пользователей, но и целых организаций в среде глобального информационного пространства детерминирует необходимость выработки соотносимых с текущими тенденциями развития информационно-коммуникативных технологий мер обеспечения национальной безопасности, в частности противодействию активизировавшемуся распространению идей экстремизма и терроризма.

Организаторы и участники экстремистских групп активно используют в своих целях процесс глобализации, принимая на вооружение новейшие информационные технологии, с помощью которых делают менее уязвимыми для правоохранительных органов элементы своей инфраструктуры. Создаются террористические организации, в основу построения которых заложен принцип сетевой структуры, что в свою очередь обуславливает увеличение их потенциала в современных информационно-коммуникативных условиях. Для них характерны единые центры и информационно-коммуникативные каналы, автономный способ существования входящих в сообщество периферийных преступных группировок, взаимодействующих как с центром, так и между собой [4].

Информационное пространство сети Интернет состоит из разнообразных ресурсов. Абсолютное большинство из них при этом не являются средствами массовой информации и как следствие этого становится невозможным применение норм законодательства о СМИ. Для противодействия распространению идеям экстремизма правоохранительными органами в настоящее время применяются нормы уголовного законодательства – о призывах к экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ), возбуждении ненависти (статья 282 УК РФ), а также о публикациях, которые могут быть отнесены к деятельности экстремистского сообщества (статья 282.1 УК РФ) или запрещенной организации (статья 282.2 УК РФ) [6]. Также используются нормы Кодекса административных правонарушений – статья 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики» и статья 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов» [2].

Статистика последних лет свидетельствует, что борьба с экстремизмом за послед-

ние четыре года активно стала переходить из реального мира в виртуальный. Статистика показывает, что, если в 2007 г. из 28 приговоров по ст. 280 и 282 УК только 3 приговора касались размещенных в сети материалов, то в 2008 – 14 из 45, в 2009 – 17 из 56, в 2010 – 26 из 72, а в 2011 г. приговоры по экстремизму в Интернете уже превысили число приговоров по «обыкновенным» делам: 52 из общего числа приговоров 78. В 2012 г. эта тенденция получила развитие, за первые полгода из 32 приговоров по экстремистским статьям 18 касались деятельности в Интернете [7].

Год от года увеличивается и количество интернет-ресурсов в Федеральном списке экстремистских материалов. Так в 2008 г. их было 25, в 2009 – 38, 2010 – 44, 2011 – 93, 2012 – 264, за 10 месяцев 2013 – 110, итого 574 или почти 37 % от общего количества (2122 по состоянию на 20 ноября 2013 года) [7].

В связи с этим противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет является одним из актуальных направлений деятельности органов государственной власти и правоохранительных органов на современном этапе. Подтверждением вышесказанному могут служить заявления и высказывания Президента РФ В. В. Путина, руководителей МВД и ФСБ России, представителей исполнительной и законодательной властей, звучавшие в течение всего 2013 г.

Так, Президент России В. В. Путин в феврале 2013 года на заседании коллегии Федеральной службы безопасности дал поручение сотрудникам ФСБ активно противодействовать пропаганде экстремизма в сети Интернет и создать единую систему защиты информационных ресурсов РФ.

При этом глава государства подчеркнул, что такие действия не будут посягать на конституционное право граждан РФ на свободу слова, так как оно «незыблемо и неприкосновенно». Однако Президент уверен, что никто не имеет права «сеять ненависть, раскачивать общество и страну, и тем самым ставить под угрозу жизнь, благополучие, спокойствие миллионов наших граждан» [5].

В марте 2013 года председатель комитета Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям и связи А. Митрофанов заявил, что принципы борьбы с экстремизмом в Интернете и вне её будут предельно одинаковыми. «Борьба с экстремизмом в Интернете не будет сильно отличаться от борьбы с экстремизмом не в Интернете. Будет выдержан такой подход, и должны применяться такие же наказания. В настоящее время регулирование Интернета

является крайне важным, в связи с постоянно растущим количеством пользователей. Однако единого подхода и текста законопроекта о регулировании Интернета пока нет, но работа в этом направлении ведётся достаточно активно» [3].

Глава ФСБ А. Бортников в июне 2013 года во время заседания Национального антитеррористического комитета назвал социальные сети и часть интернет-сайтов «своеобразным источником идей экстремизма». «Своеобразным источником идей экстремизма стала часть Интернета. В социальных сетях создаются закрытые группы, активизируется деятельность сайтов, на которых ведётся целенаправленная идеологическая обработка пользователей» [11].

В октябре 2013 года в рамках своего выступления на заседании Совета Федерации глава МВД В. Колокольцев назвал экстремистские проявления «угрозой безопасности, которой мы последовательно противодействуем. Серьёзной, вызывающей у нас обоснованное опасение, тенденцией является всё более активные стремления вовлечь в эту сферу нашу молодежь. Фиксируются и пресекаются попытки радикально настроенных личностей проникнуть в фанатскую среду, провоцировать на совершение противоправных акций».

В. Колокольцев считает, что власти государства должны активно бороться с экстремистскими группами в глобальной сети, так как сейчас Интернет является основной средой общения молодых людей. «Большое профилактическое значение будет иметь принятие проекта федерального закона, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-пространства» [8].

В будущем законе должен быть описан порядок регулирования приобретения ресурса, статус его владельцев, их обязанности и права по отношению к третьим лицам, размещающим информацию на сайте. Однако и принятие федерального закона не решит проблему в целом, так как большинство ресурсов сети при их целевой направленности на российскую аудиторию, юридически зарегистрированы за границей. В связи с этим плодотворное противодействие распространению экстремистских материалов планируемый закон может оказать только на те ресурсы сети, которые юридически и физически расположены в России. Значительное число террористических и экстремистских организаций, запрещённых на территории России и

стран СНГ, абсолютно законно осуществляют свою деятельность в большинстве западных стран. Это не даёт возможности для организации судебного преследования граждан, регистрирующих экстремистские сайты за рубежом и наполняющих их информацией.

Мировая практика свидетельствует, что подобные проблемы характерны не только для Российской Федерации. В условиях, когда количество так называемых проблемных сайтов уже значительно превосходит, по данным американского Центра Симона Визенталя, 2 тыс., концентрируясь не только в США и Германии, но и в таких странах, как Австрия, Швеция, Австралия, Голландия, Канада, Польша, Румыния, Россия, Словакия, Испания, Южная Африка, Украина, с особой остротой начинает ощущаться безответственность упований на доброе начало в человеческой личности и потребность в выработке механизмов правовой регламентации использования новейших информационных технологий [3].

Помимо отсутствия выстроенной нормативно-правовой базы противодействия экстремизму и терроризму в информационном пространстве также существуют проблемные вопросы технического плана:

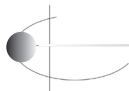
– установление лица, разместившего в сети экстремистский или террористический материал. Современные технологии беспроводного доступа в сеть (например, Wi-Fi), имеющиеся в свободной продаже сетевые платы с динамическим IP-адресом и т. п. фактически исключают обнаружение такого лица;

– идентификация лица как автора или издателя экстремистского или террористического материала, а не просто как владельца средства вычислительной техники, посредством которого в сети был размещен материал [12].

В 2013 г. Следственный комитет России объявил тендер «на оказание услуг доступа к системе мониторинга и прогнозирования противоправных действий на основе информации из соцсетей, блогов и СМИ». Для того, чтобы осуществлять мониторинг, программистам будет необходимо разработать систему, способную анализировать сообщения пользователей «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Livejournal, «Одноклассники», YouTube, RuTube, Instagram и Foursquare.

Аналогичными системами давно пользуются в администрации Президента. Программа позволяет обрабатывать сообщения более 40 млн русскоязычных блогов, микроблогов, форумов и социальных сетей.

Разработчики системы утверждают, что она позволяет отслеживать рост социальной напряжённости в Интернете, протестные на-

строения, экстремизм; обсуждение уровня цен, зарплат, пенсий, инфраструктуры, медицины и пр.

Эксперты следственного комитета объясняют необходимость создания данного механизма тем, что он предоставит возможность оперативного реагирования на возникающие угрозы и средство предотвращать преступления [8].

На сегодняшний момент основанием для введения ограничений или прекращению доступа к тому или иному интернет-ресурсу является внесение данного ресурса в «Федеральный список экстремистских материалов», либо, если ресурс является официальным сайтом организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». В этом случае Министерством юстиции всем интернет-провайдерам рассылаются соответствующие информационные письма, а также организации предоставляющей интернет-хостинг. Таким образом, если сервер, на котором находится ресурс, размещён на территории РФ, то сайт удаляется физически, либо в большинстве случаев провайдеры блокируют запросы к данному ресурсу. Однако стоит отметить, что процедура принятия решения о признании материалов или сайтов экстремистскими через суды не способствует оперативности в принятии решения, а, следовательно, не является эффективной мерой. До момента принятия решения данные материалы могут быть растиражированы на десятки и сотни других сайтов [12].

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день можно констатировать наличие следующих проблем в данном направлении:

– отсутствие международного нормативно-правового акта (договора, пакта, конвенции) регламентирующего взаимодействие государств в сфере противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве;

– несовершенство нормативно-правовой базы РФ в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет;

– отсутствие единого органа, как на федеральном, так и на региональном уровнях, на который полностью возложена функция мониторинга информационно-коммуникационного пространства (подобные подразделения есть в большинстве силовых ведомств, но механизмы их взаимодействия и координации не отлажены);

– наличие проблемных вопросов в сфере применения технических средств.

Исходя из этого, первоочередными мерами решения вышеизложенных проблем должны стать:

– инициирование в рамках ООН разработки и принятия международного правового акта по взаимодействию в сфере противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве;

– оперативная доработка законопроекта и принятие Государственной думой Федерального закона, прописывающего права, обязанности и ответственность пользователей сети Интернет на территории России;

– создание единого федерального органа (подразделения в структуре одного из силовых ведомств), его территориальных отделений наделённого полномочиями и оснащённого новейшими техническими средствами для мониторинга и анализа информации сети Интернет, в частности, на предмет проявлений экстремизма.

Источники

1. Глава ФСБ: Интернет остается источником идей экстремизма. URL: <http://www.itar-tass.com/glavnie-novosti/606729> (дата обращения: 12.02.2014).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. МВД предлагает ввести уголовную ответственность за экстремизм в Сети. URL: <http://nsm.me/blogs/aleeks1/mvd> (дата обращения: 7.02.2014).
4. Принципы борьбы с экстремизмом в сети и вне ее будут одинаковыми. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 28.01.2014).
5. Путин призвал ФСБ уделять больше внимания интернету. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 20.01.2014).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

7. Федеральный список экстремистских материалов. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата обращения: 12.02.2014).

8. Эксперты СК России будут следить за СМИ и соцсетями. URL: <http://www.securitylab.ru/news/440616.php> (дата обращения: 3.02.2014).

Список литературы

9. Мельникова Д. П. Правовое регулирование экстремистской деятельности в сети Интернет. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/151/2191> (дата обращения: 4.02.2014).

10. Соболев В. Противодействовать идеологии терроризма. URL: <http://i-r-p.ru/page> (дата обращения: 6.02.2014).

11. Основные проблемы уголовно-правовой оценки проявлений экстремизма и терроризма. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (дата обращения: 3.02.2014).

12. Функционально возможные инструментальные средства противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет на территории РФ. URL: <http://www.bibliofond.ru/view> (дата обращения: 7.02.2014).

Istochniki

1. Glava FSB: Internet ostaetsya istochnikom idei ekstremizma. URL: <http://www.itar-tass.com/glavnie-novosti/606729> (дата обращения: 12.02.2014).

2. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh 30 dekabrya 2001 goda № 195-FZ // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».

3. MVD predlagaet vvesti ugovolnuyu otvetstvennost' za ekstremizm v Seti. URL: <http://nrm.me/blogs/aleeks1/mvd> (дата обращения: 7.02.2014).

4. Printsipy bor'by s ekstremizmom v seti i vne ee budut odinakovymi. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 28.01.2014).

5. Putin prizval FSB udelyat' bol'she vnimaniya internetu. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 20.01.2014).

6. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 № 63-FZ // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».

7. Federal'nyi spisok ekstremistskikh materialov. Ofitsial'nyi sait Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii. URL: <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата обращения: 12.02.2014).

8. Eksperty SK Rossii budut sledit' za SMI i sotssetyami. URL: <http://www.securitylab.ru/news/440616.php> (дата обращения: 3.02.2014).

References

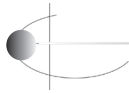
9. Mel'nikova D. P. Pravovoe regulirovanie ekstremistskoi deyatel'nosti v seti Internet. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/151/2191> (дата обращения: 4.02.2014).

10. Sobolev V. Protivodeistvovat' ideologii terrorizma. URL: <http://i-r-p.ru/page> (дата обращения: 6.02.2014).

11. Osnovnye problemy ugovolno-pravovoi otsenki proyavlenii ekstremizma i terrorizma. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (дата обращения: 3.02.2014).

12. Funktsional'no vozmozhnye instrumental'nye sredstva protivodeistviya rasprostraneniyu idei ekstremizma i terrorizma v seti Internet na territorii RF. URL: <http://www.bibliofond.ru/view> (дата обращения: 7.02.2014).

Статья поступила в редакцию 09.06.2014

УДК 327
ББК ф4(0)

Махмут Сезер Чакмак,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
сервиса и экономики
(191015, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кавалергардская, 7)
e-mail: sezercakmak@hotmail.com

Позиция СМИ Турции в отношении вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации

Предлагаемая статья анализирует позиции ведущих турецких изданий по вопросу вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации на правах субъектов Федерации. Турецкие средства массовой информации отразили двойственность положения Турецкой Республики и всю непоследовательность политики в отношении событий на Украине и по отношению к крымским событиям. С одной стороны, Турция на Генеральной Ассамблее ООН как страна-член НАТО и кандидат в Евросоюз голосовала в поддержку антироссийской резолюции «Территориальная целостность Украины», с другой, устами министра по делам Евросоюза Мевлюта Чавушоглу заявила, что на Украине Запад совершает ошибку и обвинила ЕС в разжигании гражданской войны на Украине.

Поскольку политические функции средств массовой информации, кроме всего прочего, состоят в осуществлении контроля над органами управления и субъектами политической деятельности, их роль становится весьма важной. К сожалению, СМИ не заняли принципиальной позиции в отношении вхождения Крыма и Севастополя в России, что снизило их позитивное влияние на протекающие процессы.

Непоследовательность политической линии Турции сказалась и на содержании публикаций ведущих турецких изданий и информационных агентств.

Ключевые слова: Турция, Крым, Украина, Россия, СМИ, ООН.

Makmut Cezaire Chakmak,
Postgraduate Student,
St. Petersburg State University of Service and Economics
(7 Kavalerghardskaya St., St. Petersburg, Russia, 191015)
sezercakmak@hotmail.com

Turkish Media Position towards the Crimea and Sevastopol Entering into the Russian Federation

The given article analyzes the position of the leading Turkish media on the Crimea and Sevastopol's entering into the Russian Federation with the rights of the Russian Federation subject. Turkish media reflected the duality of the position and political inconsistency of Turkey relating to the events in Ukraine and the Crimea. On the one hand, Turkey as a NATO member and a candidate for European Union voted at the UN General Assembly for the anti-Russian resolution "The territorial integrity of Ukraine", on the other hand – according to Turkish Minister for EU Affairs Mevlut Chavushoglu (tr.: Mevlüt Cavuşoğlu), the West in Ukraine makes a mistake. Mevlut Chavushoglu blamed the EU for inciting civil war in Ukraine. Since the political functions of the media, inter alia, consist in the control of governments and stake holders of political activity, their role becomes very important. Unfortunately, the media did not take a principled stand towards to the Crimea and Sevastopol's joining to Russia, which reduced their positive impact on the running processes.

Such political inconsistency of Turkey also affected the content of publications of the leading Turkish media and news agencies.

Keywords: Turkey, Crimea, Ukraine, Russia, media, UNO.

Одна важная проблема международных отношений на рубеже 2013–2014 гг. всколыхнула СМИ России и Турции. Речь идет о событиях на Украине и в Крыму.

Политический кризис разразился на Украине в конце ноября 2013 года, когда правительство объявило о приостановке подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом.

21 ноября 2013 года, за несколько дней до саммита Восточного партнерства в Вильнюсе, намеченного на 28–29 ноября, основным событием которого должно было стать подписание Украиной соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, правительство Украины заявило о приостановлении подготовки к заключению этого соглашения.

Массовая многомесячная акция протеста в центре Киева была поддержана выступлениями населения в других городах Украины. Название «Евромайдан» эти акции получили в социальных сетях и СМИ по аналогии с событиями 2004 г. Массовые протесты в январе вылились в столкновения вооруженных радикалов с органами правопорядка. Результатом уличных схваток, в ходе которых оппозиция неоднократно применяла огнестрельное оружие и «коктейли Молотова», стали десятки человеческих жертв.

Было достигнуто соглашение между Президентом Украины Виктором Януковичем и оппозицией, которое поддержали Россия и страны Запада. Оно давало возможность политического урегулирования конфликта.

Но 22 февраля в стране произошёл насильственный захват власти. Верховная рада, нарушив достигнутые договоренности между Президентом Виктором Януковичем и лидерами оппозиции, изменила конституцию, сменила руководство парламента и МВД и отстранила от власти главу государства, который впоследствии был вынужден покинуть страну, опасаясь за свою жизнь.

27 февраля украинский парламент утвердил состав так называемого «правительства народного доверия», премьер-министром стал Арсений Яценюк.

Позиция Турецкой Республики была крайне непоследовательной. Этому способствовала чрезвычайно быстрая смена политической обстановки и то двойственное положение, в котором оказалась Турция в связи с вхождением Крыма и Севастополя как субъектов федерации в Россию.

В Крыму события переросли в масштабные общественно-политические изменения, произошедшие на территории полуострова в феврале – марте 2014 года. Начало им по-

ложили протесты местного, в основной массе русскоязычного, населения против действий бывшей оппозиции, пришедшей к власти в Киеве. На волне общественного подъёма была осуществлена смена исполнительных органов власти Севастополя и Автономной Республики Крым, а те, в свою очередь, не признали легитимность нового украинского правительства и обратились за содействием и помощью к руководству Российской Федерации.

Местные органы власти, благодаря поддержке России и, несмотря на попытки противодействия со стороны властей Украины и давление стран Запада, в сжатые сроки организовали и провели 16 марта 2014 года референдум о статусе Крыма – о возможном его выходе из состава Украины и вхождении в состав Российской Федерации.

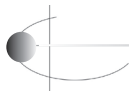
В результате референдума 17 марта 2014 года и на основании Декларации о независимости в одностороннем порядке была провозглашена суверенная республика Крым, в состав которой вошёл Севастополь в качестве города с особым статусом. 18 марта был подписан договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации были образованы новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Украина не признала ни одностороннее провозглашение независимости Республики Крым, ни присоединение Республики Крым и Севастополя к Российской Федерации.

Российское руководство, со своей стороны, ссылается на закрепленное в Уставе ООН неотъемлемое право народов Крыма на самоопределение и отрицает своё военное вмешательство, заявляя, что российские войска не покидали постоянных мест дислокации и лишь усилили свой контингент, не выходя за рамки, предусмотренные соглашениями о нахождении в Крыму Черноморского флота России.

На Генеральной Ассамблее ООН, где 27 марта была принята резолюция «Территориальная целостность Украины», из 193 государств – членов ООН «за» проголосовали 100 государств, «против» – 11, воздержались от голосования – 58. Солидаризируясь со странами – членами НАТО, Турция проголосовала за эту (в целом антироссийскую) резолюцию.

Положение в данном случае у Турции двойственное. Дело в том, что после распада СССР в Турции «вспомнили» Кучук-Кай-

наджирский договор и о том, что «основным правопреемником является только Турция». Утверждение спорное, но имеющее под собой некоторые основания. В соответствии с условиями этого договора, который завершил русско-турецкую войну 1768–1774 гг. и был заключен между Российской Империей и Блистательной Портой, Крым отходил к России, причем Россия брала на себя определенные обязательства в отношении крымско-татарского народа.

После принятия этого Договора прошло много лет. Ушли в прошлое закрепившиеся после Крымской войны 1853–1856 гг. новый статус Черного моря, унижительные для России условия, давным-давно нет Блистательной Порты и Российской Империи, распался и некогда могучий Советский Союз.

Турция одной из первых стран признала Украину, отделившуюся от Советского Союза. Была надежда, что новое правительство страны сумеет найти общий язык с представителями всех народов, населяющих Украину, в том числе и крымско-татарского. Ряд визитов высокопоставленных турецких официальных лиц на Украину позволил начать быстрое развитие украинско-турецких экономических отношений.

Значительными были прямые турецкие «вливания» в экономику крымско-татарской общины. Серьезными были «донорские» (т. е. не учитываемые государственными органами) поступления и от других стран. В целом только за 2011 г. по этой донорской линии Турция реализовала в Крыму четыре проекта на сумму 8,1 млн гривен. Интересно, что столько же потратил ЕС на свои 22 проекта. В то же время лидерами по донорской помощи стали США (25 проектов) и Германия (три проекта), вложившие соответственно 39 и 16,97 млн гривен.¹

Турция является вторым, после России, торговым партнером Украины в черноморском бассейне. В «рекордном» 2008 году двусторонний товарооборот составил больше 6,5 млрд долларов. Потом – экономический кризис, падение. К концу 2012 г. товарооборот практически восстановился, он составил 6 млрд 150 млн. долларов, что уже на 469,5 млн долларов США больше, чем в 2011 г. Украина удерживала положительное сальдо в двусторонней торговле, составляющее 1 млрд 594 млн долларов. Она экспортирует в Турцию стальной прокат, уголь, минеральные удобрения и другую продукцию химической промышленности. Соответственно,

¹ Подробнее см.: URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/05/21.

крупнейшими предприятиями, работающими на турецкий рынок, являются «Метинвест», «Криворожсталь», Сумское НПО им. Фрунзе, Одесский припортовый завод и концерн «Стирол».

Украина импортирует из Турции текстиль, продукцию машиностроения, бытовую химию, довольно много сельскохозяйственной продукции.

Из-за нестабильной ситуации на Украине этот положительный баланс может разрушиться.

Уже в ходе выступлений на майдане Незалежности в Киеве и последующей смены власти в стране состоялся ряд визитов турецких официальных лиц на Украину.

Турция готова оказывать содействие мерами гуманитарного свойства для поддержки интересов проживающих в Крыму своих соотечественников. Однако существует опасность того, что радикальные националистические силы в Киеве могут попытаться разыгрывать «карту» крымских татар с целью вовлечения в украинский кризис Турцию и противопоставить её России.

Обнародованная министерством иностранных дел Турции позиция по Крыму приобрела важное позитивное значение. Она открыла реальные возможности для Анкары и Москвы оказывать серьезное воздействие на Киев, чтобы упредить его шаги радикального свойства. К тому же возможный раздел Украины может изменить геополитическую ситуацию в регионе далеко не в пользу Турции. Через Украину Запад пытается осуществить такие стратегические ходы, последствия которых пока ещё трудно предсказуемы. Крым может стать главной болевой точкой, откуда может возникнуть идея раздела Украины, начаться гражданская война, которая может спровоцировать участие внешних акторов.

Министр Турции по делам Евросоюза Мевлют Чавушоглу заявил, что на Украине Запад совершает ошибку и обвинил ЕС в разжигании гражданской войны на Украине. Такая вероятность становится реальной, особенно если новые власти Киева не смогут провести необходимые экономические реформы, свободные и справедливые выборы².

Двойственность положения Турции по крымскому вопросу заключается также в том, что Турецкая Республика является членом НАТО и кандидатом в Евросоюз. Её позиция, конечно, будет учитываться в отношениях этих двух структур с Украиной и Россией.

² Подробнее см.: URL: <http://www.iarex.ru/news/45635.html>.

Турция, старейший кандидат на вступление в Евросоюз, настороженно восприняла поспешность, с которой еврочиновники начали «протаскивать» Украину через бюрократические преграды. Буквально днями исчисляется срок, который понадобился для принятия Соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом. Этот документ по сути дела ничего не дает, но позволяет всё случившееся считать победой Запада.

Вернёмся в недалекое прошлое. Турцию в своё время обеспокоило неожиданное начало крупномасштабных военных учений в Черном море в 2013 г. Она опасается подобного и в последующие годы. В связи с этим есть необходимость вернуться к турецкой оценке событий 2013 г. Военные эксперты связывают военно-морскую активность России со значительными переменами во внешней политике России¹. По мнению российского военного эксперта Павла Фельгенгауэра, которого цитируют указанные газеты, приказ о проведении учений был совсем не случайно дан в момент возвращения Владимира Путина с саммита БРИКС. Это может свидетельствовать о том, что Россия поворачивается к Востоку и странам БРИКС в связи с возрастающей напряжённостью в отношениях Россия – США и Россия – Европа. Во внешней политике России изменилось «восприятие врага». Если ранее в официальных заявлениях России подчеркивалась необходимость построения сотрудничества с европейскими странами, то ныне Москва больше не относит, скажем, Францию и Германию к дружественным России странам.

Решение о начале учений, как полагают турецкие СМИ, было связано с намерением предотвратить шаги, которые могут быть

предприняты в рамках решения сирийского вопроса на Ближнем Востоке. Так считает, например, YeniMesaj (31.03.13)². Вероятно, Россия слышит «подземный гром» близкого военного вмешательства стран НАТО во внутрисирийский конфликт или прогнозирует введение зон, запретных для полётов. В этой связи, как любое крупное государство, Россия использует проведение крупных учений в соответствующих районах как декларацию того, что она в любой момент готова ответить на военные вызовы своим национальным интересам.

Таким способом Россия даёт понять США, Израилю, ЛАГ и, прежде всего, Турции: если вы допустите ошибку, то будете нести ответственность за её последствия. По мнению автора, Турция пока не способна правильно интерпретировать позицию России по Сирии. Анкара должна избегать противостояния с Россией и перестать быть «орудием» в руках Израиля и США. События 2013 г. и, тем более, 2014 г. показывают, что российско-турецкие отношения зависят от многих факторов, в том числе и от событий на мировой арене.

Турция проводит более самостоятельную внешнюю политику, чем ранее. Очевидно, этот фактор нельзя не учитывать. Остается только надеяться, что значительное потепление российско-турецких отношений в последние годы также окажет свое позитивное влияние на положение дел в международных отношениях.

Итак, СМИ Турецкой Республики отражают всю непоследовательность действий руководства страны в отношении событий на Украине и вхождения в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя как города федерального значения.

Статья поступила в редакцию 29.05.2014

¹ См.: Hürriyet, 30.03. 2014; Star, 30.03.2014.

² Yeni Mesaj. 31. 03. 2014.

УДК 947.087
ББК ТЗ(6) 64–2

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет,
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

История совнархозовской реформы 1957–1965 гг. в исследованиях Е. В. Демичева

В статье проводится сравнительный анализ исследований В. И. Мерцалова и Е. В. Демичева по истории реформы управления промышленностью и строительством в 1957–1965 гг. В их работах раскрываются предпосылки, эволюция и её основные итоги.

Монография (2000) и докторская диссертация (2001) В. И. Мерцалова стали первыми историческими исследованиями в отечественной историографии, специально посвящёнными изучению истории совнархозовской реформы. В них были использованы неопубликованные в то время материалы Пленумов ЦК КПСС, материалы Бюро ЦК КПСС по РСФСР, документы Совета Министров РСФСР, СНХ РСФСР (ВСНХ) и СНХ СССР. Это позволило В. И. Мерцалову раскрыть предпосылки, причины, зарождение идеи реформы, процесс её эволюции на основе привлечения общесоюзного и российского материала. Исследования Е. В. Демичева появились позже. Кандидатская – в 2007 г., а монография – в 2011 г. Их текстовый анализ по указанному кругу проблем показывает, что Е. В. Демичев произвёл обширные заимствования из исследований В. И. Мерцалова без каких-либо ссылок на них. Речь в данном случае идёт не об отдельных заимствованиях, а о присвоении существенной и значительной части исследования, которая обладает признаками целостности в рамках поднятой научной темы, включая главу его докторской диссертации «Научные основы исследования реформы управления».

С публикацией в 2011 г. монографии Е. В. Демичева его плагиат становится историографическим фактом, составляя «теневую» сторону истории исследования реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.

Ключевые слова: историография, совнархозовская реформа, Н. С. Хрущев, исследования Е. В. Демичева и В. И. Мерцалова, плагиат.

Victor Ivanovich Mertsalov,
Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 6720039)
e-mail: mercalov47@mail.ru

The History of Sovnarkhoz Reform During 1957–1965 in E. V. Demichev's Research

The paper is a comparative analysis of V. I. Mertsalov and E. V. Demichev's researches on the history of building and industrial management in 1957–1965. The authors reveal its background, development and consequences.

V. I. Mertsalov's monograph (2000) and doctoral thesis (2001) were the first historical investigations in Russian historiography, exactly devoted to the history of SOVNARKHOZ reform research. The author used unpublished by that time Plenary Session papers of the CCCPSU (Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union), Central Committee of Com-

munist Party of the Soviet Union Office papers on RSFSR (the Russian Soviet Federative Socialist Republic), Sovmin of RSFSR (Council of Ministers) and Supreme Soviet of the National Economy (Vysshiiy soviet narodnogo khozyaystva, VSNKh) and Regional Economic Council ("soviet narodnogo khozyaystva", SNKh) of the USSR documents. This opportunity resulted in V. I. Mertsalov's success in revealing the reform's background, its causes, the origin of the reform idea, and the reform evolution process with reference to all-Union and Russian materials. E. V. Demichev's researches appeared later. He defended his Candidate thesis in 2007 and his monograph was published in 2011. The author of the given paper made a comparative analysis of E. V. Demichev's thesis abstract and the monograph. The text analysis proves that E. V. Demichev borrowed large extracts from V. I. Mertsalov's works without any citation or reference to them. In this case he did not appropriate only separate conclusions and propositions, but appropriated an essential and significant part of the research, which constitutes an integral whole within the given scientific study, including the chapter of his doctoral thesis Scientific Fundamentals of Research on Management Reform.

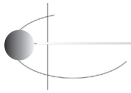
The plagiarism became a historio-graphic fact, when in 2011 E. V. Demichev published his monograph, making the so-called dark side of the history of research on the building and industrial management during 1957–1965 reform.

Keywords: historiography, sovnarkhoz reform, N. S. Khrushchev, V. I. Mertsalov's and E. V. Demichev's researches, plagiarism.

Развитие науки происходит не только в результате появления новых идей, выражающихся в научных открытиях, в возникновении научных направлений и школ, но и в силу сохранения преемственности. В случае её разрыва приходится начинать пройденный путь сначала. В истории это происходило нередко под влиянием различных как внешних общественных обстоятельств, так складывавшихся отношений внутри научного сообщества. Плагиат, будучи фактом присвоения авторства, не может привести к разрыву преемственности. Он ликвидирует не саму научную идею или направление, а имя автора, который разработал или открыл её, или заложил основы нового научного поиска. Но плагиат затрудняет развитие науки. Он подменяет открытое научное соперничество, сопряжённое с уважением к достижениям соперников, обыкновённым шулерством и воровством. Более того, он может стать крупным препятствием в развитии науки, если эта болезнь приобретёт слишком широкий масштаб. В этих условиях убивается не только имя автора того или иного научного достижения, но и сама мысль о добросовестной научной деятельности. В результате начинают преобладать интересы далекие от науки. Думается, что массовое распространение плагиата как общественного явления может стать предметом научного изучения. Но в данном случае мы займемся установлением самого факта плагиата, рассматривая его как «теневую» сторону истории исследования той или иной научной проблемы.

Выяснение плагиата для учёного, у которого похищено его исследование, является

не благодарным делом. Нужно доказывать уже доказанное, включая авторство своего исследования, когда оно утратило свою первичную очевидность из-за его присвоения другим лицом. Речь в данном случае пойдет не просто о заимствовании отдельного вывода или положения, что с точки зрения научной этики является недопустимым, но о присвоении существенной и значительной части исследовательской работы, которая, так или иначе, обладает признаками целостности в рамках поднятой научной темы. С такого рода присвоением авторства мы столкнулись неожиданно для себя относительно недавно, познакомившись с работами Е. В. Демичева. В 2007 г. он защитил в Оренбургском государственном университете кандидатскую диссертацию «Реформа управления промышленностью и строительством в Центре и на Южном Урале (1957–1965 гг.)». В 2011 г. вторым изданием вышла его монография с впечатляющим названием «Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики Отечественной истории». Правда, в аннотации всё выглядит значительно скромнее: регион исследования остался прежним – Московская область и Южный Урал. О его работах мы узнали из кандидатской диссертации Р. В. Павлюкевича, на защите которого нам случилось выступить 24 апреля этого года в качестве официального оппонента в Иркутском государственном университете [7]. Близкое знакомство с работами Е. В. Демичева показало, что они основаны на обширном заимствовании текста с научными положениями и выводами, а также значительной части фактиче-

ского материала из наших исследований без каких-либо ссылок на них. Для наглядности обратимся к автореферату его кандидатской диссертации.

Но сначала немножко предыстории. В начале 2002 г. в Иркутском университете нами была защищена докторская диссертация на тему «Реформа управления промышленностью и строительством в 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири)». Защите предшествовала публикация монографии «Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири)», вышедшей в 2000 г. Эти работы были первыми историческими исследованиями в отечественной историографии, специально посвященными изучению истории совнархозовской реформы. До их появления её изучение было фрагментарным, и в работах историков преобладали преимущественно различные оценочные положения. Работа над монографией и диссертацией велась, когда были открыты многие фонды, включая фонды центральных архивов. Нами были использованы неопубликованные в то время материалы Пленумов ЦК КПСС, материалы Бюро ЦК КПСС по РСФСР, документы Совета Министров РСФСР, СНХ РСФСР (ВСНХ) и СНХ СССР. Это позволило нам раскрыть предпосылки реформы, её причины, зарождение идеи реформы, процесс эволюции реформы с привлечением общесоюзного и российского материала. Поэтому мы предприняли исследование совнархозов на материалах Восточной Сибири с учётом тенденций, развёртывавшихся на союзном и республиканском уровнях. При этом исследование последних, по нашему замыслу, должно было выразиться не в воспроизводстве общего исторического фона, а по возможности в реконструкции общеисторического процесса, который конкретизируется при рассмотрении регионального уровня развития [5, с. 5] Этот замысел был вполне успешно реализован.

Хотя наше исследование было первым и в нём ставились задачи исследования достаточно крупные – выяснение предпосылок возникновения реформы, её эволюции и основных итогов, оно не получило какого-либо серьёзного отклика. Первым публичным откликом после нашей защиты стала кандидатская диссертация Е. В. Демичева «Реформа управления промышленностью и строительством в Центре и на Южном Урале (1957–1965 гг.)». В историографическом обзоре он писал: «Мерцалову В. И. удалось выявить основные тенденции в организационном и

функциональном развитии совнархозов, раскрыть положительную роль совнархозов в индустриальном развитии анализируемых регионов и вместе с тем показать ограниченность их деятельности» [1, с. 8–9]. Оценка положительная. Но автор этих слов намеренно проигнорировал, что научные задачи нашего исследования решались не только на документах архивов Восточной Сибири, но на общесоюзном и республиканском архивном материале, впервые в исторической науке изученном нами. Умалчивая об этом, он продублировал те же исследовательские задачи, которые в соответствии с достигнутым уровнем исторической науки были решены нами за семь лет до него.

Из шести сформулированных им задач три переписаны из нашего автореферата. К ним относятся такие, как «раскрыть предпосылки и ход осуществления реформы, изучить процесс формирования и развития новых органов управления, выявить противоречия в структурном и функциональном развитии совнархозов, проанализировать взаимодействие между государственно-хозяйственным и партийно-политическим блоками управления» [1, с. 10; 5, с. 21]. Но, может быть, он что-то дал новое в решении этих задач? Отнюдь нет. Обратимся к его научным положениям, которые он вынес на защиту. Их всего шесть, но половина из них являются нашими. Это третье, четвёртое и пятое положения. Второе положение дано в переизложении. В третьем пункте он пишет: «В основе совнархозовской реформы лежала исторически обусловленная иллюзия о возможности демократизации советской системы управления. Идея демократизации системы управления противоречила природе административно-командной системы, в основе которой был строгий централизм. Подтверждением тому служит проанализированная в настоящем исследовании организационная эволюция структуры московского и южноуральского совнархозов. Данная эволюция свидетельствует, что централизация воспроизводилась из противоречий их организационной природы, когда необходимость создания новых подразделений аппарата управления сдерживалась систематическим ограничением штатов» [1, с. 13; 3, с. 221]. В этом заимствовании имеются только три его слова – «московского и южноуральского совнархозов».

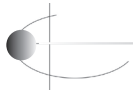
Из его положений, вынесенных на защиту, остаются его собственными только два – первое и шестое. В первом он утверждает, что экономическая политика, проводимая

партийно-государственным руководством во главе с Н. С. Хрущевым, в целом благоприятствовала промышленному росту, хотя, по его мнению, в этой политике были компоненты, отрицательно сказавшиеся на развитии промышленности. В шестом его положении говорится об особом внимании партийно-государственной власти идеологическому обеспечению совнархозовской реформы с использованием всем хорошо известных форм и средств идеологической работы – пропаганды и агитации, политического и экономического образования, культурно-просветительской работы, печати, радио и телевидения. Вот и всё. В этих его положениях отсутствует не только новизна, но не видно даже следа того, что его диссертация написана на основе анализа материалов совнархозов Московской области и Южного Урала, хотя автореферат свидетельствует о том, что Демичев не прошел мимо бьющих в глаза отличий московского совнархоза от южноуральских. Но самое главное заключается в том, что всесторонний анализ сравниваемых совнархозов не был его основной задачей. Главная его задача, как свидетельствует содержание его автореферата, заключалась в том, чтобы оспорить наш приоритет исследования реформы по таким вопросам как происхождение реформы, её эволюция и итоги. Ну что ж, оспаривать можно и нужно, только это следует делать единственным способом – путём научной критики и собственной исследовательской работой. Но их как раз и не было, а произведено не прикрытое присвоение результатов наших исследований.

Как свидетельствует автореферат диссертации Демичева, в его диссертации трудно найти достаточно весомое самостоятельное положение, которое являлось результатом его аналитической исследовательской работы. Во введении он использует наши положения об актуальности исследования реформы, полностью переписал обоснование хронологических рамок, только вместо Восточной Сибири поставил Московскую область и Южный Урал. Его историографический обзор является переизложением историографического раздела нашей диссертации. Он не потрудился даже переформулировать наши оценки работ Ю. А. Веденеева и А. В. Пыжикова. Вот образчик полностью переписанного нашего текста: «В 1990 г. опубликовано исследование, посвященное реформам государственного управления промышленностью в 1957–1987 годах. В ней Ю. В. Веденеев впервые развёрнуто и системно рассмотрел

деятельность совнархозов с точки зрения их правой истории, дал глубокую характеристику, как самой реформе, так и её этапам. Идеи Ю. А. Веденеева стали в той или иной мере отправными для исторических исследований, проводимых по интересующей нас проблеме. Однако конкретно-исторический материал в его работе не освещался в силу ее историко-правовой специфики» [1, с. 7; 5, с. 7]. Оценку работы Б. В. Личмана он тоже переписал у нас с единственным дополнением в переписанный текст частички «не», что придало критический оттенок этому положению. В историко-ведческом разделе он использовал классификацию источников, предложенную нами применительно к изученным источникам. Он использовал фонды, которые изучали мы, что, конечно, не запрещено, но он в основном даёт те же факты в качестве первооткрывателя, хотя они имеются в нашем тексте. Так, на странице 15 автореферата он полностью приводит наш текст, включая и ссылку на архив: «После июльского 1955 Пленума ЦК КПСС..., – читаем в его автореферате, – стала настойчивее проводиться работа по перемещению министерских главков к местам основной деятельности их предприятий. Но эта мера мало что дала, так как все необходимые ресурсы находились в руках Москвы. В целом за исследуемый период были опробованы все возможные организационные варианты, имевшие целью упростить и удешевить управление, повысить его эффективность (в частности, организационное разделение единого планирующего органа на Госплан СССР с функцией перспективного планирования и Госэкономкомиссию СССР, предназначенную для текущего планирования и др.). Но они существенным образом возникшей проблемы не решали, а в некоторых отношениях она продолжала обостряться». Далее, продолжая списывать наш текст, Демичев пишет: «Одновременно возникали новые идеи экономического порядка. Они в основном исходили от представителей экономической науки и руководителей предприятий. На декабрьском 1956 Пленуме ЦК КПСС директор «Уралмаша» Г. Глебовский предложил «подумать над тем, чтобы показатель рентабельности был основным в оценке предприятия». «У нас, кроме партийной совести, – отмечал он, – никакого другого стимула для того, чтобы добиться большего плана, не было. Нужна и материальная заинтересованность» (Здесь дается сноска на архив, взятая у нас). Однако эта идея только созревала в концепцию. Страна переживала переход от экстенсив-

ного к интенсивному типу экономического развития. Но экстенсивные факторы еще далеко не были исчерпаны» [1, с. 15]. Этот текст, полностью списанный у нас [3, с. 30], даёт возможность увидеть, каким способом была написана кандидатская диссертация Е. В. Демичева. Его метод работы очевиден. Он просмотрел по нашим ссылкам материалы в центральных архивах, чтобы без каких-либо ссылок на наши исследования использовать их концепцию, научные положения, выводы и факты.

В первой главе «Предпосылки и идеологическое обеспечение реформы управления» страница пятнадцатая автореферата вся полностью состоит из переписанного нашего текста, шестнадцатая – на две трети. Во второй главе «Осуществление реформы в Московской области и на Южном Урале» страница девятнадцать автореферата тоже состоит на две трети из полностью заимствованного текста без каких-либо ссылок на наши работы. В Заключении диссертации, как это видно из его автореферата, обобщения Демичева представлены больше чем на две трети нашими положениями и выводами. Таковы внешние очертания масштабов его плагиаторских подвигов.

Теперь остановимся на главах поподробнее. Здесь за основу возьмём его монографию, вышедшую вторым изданием четыре года спустя после защиты им кандидатской диссертации. Тем самым мы дадим ему своего рода фору, чтобы учесть возможные улучшения конкретно-исторического содержания его диссертационного исследования. Первая глава его кандидатской диссертации соответствует третьей главе монографии, которая так же и называется «Предпосылки и идеологическое обеспечение реформы управления». Эта глава у него состоит из трёх параграфов. В первом он рассматривает историческую обусловленность реформы управления, во втором подготовку совнархозовской реформы, в третьем идеологическое обеспечение народно-хозяйственных задач. Из них два параграфа являются нашими. В первом параграфе «Историческая обусловленность реформы» его собственными являются только три вкрапления. Одно из них обнаруживает, что он выступает адептом чисто публицистического положения оренбургского историка Л. И. Футорянского, который писал, как и многие другие в начале 2000-х гг., что положительные результаты предвоенных пятилеток «могли бы быть более значительными» ... «если бы не развернувшиеся в стране массовые репрес-

сии» [2, с. 114]. Второе вкрапление представляет собой изложение взглядов зарубежных и отечественных авторов по вопросу исторической обусловленности и мотивации реформы. При этом авторские взгляды Демичева не прослеживаются. Наконец, первый параграф завершается некоторыми его собственными соображениями, и как обычно, без признаков новизны. Вот одно из них: «В рамках сложившейся экономической системы министерства действовали, прежде всего, в собственных интересах, состоявших в обеспечении своего выживания» [2, с. 127]. Хотя Демичев переписал все наши положения и выводы, но мы за соображения такого рода ответственности не несём. Напротив, в нашей монографии мы писали: «...в ряде случаев (имеются в виду некоторые научные работы исследователей – авт.) встречается преувеличение роли ведомственности в пятидесятые годы. Вряд ли можно согласиться с мнением, что в пятидесятые годы «все элементы функционирования хозяйственного механизма являлись, по существу, формами реализации интересов министерско-ведомственной системы». Такой вывод мог означать только одно – высокую степень разложения централизованного управления уже в то время. Но этого ещё не произошло» [3, с. 15].

Подводя итоги выяснению роли идеологического фактора в вызревании реформы с помощью переписанного у нас текста, он и умозаключает нашим выводом: «В рассматриваемый период основы старой идеологии не могли измениться. Их сохранение затрудняло полное использование ленинских идей. Подготовку экономической реформы временно приостановил кризис в ряде стран, вызванный разоблачением культа личности Сталина. Таким образом, вызревавшую реформу управления промышленностью и строительством направляли в русло организационной перестройки умеренная модификация сталинской идеологии, распространение влияния культа личности преимущественно на партийно-политическую и хозяйственно-организационную сферы, а также ограниченный характер возрождения ленинских идей» [2, с. 124; 3, с. 41]. Конечно, наш вывод он чуть-чуть подретушировал, но это сути дела не меняет.

Во втором параграфе (с. 128–144) этой главы мы находим тоже вкрапления в переписанный наш текст. Их пять. Это материал об образовании Бюро ЦК по РСФСР (с. 128–129), материал речи Д. С. Полянского (с. 130), текст из стенограммы Президиума

ЦК с обсуждением выступления В. М. Молотова (с. 133–135), материал по Оренбургской области (на с. 139), материал Чкаловского (Оренбургского) совнархоза (на с. 140). Остальное – наш текст.

Третий параграф – его. Этот параграф об идеологической работе как таковой, проводимой в Московской области и на Южном Урале. Он мало связан с освещением совнархозовской реформы. Там, где эта связь проявляется, то опять-таки с неизменными признаками плагиата. Соответственно и выводы получились самые общие без привязки к реформе, что и нашло отражение в шестом положении, выдвинутом им на защиту в его кандидатской диссертации. Таким образом, каких-то положительных изменений в этой главе монографии нет. Плагиат преобладает, а новый конкретно-исторический материал, включая региональный, представляет собой незначительную часть.

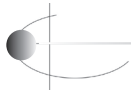
Вторая глава кандидатской диссертации Е. В. Демичева соответствует четвёртой главе его монографии «Осуществление реформы в Московской области и на Южном Урале». В ней находим три параграфа – деятельность совнархозов в 1957–1961 гг.; укрупненные совнархозы в 1962–1965 гг.; совнархозы и научно-технический прогресс. Понятно, что в этой главе должен преобладать его материал. Первый параграф он начинает с рассмотрения создания совнархозов. В центре внимания – Московский областной совнархоз, затем Челябинский, Чкаловский (Оренбургский), упоминается Курганский. Эволюция организационной структуры не просматривается, тенденции хозяйственной деятельности тоже. Фактический материал о последней ограничивается освещением выполнения государственного плана по экономическим показателям. Одним словом, описание осуществления реформы в регионах имеет вид чрезвычайно куцей. Спасает его положение наш текст, переписанный им на страницах 172–179. В нашей монографии они соответствуют страницам 109–118. Из них он исключил только материал по Восточной Сибири и вместо него включил материал по Московской области и Южному Уралу. Как видим, он и в этой главе остался верен своей плагиаторской склонности. Во втором параграфе он описывает укрупнение московского и южноуральских совнархозов, фактический материал в нём побогаче, чем в предыдущем, но освещение деятельности совнархозов и в этом случае не носит развёрнутого характера. В таком же ключе выполнен и третий

параграф о роли совнархозов в развитии научно-технического прогресса. Удивляет скудность фактического материала, преобладают общие рассуждения.

Возвращаясь к первому научному положению, выдвинутого Демичевым на защите его кандидатской диссертации, можем сказать, что оно носит предельно общий характер потому, что даже в монографии Демичева особенности региональных совнархозов в достаточной степени не проанализированы и систематического изложения не получили. Его обещание, сформулированное в задачах исследования, проанализировать взаимодействия государственно-хозяйственного и партийно-политического блоков управления, так и осталось не выполненным. Государственно-хозяйственный блок, представленный региональными совнархозами, в монографии раскрывается фрагментарно, а освещение партийно-политического блока в ней полностью отсутствует. Поэтому все выводы, заимствованные Демичевым из нашего текста по проблеме их взаимодействия, в его монографии висят, как говорится, в воздухе из-за отсутствия проведённого им исследования.

Теперь отвлечемся от его конкретного материала и зададимся вопросом – насколько научно обоснованным является выбор им таких удалённых друг от друга регионов как Московская область и Южный Урал? В принципе такое исследование возможно, так как общая основа для их сравнения существует – это осуществление совнархозовской реформы в регионах. Правда, такое исследование могло бы состояться только при условии проведения полного исследования по Московскому СНХ и совнархозам Южного Урала. Но у Демичева такого исследования нет, хотя именно это направление открывало путь к достижению реальной новизны. Тем более для кандидатской диссертации достаточно было провести полное исследование или по Южному Уралу, или по Московской области. К сожалению, Демичев такой научной работы не провёл, а руководствуясь ложными целями, встал на путь плагиата.

Тем не менее, в его монографии появилась новая глава, которая называется «Научные основы исследования реформирования отечественной экономики». Терпеливый читатель уже догадался о её содержании. Действительно, о каких научных основах может идти речь, если его собственного анализа не хватило даже на кандидатскую диссертацию. И вот снова плагиат. Его глава составляет сокращённый вариант первой главы «Научные

основы исследования реформы управления» нашей докторской диссертации. Она состоит из трёх разделов – методология, историография, источниковая база [4]. У Демичева в этом разделе монографии есть попытка самоопределиться в своей научной позиции, но ему мешают по-прежнему обширные заимствования из наших работ.

Кроме этой главы в монографии Демичева имеются ещё две новые в сравнении с его кандидатской диссертацией. Одна из них называется «Специфика российской истории и реформы» (Глава 2), а другая – «Проблемы оптимизации централизма и самостоятельности в управлении» (Глава 5). Названия глав создают впечатление внешней солидности труда Демичева. Если брать существо этих глав, то отметим, что они своим содержанием выходят за пределы конкретно-исторического исследования. Глава «Специфика российской истории и реформы» больше относится к такой области знания как историософия. В её обширном поле даже объект конкретно-исторического исследования Демичева полностью растворился. Глава «Проблемы оптимизации централизма и самостоятельности в управлении» скорее ближе к теории управ-

ления, в которой предмет конкретно-исторического исследования тоже теряется. Одним словом, не проведя полноценного исследования даже в рамках кандидатской диссертации, Демичев вторгается в другие отрасли гуманитарного знания, имеющие каждая свой объект и предмет исследования со своей методологической базой.

Суждения Демичева в этих главах основываются на обзорах исследований других авторов. В них он отталкивается и от содержания нашего текста, который он выдал за собственный. Его материал диссертации и монографии по МосковскомуСНХ и совнархозам Южного Урала беден и недостаточен для серьезных выводов и обобщений. Поэтому указанные главы создают лишь общеисторический фон, не больше. Но они дали возможность Демичеву поместить в благопристойную рамку украденное содержание в его монографии, включая и обобщения, сделанные в Заключение. В нём он вынужден был сделать выводы по своему конкретно-историческому исследованию, а там кроме плагиата опять-таки ничего не оказалось. Вот как это выглядит:

<i>Е. В. Демичев</i>	<i>В. И. Мерцалов</i>
Из Заключения монографии: «Незрелость предпосылок экономических реформ и одновременно необходимость форсированного решения многих экономических и социальных задач заставляли искать резервы развития внутри самой системы управления, не выходя за её пределы» [2, с. 248–249]	«Незрелость предпосылок экономических реформ и одновременно необходимость форсированного решения многих экономических и социальных задач заставляли искать резервы развития внутри самой системы управления, не выходя за ее пределы»[3, с. 220]
«Еще при Сталине центр стал искать опору в регионах. Совнархозовская реформа явилась итогом последовательного развития отмеченной тенденции. В 50-е годы систематически росло влияние регионального руководства, противостоявшего министерствам» [2, с. 249]	«Еще при Сталине центр стал искать опору в регионах, противопоставляя их министерствам. По мере объективно возрастающей роли регионов их политическое руководство усиливало давление на центр»[3, с. 79]. «... еще при Сталине центр стал искать опору в регионах. Совнархозовская реформа явилась итогом последовательного развития этой тенденции. В пятидесятые годы систематически росло влияние регионального руководства, противостоящего министерствам» [3, с. 220]
«Параллельно проводилась структурная оптимизация территориальных партийных комитетов, сопровождавшаяся сжатием и даже ликвидацией отраслевых отделов управления в них. Партийные комитеты стали прибегать, по примеру ЦК КПСС, к координации деятельности промышленных предприятий на подведомственной им территории. В итоге формировалась общественная потребность в создании региональных органов хозяйственного управления» [2, с. 249]. Примечание: у Демичева для подтверждения этого правильного нашего положения никакой фактической основы нет	«Уже в это время ЦК видел резервы улучшения партийного руководства не в создании новых отделов, а в оптимизации действующих структур партийных комитетов. Это мнение настолько созрело в ЦК, что сразу после смерти Сталина начинается процесс упрощения партаппарата и сокращение его штатов... [3, с. 58]. Первое «сжатие» партийных комитетов не привело к заметным качественным изменениям...[там же]. «Новая волна сокращений началась в 1956 г....» [3, с. 59]. «Радикальная оптимизация партийных структур породила у регионального политического руководства потребность в создании местных хозяйственных структур, позволявших освободиться им от несвойственных их природе хозяйственных функций. Но обстоятельства подчас складывались таким образом, что партийным комитетам приходилось заниматься хозяйственной координацией» [3, с. 61]

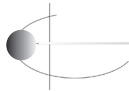

«Процесс децентрализации системы хозяйственного управления, развёртывавшийся с 1955 по 1957 гг., носил противоречивый характер. Он привел к ситуационному кризису в управлении накануне реформы, что ускорило созревание её идеи, вырабатываемой коллегиально.	«Процесс децентрализации системы хозяйственного управления, развёртывавшийся с 1955 по 1957 гг., носил противоречивый характер. Он привел к ситуационному кризису в управлении накануне реформы, что ускорило созревание её идеи....
В основе совнархозовской реформы лежала исторически обусловленная идеологическая иллюзия о возможности демократизации советской системы управления. Она являлась одновременно и резервом, и одной из основных причин неудачи реформы» [2, с. 249]	В основе совнархозовской реформы лежала исторически обусловленная идеологическая иллюзия о возможности демократизации советской системы управления. Она являлась одновременно и резервом, и одной из основных причин неудачи реформы» [3, с. 221]. «Он (ситуационный кризис – авт.) ускорил созревание реформы. Она вырабатывалась коллегиально в русле преемственности с проводимыми мероприятиями первой половины пятидесятых годов» [3, с. 79]
«Совнархозы оказались мало функциональными при проведении общегосударственных интересов (местничество), при составлении народнохозяйственных планов страны. Они не обеспечили реальной возможности для разграничения политического руководства от хозяйственного управления и в центре и на местах. Последнее положило конец процессу сокращения партаппарата, возобновилось его непосредственное вмешательство в хозяйственную деятельность. Начавшийся рост партийного аппарата не повышал рост оперативности управления. Потребность в воссоздании отраслевых отделов в партийных комитетах пришла в противоречие с ограниченными возможностями увеличения их штатов. Когда обнаружилась функциональная недостаточность совнархозов и снова резко возросло мобилизационное значение парторганов, отмеченное противоречие привело к разделению территориальных партийных организаций по производственному признаку. Реформа пришла к своему логическому завершению. Отраслевой принцип, упразднённый с введением совнархозов, был воспроизведён в новом виде в разделившихся партийных органах. Это означало полный крах реформы» [2, с. 249]	«Совнархозы оказались мало функциональными при проведении общегосударственных интересов (местничество), при составлении народнохозяйственных планов страны. Они не обеспечили реальной возможности для разграничения политического руководства от хозяйственного управления и в центре и на местах. Последнее положило конец процессу сокращения партаппарата, возобновилось его непосредственное вмешательство в хозяйственную деятельность. Начавшийся рост партийного аппарата не повышал рост оперативности управления, не выводил его из постоянного «пожарного состояния». Реформа пришла к своему логическому завершению. Отраслевой принцип управления, упразднённый с введением совнархозов, был воспроизведён в новом виде в разделившихся партийных органах. Это означало полный крах реформы» [3, с. 221]
«В 1963 г. реформа вступила в последний этап существования. Произошло полное восстановление централизованных структур управления в совнархозовской системе, а совнархозы объективно превратились в лишнее звено управления» [2, с. 250]	«В 1963 г. реформа вступила в свой последний этап существования. Произошло полное восстановление централизованных структур управления в совнархозовской системе, а совнархозы объективно превратились в лишнее звено управления» [3, с. 222]
«В целом система управления ещё сохраняла свою устойчивость. Однако изучение истории совнархозов Российской Федерации обнаруживает невозможность успешного реформирования ее на собственной основе. Никаким резервом здесь она не обладала. Сложился ситуационный кризис в управлении. Он был шире и глубже кризиса накануне реформы и сопровождался нарастающим массовым недовольством в обществе» [2, с. 250]	«В целом система управления ещё сохраняла свою устойчивость. Однако история совнархозов обнаружила невозможность реформировать её на собственной основе. Никаким резервом здесь она не обладала. Сложился снова ситуационный кризис в управлении. Он был шире и глубже кризиса накануне реформы и сопровождался нарастающим массовым недовольством в обществе» [3, с. 222]
«Решение о ликвидации совнархозов в 1965 г. обусловилось неспособностью системы обеспечить оптимальное сочетание отраслевого и территориального принципов управления. Приступив к осуществлению экономической реформы, административно-командная система сделала очередной шаг к обнаружению своей полной несостоятельности» [2, с. 250]	«Решение о ликвидации совнархозов в 1965 г. было обусловлено неспособностью системы обеспечить оптимальное сочетание отраслевого и территориального принципов управления. Она могла работать только в режиме «или – или». Приступив к осуществлению экономической реформы, административно-командная система сделала очередной шаг к выявлению своей полной несостоятельности» [3, с. 223]

Если изъять наш текст из исследований Демичева, то не только монографии, но и кандидатской диссертации у него не получится. Таков итог «научных достижений» кандидата исторических наук, профессора Е. В. Демичева.

Публикация монографии Е. В. Демичева в известном московском издательстве в 2011 г. означала по существу плагиаторскую ликви-

дацию приоритетности наших исследований и нашего авторства текстов с исследованием предпосылок, эволюции и итогов реформы в сфере управления индустриальным развитием страны. С этого момента его плагиат становится историографическим фактом, составляя «теневую» сторону истории исследования реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.

Список литературы

1. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством в Центре и на Южном Урале (1957 – 1965 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 25 с.
2. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики Отечественной истории. 2-е изд., перераб. и доп. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 295 с.
3. Мерцалов В. И. Реформа хозяйственного управления 1957 – 1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 226 с.
4. Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 2001. 471 с.
5. Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 2001. 49 с.
6. Мерцалов В. И. Эволюция совнархозовской реформы 1957–1965 гг. и вопросы районирования в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2013. № 1 (4). С. 86–100.
7. Павлюкевич Р. В. Создание и деятельность Красноярского совнархоза. 1957 – 1965 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 2014. 26 с.

References

1. Demichev E. V. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom v Tsentre i na Yuzhnom Urale (1957 – 1965 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2007. 25 s.
2. Demichev E. V. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. v kontekste spetsifiki Otechestvennoi istorii. 2-e izd., pererab. i dop. M: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. 295s.
3. Mertsalov V. I. Reforma khozyaistvennogo upravleniya 1957–1965 gg.: predposylki, khod, itogi (na materialakh Vostochnoi Sibiri). Irkutsk: Izd-vo IGEA, 2000. 226 s.
4. Mertsalov V. I. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialakh Vostochnoi Sibiri): dis. ... d-ra. ist. nauk. Irkutsk, 2001. 471 s.
5. Mertsalov V. I. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialakh Vostochnoi Sibiri): avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. Irkutsk, 2001. 49 s.
6. Mertsalov V. I. Evolyutsiya sovnrarkhozovskoi reformy 1957–1965 gg. i voprosy raionirovaniya v Vostochnoi Sibiri // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2013. № 1 (4). S. 86–100.
7. Pavlyukevich R. V. Sozdanie i deyatel'nost' Krasnoyarskogo sovnrarkhoza. 1957–1965 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk. 2014. 26 s.

Статья поступила в редакцию 20.05.2014.

УДК 947.084.6
ББК ТЗ.3 (4 Укр.)

Николай Сергеевич Розов,
доктор философских наук, профессор,
Новосибирский государственный университет
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2)

Механизмы конфликтной динамики и революция в Украине

В статье рассмотрены процессы вокруг Евромайдана с ноября 2013 по февраль 2014 года. в аспекте конфликтной динамики политического кризиса и возможностей предсказания. Первая часть статьи написана до поворотных событий 18–21 февраля, здесь излагается модель конфликтной динамики и делаются прогнозы. Перечислены условия развития конфликта по каждому из трёх основных русел: 1) эскалации взаимной агрессии и насилия, 2) переговоров, компромиссов и замирения, 3) неустойчивой динамики с перемириями и рецидивами насилия. Во второй части сопоставлены реальные события и теоретические предсказания, указаны причины недостаточно точных прогнозов. Складывающееся совпадение событий и очерёдность событий не поддаются прогнозированию. Многие характеристики участников, их действий и взаимодействий существенно меняются в ходе силового противостояния. Скорость и интенсивность процессов перемены власти определяется тем, когда и какие именно сложатся круги положительной обратной связи из серий событий, каждая из которых недостаточна, а вместе дают качественный эффект.

Ключевые слова: политический кризис, конфликтная динамика, эскалация насилия, Евромайдан, Украинская революция, политические прогнозы, ошибки прогнозов.

Nikolay Sergeyevich Rozov,
Doctor of Philosophy, Professor,
Novosibirsk State University
(2 Pirogov St., Novosibirsk, Russia, 630090)

Mechanisms of Conflict Dynamics and the Revolution in Ukraine

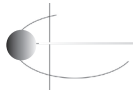
The article examines the processes around the Euromaidan since November 2013 up to February 2014 in terms of conflict dynamics in political crisis and prediction capabilities. The first part of the article was written before the pivotal events of February 18–21. A model of conflict dynamics and correspondent forecasts are presented. There are different conditions of conflict dynamics for each of the three main channels: 1) mutual escalation of aggression and violence, 2) negotiation, compromise, and pacification, 3) unstable dynamics with truces and recurrent violence. The second part compares the actual events and the theoretical predictions. Significant but previously unrecorded factors that affect the political crisis dynamics are revealed. Reasons of prognostic failures and non-sufficiently accurate predictions are investigated. Coincidence and sequence of events cannot be predicted. Many characteristics of actors, their actions and interactions change significantly during military confrontation. The speed and intensity of power change is determined by positive feedback as a result of series of events, each of which is insufficient, but together they provide structural, qualitative effect.

Keywords: political crisis, conflict dynamics, escalation of violence, Euromaidan, the Ukrainian revolution, political forecasts, forecast errors.

Продолжающиеся бурные политические события в Украине весьма значимы во многих планах: причины нестабильности и кризисов, социально-экономическая ситуация, языковая и этническая расколотовость общества, характеристики режима, коррупция и борьба с ней, отношения Украины с Россией и странами Запада, геополитика, геоэкономика, геокультура, динамика постсоветских обществ, перспективы их демократизации и проч. Международный конфликт, связанный с установле-

нием военно-политического контроля России над Крымом, угрозами ввода российских войск в другие украинские области, заслонило прежние события в Киеве, однако теоретический анализ конфликтной и насильственной динамики, возможности, способы и ограничения прогнозирования хода событий остаются весьма актуальными в политической науке.

Рассмотрим процессы вокруг Евромайдана с ноября 2013 по февраль 2014 года. Первая часть статьи написана до поворотных

событий 18–21 февраля, здесь излагается модель конфликтной динамики и делаются прогнозы¹. Во второй части сопоставлены реальные события и теоретические предсказания, указаны причины недостаточно точных прогнозов, выявлены неучтенные ранее значимые факторы динамики политического кризиса.

Три русла развития политического конфликта. Отвлечёмся вначале от конкретики и зафиксируем условия, при которых гражданское противостояние (например, между протестным движением и авторитарным режимом с силовыми структурами) идет по одному из трёх русел: эскалация насилия с победой той или иной стороны, замирение – переход к переговорам, компромиссам и мирному политическому взаимодействию, длительная неустойчивость с рецидивирующим насилием.

Конфликтная динамика идет по I-му руслу *эскалации взаимной агрессии и насилия* при условиях:

1.1) провалы многих попыток договоров и компромиссов;

1.2) унижение словами или действиями, откровенная жестокость с одной или с обеих сторон, когда жажда мести за убитых товарищей захлестывает остальные соображения при слабой дисциплине;

1.3) наличие ресурсов для агрессивных действий (захваты площадей, улиц и зданий и их «зачистка», правовые основания и оперативные силы для арестов, спецсредства для рассеивания протестующих, самодельные средства для возведения и защиты баррикад, для противостояния силам режима, различные типы оружия, в том числе, огнестрельного);

1.4) надежды той или иной стороны на своё преимущество и скорую победу (запланированное насилие);

1.5) когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становится невыносимой, и в какой-то момент на каждое действие другая сторона отвечает более агрессивным действием, что включает круг положительной обратной связи (никем не запланированная эскалация взаимного насилия).

Конфликтная динамика идет по II-му руслу *договоров, компромиссов и перехода к*

¹ Убедиться в том, что здесь были сделаны именно предсказания, а не «послесказания», можно по двум публикациям в Сети, датированным 28 января и 13 февраля 2014 г. Механизмы конфликтной динамичности в Украине // Ежедневный журнал. URL: <http://www.ej.ru>; Перспективы политического кризиса в Украине: куда склонится патовая ситуация? //Эхо Москвы. URL: <http://echo.msk.ru/blog/nrozov/1257716-echo/>.

мирной конкуренции (идеологическое, электоральное, парламентское поля взаимодействия) при следующих условиях:

2.1) переговоры ведут хотя бы к небольшим успехам для каждой стороны, что дает перспективу и настрой на продолжение этой линии поведения;

2.2) накал страстей не достиг уровня, когда жажда мести затмевает остальное, либо долгое перемирие (2–3 недели и более) снижает гнев и агрессивные чувства сторон;

2.3) продолжение агрессивных действий для обеих сторон представляется бесперспективным и/или крайне опасным как для себя, так и для значимых ценностей (риски раскола страны, гражданской войны и проч.);

2.4) истощены ресурсы для агрессивных стратегий, насилия с обеих сторон;

2.5) зависимость каждой стороны от внешних сил, не заинтересованных в эскалации насилия, блокирует агрессивные действия сторон;

2.6) обе стороны достаточно дисциплинированы для того, чтобы выполнять условия соглашений.

Конфликтная динамика *не устойчива, агрессия сменяется перемириями и вновь возобновляется, но без большой эскалации*, при условиях, когда нет выраженных условий 1.1–5 для эскалации и условий 2.1–6 для угасания насилия, вместо этого:

3.1) в переговорах что-то достигается, но надёжного и поступательного улучшения положения нет, поэтому переговоры разочаровывают и на время прекращаются;

3.2) при возобновлении агрессии новые жертвы насилия ощутимо роняют репутацию нападающей стороны (делегитимируют её), что ограничивает обоюдное насилие;

3.3) ресурсы агрессивных стратегий не полностью истощены (проводится некое пополнение и замена уставших, выбывших), но ни у одной из сторон нет большого резервуара, возможностей быстро нарастить силы для борьбы;

3.4) организованность и дисциплина обеих сторон достаточна для продолжения противостояния и стычек, но не достаточна для надёжного выполнения мирных договоренностей;

3.5) нет надежд акторов на скорую победу, но нет и удовлетворительных перспектив замирения, поскольку остается ситуация «загнанности в угол» у обеих сторон, так как каждая опасается наказаний за свои прошлые насильственные действия.

Можно систематически сопоставить события последних месяцев и недель в Киеве и областях Украины с указанными условиями, благо, информации из разных источников достаточно. Эскизное обобщение фактов свидетельствует в пользу того, что в наличных обстоятельствах вариант скорого замирения маловероятен.

Возможна ли эскалация насилия? Да, возможна, поскольку условия 1.1, 1.2 и 1.5 уже есть в наличии: провалы переговоров, накал страстей, ожесточённость и мстительность, а также ситуация «загнанности в угол» с обеих сторон. Ключевую роль имеет фактор 1.3 – наличие ресурсов для агрессивных действий.

Режим Януковича ещё в январе явно рассчитывал получить подкрепление с восточных районов и/или из России, пустить в ход имеющиеся резервы для «решающего боя», надеясь на быструю победу (фактор 1.4). Отчасти эти надежды оправдались, но явно не достаточно для решительного психологического перевеса, ведущего к уступкам и мирной сдаче Майдана, тогда как идти на откровенное насилие и большую кровь режим был не готов.

В январе и феврале 2014 года для поддержки киевского Майдана прибывали дополнительные силы с западной и центральной Украины. На Майдане проходили боевые учения, всё это позволяло удерживать позиции, делать отдельные вылазки, но таких сил отнюдь недостаточно для демонстрации полного и убедительного преимущества, ведущей к относительно мирному захвату власти. Сугубо насильственный вариант хоть и входил в планы отдельных сил Майдана («Правый сектор» и др.), но отвергался лидерами и большинством.

Эскалация насилия предполагает угрозу применения и даже открытое использование огнестрельного оружия. Столкнувшись с таким сопротивлением, силы режима могут вначале реализовать свое преимущество в организации и вооружении, но при развёртывании городской партизанской войны, когда внутренние запреты на стрельбу сняты, лояльность силового аппарата (того же «Беркута») режиму, готовность умирать за него будут поставлены под вопрос.

Период «переговоров» и накопления сил. Со второй половины января в основном события шли по второму сценарию: затягивание конфликта с относительно низким уровнем насилия.

Первые предложения команды Януковича, направленные на раскол Майдана, были отвергнуты. В связи с явной утратой контроля над провинциями и армией, угрозы для правящей группы стали более явными, она больше готова на уступки, но пользуясь формальной легитимностью президента и влиянием в Раде, скорее затягивает переговоры, все еще не оставляет надежд решить конфликт силой.

Майдан явно радикализировался¹, протестующие испытывали всё больше разочарования в переговорах², многие перестали доверять тройке лидеров. Были проведены силовые акции даже с локальными успехами (вызволнение арестованных товарищей Самообороной), однако план силового захвата власти Майданом не обсуждался и не принимался.

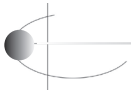
При формальном двухнедельном перемирии накал страстей не снижался, поскольку продолжались аресты за пределами Майдана, не прекращалась активность «титишек», не было уверенности в отказе властей от новых попыток разгона протестующих, от репрессий. Главная активность была направлена на оборону Майдана, для чего стали завозить песок, поскольку февральское тепло растапливает баррикады, построенные из мешков со снегом. Решимость обороняться крепла³.

Силовые, людские ресурсы не истощались с обеих сторон. Судя по записи добровольцев, Майдан мог при необходимости мобилизовать до 20 тыс. бойцов. Численность «Беркута» ограничена (порядка 3-х тыс.), но к концу перемирия в столицу были доставлены дополнительные силы. Украинская армия молчит, но в своей массе явно не лояльна власти. Регулярные части призывать в Киев вряд ли будут из-за опасности перехода на сторону Майдана. Вероятно, режим рассчи-

¹ По данным социолога Ирины Бекешинной: «За два месяца противостояния людей, которые не собираются уходить с Майдана до отставки президента, стало гораздо больше – 86 % в феврале против 30 % в декабре» URL: <http://www.segodnya.ua/politics/society/sociology> (дата обращения: 25.02.2014).

² Ирина Бекешина: «Количество митингующих, выступающих за переговоры с властью, за этот же период уменьшилось с 45 % до 27 %. При этом, 63 % майдановцев выступают против каких-либо переговоров с властью, а 83 % считают, что власть должна освободить арестованных без каких-либо условий со своей стороны. URL: <http://www.segodnya.ua/politics/society/sociology> (дата обращения: 25.02.2014).

³ По словам Тарасенко, представители Правого сектора сейчас тренируются на Майдане. «Мы не собираемся никуда уходить, мы не собираемся покидать Майдан или Дом профсоюзов, и, конечно, мы будем его защищать до последнего», – заверил активист. URL: <http://news.liga.net/news/politics> (дата обращения: 25.02.2014).

тывает на какое-то силовое подкрепление с Востока страны, но хлипкость проплаченных «антимайданов» делает такие надежды сомнительными.

Вопрос с дисциплиной – самый неопределённый (вероятно, даже для участников конфликта). Популярность лидеров каждой стороны не особо высока.

Если организация, подготовка, вооружение и техника – на стороне «Беркута» и других сил режима, то готовность к самопожертвованию больше на стороне Майдана.

О сплочённости судить сложнее: с одной стороны, Майдан объединяет несколько боевых групп, иногда конфликтующих между собой при отсутствии жёсткой субординации и подчинения единому штабу, с другой стороны, перед лицом опасности новых атак Майдан объединяется и действует вполне организовано, слаженно, к тому же, здесь есть авторитетный институт «коменданта Майдана», способный координировать действия обороны.

Дисциплина силовых структур режима – ещё более тёмная материя. Явно не было письменных формальных приказов захватывать, избивать, пытаться, убивать активистов, хотя рекомендации «пожестче», вероятно были. В какой мере такие действия совершались при согласии и поощрении начальства, в какой мере они были результатом «инициативы», мести, ненависти – открытый вопрос. Важно, что все эти действия не испугали, а ожесточили протест, сделали политические требования Майдана гораздо более радикальными, привели к назреванию ответной агрессии. Нужно ли это было группе Януковича?

Вероятные пути развития конфликта.

К чему может привести трагический сценарий эскалации насилия, если стороны начнут использовать оружие для поражения противника? Жестокость и обилие жертв ужасны, зато конфликт быстротечен, всё решится за несколько дней, а иногда и за 1–2 дня. Дело в том, что большинство участников насильственного конфликта отличаются от нескольких сотен бойцов на передовой с их ожесточённостью, мстительностью, накалом страстей, с готовностью быть ранеными, покалеченными и даже умереть. В большинстве своем люди рациональны и оппортунистичны, особенно это касается линейных командиров авторитарных режимов. Крайне опасно остаться на стороне проигравших¹. Поэтому после быстрого перелома и

яркой символической победы запускается механизм «снежного кома» перехода на сторону победителя.

Теперь появляется «горячий» вопрос: кто победит при плохом сценарии эскалации насилия? Решающими здесь являются три фактора: соотношение сил, уровень «загнанности в угол» и «уровень оппортунизма».

Рассмотрим вначале два последних фактора. Побеждает та сторона, для линейных командиров и большинства бойцов, потенциальных участников которой выше уровень «загнанности в угол» и ниже оппортунизм – готовность перейти на сторону противника или смириться с его победой. Сторона с этими характеристиками будет биться с большей решимостью и до конца, поскольку при проигрыше всё равно ожидают аресты, допросы, долгое тюремное заключение, не исключены пытки или даже казнь. Если командиры и бойцы этого не боятся и готовы вовремя перейти на сторону противника без особой опасности для себя, то, видя намечающуюся чужую победу, они так и сделают.

Силовики среднего и низших звеньев авторитарного режима защищены мундирами и присягой. Они спокойно могут сдаваться, поскольку судебному преследованию за неправомерное применение силы будут подвергаться только их начальники – высшее начальство и политики. «Загнанность в угол» играет роль только для иностранных участников (советников, спецназовцев, если такие есть), но они как раз первыми и сбегут во свояси, поскольку приехали побеждать, подавлять и зарабатывать, а вовсе не жертвовать свободой и жизнями. Оппортунизм защитников режима обратно пропорционален приверженности этому режиму и его лидеру. В случае режима Януковича, эта приверженность весьма низкая даже в силовых структурах, значит, оппортунизм высок.

Как видим, два важнейших фактора сейчас на стороне Майдана. Поэтому победить его невозможно. Даже получив подкрепление, решительный перевес сил и разгромив Майдан, режим Януковича получит изматывающую партизанскую и террористическую войну. Не получится всех запугать и комфортно заняться арестами и судами.

Внешний контекст: роль Запада и России. В сложившейся патовой ситуации центр внимания сместился на влияние внешних сил: России, США и ЕС (с Германией, Францией и Польшей как наиболее активными игроками).

¹ Коллинз Р. Возможность предсказания в социологии: случай советского коллапса // Время мира. Вы-

пуск. 1. 2000. С. 270–271. URL: <http://www.nsu.ru> (дата обращения: 27.02.2014).

Запад действует открыто, его представители обладают высоким статусом и приветствуются обеими сторонами конфликта. Западные политики не особенно скрывают симпатий к Майдану и В. Кличко как потенциальному президенту, однако их действия блокированы формальной легитимностью власти Януковича¹.

Сильнейший член ЕС – Германия – ограничена в своих действиях плотными экономическими связями с Россией. Продавцов в мире много, поэтому у Кремля есть рычаги давления на главных поставщиков импорта. В первые недели февраля, похоже, произошел перелом: общественные настроения в Европе, требующие более активных действий в Украине, а также явная активизация США начинают перевешивать фактор страха от того, что Кремль начнет ограничивать немецкий импорт с соответствующим ударом по экономике Германии и, соответственно, по популярности власти.

Пожалуй, наиболее эффективными являются акции Запада по «дисциплинированию» олигархов и угрозы перекрыть доступ к Европе неугодным политикам и их семьям. Последовательная политика в этом направлении вполне может лишить Януковича поддержки в собственных рядах, увеличить его податливость к существенным уступкам вплоть до отказа от административных и кадровых полномочий (в ожидании выборов 2015 г.) или ухода с поста с объявлением досрочных президентских выборов.

Жесткая российская телепропаганда против Майдана направлена на внутреннюю аудиторию и вполне действенна². Однако другим боком та же пропаганда настраивает против Кремля (и, увы, против самой России) народ Украины, даже её Юг и Восток, не говоря уж об украинских Западе и Центре.

Явное политическое вмешательство Кремля, его открытое участие в переговорах

не приемлемо для Майдана, оно даже не желательно для группы Януковича, поскольку делегитимирует последнего как ставленника, сатрапа опасной соседней империи. Денежный аркан (по кредитам и по газу), тайная помощь в силовых акциях (о чём постоянно говорят в Украине), поощрение раскола страны – вот главные орудия украинской политики Кремля. Здесь видят «окно возможностей» для «воссоединения России» (фактической аннексии Востока и Юга Украины)³.

Когда ставки в конфликте выросли до смены власти, до опасности оказаться в тюрьме или быть убитым в уличной схватке, деньги и денежный шантаж перестают быть решающим аргументом.

Тайная помощь Кремля в силовом подавлении протестов не может стать особенно масштабной именно из-за своего секретного характера. Много зависит от готовности администраций восточных и южных областей «призвать на помощь Россию». Тогда под прикрытием «защиты русского мира от нацистов-бандеровцев» вполне вероятны силовые акции Кремля, направленные на раскол Украины. При этом широкое и скандальное вмешательство российских силовых структур в Украине блокировано зависимостью отношениями российского руководства с ведущими державами Запада. Подтолкнуть к расколу могут, аннексировать украинскую территорию при существенном сопротивлении – нет.

Как видим, внешние силы также существенно ограничены в своих действиях. Здесь вновь просматривается патовая ситуация.

Если опять никто не победит? Каковы же перспективы её развития ситуации, если не будет убедительной победы ни той, ни другой стороны? Известно, что в патовых ситуациях решающую роль начинают играть *дипломатия* (кто создаст коалицию с большими ресурсами для производства угроз и возможностей) и *символическая, идеологическая сфера* (чья позиция становится более легитимной, оправданной с точки зрения ценностей главных центров силы и источников ресурсов, в том числе, людских и материальных)⁴.

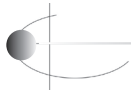
В обоих аспектах позиции Запада и Майдана более выигрышны, во многом из-за почти всеукраинского консенсуса относительно

¹ Как пишет Джордж Фридман: «Если демонстранты смогут сместить избранного президента по причине своего несогласия с его действиями, они создадут прецедент, подрывающий конституционный образ правления». URL: <http://www.1in.am/rus/press> (дата обращения: 27.02.2014).

² Согласно результатам Левада-Центра в январе события в Украине большая часть россиян (44 %) объясняет вмешательством Запада и националистическими настроениями (35 %), что прямо соответствует направленности телепропаганды. Значительно менее популярны другие причины: возмущение коррумпированным режимом (14 %), освобождение от диктата России (10 %), стремление стать европейской страной (8 %), гражданское достоинство (7 %), протест против жестких действий «Беркута» (5 %). URL: <http://www.levada.ru/29-01-2014/sobytiya-v-ukraine-maidan> (дата обращения: 27.02.2014).

³ О четырех вариантах расширения контроля над Украиной убедительно рассказал А. Илларионов в большом интервью украинскому телеканалу: URL: <http://www.youtube.com> (дата обращения: 27.02.2014).

⁴ Collins, Randall. *Macrohistory. Essays on Sociology of the Long Run*. Stanford University Press, 1999. Chapter 1.

«вхождения в Европу» и широко распространенного раздражения имперскими амбициями Кремля. Ситуация такова, что последний может рассчитывать в Киеве только на подкуп или на силовой разгон Майдана. Успех того и другого пути весьма сомнителен.

При относительно мирном развитии событий медленно, но верно будут набирать силу факторы «веса» внешних сил, коалиций и расколов между ними.

Со стороны России обычно представляется, что США и ЕС действуют заодно (например «против России»). Однако американские аналитики, такие как И.Валлерстайн, усматривают с ситуации вокруг Украины существенное расхождение этих глобальных игроков. Валлерстайн считает¹, что США опасаются союза ЕС (особенно Германии) и России, настроены на раздор между ними, для чего внутриукраинский конфликт предоставляет хороший шанс. Германия, как было сказано выше, во многом блокирована интенсивными экономическими отношениями с Россией, а также необходимостью согласовывать действия с весьма неповоротливым ЕС, который сам блокирован своим принципом полного консенсуса. В такой ситуации США может выступить более напористо на стороне Майдана, пользуясь не только большей свободой оказывать финансовую помощь, но также своим главным геополитическим козырем – главенством в НАТО. Но и здесь слишком активная политика в этом направлении будет наталкиваться на нежелание слишком конфликтовать с Россией.

Для России же (точнее, Кремля – единственного внешнеполитического субъекта) выгодно было бы воспользоваться рознью между США и ЕС, но для этого пришлось бы договариваться с Германией и идти на существенные уступки в украинском вопросе. Отнюдь не очевидно, что Кремль к этому готов. Зато с уверенностью можно утверждать, что агрессивная поддержка Кремлём режима Януковича устранил разногласия между атлантическими партнёрами, тогда США и ЕС выступят единым фронтом, мобилизуют рычаги влияния на Кремль, и Россия рискует вновь остаться в тоскливом одиночестве, как это было в результате «победоносной» Грузинской войны 2008 г.

Если победит Майдан: что дальше?

Как говорилось выше, в долговременном плане режим Януковича уже не может победить, даже при разгроме Майдана.

¹ Wallerstein, Immanuel. The Geopolitics of Ukraine's Schism. URL: <http://www.iwallerstein.com/geopolitics-ukraines-schism/> (дата обращения: 25.02.2014).

Протестное движение при условии широкой мобилизации и вовлечении силовых структур (прежде всего, армии, областных органов милиции) на свою сторону сохраняет шансы на победу. Скорее всего, это выразится в формировании проевропейского временного правительства, в возврате к конституционной реформе 2004 г. и в досрочных парламентских выборах. Успех же протестных сил в любых будущих выборах (президентских или парламентских) будет зависеть, прежде всего, от того, удастся ли коалиции Майдана и Запада увлечь Юг и Восток Украины² как гарантиями непритеснения, повышения уровня жизни, так и мечтой вхождения в Европу.

Здесь обычно аналитики в ужасе говорят про «непредсказуемые последствия» и замолкают. Но ведь в общем случае вариантов немного. Горячая и затяжная гражданская война с высоким уровнем насилия возможна только при полном разрушении объединяющих символов и гражданской, общенациональной солидарности, при большом потенциале живой силы и оружия с обеих сторон, при внешней систематической поддержке людьми и оружием хотя бы одной стороны, при втягивании в бои пополнения из гражданского населения. Так было в России в 1918–20 гг., так было не так давно в Ливии, так продолжается в Сирии. В современной Украине ни одного из этих факторов не просматривается, поэтому большой гражданской войны не будет.

При продолжающихся рецидивах силовых акций с обеих сторон продолжится патовая ситуация с новыми попытками и новыми провалами переговоров. Если группа Януковича решится на отчаянную попытку разгромить Майдан, то, скорее всего, это приведет к быстрому краху самого режима (сценарий типа провала ГКЧП в Москве 1991 г.).

Теперь, уже после поворотных событий 18–21 февраля посмотрим, что именно произошло, в чём оправдались, а в чём не оправдались сделанные ранее прогнозы и почему.

² Павел Казарин пишет: «Юго-востоку так никто и не сказал – как именно ему предлагают жить после победы Майдана и дрейфа страны в сторону ЕС. Как ему существовать с новыми тарифами на ЖКХ, роста которых требует МВФ? Как будет жить тот же Кременчуг, в котором сегодня расположены вагоностроительный, колесный, сталелитейный и автосборочный заводы? Куда пойдут работники этих предприятий, если из-за снижения российско-украинского товарооборота заводы начнут сокращать свои мощности? За какие деньги существовать семье, весь привычный уклад которой канет в небытие? [...] В конце концов, кто-то из оппозиционеров должен набраться смелости, чтобы сказать им: «Знаете, мы о вас позаботимся». URL: <http://hvylya.org/analytics/politics/polyubite> (дата обращения: 25.02.2014).

Взрыв насилия и его причины.

18 февраля в Киеве начался полномасштабный конфликт последующим с применением огнестрельного оружия и тяжелой техники.

Вначале казалось, что сыграл роль фактор 1.5 (см. начало статьи) — никем не запланированная эскалация взаимного насилия, когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становится невыносимой, и в какой-то момент на каждое действие другая сторона отвечает более агрессивным действием, что включает круг положительной обратной связи.

Действительно, колонны Майдана отправились к Верховной Раде вовсе не с целью её силового захвата, а с целью окружить её, пикетировать, создать обстановку давления для возврата к Конституционной реформе 2004 г. На подступах к Раде протестующих встретили цепи защищенного щитами и касками «Беркута», а из-за этих цепей в протестующих полетели шумовые гранаты, камни и проч. (предполагается, что это делали «титущки»). Затем уже начались агрессивные действия со стороны протестующих, захват штаб-квартиры Партии регионов, поджоги, потасовки, избиения и проч. В это же время другие отряды «Беркута» весьма быстро и эффективно стали разрушать баррикады на подступах к Майдану, основные силы которого были оттянуты к Раде.

Последующая более полная информация о происшедших событиях в Киеве дает другую картину. Весьма оперативно было остановлено метро, выставлены посты вокруг Киева, как по команде началась широкая пропагандистская кампания по поддержке «анти-террористической операции». По данным журналиста Сергея Лещенко¹, чиновников одного из госбанков предупредили в Кабинете Министров Украины, чтобы те не выходили в среду на работу. Причина — готовящаяся на утро среды «жесткая зачистка» Евромайдана. Всё это свидетельствует о запланированности силовой акции².

Отсюда следует, что освобождение заложников было обманном ходом, «военной хитростью», созданием впечатления о согласии власти на мирный политический процесс³.

¹ URL: <http://gordonua.com/news/maidan> (дата обращения: 25.02.2014).

² Депутат Рады от «Батькивщины», генерал милиции Геннадий Москаль сообщает о запланированных операциях «Волна» (МВД) и «Бумеранг» (Антитеррористический центр). URL: <http://www.ostro.org/general/society/news>(дата обращения: 25.02.2014).

³ Убедительно пишет об этом Леся Оровец: «Янукович не собирался идти ни на какие уступки с самого начала, ни на одну секунду. Все танцы вокруг политического процесса, закулисные переговоры об измене-

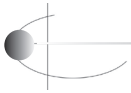
Проверка прогноза после революционного переворота 18–21 февраля.

На удивление, большинство сделанных прогнозов сбылось, причём реальность оказалась «гуще»: всё произошло быстрее и интенсивнее, чем я осторожно предполагал, делая выводы из модели и данных о текущих обстоятельствах января и первой половины февраля 2014 года. Однако сосредоточим внимание не на совпадениях, а на неточностях и ошибках, — в теоретическом плане работа с аномалиями (фальсифицирующими фактами) гораздо полезнее, чем демонстрация верности предсказаний.

Прогноз быстротечности конфликта при жестокости и обилии жертв («все решится за несколько дней, а иногда и за 1–2 дня») оправдался полностью: за пиком насилия 18–20 февраля последовал быстрый спад уже к вечеру 20 февраля и полное прекращение стычек и стрельбы со второй половины пятницы 21 февраля. Роль яркой символической победы выполнили три главных события: бегство «Беркута» и сдача в плен группы его бойцов, подписание Януковичем документа с уступками, открытый переход Верховной Рады на сторону Майдана. В точности согласно модели был запущен механизм «снежного кома», когда никто не хочет остаться на стороне побеждённой стороны, которую будут преследовать и обвинять за пролитую кровь. Как это произошло в событийном плане?

«Вариант скорого замирения», заявленный как маловероятный, так и не осуществился, несмотря на упорные попытки трёх партийных лидеров, несмотря на распространённые надежды наблюдателей во время перемирия начала февраля. Чтобы жёст-

ниями Конституции были нацелены только на то, чтобы заманить протестующих в ловушку. Сегодняшний день был четко спланирован и срежиссирован по крайней мере за неделю. По состоянию на эту минуту киевское метро отключено, а все въезды в Киев наглухо заблокированы. В Киеве как минимум в нескольких местах (например, общежитие КПИ) отключен Интернет. В столице за несколько часов эффективно введено чрезвычайное положение, и не говорите мне, что все это было сделано без разведки, плана и подготовки. Всем понятно, что такая операция, охватывающая целый четырехмиллионный город, готовится, по крайней мере, несколько дней, а то и 2–3 недели. В центре Киева были собраны большие резервы милиции и внутренних войск. Подвезены наёмные бандиты, они действовали единым строем с «Беркутом», кидая камни в протестующих, и были вооружены артиллерией. Тактически вся операция была спланирована так, чтобы пропустить протестующих в правительственный квартал и сосредоточенными ударами рассеять их на изолированные группы. Если бы задание стояло не пропустить протестующих к Верховной Раде, был бы выставлен оградительный кордон на старом месте — на Грушевского». URL: <http://www.facebook.com/lesyaorobets>(дата обращения: 25.02.2014).

че данный сценарий отвергнуть, следовало больше знать о радикальном настрое участников Майдана («только отставка Януковича!»), лучше учесть их неподконтрольность лидерам-переговорщикам, учесть большой вес настроений Майдана в сравнении с ними, ведь партийная поддержка «лидеров» в ситуации силового противостояния оказалась практически нулевой.

Есть конспирологические версии о том, что обиженные кланом Януковича олигархи способствовали обострению конфликта (например, через наёмных снайперов, которые по многим свидетельствам стреляли в обе стороны – чтобы большая кровь полностью дискредитировала президента и привела к его отставке). Относительно позиции Януковича следовало учесть информацию о том, что в последние недели он опирался преимущественно на силовой блок (это было известно по графику его встреч). Однако для руководителей силовиков уступки президента Майдану означали отмену их собственных планов и капитуляцию (как и произошло позже 20–21 февраля). Поэтому Янукович и не мог пойти на существенные уступки, пока переговоры велись только с представителями протестующих. Сложение этих условий делало мирный компромиссный вариант неосуществимым.

Предсказанная эскалация насилия состоялась 18–20 февраля. Можно ли было сделать прогноз более точным по времени? Как было сказано выше о причинах, режим проводил многосторонние мероприятия, подготавливая штурм Майдана «наведение порядка в Киеве». В Сети об этом информация появилась только после начала жестоких столкновений, когда было остановлено метро, обнаружены блокпосты на подъездах к Киеву и т. п. С уверенностью можно утверждать: была бы подготовка известна на Майдане, тут же это стало бы известно и в Сети. Отсюда делаем вывод о практическом отсутствии функции разведки со стороны Майдана, что делает бледнее последующие бравурные восхваления военной подготовки командиров. О том же свидетельствует и окончившийся трагически «мирный марш на Верховную Раду», когда множество неподготовленных к бою людей попросту оказались в ловушке.

Верно было предсказано использование огнестрельного оружия с обеих сторон. Значительно большая часть жертв стрельбы со стороны Майдана (примерно, 7 к 1) указывает на верность тезиса «силы режима могут вначале реализовать своё преимущество в

организации и вооружении». Дальнейшие выводы были сделаны осторожно: про сомнительность готовности «Беркута» умирать, когда внутренние запреты на стрельбу будут сняты. Иными словами, предполагалось, что при успешном подавлении Майдана развернется городская партизанская война, а тогда «Беркут» и прочие «силы безопасности» разбегутся, поскольку привыкли к подавлению лишь безоружных, а лояльность режиму и президенту Януковичу минимальна.

В реальности же всё произошло по гораздо более быстрому и яркому сценарию. В ночь с 19 на 20 февраля Майдан был сдавлен до предела и почти разгромлен. Однако люди не побежали, более того, с Майдана не ушли женщины, девушки, пожилые люди, которые продолжали подносить бульжники на передовую. Стрельба и решимость украинцев защищаться – вот что остановило атаку на Майдан. Позже защитники Майдана признавались, как сильны были страх и желание убежать от кошмара стрельбы, крови и смертей. Про идеи и политические цели никто тогда вовсе не думал, а главным мотивом оставаться в строю было сознание того, что при бегстве пострадают девушки, женщины, старики в тылу Майдана. Такова ситуативная динамика силового противостояния, показывающая, насколько важна поддержка бойцов мирными гражданами.

Также решимость отстоять Майдан подкрепляли надежды на прибытие подкрепления, знание о поддержке в провинциях (на Западе Украины и не только), где граждане и власти отказались признавать власть в Киеве, предпринявшую кровавое подавление протеста. Сами волны захватов и возвратов административных зданий в провинциях сторонниками Майдана прямо зависели от сведений о меняющейся обстановки в Киеве. Здесь видим самоусиление протеста через замыкание кругов положительной обратной связи.

Разрастание кровопролития в Киеве быстро активизировало европейские власти и радикализовало их угрозы (вероятно, как раз связанные с зарубежными активами Януковича, его семьи и приспешников).

По не совсем понятным пока причинам засевшие на крышах снайперы стреляли и по участникам Майдана, и по бойцам «Беркута». По всей вероятности, это была часть стратегии спровоцировать бойню как оправдание для последующего введения ЧП, широкого применения автоматического оружия. Автоматы использовались силами режима днём

20 февраля, что и привело к десяткам жертв среди протестующих. Однако Майдан вновь не сдался.

Дальше важнейшую роль сыграли три события. Во-первых, со стороны Майдана тоже начали отстреливаться. Во-вторых, начались переговоры Януковича с прибывшими главами МИД Германии, Франции и Польши. В-третьих, Янукович убедился после телефонного разговора с Путиным в ночь с 20 на 21 февраля, что военной помощи от России ему ждать не приходится¹. К тому же заработало метро, выставленные блок-посты проигрывали бои, прибывавшим сторонникам Майдана. Начали поступать сообщения о дружном бегстве из Киева сыновей Януковича, видных членов «Партии регионов» и членов правящего клана. Стало ясно, что массированная атака на Майдан, попытки де факто ввести чрезвычайное положение в столице и стране провалились. Атаки «Беркута» прекратились, установилось негласное перемирие.

«Снежный ком» режимного коллапса.

Дальше действовала уже не военная, а политическая, дипломатическая и социально-психологическая логика. Оказалось, что само сохранение Майдана с горсткой измученных бойцов и их помощников – это уже победа протеста в сложившихся условиях. В точности оправдался прогноз: «Если группа Януковича решится на отчаянную попытку разгромить Майдан, то, скорее всего, это приведёт к быстрому краху самого режима (сценарий типа провала ГКЧП в Москве 1991 г.)». Как именно это произошло?

Утром в пятницу 21 февраля уже бойцы Майдана нарушили перемирие, пошли в атаку, стали обращать в бегство не готовый к такому повороту событий «Беркут». Командиры и рядовые бойцы сил режима стали переходить на сторону Майдана, уходить с позиций, отказывались получать автоматическое оружие, почувствовав, что надежд на скорую

¹ «На переговорах в ночь с четверга на пятницу Янукович всё ещё силился «сохранить, что удастся, и уступить как можно меньше», говорится в статье. Как вспоминает Сикорский, даже когда договорились о переносе выборов, Янукович отказывался назначить конкретную дату. «Вы должны объявить дату своей отставки», – сказал Сикорский президенту. Янукович весь побелел, но не пошёл на уступки. «Вскоре после этого Януковичу позвонил по телефону Путин», – пишет газета. После звонка Янукович «согласился ограничить время своего пребывания в должности», – сказал Сикорский в интервью The New York Times. «Благодаря этому всё стало возможным», – добавил он. Неназванный западный дипломат говорит: «Мы слышали похожую версию: Янукович спросил Путина: «Вы меня поддержите и пришлёте войска?», а Путин сказал: «Нет». URL: <http://hvylyya.org/news> (дата обращения: 25.02.2014).

победу нет, а опасность быть обвинёнными в стрельбе по народу растёт с каждой минутой. Часть беркутовцев засела в правительственных зданиях с готовностью стрелять, однако, Майдан благоразумно остановил наступление.

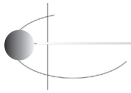
Во второй половине того же дня Янукович согласился на серьёзные для себя уступки, согласившись на досрочные выборы, было подписано известное соглашение между ним, оппозицией с визами западных посредников (прибывший к концу переговоров представитель от России Лукин от подписи воздержался).

К вечеру пятницы на Майдан вновь стали стекаться десятки тысяч мирных граждан. Чувствуя свою силу, Майдан отверг заключённый договор и пригрозил захватом правительственных зданий, если Рада не добьётся отставки Януковича. Тот облегчил задачу, улетев в Харьков, и на следующий день, в субботу 21 февраля, был низложен Радой как «самоустранившийся».

Границы точности прогноза. Если главный прогноз оправдался (даже с более быстрыми и яркими событиями, чем было предсказано), то можно ли было предвидеть на основе имеющейся модели, что события произойдут столь скоро? Пожалуй, нет. Не хватило бы даже инсайдерских знаний о величине сил с обеих сторон, их готовности убивать и умирать. Три фундаментальных обстоятельства препятствуют точности прогнозов.

Во-первых, складывающиеся совпадения событий и очерёдность событий не поддаются прогнозированию, а в период острого кризиса счёт здесь идет на часы, если не на минуты. Когда успеет или нет подкрепление. Когда участникам стычек станет или не станет известна важная информация о положении дел вовне. Успеют или нет внешние акторы донести свои угрозы до лидеров сторон, а те – до своих силовых структур. Все это априори предвидеть не возможно.

Во-вторых, многие характеристики участников, их действий и взаимодействий существенно меняются в ходе силового противостояния. Как они будут меняться, не знают точно даже сами участники. Это относится, прежде всего, к уровню боевой решимости, готовности убивать и готовности идти на смерть. Серия наблюдений за поведением бойцов в прошлых стычках дала бы полезную информацию. Именно на этой основе был выдвинут тезис о более высоком уровне самопожертвования и решимости стоять до конца на стороне Майдана. При этом, со-

став бойцов «Беркута» менялся, а защитники Майдана впервые столкнулись со стрельбой и десятками смертей. Видимо, сыграл большую роль фактор «загнанности в угол» (для протестующих опаснее оказаться в итоге в проигрыше, чем для их противников, защищенных формой и присягой).

В-третьих, скорость и интенсивность процессов перемены власти определяется тем, когда и какие именно сложатся круги положительной обратной связи из серий событий, каждая из которых недостаточна, а вместе дают качественный, структурный эффект. В данном случае на одной стороне были превосходство в силе, жестокость «Беркута», снайперы на крышах, бегство многих командиров с Майдана и почти полная потеря управления обороной, грамотная остановка метро, приведшая к тому, что киевляне оставили Майдан в одиночестве, блокпосты на дорогах, пытавшиеся не пропустить подкрепления с Запада Украины. Могли эти события сложиться в цепь, ведущую к полному разгрому Майдана? Да. Наступил бы после этого период реакции, некоторой консолидации режима (даже при начале партизанской войны, которую тут же расценили бы как ужасный терроризм)? Да.

Однако события пошли по другому руслу. Что же было на другой стороне? Конечно же, удивительное, отчаянное мужество последних защитников Майдана, среди которых мало оказалось матерых «афганцев», а в большинстве были щуплые юноши, мальчишки¹. Не менее удивительно, что несколько тысяч человек, измученных, замерзших, в числе которых было много девушек обычного офисного вида и женщин, даже пожилого возраста, не уходили, помогали, как могли, защитникам. Увы, сыграло роль применение оружия, ответный огонь в сторону атакующих сил режима. Беркутовцы «не подписывались» идти под пули. Передышка вечером 20 февраля совпала с приездом представи-

¹ «Действительно стыдно, когда дети на передовой умирают, бегать. Как я уже заметил, что ребят никто не координирует, максимум сотники, вчерашние плиточники с западной Украины. Понимал, что Гриценко на передовой мог бы помочь майдану, но опытный глаз генерала определил, что шансов нет. Не скрою, хотелось побежать за честным генералом, да ну его все нахер, у меня 5-летний сын и т. д. Но не смог себя убедить, хотя аргумент вроде жёсткий. Кстати, афганцы, помните, в мирное время ими майдан буквально кишел. Не спорю, кто то был, но той массовости среди оборонявших явно не было. Спины первого ряда – худенькие спинки подростков. Когда менялись, тоже не видел характерную форму афганцев в первом ряду» Голобуцкий Володимир. Кто убрал президента // Украинська правда. 26.02.2014. URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/02/25/> (дата обращения: 25.02.2014).

телей ЕС, Германии, Польши. Видимо, уже тогда руководители сил режима осознали, что заранее подготовленный план «зачистки» Майдана срывается. Командиры рекомендовали бойцам «Беркута» срывать погоны и уходить врассыпную. Силы режима дружно стали оставлять позиции, после чего уже и покатился во всю силу «снежный ком» триумфа Майдана.

Бегство президента и напряжения Юго-Востока. Предсказание относительно поведения президента Януковича отчасти сбылось: именно после жёсткого вмешательства представителей Запада он пошёл, наконец, на серьёзные уступки, объявил досрочные президентские выборы. Зная о готовящемся съезде в Харькове, можно было, наверное, предсказать его отъезд из Киева, но последующее поведение с отказом от участия в съезде и попытками бежать в Россию явно было ситуативным, здесь складывалась и стала главным фактором волна уже личных угроз для Януковича как часть «снежного кома» смены власти и победы Майдана. В свою очередь, бегство Януковича из столицы и исчезновение из поля зрения довершило победу его противников. Рада, принимавшая по его указке репрессивные законы 16 января, бодро отрешила Януковича от президентского поста и тут же занялась увлекательным делом дележа правительственных постов.

Достаточной информации о соотношении разных настроений (промайдановских-антироссийских и антимайдановских-пророссийских) в областях Востока и Юга не было известно. Мой прогноз был осторожным: «Многое зависит от готовности администраций восточных и южных областей «призвать на помощь Россию». Тогда под прикрытием «защиты русского мира от нацистов-бандеровцев» вполне вероятны силовые акции Кремля, направленные на раскол Украины».

Прогноз подтвердился. Сразу после помпезного антимайдановского съезда в Харькове его лидеры почему-то сбежали. Возвратившись, тут же распустили «Украинский фронт» (собственно, оргструктуру «титушек», призванных бороться с «бандеровцами») и поклялись в лояльности новой киевской власти. Зато потом неоднократно предпринимались попытки захвата административных зданий в областных центрах Юго-Востока, имели место столкновения, драки, в которых, по многим свидетельствам участвовали специально завезенные «туристы» из соседних российских областей.

Ошибки прогноза. Рассмотрим теперь, что из предсказаний не подтвердилось и почему.

В прогнозе была сделана ошибка относительно более активной роли США в преодолении украинского кризиса. На деле основной вклад внесли европейцы. Причины этого промаха до сих пор не понятны. Можно предположить только, что американская администрация, озабоченная проблемами Сирии и ядерной программы Ирана, не успевшая по-настоящему «вступить в игру» в Украине, в большей мере опасалась конфронтации с Кремлём и поэтому ограничилась лишь дежурными призывами к ненасилию, тогда как немецкая и польская стороны, ощутив опасную эскалацию насилия почти рядом со своими границами, проявили существенную и эффективную активность, склонив Януковича к уступкам, что положило конец кровопролитию. Урок состоит в том, чтобы лучше учитывать факторы расстояния (США дальше), взаимозависимости в текущих важнейших делах геополитики и дипломатии (США больше опасаются конфронтации с Россией), а также резкое снижение значимости экономических интересов для европейских политиков, когда речь идет о жестокой резне в самой Европе.

Предполагалось, что при достижении уступок от режима первоочередными будут досрочные парламентские выборы. Эта гипотеза основывалась на предпосылке о том, что Янукович «останется в игре» хотя бы на несколько месяцев, а будучи главным переговорщиком со стороны режима, скорее пойдет на перевыборы Рады, а не на президентские. Кроме того, Рада сильно скомпрометировала себя принятием январских репрессивных законов. По состоянию на конец февраля высшим легитимным органом власти в Украине является Рада, самораспускаться она не собирается, согласует свои решения с лидерами Майдана, некоторые из которых уже вошли в силовой блок Правительства. Пока сохраняется этот альянс, пока не войдет в должность и силу новый президент, вопрос о досрочных парламентских выборах будет откладываться, хотя за пределами властных улит он уже неоднократно поднимался.

Как известно, в Крым под видом «отрядов самообороны» были направлены из Рос-

сии немалые силы как морем, так и сушей¹. В предсказании было зафиксировано, что вследствие блокирующей зависимости внешней политики Кремля от Запада «подтолкнуть к расколу могут, аннексировать украинскую территорию при существенном сопротивлении – нет».

Пока что фактическая аннексия Россией Крыма продолжается, страны Запада и Киев, несмотря на громкие заявления, с этим смирились *de facto*. Блокирование сыграло свою роль в том, что Путин не стал (пока) вводить войска в остальные части Украины, дал указание армии возвращаться в казармы с «учений». При всём этом события в Крыму с конца февраля стали неожиданностью. Без должного учёта оказался фактор внешнеполитического настроения Путина и его советников, готовность использовать доводы «нелегитимности» новой власти в Киеве для хотя бы частичного исправления «главной геополитической катастрофы» – распада СССР. Сюда же наложился обнаружившийся фактор полной беспомощности украинской армии и военного руководства в Киеве.

Переворот или революция? Что же произошло в Украине? Государственный переворот? Узурпация власти? Революция?

Оставив в стороне идеологизированные клише, воспользуемся определением социальных революций, данном классиком современной макросоциологии Тедой Скочпол: «быстрые базовые превращения (*transformations*) государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и частично производятся через классовые восстания снизу (*class-based revolts*)². Очевидно, что восстание снизу имело место. Вряд ли изменения в посткризисной Украине ограничатся сменой одной группы правящих кланов и олигархов на другую группу. Судя по настрою Майдана, отнюдь не уходящего из политики, Украину ожидают существенные трансформации государственных и классовых структур. Тогда можно будет с уверенностью говорить об Украинской революции февраля 2014 г. Вмешательство России и Запада, Крымский кризис и способ его разрешения непременно во многом определяют облик постреволюционных событий. Но это уже будет другая история.

Статья поступила в редакцию 19.03.2014

¹ «Эскадра Черноморского флота РФ, вернувшаяся 25 февраля из Сочи, привезла 11 тысяч бойцов десанта с вооружением. Об этом сообщают источники BSNews в Севастополе. Два заполненных вооружёнными бойцами военных автомобиля замечены в Ялте. Два военных автомобиля «Урал» с российскими номерами въехали в Ялту сегодня примерно в 17 часов». URL: <http://www.blackseanews.net/read/77096> (дата обращения: 25.02.2014).

² Skocpol, Theda. *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge Univ. Press, 1979. P. 4.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объём
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, **если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.**

Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (не менее 200 слов) на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

Правила оформления статьи

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. На последней странице указывается, что «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТ Р. 7.0.5–2008. Для каждого источника обязательно указывается место и год издания, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Архивные источники и законодательные материалы, комментарии и пояснения даются в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация постраничная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:**

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129.

Забайкальский государственный университет, для «Редакции научных журналов ЗабГУ».

Корректор Т. Р. Шевчук
Редактор перевода А. С. Атрощенко
Дизайн обложки: В. В. Михалев
Вёрстка: Г. А. Зенкова

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Сдано в печать 15.09.14.
Усл. печ. 20,7.
Усл. изд. л. 14,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 17214.

Забайкальский государственный
университет
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Managing editor T. R. Shevchuk
Editor of the English Translation
A. S. Atroshchenko
Cover design: V. V. Mikhalev
Make-up: G. A. Zenkova

Format 60 × 84 1/8. Offset paper
Headset «Times». Signed to print 15.09.14.
Con. quires 20,7.
Con. pub. quires 14.8.
Circulation 1000 copies.
Order № 17214.

Transbaikal State
University,
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.